

НОВАЯ

ISSN 0130 - 3864

И

НОВЕЙШАЯ

ИСТОРИЯ

В номере:

УЧЕННЫЕ РОССИИ – НАРОДНОМУ ОБРАЗОВАНИЮ

НОВАЯ ИСТОРИЯ "ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ"

ВИЗИТ В.М. МОЛОТОВА В ЛОНДОН В 1942 г.

НОВЫЕ АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

ПЕРЕПИСКА РОССИЙСКИХ ДИПЛОМАТОВ В ЭМИГРАЦИИ.

1934–1940 гг. ПО АРХИВАМ СЛУЖБЫ ВНЕШНЕЙ РАЗВЕДКИ РФ

ВОСПОМИНАНИЯ О ЛЬВЕ КОПЕЛЕВЕ

ГЕНДЕРНАЯ ИСТОРИЯ

"ЧАС ПИК" В ИСТОРИИ США: ВЫБОРЫ 1864 г.

ФРИДРИХ II, РОССИЯ И ПЕРВЫЙ РАЗДЕЛ ПОЛЬШИ

6

1997

ТРУДЫ ИНСТИТУТА ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В 1996 г.

ПУБЛИКАЦИИ:

- Античная демократия в свидетельствах современников. Московская область: изд-во "Лодомир", 1996, 382 с., 2000 экз.
- Законы XII таблиц. Составление и перевод Л.Л. Кофанова. Отв. ред. В.И. Уколова. 10 п.л., 300 экз.
- Зонхаймер К.* Федеративная Республика Германия сегодня. Основные черты политической системы. М.: изд-во "Памятники исторической мысли", 1996, 320 с., 4500 экз.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ МОНОГРАФИИ:

- Агеева И.А.* От "либерального" к "прогрессивному" консерватизму: Консервативная партия Канады в 40-е – начале 60-х гг. XX века. М.: ИВИ РАН, 1996, 212 с.
- Болезин А.С.* Цивилизаторы в стране дикарей? М.: ИВИ РАН, 1996, 18 п.л., 200 экз.
- Бибиков М.В.* Византийская историческая проза. М.: ИВИ РАН, 1996.
- Габдрахманов П.Ш.* Средневековые крестьяне и их семьи. М.: изд-во "Памятники исторической мысли", 1996, 1500 экз.
- Егорова Н.И.* Изоляционизм и европейская политика США. 1933–1941. М.: ИВИ РАН, 1995, 15 п.л., 200 экз.
- Карева В.В.* Судьба "Утопии" Томаса Мора во Франции (XVI–XVIII вв.). М.: изд-во "Памятники исторической мысли", 1996.
- Сапрыкин С.Ю.* Понтийское царство. М.: изд-во "Наука", 1996, 26 п.л., 1500 экз.
- Улунян А.А.* Коммунистическая партия Греции. История и политика. М.: 1996, 264 с., 1000 экз.
- Федосов Д.Г.* Рожденная в битвах. Шотландия до XIV века. М.: ИВИ РАН, 1996.
- Черняк Е.Б.* Цивилография. Наука о цивилизациях. М.: изд-во "Международные отношения", 1996, 384 с.
- Чудинов А.В.* Размышления англичан о Французской революции. М.: изд-во "Памятники исторической мысли", 1996, 304 с., 500 экз.
- Gaiduk I.* The Soviet Union and the Vietnam War. Chicago: 1996, 300 p.

БЕЗ ГРИФА ИВИ РАН:

- Монархи Европы. Судьбы династий. М.: изд-во "Республика", 1996.

КОЛЛЕКТИВНЫЕ МОНОГРАФИИ И СБОРНИКИ СТАТЕЙ:

- Демократия в Западной Европе в XX в. Отв. ред. М.М. Наринский. М.: ИВИ РАН, 1996, 11 а.л., 300 экз.

НОВАЯ И НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ

№ 6

НОЯБРЬ–ДЕКАБРЬ

1997

ЖУРНАЛ ОСНОВАН
В МАЕ 1957 ГОДА
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Член-корр. РАН Чубарьян А.О. Новая история "холодной войны"	3
Скворцова Е.С. Ученые России – народному образованию	23
Репина Л.П. Гендерная история: проблемы и методы исследования	41
Куropyтчик Г.П. "Час пик" в истории США: выборы 1864 г., решившие судьбу Союза Штатов	59
Поздравления нашему журналу в связи с 40-летием	75

ПУБЛИКАЦИИ

Переписка российских дипломатов в эмиграции. 1934–1940 гг. По архивам Службы внешней разведки РФ. Предисловие В.П. Мазурова, Ю.И. Стрижова	78
--	----

ВОСПОМИНАНИЯ

Драбкин Я.С. Памяти Льва Копелева (1912–1997)	113
---	-----

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ОЧЕРКИ

Ржешевский О.А. Визит В.М. Молотова в Лондон в мае 1942 г. Переговоры с У. Черчиллем, А. Иденом и переписка с И.В. Сталиным	122
Туполев Б.Н. Фридрих II, Россия и первый раздел Польши (окончание)	147

СТРАНИЦЫ ПРОШЛОГО

Орлов А.С. "Челночные операции" ВВС США с территории СССР. 1944–1945 гг.	172
---	-----

РЕЦЕНЗИИ

Академик Волобуев П.В. Межрасовые и межнациональные отношения в Европе и Америке, XIX–XX вв. М., 1996	194
--	-----

Егорова Н.И. Американское общество на пороге XXI в.: итоги, проблемы, перспективы. Материалы конференции. М., 1996	197
Белоусов Л.С. Тоталитаризм в Европе XX в. М., 1996	200
Чудинов А.В. Д.М. Т у г а н - Б а р а н о в с к и й. Наполеон и власть (эпоха консульства). Балашов, 1993	204
Бирмаи М.А. М.М. Ф р е й д е н б е р г. Евреи на Балканах на исходе средневековья. М.-Иерусалим, 1996	206

КОРОТКО О КНИГАХ

Коносов В.Б., Хавкин Б.Л. С. К а р н е р. В Архипелаге ГУПВИ. Военный плен и интернирование в СССР 1941–1956 гг. Вена–Мюнхен, 1995; "Пленены в России". Издатель С. Карнер. Грац–Вена, 1995	208
--	-----

АННОТАЦИИ	211
------------------------	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Юбилей академика А.А. Фурсенко	213
Присуждение Государственной премии Российской Федерации 1997 г. в области науки и техники академику Н.Н. Болховитинову	217
Лузянин Г.И. Обсуждение журнала "Новая и новейшая история" в Магнитогорском государственном педагогическом институте	218
Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале "Новая и новейшая история" в 1997 г. ..	219

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Г.Н. Севостьянов (главный редактор)

В.А. Виноградов, В.Н. Виноградов, В.Д. Вознесенский (ответственный секретарь),
Т.М. Исламов, Н.П. Калмыков, И.В. Лебедев, В.Н. Малов, И.И. Орлик,
А.В. Ревякин, Л.П. Репина, В.В. Рогинский, В.С. Рыкин, Н.И. Смоленский,
В.В. Согрин, С.Л. Тихвинский, Е.И. Тряпицын (зам. главного редактора),
А.О. Чубарьян, Е.Ф. Язьков

*Адрес редакции: 117810 Москва, ГСП-1, Мароновский пер., 26.
Тел. 230-79-78*

© 1997 г.

Член-Корр. РАН А.О. ЧУБАРЬЯН

НОВАЯ ИСТОРИЯ "ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ"

В последние 5 лет в мировой историографии резко усилилось внимание к истории "холодной войны". Особенную активность проявляют историки и политологи США.

С 1992 г. действует большой международный проект по истории "холодной войны" при Центре Вудро Вильсона в Вашингтоне при содействии Фонда Дж. Макартура. Реализация проекта началась с проведения международной конференции в Москве в 1993 г., на которой были обозначены направления исследований, связанные с изучением основных международных кризисов периода "холодной войны" и политики Советского Союза.

Затем последовала серия конференций, организованных Центром Вудро Вильсона совместно с рядом научных институтов и университетов – в немецком городе Эссене в 1994 г. по германской проблематике; в Праге в 1994 г.; в Гонконге в 1995 г. о Корейской войне; в Будапеште в 1995 г. о событиях в Венгрии в 1956 г.; в Варшаве в 1997 г.

Ранее американские ученые выступали инициаторами проведения трех конференций в Москве, Гаване и Вашингтоне по истории Карибского кризиса 1962 г.

Американские специалисты организовали также международный проект "Картер – Брежнев", в рамках которого проходили конференции в Атланте и в Осло и осуществлялись публикации. Две международные встречи прошли в Нобелевском институте в Осло: одна – о советской политике в Африке в 60–70-х гг. и вторая – о вводе войск в Афганистан.

Одновременно и в Европе повысился интерес к проблематике истории "холодной войны". По инициативе историков Ди Нольфо (Италия), Дж. Суту (Франция) и В. Лотта (ФРГ) во Флоренции прошла конференция на эту тему и намечено провести следующую встречу в Париже в 1998 г.

Изучением "холодной войны" активно занимается Кингс Колледж в Лондонском университете, университет Мичигана в США под руководством М. Лефлера.

В некоторых университетах Китая, Японии и Южной Кореи существуют специальные программы исследований истории "холодной войны" и советско-китайских отношений.

Начались исследования этой проблемы в скандинавских странах. Длительная программа разрабатывается в Нобелевском институте в Осло, главным образом благодаря усилиям А. Вестада и Г. Лундестада. В Дании этим вопросом занимается Б. Енсен. Значителен интерес к событиям 1944–1949 гг. у историков Финляндии.

Особое место во всех этих программах и конференциях занимает устная история. Во многих странах создаются базы данных, содержащие интервью и воспоминания о событиях тех лет.

Если ранее такие материалы брались в основном у западноевропейских и американских участников событий, то теперь центр тяжести этой работы сместился в сторону России. Интервью по разным проблемам и периодам "холодной войны" уже дали бывшие руководители и работники среднего звена – ЦК КПСС, Комитета государственной безопасности СССР, министерств иностранных дел и обороны, послы, представители военно-промышленного комплекса, журналисты.

За последние годы в России и в других странах изданы мемуары советских дипломатов А.И. Добрынина, Ю.М. Квицинского, Г.М. Корниенко, В.А. Семенова,

В.М. Фалина. Окончание "холодной войны" освещается в трудах М.С. Горбачева и его помощников А.М. Александрова-Агентова, А.С. Черняева, Г.Х. Шахназарова¹.

Следует также упомянуть воспоминания генералов А. Грибкова и П.А. Судоплатова².

Я здесь не упоминаю мемуары различных деятелей из США, Англии, Германии, Франции и других стран, изданные в 50 – 80-е гг. и насчитывающие многие десятки томов.

Главным стимулом для развертывания исследований по истории "холодной войны" стало открытие советских архивов. Новые труды и проекты базируются на уже проведенном изучении архивов бывшего ЦК КПСС, Министерства иностранных дел, Государственного Архива Российской Федерации и других хранилищ документов. Наибольшее число материалов из российских архивов, которые уже введены в научный оборот, были изучены в 1991–1993 гг.

Чрезвычайно большое значение имеют ныне доступные материалы из архивов бывшей ГДР, Венгрии, Польши и Чехословакии, а также из архивов Японии, Южной Кореи и Китая.

Исследователи в России вышли на новый этап в изучении истории "холодной войны". В Институте всеобщей истории РАН создана исследовательская группа по истории "холодной войны", объединяющая ученых из разных научных учреждений. Наши исследователи, в том числе, что очень отрадно, и молодые историки, активно включились в программу по истории "холодной войны"; они собирают материалы в российских архивах.

Многие документы, в том числе и архивные, а также статьи и воспоминания опубликованы прежде всего в "Новой и новейшей истории", а также в "Вопросах истории", "Международной жизни", "Отечественной истории" и других журналах.

В последние годы уже выявились некоторые тенденции в изучении проблемы и реализации исследований по истории "холодной войны", которые, к сожалению, продолжают наши прежние "особенности работы" и недостатки.

Если посмотреть на отечественную библиографию книг и статей по истории "холодной войны", то бросается в глаза явная диспропорция между нашими и зарубежными изданиями. Темпы российских исследований и особенно подготовки печатных изданий сильно отстают от западноевропейских и американских.

Прежде всего необходимо высоко оценить издаваемые при Центре Вудро Вильсона бюллетени Международного проекта по истории "холодной войны"³, которые содержат ценнейшие источники из российских архивов и исследовательские эссе-комментарии к документам. Уже вышло в свет 9 номеров бюллетеней. Опубликованы также три большие подборки документов, подготовленных в рамках проекта "Картер–Брежнев" к упомянутым конференциям в Атланте и в Осло⁴.

Наибольшую активность развивает в этом отношении американский журнал "Дипломатическая история", опубликовавший большое число статей по проблемам "холодной войны".

В США и в Западной Европе вышли не только десятки статей в научных

¹ Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М., 1987; Черняев А.С. Шесть лет с Горбачевым. По дневниковым записям. М., 1993; Шахназаров Г.Х. Цена свободы. Реформация Горбачева глазами его помощников. М., 1993; Корниенко Г.М. "Холодная война": свидетельства ее участников. М., 1994; Александров-Агентов А.М. От Коллонтай до Горбачева. М., 1994; Добрынин А.И. Сугобо доверительно. М., 1996; Falin V. Politische Erinnerungen. Hamburg, 1993; Kwitzinski J. Vor dem Sturm: Erinnerungen eines Diplomaten. Berlin, 1993; Semjonow W. Von Stalin bis Gorbatschow. Ein halbes Jahrhundert in diplomatischer Mission, 1939–1991. Berlin, 1995.

² Грибков А. Доктрина Брежнева и июльский кризис в начале 80-х годов. – Военно-исторический журнал, 1992, № 9; Судоплатов П.А. Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. М., 1996.

³ Gold War International History Project (далее – CWIHP), bull. 1–9. Washington, 1992–1997.

⁴ См.: US – Soviet Relations and Soviet Foreign Policy toward the Middle East and Africa in the 1970s. Transcript from a Workshop at Lyseby. October 1–3, 1994. Oslo, 1994; The Intervention in Afghanistan and the Fall of Détente. Lyseby. September 17–20, 1995. Oslo, 1995.

журналах и в сборниках, но и появились новые книги, посвященные различным проблемам истории "холодной войны". Следует упомянуть книги В.К. Буковского, О.А. Вестада, Р. Гартхофа, Б. Камминга, В. Мастни, Н. Неймарка, Д. Холлоуэя и др.⁵ В США, а не в России изданы книги российских исследователей В.М. Зубока, К. Плешакова и И.В. Гайдюка⁶.

В России опубликовано немного работ по теме. Прежде всего упомянем сборник материалов международной конференции, проходившей в Москве в 1993 г.⁷

Были опубликованы важные и интересные книги и статьи Г.А. Адиебекова, Л.Я. Гибианского, Н.И. Егоровой, М.М. Наринского, Р.Г. Пихоя, А.М. Филитова и других авторов⁸, а также ценное издание "Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953" (т. 1. 1944–1948. М., 1997).

Для изучения проблематики "холодной войны" представляет интерес книга В.Л. Малькова о Манхэттенском проекте⁹.

Эти работы, также как и публикации наших зарубежных коллег, базируются, прежде всего на новых материалах из российских архивов и создают принципиально иную обстановку для исследований истории "холодной войны".

В то же время можно отметить и негативные последствия и новые диспропорции. Прежняя история "холодной войны" разрабатывалась как на Западе, так и в СССР прежде всего на западных материалах. Фактическая доступность американских и за-

⁵ *Cumming B.* The Origins of the Korean War. 1947–1950. Princeton, 1990; *Westad O.A.* Cold War and Revolution: Soviet-American Rivalry and the Origins of the Chinese Civil War. New York, 1993; *Wohlforth W.* The Elusive Balance: Power and Perception during the Cold War. Ithaca, 1993; *Garthoff R.* The Great Transition. American-Soviet Relations and the End of the Cold War. Washington, 1994; *Loth W.* Stalin's ungeliebtes Kind: Warum Moskau die DDR nicht wollte. Berlin, 1994; *Wettig G.* All german Unity and East German Separation in Soviet Policy. 1947–1949. Jahrbuch für historische Kommunismusforschung. Berlin, 1994; *Holloway D.* Stalin and the Bomb. New York, 1994; *Soviet Union in Eastern Europe. 1945–1989.* Ed. by S. Holsmark, I.S. Holsmark, I. Neuman. London, 1994; *Bukovsky V.K.* Jugement á Moscou: un dissident dans les archives du Kremlin. Paris, 1995; *Naimark N.* The Russians in Germany. A History of Soviet Zone of Occupation. 1945–1947. Cambridge, 1995; *Mastny V.* The Cold War and Soviet Insecurity. The Stalin Years. New York, 1996; *Biornstad S.* Soviet German Policy and the Stalin Note of March 1952. Oslo, 1997. The All of Detente Soviet-American Relations during the Carter Years. Oslo-Stockholm, 1997.

⁶ *Zubok V., Pleshakov C.* Inside the Kremlin's Cold War: From Stalin to Khrushchev. Cambridge, 1996; *Gaiduk I.* The Soviet Union and Vietnam War. Chicago, 1996.

⁷ Холодная война. Новые подходы, новые документы. М., 1995.

⁸ *Филитов А.М.* "Холодная война": историографические дискуссии на Западе. М., 1991; *его же.* Германский вопрос: от раскола к объединению. М., 1993; *Чубарьян А.О.* Происхождение "холодной войны" в историографии Востока и Запада. – Новая и новейшая история, 1991, № 3; *Язькова А.А.* Восточная Европа в политике СССР и США (1944–1945). – Там же; Советская дипломатия и вопросы послевоенного миростановления. Круглый стол. – Новая и новейшая история, 1991, № 5; Восточноевропейский социализм. Становление режима, попытки его модификации, причины краха. М., 1992; *Наринский М.М.* СССР и план Маршалла. – Новая и новейшая история, 1993, № 2; *его же.* Берлинский кризис 1948–1949. – Новая и новейшая история, 1995, № 3; *его же.* Сталин и М. Торез. 1944–1947. – Новая и новейшая история, 1996, № 1; Советская внешняя политика в ретроспективе 1917–1991. Под ред. А.О. Чубарьяна. М., 1993; *Адиебеков Г.М.* Коминформ и послевоенная Европа. 1947–1956. М., 1994; *Батюк В.И., Евстафьев В.Г.* Геополитический контекст начала "холодной войны". – США. Экономика. Политика. Идеология, 1994, № 8, 9, 10; *Егорова Н.И.* Иранский кризис 1944–1946 по рассекреченным архивным документам. – Новая и новейшая история, 1994, № 3; *Костырченко Г.В.* В плену у красного фараона. Политические преследования евреев в СССР в последнее сталинское десятилетие. М., 1994; *Секин Ю.С., Рубан С.Н.* Участие СССР в корейской войне (новые документы). – Вопросы истории, 1994, № 11; *Шенин С.Ю.* Начало "холодной войны": анатомия "великого переворота". – США. Экономика. Политика. Идеология, 1994, № 5; *его же.* "Холодная война" в Азии: парадоксы советско-американской конференции (1995–1996). – США. Экономика. Политика. Идеология, 1994, № 7; *Гибианский Л.Я.* "От нерушимой дружбы" к "беспощадной борьбе". Модель социалистического лагеря и советско-югославский конфликт 1948 г. – В кн.: СССР и восточно-европейские страны в 1944–1949 гг. М., 1995, с. 176–208; *его же.* Коминформ в действии. 1947–1948. – Новая и новейшая история, 1996, № 1; История европейской интеграции (1945–1994). М., 1995; *Мельников Е.* Корейская война 1950–1953. Международная жизнь, 1995; Советская внешняя политика в годы "холодной войны" (1945–1985): новое прочтение. Под ред. Л.Н. Нежинского. М., 1995; СССР и "холодная война". Под ред. В.С. Лельчука и Е.И. Пивовара. М., 1995; *Пихоя Р.Г.* Чехословакия. 1968. Взгляд из Москвы. По документам ЦК КПСС. – Новая и новейшая история, 1995, № 3.

⁹ *Мальков В.Л.* Манхэттенский проект. Разведка и дипломатия. М., 1995.

падноевропейских архивов привели к тому, что были написаны десятки книг о политике западных стран, о создании НАТО, о процессе принятия внешнеполитических решений.

Все вопросы, касающиеся Советского Союза и стран Восточной Европы, в основном также освещались на основе косвенных данных из западных архивов.

Естественно, что теперь все внимание направлено на исследование архивов бывшего Советского Союза и стран Восточной Европы, а также стран Азии.

Но для российских исследователей остается весьма важной и задача продолжения работы с опубликованными или архивными материалами США и стран Западной Европы. Это необходимо, потому что ранее наши исследователи недостаточно изучали эти материалы или анализировали их с идеологизированных и односторонних позиций.

Кроме того, теперь мы можем провести и сравнительно-исторический анализ, сопоставляя данные западных и российских архивов и публикаций.

Такое положение вполне объяснимо. Естественно, что теперь наше наибольшее внимание обращено на российские документы, которых мы ранее не имели, но одновременно необходимо продолжить ознакомление с западными материалами.

Кроме того, некоторые архивные источники остаются для нас все еще малодоступными. В России к ним относятся материалы Архива Президента РФ и некоторых "силовых" ведомств. В США закрыты архивы Центрального разведывательного управления. Даже многие наши западные коллеги говорили, что и им недоступны архивы НАТО.

Оценивая прошедшие годы, можно заключить, что вышеназванные публикации и архивные изыскания позволили не только расширить наши представления об истории "холодной войны", но и во многих случаях кардинально изменили наши прежние позиции.

Исследователи поставили новые проблемы; среди них анализ процесса принятия решений в СССР и странах восточного блока; природа, происхождение, эволюция и разрешение международных кризисов периода "холодной войны"; взаимосвязь внутренней и внешней политики, а также политики и идеологии, формирование взаимных представлений и многие другие.

Но исследователи не ограничились анализом конкретно-исторических проблем.

В западной и прежде всего в американской историографии в течение последних двух лет все чаще звучит мысль о необходимости пересмотра старых теорий и концепций. Эти новации звучат в призывах к "реинтерпретации" истории "холодной войны" и в высказываниях о том, что мы входим в период новой истории "холодной войны".

Инициатором многих этих новых идей стал крупный американский специалист по истории "холодной войны" Дж. Гэддис.

29 декабря 1992 г. на заседании Американской исторической ассоциации Дж. Гэддис выступил с докладом «Трагедия истории "холодной войны"»¹⁰. Эта фразеология взята автором из ряда предшествующих американских изданий и, в частности, навеяна названием и содержанием книги В.А. Вильяса "Трагедия американской дипломатии", получившей широкую известность в США. Мы еще вернемся к этому докладу, а пока лишь укажем, что основное внимание Дж. Гэддиса, автора трудов по проблеме «США и "холодная война"», на этот раз обращено на роль Советского Союза в возникновении и развитии "холодной войны".

К политике СССР обратился и давний оппонент Дж. Гэддиса американский историк М. Лефлер. Если ранее их спор касался американской истории и роли США, то теперь оба оперируют данными советских архивов.

М. Лефлер опубликовал недавно интересную статью на эту тему – "Внутри вражеских архивов" с подзаголовком «Открывая заново "холодную войну"»¹¹.

¹⁰ Gaddis J.L. The Tragedy of Cold War History. Diplomatic History, v. 1, 1993, № 17.

¹¹ Leffler M. Inside Enemy Archives. The Cold War Reopened. – Foreign Affairs, V. 75, July–August 1996, № 4. См. также: Leffler M. A Preponderance of Power. National Security. The Truman Administration and the Cold War. Stanford, 1992.

Журнал "Дипломатическая история", который стал ведущим американским изданием по данной тематике, постоянно и последовательно обращается к проблемам "холодной войны". В 1993 г. в этом журнале вышла в свет статья Г. Джонса и Р. Вудса о проблемах происхождения "холодной войны", где также делается попытка построения новых концепций¹². В том же 1993 г. Гэддис напечатал в этом же журнале программную статью «Новая история "холодной войны"»¹³. Журнал в начале 1997 г. опубликовал подборку статей, в которых содержится попытка подведения итогов исследования проблемы и историографического анализа трудов российских архивов¹⁴, которые также дают обильную пищу для постановки теоретических проблем истории "холодной войны".

В 1997 г. вышла в свет монография Дж. Гэддиса под названием: «Теперь мы знаем. Переосмысливая историю "холодной войны"»¹⁵.

Представители разных американских и западноевропейских школ получили новые весьма существенные аргументы для подтверждения или пересмотра их прежних позиций.

Весьма динамичная американская историография быстро отреагировала на материалы российских архивов не только в конкретно-историческом, но и в теоретическом плане.

Главный вопрос, который ставят многие американские авторы, состоит в том, в какой мере новые свидетельства из советских архивов меняют прежние представления о происхождении "холодной войны", о ее сущности и эволюции.

В свое время американская историография "холодной войны" прошла несколько этапов. Сначала превалировали вполне определенные и жесткие формулы об ответственности Советского Союза за возникновение "холодной войны".

Затем так называемые "ревизионисты" опубликовали значительное число трудов, в которых весьма критически оценивалась политика лидеров США после окончания второй мировой войны.

Политическая ситуация в мире существенно влияла на историографию; и в период разрядки зазвучали новые голоса. Некоторые историки заговорили о равной ответственности США и СССР. В период "расцвета" разрядки З. Бжезинский опубликовал статью, в которой писал о фатальном переплетении политических сил и амбиций с обеих сторон, которые привели к глобальной конфронтации.

Советская историография также переживала определенную эволюцию, хотя и не столь существенную. Длительное время советские историки занимали, как правило, "официальные позиции" и без всяких исключений обвиняли американцев и их западноевропейских союзников в развязывании "холодной войны", связывая это с традиционным американским гегемонизмом.

Но в период разрядки в советской историографии появились более гибкие формулы, в частности, идея об упущенных возможностях с обеих сторон. В качестве подтверждения выдвигались либо общие теоретические рассуждения или соответственно подобранные американские документы. С советской стороны использовались, как правило, документы второстепенного характера.

И вот теперь, после окончания "холодной войны" и крушения коммунизма, американская историография включилась в новые дискуссии, в том числе и теоретического свойства.

Дж. Гэддис ставит в своих последних работах вопрос о влиянии новых советских документов на теоретическое понимание сущности "холодной войны". При этом он исходит из того (с чем согласны ныне большинство американских историков), что новые советские архивные документы показывают, что СССР был в экономической, поли-

¹² См. *Diplomatic History*, v. 1, 1993, № 17.

¹³ *Ibidem*.

¹⁴ *Diplomatic History*, v. 21, 1997, № 2.

¹⁵ *Gaddis J.L. We Now Know. Rethinking Cold War History. New York, 1997.*

тической и даже в военной области государством более слабым, чем представлялось ранее. Ставится под сомнение и степень монолитности и полнота зависимости восточноевропейских союзников СССР от Москвы.

И в этой ситуации вполне закономерен вопрос, который ставится в ряде статей американских авторов: насколько адекватными в таком случае были действия американских администраций, их курс на глобальную конфронтацию и сдерживание коммунизма?

Склонный, как всегда, к новациям и к новым идеям, Дж. Гэддис выдвинул новую тему для дискуссий. Он пытается поставить историю "холодной войны" в более широкий контекст истории XX столетия. По его мнению, вызов коммунистических авторитарий носил "тектонический характер" и угрожал всему мировому развитию¹⁶. Великие диктаторы – Сталин и Мао Цзедун, и более мелкие вожди типа советских и восточноевропейских лидеров послесталинской эпохи, а также Хо Ши Мина и Ким Ир Сена ввергли мир в пучину репрессий и потрясений¹⁷.

И в этой ситуации глобальная миссия США состояла в защите не только мировых ценностей, но и самого существования человечества. При этом главным вектором американских действий был вильсонизм, с его апелляцией к нормам морали и прав человека.

Но далее Дж. Гэддис не очень последователен, ибо он заключает, что коммунизм рухнул не в результате сопротивления ему политики США, а в итоге, как он говорит, действия марксистского закона, по которому общество само создает условия для своего разрушения¹⁸.

И все же после ознакомления с последними работами автора создается впечатление, что все словно возвращается "на круги своя": выдвигается тезис об ответственности Советского Союза и "благородной" миссии американских лидеров. Только на этот раз в качестве объяснений действий США предлагаются не конкретные положения, ситуации и угрозы, а общие принципы морали и необходимость отстаивать самое право человечества на развитие.

Дж. Гэддис предлагает вернуться к фигуре Сталина, поставив ее в один ряд с Гитлером и тем самым как бы вообще снимая вопрос о моральной возможности стовориться или сотрудничать со Сталиным. Таким образом, на первый план выходят даже не просто вопросы идеологии, а некие глобальные категории.

Если ставится вопрос о моральной и этической невозможности для США и всего западного мира сотрудничать со Сталиным (по той аналогии, что для всех была очевидна невозможность любых компромиссов с Гитлером), то неясно, как мы должны оценивать многочисленные новые документы из советских архивов по конкретным вопросам истории "холодной войны" и зачем нужны эти оценки.

Эта концепция была впервые изложена Дж. Гэддисом в конце 1993 г., но сейчас автор в своей новой большой книге представил новое видение истории "холодной войны". Разумеется, он не ограничился только общей постановкой вышеназванных вопросов, он обратил большое внимание на проблемы идеологии. Но общая идея автора как бы предлагает нам новый вариант "ревизионизма".

В США последовали отклики. М. Лефлер отреагировал весьма определенно. "Дж. Гэддис, – пишет Лефлер, – ведущий американский эксперт по "холодной войне", утверждает, что американская политика сдерживания была необходима, чтобы остановить советского бегемота, а сама Америка была лучом надежды для мира, которому угрожал сталинский тоталитаризм"¹⁹.

Подробное ознакомление с книгами и статьями, основанными на архивных материалах, приводит, как считает М. Лефлер, к заключениям, содержащим большие нюансы. "Холодная война" была не простым примером советского экспансионизма и

¹⁶ См.: *Gaddis J.L. The Tragedy of Cold War History*, p. 15–16.

¹⁷ *Ibid.*, p. 11–12.

¹⁸ *Ibidem*.

¹⁹ *Leffler M. Inside Enemy Archives*, p. 121.

американской реакции. В Кремле господствовала реальная политика. Идеология играла важную роль в выработке представлений о мировой революции. Но более всего Москву волновало соотношение сил, защита ближайших подступов к собственной стране, обеспечение ее безопасности и сохранение собственной власти²⁰.

Как видим, М. Лефлер переводит вопрос в иную плоскость. Он снова, как и прежде, стоит на позициях реальной политики. По его мнению, советские лидеры не имели заранее подготовленных планов сделать Восточную Европу коммунистической, или поддерживать китайских коммунистов, или вести войну в Корее. М. Лефлер считает, что у Сталина не было заранее продуманной политики и по многим другим вопросам.

В дискуссию о роли Советского Союза и США включились и многие другие ученые.

В своей книге о международной политике в послевоенном мире норвежский исследователь Г. Лундестад подразделяет всех историков "холодной войны" на три группы. Первая группа – "традиционалисты": Х. Феос, А. Шлезинджер, В. Мак-Нил (все – США); в Западной Европе к этой группе принадлежали А. Фонтен, Р. Арон и В. Кнапп. Вторая группа – "ревизионисты": В. Вильямс, Г. Колан, Л. Гарднер (все – США), К. Жиольен в Европе; и третья – "постревизионисты": Дж. Гэддис и Дж. Херринг в США, Э. Нольте и другие в Европе. По мнению Г. Лундестада, все эти три школы существуют и ныне, но с разной степенью влияния. До 60-х годов – "традиционалисты" преобладали в историографии США. С середины 60-х годов большое влияние получили "ревизионисты", которые выступили с резкой критикой американской внешней политики. Но довольно скоро им на смену пришли постревизионисты. Сегодня их лидерами стали М. Лефлер и Т. Патерсон²¹.

Советская историография не принимала, по мнению Г. Лундестада, участия в дебатах, так как отражала лишь официальные позиции. Историк считает, что сегодня вряд ли кто-либо готов обвинять во всем только одну сторону. Но "традиционалисты" считают и поныне, что Советский Союз несет главную ответственность за возникновение "холодной войны". "Ревизионисты" продолжают резко критиковать США, а "постревизионисты" готовы согласиться на ответственности обеих стран²².

Г. Лундестад относит себя к "постревизионистам", которые и на основании новых российских материалов считают, что следует внимательно изучать позиции обеих стран и в реальной политике и в идеологии²³.

В начале 1995 г. высказался по этим вопросам и один из столпов американского консерватизма Р. Пайпс. Поводом послужила книга американского политолога Р. Гартхоффа – «Великий переход: американско-советские отношения и конец "холодной войны"». Р. Пайпс поместил рецензию на эту книгу под весьма любопытным и примечательным названием: «Неверное истолкование "холодной войны". Сторонники жесткой линии оказались правы»²⁴.

Р. Гартхофф принадлежит скорее к "постревизионистской" школе, он постоянно ищет аргументы и объяснения политике и действиям СССР. По классификации Р. Гартхоффа, американские исследователи Советского Союза также делятся на три группы. Первая – приверженцы "основ". Они считают, что Советский Союз был тоталитарным экспансионистским государством и единственной возможностью сдерживания коммунизма была решительная конфронтация. Вторая группа – сторонники "механического" подхода; они полагают, что СССР был экспансионистским государством, но с прагматиками у власти и поэтому с ним можно было обращаться, умело применяя

²⁰ Ibid., p. 122.

²¹ Lundestad G. East, West, North, South. Major Developments in International Politics. 1945–1996. Oslo, 1997.

²² Ibid., p. 9.

²³ Ibid., p. 8–9.

²⁴ Pipes R. Misinterpreting the Cold War. The Hard-Liners Had it Right. – Foreign Affairs v. 78, January–February 1995, № 1.

"кнут и пряник". И третья группа – последователи концепции "взаимодействия". Они делают упор на конфликт между двумя сверхдержавами, у каждой из которых была своя динамика и свои особенности, которые должны быть поняты другой стороной²⁵.

Р. Гартхофф не скрывал своих симпатий к третьей (назовем ее прагматической) группе, так же как Р. Пайпс не делал секрета из того, что он осуждает Р. Гартхоффа. В контексте последовавшего крушения коммунизма и распада Советского Союза Р. Пайпс осуждает всякие "либеральные" разговоры о мотивах поведения СССР. Он считает Советский Союз "воплощением зла", проводившим экспансионистскую политику по отношению, в частности, к Восточной Европе, что, по мнению автора, подтверждают и новые архивные материалы. Он утверждает, что взгляды Р. Гартхоффа и его сторонников сегодня в России разделяют лишь "реакционные националисты" из "красно-коричневой" коалиции.

Объясняя причины крушения Советского Союза, Р. Пайпс стоит на позиции тех, кто видит большой "вклад" в этот крах со стороны США: он высоко оценивает "стратегическую оборонную инициативу", действия ЦРУ и прочие шаги США²⁶.

Как видим, спектр взглядов представителей американской научной элиты весьма широк и разнообразен. Причем каждая из школ или групп пытается использовать новые архивные свидетельства для подтверждения своих позиций.

Мы также можем отметить, что и сегодня по-прежнему историков и политиков занимают те же вопросы, что и десятки лет назад – кто несет ответственность за возникновение "холодной войны", какова была мотивация ее участников, что лежало в ее основе и преобладало в ходе ее эволюции.

Возвращаясь к позициям Дж. Гэддиса по теоретическим проблемам истории "холодной войны", отметим, что при всей дискуссионности некоторых положений Дж. Гэддиса его призыв и стремление поставить историю "холодной войны" в контекст всей истории уходящего века представляются весьма продуктивными.

Уже изученные документы из советских архивов в совокупности с множеством материалов из США, стран Западной Европы, а теперь и Азии позволяют уже сейчас поставить вопросы, связанные с общей оценкой "холодной войны", ее происхождения, этапов и эволюции.

Идея рассмотреть ее под углом зрения противостояния тоталитаризма и демократии представляется также весьма существенной; морально-этические и нравственные категории, как теперь признается многими историками, занимают важное место в истории.

Столь же существен и вопрос о соотношении идеологии и политики.

Но применительно к советской политике идеологический аспект составляет только часть более широкой проблемы.

В сущности, если мы говорим о нашей стране, мы опять возвращаемся к тому же вопросу, который обсуждался в историографии десятки лет. Как известно, сразу же после Октябрьской революции в 1917 г. большевики столкнулись с центральной дилеммой взаимосвязи и противоречий курса на мировую революцию и защиты национальных российских интересов.

В разных модификациях этот дуализм присутствовал в советской политике на протяжении всех 70 лет. Он оказался в центре дискуссий в СССР и сразу же после окончания второй мировой войны.

Представляется, что и Дж. Гэддис и М. Лефлер концентрируют свое внимание на важной, но лишь одной из многих частей проблемы. Мы уже отмечали, что вопросы морали и в более широком плане идеологии несомненно должны присутствовать при нашем анализе истории "холодной войны". Мы не можем уйти от природы советского государства и авторитарных наклонностей Сталина и его последователей, от тоталитаристских черт режимов в странах Восточной Европы и Азии. Столь же очевидно

²⁵ Ibid., p. 155.

²⁶ Ibid., p. 158–159.

и то, что дипломатическая история по многим направлениям становится международной историей.

Но все это отнюдь не снимает вопросов геополитики и реальной политики в действиях СССР после второй мировой войны. Можно спорить о том, была ли у Сталина четкая и продуманная международно-политическая программа на заключительной фазе войны. Но то, что в 1945–1947 гг. в Москве серьезно калькулировали расстановку сил в мире в результате победы в войне и то, что Сталин опасался в будущем возрождения Германии и Японии, по нашему мнению, не вызывает сомнений.

В равной мере стремление доминировать в странах Восточной Европы и утвердить там социалистические режимы отражало обе стороны проблемы: идеологическую, связанную с распространением мирового коммунизма, и геополитическую, предполагающую реализацию старых российских имперских и геополитических интересов.

Кажется, что и М. Лефлер, делая в противовес Дж. Гэддису акцент на проблемах "реальной политики и национальных интересов", явно недооценивает другую сторону и органическую часть советской политической доктрины. Идея мировой революции и распространения мирового коммунизма никогда не уходила из стратегии лидеров в Кремле. Этот дуализм не только разделял отдельных политических деятелей, но он присутствовал в менталитете и действиях одних и тех же людей. Иногда трудно даже сказать, что было главной целью, а что лишь средством для достижения цели.

Новые архивные документы не только подтверждают это, но и позволяют раскрыть механизмы взаимодействия коммунистических амбиций и реальной политики.

В длительном плане об этом говорят документы о взаимодействии в процессах принятия решений Международного отдела ЦК КПСС и Министерства иностранных дел СССР. Как правило, идеологические аспекты занимали незначительное место в действиях отделов Министерства иностранных дел.

Чрезвычайно интересен в этом плане том материалов Коминформа, изданных Фондом Фельтринелли в Милане в 1995 г.²⁷ Из документов видно, как в Москве формировалась концепция двух лагерей и как на нее оказывали воздействие факторы идеологии и конкретные политические интересы.

Эти же особенности мы можем проследить сегодня и на примере политики Москвы в связи с событиями в Венгрии в 1956 г., в Чехословакии в 1968 г. и в Афганистане в 1979 г.

Мы теперь располагаем многими документами, свидетельствующими о дуализме советской политики в третьем мире и ее намерении опереться на страны так называемой "социалистической ориентации" для распространения коммунизма и геополитической конфронтации с США.

Следовательно, речь идет о более синтезированном и комплексном анализе истории возникновения и эволюции "холодной войны". Мы не призываем к простому компромиссу, к поиску истины "посередине", но к необходимости понимания советского феномена как более сложного и разнопланового явления в контексте истории XX столетия.

История "холодной войны" – это история взаимоотношений двух или более чем двух сторон конфликта. Поэтому анализ бывших советских архивов не может заменить необходимости глубокого изучения политики и стратегии США и их союзников в Европе и в Азии. Выработка нового взгляда на историю "холодной войны", споры о характере и целях советской политики, исследования российских архивов должны сопровождаться углубленным анализом со стороны российских ученых политики США. Подавляющее большинство российских специалистов уже ушли от старых идеологизированных схем и стереотипов, от идеи односторонней вины США за возникновение "холодной войны".

Но во многих случаях российские ученые, занятые разработкой конкретных вопросов, избегают постановки теоретических проблем, находят как бы в стороне от

²⁷ The Cominform. Minutes of the Three Conferences. 1947–1948–1949. (The Foundation Feltrinelli). Milano, 1995.

оживленных дискуссий о причинах, характере, сущности и эволюции "холодной войны", которые с новой силой развернулись в США и в других западных странах.

Российским ученым предстоит включиться в эти дискуссии и представить во многом новый взгляд на историю "холодной войны". Наша задача является весьма сложной еще и потому, что мы должны дать новую интерпретацию и советской и американской политики.

В то же время представляется малоперспективной идея некоторых наших американских коллег заниматься только политикой и целями советской стороны. Теоретический анализ позиции американских лидеров был бы весьма полезен и даже необходим в свете новых, в том числе и советских документов.

Я бы выделил здесь по крайней мере четыре вопроса. Первый – касается новых данных о реальной силе Советского Союза. В связи с этим важно выяснить, насколько оценки американских ведомств в свое время отличались от действительного положения и как можно сегодня оценивать степень тогдашнего глобального беспокойства США возможностью военных акций со стороны СССР. Уместен также вопрос: не были ли прежние американские оценки преувеличением советской мощи для более эффективного раскручивания спирали конфронтации.

Второй вопрос связан с представлениями о намерениях и силе США со стороны советского руководства. Мы располагаем теперь документами политбюро и многих бесед в высших эшелонах власти в СССР и в странах Восточной Европы и можем реально увидеть, сколь силен был антиамериканизм Кремля и его союзников и их опасения возможных действий США.

Раньше мы хорошо представляли себе это в идеологическом плане, теперь мы имеем возможность посмотреть на эту проблему и в конкретном политическом, военно-стратегическом и даже дипломатическом плане.

Следовательно, мы стоим перед задачей анализа взаимных представлений друг о друге и их реальное воздействие на политику, стратегию и дипломатию.

Третий вопрос состоит в отношении политики и идеологии. Собственно, мы уже касались этой проблемы. Некоторые американские и западноевропейские историки и политологи ставят вопрос о роли идеологии как одной из главных задач исследования истории "холодной войны". Российские историки располагают сегодня широкими возможностями для постановки этого вопроса применительно к СССР и США.

И наконец, следующий вопрос касается сопоставления силы, структуры и степени воздействия на политическую практику американского и советского военно-промышленного комплекса. Для этой цели необходимо привлечь специалистов разного профиля – историков, экономистов и политологов.

В целом перед российской историографией стоит задача нового теоретического осмысления, выработки нового взгляда на историю "холодной войны", обусловленного отказом от прежних стереотипов, введением в научный оборот значительного массива новых документов, касающихся как внутреннего положения, так и международной политики.

Необходимо провести ряд конференций и круглых столов с привлечением максимального числа российских ученых с тем, чтобы представить наши позиции международному научному сообществу.

Отрадно, что в разработку этих вопросов в России включились многие молодые ученые; они ведут исследования конкретных сюжетов, но важно привить им вкус и к теоретическим проблемам, создать условия для прямого диалога между ними и зарубежными учеными, вовлечь их в дискуссии мировой историографии по теории и методологии истории "холодной войны".

Обратимся теперь к некоторым проблемам и конкретным событиям советской истории периода "холодной войны", которые либо уже получили новую интерпретацию, либо активно анализируются в свете новых архивных документов.

Прежде всего отметим одно общее соображение. Речь идет практически о "новой"

для нашей историографии и политологии теме – о процессе принятия решений в советском руководстве в период "холодной войны". Наконец-то и отечественные специалисты обратились к сюжету, который составляет одно из важнейших направлений в мировой историографии и политологии. Существует принятая в мире методология и методика анализа процессов принятия решений, и мы начали применять ее к советской политике 40–80-х гг.

Первым импульсом и источником для принятия решений служат источники информации. Мы сейчас уже многое знаем, откуда и как получали информацию те советские лидеры и их окружение, которые участвовали в принятии внешнеполитических решений.

Исследователи в России занимаются разработкой этой темы не в целом, в контексте всей послевоенной истории, а применительно к конкретным периодам. Но если соединить результаты частных исследований, то уже складывается общая картина.

Советское руководство получало информацию от источников по дипломатическим каналам (донесения послов, отчеты и аналитические обзоры Министерства иностранных дел). Наиболее важные донесения послов "расписывались" прямо руководству, другие оседали в отделах Министерства иностранных дел.

Заграничные службы других ведомств поставляли свою информацию по линии внешней разведки и Министерства обороны. Она, как правило, аккумулировалась в соответствующих ведомствах и подавалась "наверх".

Наконец, международный отдел ЦК КПСС получал информацию по линии "братских" партий и из других источников.

Анализ источников информации выявляет их общую важную особенность: они, как правило, отражали идеологические стереотипы и установившиеся доктрины. Авторы информационных материалов исходили из общей марксистской критики империализма, из постоянного противопоставления советских позиций и политики Запада, из в целом негативной оценки социал-демократии, из генеральной идеи, что западные общества пребывают в состоянии глубокого кризиса и противоречий.

Это не означает, что многие отчеты и донесения не содержали многих объективных фактов, но общая направленность информации была всегда очевидна.

Применительно к "братским" странам и партиям информация фиксировала, как правило, в критическом плане, любые отступления от "общей линии", проявления "либерализма" и "ревизионизма". Подобными материалами и оценками заполнено большинство отчетов разных советских ведомств из Венгрии накануне, событий 1956 г., Чехословакии в конце 1967–1968 гг., из Польши, Румынии.

Существует довольно обоснованное предположение, например, что донесения советского посла в Югославии об антисталинских настроениях И. Броз Тито послужили одним из важных аргументов к разрыву со стороны СССР и КПСС с Югославией.

Общая направленность и заданность информации "помогала" созданию у советских руководителей разных рангов определенного видения мира и соответственно влияла на процесс принятия решений.

Российские историки могут сегодня обратиться и к другой важной проблеме – изучению личностей советских лидеров, их образовательного уровня (все они, как правило, кончали инженерные или сельскохозяйственные провинциальные вузы и партийные учебные заведения), их образа жизни, отношения к людям, степени их идеологизированности.

Уже хорошо известны привычки и стиль поведения И.В. Сталина, Н.С. Хрущева, Л.И. Брежнева, Ю.В. Андропова, А.А. Жданова, Г.М. Маленкова, Л.П. Берии, В.М. Молотова, А.А. Громыко, М.А. Суслова. Из мемуаров многих дипломатов можно составить картину личных особенностей и пристрастий, стиля поведения наших ведущих послов – А.И. Добрынина, В.А. Семенова, В.М. Фалина, Ю.М. Квицинского, А.А. Бессмертных, Г.М. Корниенко.

После получения информации включалась система взаимодействия различных ведомств и организаций и подготовка ими внешнеполитических предложений и рекомендаций.

Некоторые наши историки уже хорошо изучили фонд международного отдела ЦК КПСС, личные фонды дипломатов и фонды, касающиеся деятельности отделов Министерства иностранных дел.

Анализируя историю выработки советских позиций в связи с планом Маршалла, по германской проблеме, во время кубинского кризиса и событий в Чехословакии и Афганистане, мы пришли к выводу, что система подготовки решений была не такой простой, как казалось ранее. Часто ведомства вступали в противоречия друг с другом. Особенно сложными были порой отношения между Министерством иностранных дел и международным отделом ЦК КПСС, в котором были более "либеральные" настроения. Заметное влияние на процесс принятия решений имел идеологический отдел ЦК и его руководители.

Многое в этих процессах зависело от личностей. В конце 40-х гг. значительным было влияние А.А. Жданова, что хорошо видно из опубликованного тома протоколов Коминформа. В это время ослабли позиции Министерства иностранных дел и его главы В.М. Молотова.

Международный отдел ЦК играл существенную роль до тех пор, пока А.А. Громыко не стал членом политбюро. Во времена членства Громыко в политбюро Министерства иностранных дел стало основной организацией, отвечавшей за внешнюю политику, а министр прямо выходил на генерального секретаря ЦК.

Существенным моментом были отношения Кремля с руководителями "братских" стран, мнения которых постоянно запрашивали перед принятием важных решений. Новые материалы и здесь уже внесли свои коррективы. Теперь ставится под сомнение степень монолитности советского блока; многие лидеры социалистических стран Европы, не говоря уже об Азии, следовали своим интересам и весьма часто на деле обходили указания Москвы. Так было даже во времена Сталина.

В литературе, к сожалению, отечественными историками пока еще не освещены серьезные разногласия между германским отделом Министерства иностранных дел СССР и руководством ГДР в период подготовки советской ноты в марте 1952 г. Эта нота вызывает большой интерес, так как в ней советское правительство, изменив свою прежнюю позицию, заявляло о готовности пойти на организацию выборов на территории всей Германии, что могло бы символизировать начало процесса объединения страны.

Интересен вопрос и о роли генеральных секретарей ЦК в процессе принятия решений. При диктатуре Сталина в последние годы его жизни многие конкретные, но весьма важные решения составлялись помимо него и в готовом виде оказывали и на него свое влияние.

Окончательное решение о вводе войск в Чехословакию и Афганистан принимал генеральный секретарь ЦК, но и в том и в другом случаях в последний момент он соглашался с предложениями небольшой группы людей, которые, предварительно выработав линию, находили удобное время и форму, чтобы побудить часто колеблющегося Брежнева принять решение.

Говоря о процессе принятия решений, укажем еще на одно обстоятельство. Ознакомление со многими обобщающими записками Министерства иностранных дел, международного и идеологического отделов ЦК КПСС показывает, что, как правило, они были безальтернативными. В результате политбюро имело почти всегда перед собой одну линию и один тип решений, что противоречило одному из важных условий принятия правильного решения – возможности выбора между разными, порой противоположными точками зрения. Работники среднего и высшего звена и даже отдельные члены политбюро, имевшие альтернативные идеи и не согласные с общей заданной линией, в конечном счете были вынуждены уходить со своих постов.

В итоге при обсуждении вопросов в высшем руководстве "инакомыслие" было

делом весьма опасным, хотя в послесталинские времена и не стоившим им жизни; большинство предпочитало соглашаться с мнением генсека.

Так, судя по документам, было и в августе 1968 г., и в декабре 1979 г.

С открытием новых документов предстоят исследования роли силовых ведомств, прежде всего армии и службы безопасности, в процессе принятия внешнеполитических решений. В разные периоды "холодной войны" их влияние было довольно существенным и от их позиции в немалой степени зависело принятие тех или иных внешнеполитических решений.

Теперь мы остановимся на некоторых итогах и вопросах, возникающих при исследовании ряда конкретных проблем.

Значительное внимание ученых всех стран уделяется ныне периоду 1944–1953 гг. Можно упомянуть новый международный проект – «Сталин и "холодная война"», разрабатываемый совместно российскими и американскими учеными с привлечением специалистов из других стран.

В этом периоде представляют значительный интерес материалы, характеризующие подготовку в Москве предстоящего мирного урегулирования. Сейчас уже подробно изучены документы трех комиссий, работавших в составе Министерства иностранных дел СССР – М.М. Литвинова, И.М. Майского и К.Е. Ворошилова²⁸.

Они позволяют уяснить подход советской дипломатической элиты к мирному урегулированию, определить соотношение сотрудничества и усиливающегося соперничества между союзниками.

Это были, конечно, подготовительные материалы, но, видимо, и Сталин и Молотов учитывали мнение их составителей. Из материалов видно, что в Москве не рассматривали раздел Германии как вечную и постоянную проблему. Учитывая свой прежний опыт, руководители комиссий мыслили во многом категориями 30-х годов, поэтому их заботой были вопросы будущей безопасности Советского Союза, предотвращение организации нового антисоветского санитарного кордона.

Любопытно и то, что в записках немалое место отводилось возможным договоренностям по Ближнему и Среднему Востоку, т.е. над руководителями комиссий и экспертами довлели реалии межсоюзнических отношений второй мировой войны; они считали возможным достижение соглашений о разделе сфер влияния.

Но в то же время явно незначительное место отводилось Восточной Европе. Очевидно, судьба этого региона находилась в поле зрения других, более высоких инстанций.

Материалы комиссий приоткрывают лишь одну, может быть, и не очень значительную сторону мирного урегулирования. Весь широкий комплекс проблем, связанный с договорами с бывшими союзниками Германии, а главное – с общей позицией Сталина и других представителей советского руководства по вопросам будущего устройства мира еще ждет своих исследователей.

В этой проблеме есть еще одна весьма важная сторона – в какой мере семена будущей политики "холодной войны" начали произрастать на заключительной фазе второй мировой войны.

Российские специалисты продвинулись и в изучении одной из региональных проблем – отношений Советского Союза и Финляндии. Наши финляндские коллеги проявляют большой интерес к новейшей истории своей страны, в частности, к ее выходу из второй мировой войны и к деятельности советской Контрольной Комиссии. Во время российско-финляндской конференции по этому вопросу были введены в научный оборот новые материалы, но несомненно, что этот анализ должен быть продолжен²⁹.

Я могу лишь упомянуть здесь еще проблему двусторонних отношений между СССР

²⁸ Филитов А.М. В комиссиях Наркоминдела. – Вторая мировая война. Актуальные проблемы. М., 1995, с. 54–71.

²⁹ Finnish-Soviet Relations. 1944–1948. Ed. by J. Nevakivi. Helsinki, 1997.

с одной стороны и Англией, Францией и США с другой. В общем плане многие вопросы уже ясны и описаны в старых монографиях и коллективных трудах. Но большинство из этих работ были изданы во времена крайне идеологизированного и политизированного подхода к истории. Мы нуждаемся теперь в новых интерпретациях. Новые подходы и новые документы должны позволить ответить на центральный вопрос: как конкретно происходил поворот к "холодной войне".

Представляется, что для Сталина это было непростое решение. И мы должны сейчас включить в наш анализ и проблемы психологии.

Впервые за свою политическую карьеру советский лидер оказался в числе "большой тройки", которая могла делить мир и определять его судьбу. Испытывая всю жизнь комплекс превосходства и подозрительности одновременно, Сталин ощутил себя не только равным партнером президента США и британского премьера, но и человеком, в отношениях с которым они были заинтересованы.

Сталину предстояло сделать выбор. Он не страдал сентиментальностью, это был жесткий и прагматичный диктатор. Кроме того, сошли со сцены его партнеры – умер Ф. Рузвельт и потерпел поражение на выборах У. Черчилль.

Появились новые лидеры, с которыми Сталин был малознаком или почти совсем не знал их.

Для Запада смена лидеров была нормальным явлением, но для Сталина смена власти не предусматривалась.

В 1945–1949 гг. перед советским руководством на первый план вышли все те же "проклятые вопросы" – идеи распространения социализма и прагматической реальной политики.

Возврат к первому означал бы новый разрыв с прежними союзниками; в то же время природа советской системы была такова, что "классовые факторы" никогда не могли быть элиминированы из советской теории и практики.

Но эти же вопросы встали и перед лидерами в Вашингтоне и в Лондоне. Западные руководители отнюдь не собирались отдавать Европу во власть коммунистам.

В этой ситуации разрыв Запада с СССР был в какой-то мере неизбежен.

Но выяснение того, как происходил конфликт – дело историков "холодной войны".

Говоря о Советском Союзе, следует сказать, что в эпицентр советских намерений все более вовлекалась Восточная Европа.

Опубликованный в Милане том материалов Коминформа в дополнение к работам Г.М. Адиебекова и Л.Я. Гибианского³⁰, основанным на российских и восточноевропейских архивах, приоткрывает завесу над конкретными целями и действиями Москвы.

Впервые изданные протоколы трех конференций Коминформа позволяют проследить по источникам взаимодействие или столкновение различных тенденций в международной политике советского руководства.

Сформулированный в докладе Жданова на второй конференции Коминформа тезис о борьбе двух лагерей на мировой арене знаменовал теоретическое обоснование "холодной войны". И в то же время он показывал усилившееся влияние идеологии и идеологического аппарата в советском руководстве. Очевидно, Жданов был главным лицом в этих акциях. В те годы он возглавлял начавшуюся кампанию борьбы против "космополитизма" и атаки на "либеральные" настроения интеллигенции. И хотя во всем этом была видна направляющая рука Сталина (как она видна и в замечаниях и пометках к докладу Жданова в Коминформе), роль Жданова не следует преуменьшать.

Документы Коминформа, так же как и многочисленные свидетельства о кампании против "космополитов", показывают возвышение другого идеолога, М.А. Суслова, которому была суждена долгая политическая карьера.

³⁰ См. Адиебеков Г.А. Коминформ и послевоенная Европа; Гибианский Л.Я. Коминформ в действии.

Чрезвычайно интересен и анализ того механизма, который был создан для обеспечения контроля КПСС и Советского Союза за Коминформом.

Многие материалы иллюстрируют роль "братских" партий. На том раннем этапе становления социалистической системы они были полностью в орбите сталинского руководства, послушно подчиняясь ему, но одновременно решая и свои частные задачи. Югославы с большим жаром критиковали французских коммунистов на I конференции, но зато в дальнейшем французские коммунисты словно взяли реванш, обрушившись на югославов во время их разногласий с советскими лидерами.

Материалы Коминформа ясно свидетельствуют и о том, что этой попытке создать какое-то подобие нового варианта Коминтерна вряд ли было суждено большое будущее. По мере укрепления социалистических режимов в странах Восточной Европы их взаимодействие все более переносилось в государственную сферу.

Столкновение разных тенденций ярко проявилось в тот период и в связи с планом Маршалла.

Усилиями российского исследователя М.М. Наринского и американца Д. Парриша³¹ введены в научный оборот многие новые документы, показывающие, как на начальной стадии в советском руководстве были сильны настроения в пользу участия в плане Маршалла. Ситуация напоминала 1922 г., канун Генуэзской конференции, когда большевики колебались между желанием получить западные займы и кредиты и опасностью оказаться в зависимости от стран Запада.

В 1947 г. в Москве многочисленные эксперты готовили проекты различных форм советского участия в плане; в это были вовлечены многие ведомства и организации. Конечно, велик был соблазн преодолеть разруху, которая охватила страну после войны.

Но одновременно действовали два других фактора. Во-первых, общее традиционное неприятие любых форм зависимости от "капитализма" и, во-вторых, опасение, что подключение стран Восточной Европы к плану Маршалла существенно ослабит, если не подорвет стремление Советского Союза утвердить в них советскую модель.

Идеология и реальная политика снова вступали в противоречие друг с другом. Сталин, видимо, основательно колебался между желанием сохранить кооперацию с союзниками и готовностью вступить в новый этап конфронтации.

В итоге возобладал курс на отклонение плана Маршалла. Сталин лично оказал сильное воздействие на лидеров Чехословакии, заставив их отказаться от участия в плане Маршалла. Материалы из архива Жданова показывают те же усилия в отношении Финляндии. Российским исследователям еще предстоит найти документы, которые могли бы пролить свет на общие дискуссии в советском руководстве по поводу стратегического курса страны на международной арене. Может быть, таких формальных дискуссий и не было и все решалось в личных разговорах нескольких лиц. Но уже удалось установить, что в руководстве действовали так называемые группы давления.

Идеологический аппарат начал раскручивать антизападные кампании и преследовать "либеральные" тенденции в литературе и искусстве.

В международном отделе ЦК КПСС, влияние которого в то время возрастало, формировались новые механизмы связей и контроля над партиями стран Восточной Европы.

По линии Министерства иностранных дел перемены, может быть, и не были столь заметными, но жесткая позиция Молотова на переговорах с союзниками чувствовалась все сильнее.

Нечто подобное происходило и на Западе. У Г. Трумэна не было иллюзий относительно характера советского государства, но, став президентом, он записал в своем дневнике: "Я могу иметь дело со Сталиным"³².

³¹ Наринский М.М. СССР и план Маршалла. См. также: Parrish D. The Turn toward Confrontation. The Soviet Reaction to the Marshall Plan 1948. – CWIHP, Working Paper, bull. 9.

³² Leffler M. Inside Enemy Archives, p. 134.

Но постепенно и в Вашингтоне все сильнее меняли ориентиры в отношении СССР. Реальные события в Восточной Европе, усиление позиций коммунистов в Западной Европе, явное нарастание советской мощи привели к тому, что Вашингтон также взял курс на конфронтацию.

По американским документам этот переход давно уже можно тщательно проследить; просто российские историки должны посмотреть на них свежим, не идеологизированным взглядом.

Синхронность действий теперь может быть показана на двух почти идентичных телеграммах – Дж. Кеннана в Вашингтон и советского посла Н.В. Новикова в Москву. Оба фактически выступали за политику сдерживания.

И все же не следует рисовать картину только в одном цвете. Британские историки имеют косвенные данные, что Черчилль, тогда отставной премьер-министр, в 1947–1948 гг. встречался с советским послом в Англии. Из некоторых его речей того времени видно, что он хотел каких-то позитивных шагов в сторону Сталина. Как на это реагировал советский лидер – нам неизвестно.

Точно также неясно, хотел ли Сталин оставить какую-то щель в закрываемой двери или он был готов на тотальную конфронтацию; может быть, группы давления работали уже на полную мощь и вся громоздкая политическая и идеологическая машина, и в СССР и в США, уже полностью перешла на рельсы конфронтации. Может быть, в истории "холодной войны" была уже своя логика, и, дав старт политическим процессам, лидер был не в состоянии что-либо изменить.

Следует иметь также в виду, что обе стороны к концу 40-х гг. могли полагать, что они добиваются успеха на путях новой политики.

Сталин добился победы коммунистов во всех странах Восточной Европы; из этих коммунистов он выбирал наиболее лояльных, устрняя их возможных конкурентов. В Западной Европе, несмотря на определенный спад, левые силы сохраняли значительные возможности.

В Германии Москва закреплялась в своей оккупационной зоне и готова была бросить вызов западным державам в Берлине.

В СССР началось экономическое оживление, всякие проявления "буржуазного инакомыслия" были подавлены.

И, наконец, в военно-стратегическом плане работа над атомным и ядерным оружием шла весьма успешно.

Все это и могло породить уверенность в правильности взятого курса. Геополитика (или реальная политика) и курс на распространение социализма развивались во взаимодействии, это не были взаимоисключающие моменты. Повторяем: на разных этапах как цель и средство они часто менялись местами.

Но и в Вашингтоне могли считать, что они не ошиблись. Они остановили и отгеснили коммунистов в Западной Европе. Был создан мощный военно-политический союз, способный остановить и сдержать коммунизм. Экономически процветающие США помогали Западной Европе набирать силы для нового рывка.

Так действовала логика событий, логика "холодной войны".

Но если говорить о Советском Союзе, то в Кремле не видели или не хотели видеть многих отрицательных явлений, связанных с перенапряжением экономики и прочими негативными факторами, которые проявились позднее.

Для историков этот драматический период остается временем, еще полным загадок и открытий. Мы только что встали на путь нового анализа и освоения новых материалов. Нужны совместные усилия специалистов по истории России, международных отношений и стран Запада, чтобы полнее представить себе стратегию и механизм перехода к "холодной войне". Немалую роль должны сыграть и исследования процесса принятия решения, анализ личности и поведения стареющего советского лидера и его окружения, изучение расстановки политических сил, которая складывалась в стране к 1953 г.

Весьма успешными были прошедшие годы в изучении германской проблемы. Разу-

меется, наибольшую активность развивали немецкие исследователи. В статьях Г. Веттига, В. Лотта и других авторов³³ на основе анализа многочисленных документов из российских архивов по германской проблеме прослеживается общая позиция и цель советского руководства. Новые источники позволяют сделать анализ некоторых конкретных периодов и вопросов. При этом ясно обозначился ряд наиболее интересующих западных исследователей проблем.

Прежде всего это вопрос о том, в какой мере советское руководство было заинтересовано в сохранении единства Германии или оно явно брало курс на разъединение страны.

В этой связи особое внимание было обращено на содержание и значение советской ноты Германии от марта 1952 г. Недавно в Норвегии на эту тему была опубликована работа молодого ученого С. Бьёрнстада. В России германскую тему наиболее активно разрабатывают А.М. Филитов и М.И. Семиряга³⁴.

Из документов архивов КПСС и Министерства иностранных дел становится очевидным, что в Москве снова сталкивались вопросы чисто пропагандистские и реальной геополитики. Некоторые исследователи считают ноту 1952 г. лишь тактическим маневром, другие видят в ней отражение новых веяний в линии советского руководства.

Из материалов архивов политбюро ЦК КПСС видно острое столкновение линии А.Я. Вышинского и Министерства иностранных дел с одной стороны и разделяемой лидерами ГДР позиции советской военной администрации в Германии с другой.

В совокупности многих факторов, в том числе и вследствие негативной позиции канцлера ФРГ К. Аденауэра и лидеров западных держав, советская инициатива в марте 1952 г. не дала результатов. Но по-прежнему весьма актуальным остается вопрос о советской стратегической линии в отношении Германии.

М. Лефлер считает, что Сталин не имел четкого плана в отношении Германии на заключительной фазе войны и действовал по ходу обстоятельств³⁵. Немецкие исследователи имеют различные точки зрения по советской политике.

Но становится очевидным, что одним из вопросов, который привлекает все большее внимание в Германии, является проблема взаимоотношений руководства Советского Союза и ГДР. Вопрос состоит в том, в какой мере лидеры ГДР были самостоятельны в принятии решений или все решалось в Москве.

Известно о разногласиях между В. Ульбрихтом и руководителями германского отдела советского Министерства иностранных дел в марте 1952 г. Сейчас идут дискуссии о том, где принималось решение о сооружении Берлинской стены – в Берлине или в Москве. Этот вопрос имеет в Германии политический смысл, связанный с ответственностью бывших руководителей ГДР за события в Берлине после 1961 г.

Все большее внимание обращается ныне на историю советской военной администрации в Германии и ее отношений с властями ГДР.

Существует "мистификация" вокруг позиции Л.П. Берии по германским делам. "Особая" линия Берии весьма интересует исследователей ФРГ.

Как нам представляется, реальных свидетельств и документов об особенной позиции Берии по германскому вопросу в 1952 г. пока не найдено. Скорее, это относится

³³ Wettig G. Die Sowjetunion, die DDR und die Deutschland-Frage 1965–1976. Stuttgart, 1976; Loth W. Op. cit.; Harrison H. New Evidence on Khrushchev's 1958 Berlin Ultimatum. – CWIHP, bull. 4; *idem*. Ulbricht and the Concrete "Rose": New Archival Evidence on the Dynamics of Soviet-East Relations and the Berlin Crisis 1958–1961. – CWIHP, bull. 5; The Soviet Union in Eastern Europe. 1945–1989. Ed. by O.A. Westad, S. Holmsmark, I.B. Neuman. London, 1994; Naimark N. Op. cit.; Bjørnstad S. Soviet German Policy and the Stalin Note of March 1952. Oslo, 1997.

³⁴ См., например: Filitov A. Die sowjetische Deutschlandplanung zwischen Parteiräson, Staatsinteresse und taktischem Kalkül. – Ende des Dritten Reiches – Ende des Zweiten Weltkrieges. Eine perspektivische Rückschau. H.-E. Volkmann (Hrsg.). München, 1995, S. 117–140; Семиряга М.И. Как мы управляли Германией. Политика и жизнь. М., 1995; Bjørnstad S. Op. cit.

³⁵ См. Leffler M. Inside Enemy Archives, p. 122.

уже к 1953 г., когда эта особая позиция отражала борьбу в новом советском руководстве.

И все же весь комплекс мнений советских лидеров в 1952 г. и после смерти Сталина, в частности, в связи с событиями в Берлине в июне 1953 г., еще ждет новых исследований.

Сейчас на очереди подготовка ряда международных проектов, прежде всего российско-германских, касающихся германской проблемы на различных этапах послевоенной истории. Многое будет зависеть, конечно, от доступности российских архивов, в которых, к сожалению, вводятся новые ограничения.

Большой комплекс вопросов связан с отношениями между лидерами СССР и КПСС и руководителями государств Восточной Европы.

Мы уже располагаем документами о ряде совещаний руководителей стран Варшавского договора в 50–80-х гг.³⁶, введено в научный оборот значительное число документов, касающихся взаимоотношений внутри Варшавского пакта в связи с событиями в Венгрии в 1956 г. и в Чехословакии в 1968 г.³⁷

После создания в Венгрии специального института по изучению революции 1956 г. и опубликования многочисленного массива документов в исследовательский процесс включились ученые многих стран, в том числе и России.

Из уже опубликованных материалов можно составить представление о роли Ю.В. Андропова и советского посольства в Будапеште, о позиции Запада. В ряде сборников, в частности, в бюллетене центра по истории "холодной войны" в Вашингтоне, опубликованы документы из архива бывшего КГБ об Имре Наде.

Значительное продвижение осуществлено в изучении событий вокруг Чехословакии в 1967–1968 гг.

Специальная комиссия, созданная в Чехословакии в середине 80-х гг., собрала в Праге огромный архив документов из различных стран, которые позволяют воссоздать во всех деталях развитие событий в Чехословакии, формирование советской позиции и механизм принятия решений о вводе войск в Чехословакию в августе 1968 г.

Российские исследователи тщательно изучили многие доступные документы из российских архивов и приняли участие в ряде международных конференций. События августа 1968 г. имеют чрезвычайно большое значение в анализе процесса принятия внешнеполитических решений в советском руководстве в кризисных ситуациях периода "холодной войны".

Сейчас уже подробно изучено, как по мере обострения ситуации внутри Чехословакии в советском руководстве нарастало стремление применить силовой вариант. Сопоставление советских материалов с документами из стран бывшего Варшавского договора показывает и наличие разногласий в советском руководстве, позицию отдельных лидеров, выявляет роль советского посольства в Праге и соответствующего отдела ЦК КПСС в подготовке событий августа 1968 г.

Теперь уже ясна позиция и других государств. Мы можем видеть, что наибольшую активность в использовании силы развивали В. Ульбрихт и В. Гомулка. Ранее мало заметная роль лидера Болгарии Т. Живкова становится более понятной, именно он еще в июне 1968 г. отдал приказ готовить болгарское воинское подразделение к возможным акциям против Чехословакии.

Наконец, несколько "потускнел" и образ Я. Кадара, который ранее рассматривался как некий "осторожный" противник ввода войск. Во всяком случае, во время встреч и переговоров с лидерами СССР он был склонен к принятию коллективных решений.

На конференции по чехословацким событиям была проанализирована реакция Запада. Теперь уже можно во всех деталях раскрыть ту "спокойную" позицию, кото-

³⁶ См. СВИНП, bull. 2.

³⁷ Ibid., bull. 2–4.

рую заняли тогдашние лидеры США, ФРГ и других стран. Можно сказать, что, следуя доктрине Соненфельда о разделе сфер интересов, они явно "проглотили" чехословацкую акцию стран Варшавского договора.

Отдавая должное усилиям ряда российских ученых, мы можем в то же время прийти к выводу, что, как и по другим вопросам, активность российской историографии чрезвычайно мала. Напечатаны первые статьи, приняв участие в ряде конференций, российские ученые явно утратили интерес к этой теме. Количество специалистов, занимающихся событиями в Чехословакии, даже в контексте российской истории крайне незначительно.

Схожая тенденция наблюдается и в отношении афганского кризиса 1979 г. И здесь главную роль играют наши зарубежные коллеги³⁸. Правда, в отличие от других кризисов мы опубликовали ряд трудов и даже специальную книгу о событиях вокруг Афганистана³⁹. Но остается неясной причина эволюции советского руководства, твердо выступавшего против применения силы в апреле 1979 г. и внезапно решившегося на военную акцию в декабре того же года.

В США есть исследования, посвященные позиции США в целом, роли Совета по национальной безопасности и лично З. Бжезинского в афганских событиях. Об этом подробно говорилось на конференции в Осло в 1995 г., на которой выступили некоторые известные американские участники тех событий, в том числе и бывший директор ЦРУ С. Тернер.

Но вклад российских специалистов и в этом случае остается весьма скромным. Новые запреты в российских архивах ставят под вопрос возможности дальнейшего тщательного анализа позиции руководства партии, государства, армии и других ведомств.

Известные по устным свидетельствам разногласия, существовавшие в кругах советских военных, не могут быть документально подтверждены.

Мало кто из отечественных исследователей занимается и международной обстановкой в связи с событиями в Афганистане. Доступные историкам американские документы недостаточно изучены российскими учеными.

Значительно большими являются достижения российских ученых в изучении Карибского кризиса 1962 г. Их итогом стал первый совместный фундаментальный труд А.А. Фурсенко и Т. Нафтали "Смертельно опасная игра: Хрущев, Кастро и Кеннеди", в котором освещаются разнообразные стороны кризиса, его внутрисоветские, внутриамериканские и международные аспекты. Ценность этой работы, а также серии международных конференций по теме Карибского кризиса состоит в том, что в них органически сочетается документальная и устная история; собраны свидетельства политиков, дипломатов, военных, разведчиков и журналистов⁴⁰.

Несколько российских историков занимаются историей вьетнамской войны, свидетельством чего может служить монография российского ученого И. Гайдюка, изданная в США, а также работа молодого норвежского автора М. Ольсен⁴¹.

В последние годы наблюдается рост исследований по азиатским и африканским аспектам "холодной войны". Достигнуто значительное продвижение в изучении истории корейской войны, уже введено в оборот множество документов, в том числе из российских архивов (по инициативе американских коллег с участием ученых из Китая,

³⁸ Cordovez D., Harrison S.S. *Out of Afghanistan: The Inside Story of the Soviet Withdrawal*. New York, 1993; Westad O.A. *Prelude to Invasion. The Soviet Union and the Afghan Communists 1978–1979*. – *International History Review*, № 16, February 1994; Galeotti M. *Afghanistan. The Soviet Union's Last War*. London, 1995.

³⁹ Ляховский А.А. *Трагедия и доблесть Афганистана*. М., 1995.

⁴⁰ См. также: *Blight J., Welch D.A. On the Brink: Americans and Soviets Reexamine the Cuban Missile Crisis*. New York, 1990; *Allyn B.J., Blight J., Welch D.A. Back to the Brink: Proceedings of the Moscow Conference on the Cuban Missile Crisis*. January 27–28, 1989. London, 1992; *idem. Cuba on the Brink: Castro, The Missile Crisis and the Soviet Collapse*. New York, 1993.

⁴¹ См. *Gaiduk I. Op. cit.*; *Olsen M. Solidarity and National Revolution. The Soviet Union and the Vietnamese Communists, 1954–1960*. Oslo, 1996.

Кореи и других стран). В США опубликованы записи многих бесед Сталина с Ким Ир Сеном и Мао Цзедуном⁴².

Усиливается внимание к событиям в – Анголе, Мозамбике и других государствах, где противостояние в 60–80 гг. составляло существенный компонент "холодной войны"⁴³.

Но история "холодной войны" – это не только история международных кризисов. Из поля зрения специалистов не должны выпадать так называемые "спокойные" годы и события, т.е. многочисленные и разнообразные аспекты двусторонних отношений; международные переговоры по различным вопросам разоружения, атомным проблемам и т.п., роль и место разрядки в общей истории 70–80 гг.

Нам еще предстоит более глубоко проанализировать взаимосвязь внутренних и внешних факторов, определить, в какой мере события внутри СССР, США и в странах Европы и Азии влияли и на возникновение и эволюцию "холодной войны", то ускоряя, то замедляя ее темпы и степень обострения и напряженности.

Существует проблема так называемых "перцепций", т.е. взаимного восприятия официальных кругов и обществственности СССР и США, СССР и Западной Европы.

Мы уже отмечали роль идеологии (с обеих сторон) в возникновении и развитии "холодной войны". Применительно к нашей стране речь идет и о событиях 1946–1952 гг., о развертывании антизападных кампаний, о преследовании любых проявлений инакомыслия и либерализма, о значении хрущевской оттепели и о новом варианте неосталинизма в 60–70 гг. Важно сравнить эти процессы с идеологическими процессами в США, с насаждением там образа постоянного врага, с распространением маккартизма. Только еще в самом начале находятся попытки ряда отечественных специалистов сопоставить роль военно-промышленных комплексов в СССР и в США.

Словом, имеется множество самых разнообразных проблем, по которым необходимо развертывание исследований с участием историков, экономистов, политологов, представителей других специальностей. Но помимо конкретных вопросов и параллельно с ними крайне важна теоретическая разработка проблем, анализ сущности, смысла и места "холодной войны". Повторим еще раз, что в сопоставлении с той теоретической дискуссией, которая развертывается в других странах, и прежде всего в США, мы нуждаемся в активизации исследований и дискуссий. Заинтересованность всех исследователей в российских документах может служить побудительным мотивом к тому, чтобы мы проявили инициативу в организации научных конференций и круглых столов у нас в стране, в том числе по теоретическим проблемам.

Важнейшей остается проблема допуска исследователей в российские архивы. Те трудности, которые возникли в последнее время, новый запретительный синдром, обузванный руководителями многих архивов, ряда ведомств и организаций, серьезно тормозит развитие исторических исследований, в частности по истории "холодной войны".

Наконец, во всем мире возрастает интерес к окончанию "холодной войны". Уже намечаются конференции, организуются международные проекты, в том числе и в области "устной истории". Мы также должны активизировать работу по созданию базы данных: воспоминаний, свидетельств тех людей, которые принимали участие в драматических событиях послевоенной истории.

Следует начать эту работу и в теоретическом и в конкретно-историческом плане, создавая тот задел и ту базу, которая позволит в дальнейшем развернуть серьезное и фундаментальное изучение событий конца 80-х и начала 90-х гг.

⁴² *Weathersby K.* To Attack or Not to Attack: Stalin, Kim Il Sung and the Prelude to War. – CWIHP, bull. 4; *idem.* New Russian Documents on the Korean War. – CWIHP, bull. 5; См. Documents in CWIHP, bull. 6–7 с комментариями Ch. Jean, V. Mastny, O.A. Westad, V. Zubok; *Goncharov S., Lewis J.W., Litai X.* Uncertain Partners: Stalin, Mao and the Korean War. Stanford, 1993.

⁴³ CWIHP, bull. 8–9; Cold War and Revolution: Soviet American Rivalry and the Origins of the Chinese Civil War. New York, 1993; *Colburn D.* The Vogue of Revolution in Poor Countries. Princeton, 1994; *Westad O.A.* Pattern of Intervention. The Soviet Union and the Angola Crisis. – CWIHP, bull. 8; Brothers in Arms. The Rise and Fall of the Siro-Soviet Alliance. Ed. by O.A. Westad. New York, 1997.

© 1997 г.

Е.С. СКВОРЦОВА

УЧЕННЫЕ РОССИИ – НАРОДНОМУ ОБРАЗОВАНИЮ

Кардинальные изменения в жизни нашей страны выявили возросший интерес общества к историческому знанию, обусловленный стремлением понять глубинные причины и суть происходящих событий. Одновременно эти изменения коснулись и самой исторической науки, поставив вопрос о ее обновлении, а также реформировании исторического образования, прежде всего школьного. Реформируя его, необходимо учитывать достижения и традиции отечественного исторического образования, в частности, связанные с деятельностью крупных российских историков конца XIX – начала XX в.

Сама по себе деятельность этих ученых в сфере образования – пример служения на благо Отечества. Постоянно думая о просвещении народа, прежде всего молодежи, эти представители российской интеллигенции понимали, что для большинства детей уроки истории в школе являются основным источником знаний, необходимых для осмысления событий общественной жизни, формирования собственного мировоззрения и выработки жизненной позиции. Выдающийся вклад в дело народного образования внесли видные ученые-историки Н.И. Кареев, П.Г. Виноградов, Р.Ю. Виппер, В.А. Бутенко, П.Н. Ардашев, Н.А. Рожков. Являясь прогрессивно мыслящими учеными, они создавали центры, где объединялись преподаватели высших и средних учебных заведений с целью поднять качество преподавания такого важного предмета, как история. Немаловажная их заслуга состоит в превращении учителя в инициативного, творческого работника.

Тесная связь "большой науки" и школы была актуальна 100 лет назад так же, как и сегодня. О важности этой связи директор императорской Николаевской царско-сельской гимназии и автор учебников по истории К.А. Иванов писал, что между профессором и учителем простирается бездна, а ведь ученые-историки могут оказывать крупные услуги средней школе¹. Иванов называл различные формы сотрудничества. Это – и чтение лекций учащимся и учителям, и доклады на учительских съездах, и издание учебных пособий.

Более прочной связи ученых со средней школой в XIX – начале XX в. способствовало то обстоятельство, что будущие ученые-историки в отличие от нынешних по окончании университетского курса, как правило, служили преподавателями гимназий или одновременно преподавали в высших и средних учебных заведениях. Так сложилась судьба и выдающегося ученого, члена-корреспондента Российской Императорской и Краковской академий наук, а затем почетного члена АН СССР Николая Ивановича Кареева (1850–1931)².

Сразу же после окончания университета Кареев преподавал в 3-й московской гимназии, а затем в женской классической гимназии С.Н. Фишер. Работа в гимназии привела Николая Ивановича к серьезным размышлениям о необходимости реформи-

¹ *Иванов К.А.* Очерки по методике истории. СПб., 1915, с. 14.

² О Н.И. Карееве подробнее см.: *Дунаевский В.А.* "Прожитое и пережитое": о жизни и творчестве академика Н.И. Кареева. – Новая и новейшая история, 1991, № 6; *Золотарев В.П.* Николай Иванович Кареев (1850–1931). – Новая и новейшая история, 1992, № 4.

рования школьного образования и о написании учебника по всеобщей истории. Претворилась в жизнь идея создания учебника только через четверть века – с выходом в свет его учебных книг по древней, средневековой и новой истории³, которые получили высокую оценку в России, неоднократно переиздавались и были переведены на болгарский и польский языки, вышли в сербском варианте.

Заметим, что и после 1917 г. к Карееву обращались с предложением переиздать учебники, предварительно переработав их в соответствии с новыми педагогическими требованиями, или написать заново. Но он отказывался, объясняя это тем, "что не всякий же хочет приспособляться и подделываться и хоть бы в мелочах с малейшим отречением от своего прежнего я"⁴.

Еще будучи молодым учителем, Кареев участвовал в издании первого тома "Учебно-воспитательной библиотеки", которую выпускал Учебный отдел Общества распространения технических знаний (ОРТЗ), созданного в 1869 г. с целью объединения ученых и педагогов, помощи им в решении профессиональных вопросов.

Позднее, в 1910–1917 гг., Кареев принял участие в издании этим же обществом пятитомника "Книга для чтения по истории нового времени". Им были опубликованы там несколько работ: "Влияние французской революции на другие страны" (т. III), "Внутренняя политика июльской монархии" (т. IV, ч. 1), "Объединение Германии" (т. V). Здесь были напечатаны и статьи профессора В.А. Бутенко⁵ "Французские политические теории XVIII века" (т. III), "Священный союз и международная политика эпохи реакции" (т. IV, ч. 1), а также работы других известных историков – Н.А. Рожкова, Е.В. Тарле, А.К. Дживелегова.

Под редакцией Кареева в 1906 г. был издан "Школьный исторический словарь", составленный его женой Софьей Андреевной. Около 6600 слов было включено в эту книгу – имена исторических деятелей, географические названия, научные термины с пояснениями.

Ученый издал ряд пособий, в которых обобщался изучавшийся в средних учебных заведениях материал по древнему миру, средним векам и новому времени⁶. К концу XIX – началу XX в. публиковались краткие конспекты по всеобщей истории⁷, но они лишь в сокращенной форме передавали содержание учебников и являлись, по мнению Кареева, "простым коммерческим предприятием, рассчитанным больше на лень, чем на прилежание учеников"⁸. Пособия Кареева имели принципиальное отличие – они были написаны с учетом содержания его учебников по всеобщей истории и в них прослеживалось стремление автора показать "движение всемирной истории", взаимоотношение эпох как частей одного всемирно-исторического целого, а поэтому на первый план выдвигались лишь "основные черты исторических взаимоотношений между отдельными народами, государствами и цивилизациями и основные черты сошедшей в истории человечества культурно-социальной эволюции"⁹.

Кареев явился одним из организаторов создания Отдела для содействия самообразованию при Педагогическом музее военно-учебных заведений в Санкт-Петербурге и принял участие в издании "Программ чтения для самообразования", подготовив материал по средневековой и новой истории Западной Европы и социологии.

³ Кареев Н.И. Учебная книга истории средних веков. СПб., 1900; *его же*. Учебная книга новой истории. СПб., 1900; *его же*. Учебная книга древней истории. СПб., 1901.

⁴ Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. Л., 1990, с. 301.

⁵ О В.А. Бутенко см. Золотарев В.П. Вадим Аполлонович Бутенко (1877–1931). – Новая и новейшая история, 1996, № 6.

⁶ Кареев Н.И. Главные обобщения всемирной истории. СПб., 1903; *его же*. Общий ход всемирной истории. СПб., 1903.

⁷ Краткий повторительный курс новой истории. СПб., 1874; Краткий конспект всеобщей и русской истории. М., 1915, и др.

⁸ Кареев Н.И. Главные обобщения всемирной истории, с. XII–XIII.

⁹ Там же, с. VIII.

Ученый издал серию брошюр, обращенных непосредственно к молодежи¹⁰, и получил множество писем от читателей со словами искренней благодарности. Петр Михайлович Клуник, житель Полтавской губернии, писал: "О, если бы Вы, дорогой друг современной русской молодежи, знали, с какой ненасытной жадой, с каким страстным энтузиазмом читаются современными молодыми людьми (провинциалами) Ваши столь чудные хорошие книжечки!"¹¹ Все эти книги ученого были переведены на болгарский язык, а "Письма к учащейся молодежи о самообразовании" были изданы на чешском, польском и сербском языках.

На страницах периодической печати в 1900–1917 гг. часто публиковались статьи Кареева о преподавании истории в средней школе¹². Заслуживает внимания работа Кареева "Заметки о преподавании истории в средней школе"¹³, в которой автор затрагивал такие важные вопросы, как роль учебника в школьном преподавании истории, выбор материала, требования к изложению, работа с книгой в классе, анализировал и сопоставлял расположение учебного материала в трех учебниках по новой истории – В.Я. Шульгина, П.Г. Виноградова и своем собственном. А книга Кареева "О школьном преподавании истории"¹⁴ с интересом читается и сегодня.

Кареев впервые стал читать лекции по методике преподавания истории в Варшавском университете. Он выступал и в Обществе гувернанток с лекциями "по вопросам о задаче преподавания истории, о выборе материала для школьного курса и о способах сообщения его учащимся"¹⁵. В 1915–1916 гг. Кареев прочитал лекции студентам Петроградского университета под общим названием "Из курса методики преподавания истории в школе".

Весьма активно ученый занимался и организаторской деятельностью. В 1889 г. по инициативе Кареева при Санкт-Петербургском университете было создано Историческое общество, председателем которого вскоре он стал. Ученый считал, что одной из важнейших задач этого общества является рассмотрение вопросов, связанных с преподаванием истории в средней школе. На его заседаниях было заслушано и обсуждено 16 рефератов по вопросам преподавания истории, четыре из которых сделал Кареев.

В "Историческом обозрении", печатном органе общества, издававшемся под редакцией Кареева, публиковались статьи о преподавании истории в высших и средних учебных заведениях, а также научные работы по проблемам всеобщей истории, авторами которых являлись видные ученые. Действительными членами общества были профессор, авторы учебников по всеобщей истории Р.Ю. Виппер, П.Г. Виноградов, А.С. Трачевский, В.А. Бутенко и др.

Николай Иванович стремился помочь делу народного просвещения и путем благотворительности. На свои средства в селе Аносове – имени матери – Кареев построил начальную народную школу. Доход с 3-го издания работы "Выбор факультета и прохождение университетского курса" он передал в пользу Общества

¹⁰ Кареев Н.И. Письма к учащейся молодежи о самообразовании. СПб., 1894; *его же*. Беседы о выработке мирозерцания. СПб., 1895; *его же*. Мысли об основах нравственности. СПб., 1895; *его же*. Мысли о сущности общественной деятельности. СПб., 1895, и др.

¹¹ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее – ОР РГБ), ф. 119, оп. 12, ед. хр. 105–206, л. 35.

¹² Кареев Н.И. О желательной постановке курса средневековой истории. – Русская школа, 1900, № 3–4; *его же*. В защиту научности всемирно-исторической точки зрения в преподавании истории. – Русская школа, 1904, № 2; *его же*. Из курса методики преподавания истории в средней школе. – Журнал Министерства народного просвещения, 1916, № 3; *его же*. Несколько личных воспоминаний и общих мыслей о преподавании истории в средней школе и о подготовке учителей. – Наука и школа, 1916, № 4–5; *его же*. История Французской революции в средней школе. – Вопросы преподавания истории в начальной и средней школе, 1917, вып. 2, и др.

¹³ Кареев Н.И. Заметки о преподавании истории в средней школе. СПб., 1900.

¹⁴ Кареев Н.И. О школьном преподавании истории. Пг., 1917.

¹⁵ Кареев Н.И. Несколько личных воспоминаний и общих мыслей о преподавании истории в средней школе и о подготовке учителей, с. 391.

вспомоществования нуждающимся учащимся 5-й московской гимназии¹⁶. Кареев пытался помочь и студентам. В Петербургский университет съезжалась молодежь из разных уголков России. Оторванные от домашнего очага, многие из них нуждались в поддержке. С этой целью и было создано Общество вспомоществования студентам. Кареев являлся председателем комиссии по присканию занятий студентам. Доход от шести изданий "Писем к учащейся молодежи о самообразовании" и некоторых других брошюр был передан Обществу, а гонорар от брошюры "Миросозерцание Грановского" отдан в пользу столовой, так как, судя по годовым отчетам университетского врача, "постоянно указывалось на желудочные заболевания студентов, вследствие недостаточности и однообразия пищи"¹⁷. Наряду с другими преподавателями Кареев читал лекции в пользу этого Общества. Да и не только этого.

Заслуга Кареева в области просвещения состоит и в том, что он, как многие образованные люди того времени, обращал внимание общественности на необходимость приобщения простого народа к достижениям науки и культуры. Он обучал детей истории и географии в начальном училище в Зайцеве – имении двоюродного брата О.П. Герасимова. В начале XX в. читал для молодежи из рабочей среды общеобразовательные курсы в так называемом народном университете П.Ф. Лесгафта, а также "университетском отделении" при общеобразовательных курсах А.С. Черняева. Кареев по-прежнему выступал с популярными лекциями и после 1917 г., но теперь его слушателями стали рабочие и крестьяне. Он беседовал с ними на историко-политические темы. Целью выступлений в столицах, губернских и уездных городах, селах и деревнях "была не пропаганда, не агитация, а информация, осведомление, разъяснение основных политических понятий, – вспоминал Кареев. – Я знаю твердо вот то-то и то-то, и пусть другие знают то же самое, потому что в самом знании заключается нечто важное, дорогое, интересное, самодовлеющее. Эту же мысль я проводил и в своих книжках о самообразовании, о выработке миросозерцания, об основах нравственности, о сущности общественной деятельности – в книжках, в свое время читавшихся множеством молодежи. Это вот и есть моя *faculté – maîtresse*, основной стержень моего я"¹⁸.

Другим известным ученым-историком, много сделавшим для среднего образования, был Павел Гаврилович Виноградов (1854–1925).

Родился он в Костроме, но вскоре семья переехала в Москву. В столице его отец служил директором 1-й мужской гимназии, затем начальником женских гимназий ведомства императрицы Марии Федоровны. Вначале Павел Гаврилович занимался дома, а потом поступил в 4-й класс 4-й московской гимназии, которую окончил с золотой медалью. Успешно завершив в 1875 г. образование на историко-филологическом факультете Московского университета, Виноградов с 1877 г. начал там чтение лекций. Защитив магистерскую диссертацию "Происхождение феодальных отношений в Лангобардской Италии", в 1881 г. он был избран доцентом, в 1884 г. – профессором. В 33 года защитил докторскую диссертацию "Исследования по социальной истории Англии в средние века", а в 38 лет стал членом-корреспондентом Российской академии наук. Виноградов получил мировое признание – он был избран почетным доктором Оксфордского, Кембриджского, Ливерпульского, Даремского, Гарвардского, Калькуттского, Берлинского университетов, членом Британской, Датской, Норвежской академии наук.

Деятельность Виноградова, направленная на развитие среднего образования в России, была тесно связана с его работой в Обществе распространения технических знаний. С 1890 г. работа ОРТЗ активизировалась и стала разнообразнее. В состав организации вошли молодые и энергичные ученые и преподаватели. В этом же году в ОРТЗ были образованы четыре комиссии – по русскому языку и словесности,

¹⁶ ОР РГБ, ф. 119, оп. 19, ед. хр. 9., л. 1.

¹⁷ Исторический очерк двадцатипятилетней деятельности Общества вспомоществования студентам С.-Петербургского университета. СПб., 1898, с. 60–61, 80.

¹⁸ Кареев Н.И. Прожитое и пережитое, с. 287.

математике, истории и естественным наукам. Позже к ним добавились комиссии по вопросам физического воспитания и по организации домашнего чтения. В работе комиссии преподавателей истории принимали участие В.И. Герье, В.О. Ключевский, П.Г. Виноградов, Р.Ю. Виппер, В.А. Фукс, а возглавил ее опытный учитель А.Н. Поливанов. С 1893 по 1899 г. председателем исторической комиссии был Виноградов, а с февраля 1897 г. по сентябрь 1898 г. он возглавлял Учебный отдел ОРТЗ.

Деятельность исторической комиссии была направлена на разработку новой программы и – в соответствии с ней – на написание учебника, составление книги для чтения и рассмотрение вопросов по методике истории.

На первом же заседании комиссии были приняты шесть тезисов, изложенных учеником и товарищем Виноградова – Виппером и О.П. Герасимовым. Эти тезисы стали отправными для дальнейшей работы, поскольку в них определялись цели преподавания истории в средней школе, при этом указывалось, что основой при выработке и распределении материала по всеобщей истории должна являться всемирно-историческая точка зрения, а в изложении отечественной истории – наряду со всемирно-исторической – национальная точка зрения. Намечалось, что именно необходимо учитывать при рассмотрении тех или иных фактов.

Работа по составлению новой программы строилась следующим образом: заслушивались рефераты, в которых анализировались западноевропейские и отечественные программы по истории, и обсуждались выступления по отдельным фрагментам программы. На заседаниях Виппер выступил с рефератом о программе по истории, действовавшей в австрийских школах¹⁹, и сделал доклад на тему "Общая схема изложения курса Реформации"²⁰. В его обсуждении принял участие Кареев.

Виноградов был также председателем Комиссии по организации домашнего чтения при Учебном отделе ОРТЗ. Одним из членов этой комиссии являлся и Виппер. Задачи комиссии заключались в руководстве домашним чтением с целью самообразования молодежи, желавшей восполнить свои знания путем изучения серьезной, научной литературы. Для осуществления поставленной цели комиссия издавала "Программы домашнего чтения", в которых предлагались различные варианты необходимой и рекомендуемой литературы в зависимости от уровня знаний молодежи. После краткого обзора важнейших явлений или событий были даны вопросы для самостоятельной проверки знаний. Под редакцией Виноградова и еще нескольких специалистов ОРТЗ издавалась "Библиотека для самообразования".

С 1896 г. в комиссии установилась традиция чтения лекций в губернских и уездных городах. В марте 1898 г. Виноградов выступил с тремя лекциями "О прогрессе" в Твери. Затем в ноябре 1900 г. в Рязани прочитал лекцию "Канун XX столетия"²¹, а в Историческом музее в Москве в октябре 1900 г. им была прочитана для учащихся лекция, послужившая основой для издания брошюры "Накануне нового столетия"²², в которой автор писал о достижениях XIX в.

При ОРТЗ была создана также комиссия публичных чтений для учащихся. Ее инициаторы проводили в праздничные дни научно-популярные чтения в Политехническом, а затем Историческом музее, используя цветные слайды, или, как тогда говорили, туманные картинки. Это было делом новым и необычным, поэтому привлекало слушателей. В 1893 г. Виноградов выступил с лекцией "Альфред Великий", которая впоследствии, как и некоторые другие лекции, прочитанные здесь учеными, вошла в четырехтомную "Книгу для чтения по истории средних веков" (1896–1899), изданную под его редакцией Учебным отделом ОРТЗ. Павел Гаврилович опубликовал там, кроме того, работы "Империя VI века и Юстиниан" (т. I) и

¹⁹ Русская школа, 1891, № 7–8, с. 297.

²⁰ Историческое обозрение, т. 3. СПб., 1891, с. 247.

²¹ Грузинский А.Е. Тридцать лет жизни Учебного отдела Общества распространения технических знаний. М., 1902, с. 91–93.

²² Виноградов П.Г. Накануне нового столетия. М., 1902.

"Подготовка феодализма" (т. II). Авторами статей были также профессор П.Н. Ардашев, написавший работу "Цезарий Гейстербахский (черты средневекового настроения и мировоззрения)" (т. II), "Базельский собор" (т. IV), Р.Ю. Виппер – "Франциск и Доминик. Возникновение нищенствующих орденов" (т. II) – и другие ученые. Книга получила высокую оценку современников – все статьи этой хрестоматии были безукоризненны в смысле выбора материала и его обработки²³ – и была удостоена премии Петра Великого.

Избранный в 1897 г. гласным Московской Думы, а затем став председателем думской училищной комиссии, Виноградов проявлял заботу об учащихсЯ начальной школы. Он делал доклады об улучшении быта учащихсЯ, о введении общедоступного обучения и в связи с этим – о создании сети училищ.

В конце 1890-х годов деятельность ОРТЗ была приостановлена попечителем Московского учебного округа за неприемлемый для правительства либерализм в его работе. Так как надежда на возобновление деятельности ОРТЗ без изменения направления и содержания ее работы была маловероятна, возникла идея образования новой организации²⁴.

Инициатором создания в 1898 г. Педагогического общества при Московском университете выступил Виноградов. Он и стал его первым председателем, а в 1902 г., сложив обязанности председателя, был избран почетным членом этого общества, в котором работали восемь отделений и пять комиссий. Членами Педагогического общества к концу 1900 г. были 846 человек! В 1898–1899 гг. Виноградов возглавлял отделение преподавателей истории, а затем на эту должность был избран Виппер. В дальнейшем Виноградов вошел в комиссию по подготовке преподавательского персонала, стал председателем комиссии по начальному образованию, был включен в состав комиссии, занимавшейся преобразованием женской школы, в которой позднее работал и Виппер.

При Педагогическом обществе была также создана комиссия, цель которой заключалась в выработке предложений о преобразовании средней школы. В ней обсуждалась организация учебных систем в общеобразовательных заведениях, а доклады и извлечения из протоколов заседаний были переданы в Высочайше учрежденную комиссию, в обязанность которой входило совершенствование средней общеобразовательной школы. Виноградов возглавил в этой государственной комиссии подкомиссию по выработке плана создания школы нового типа.

Однако министр просвещения Н.П. Боголепов отнюдь не стремился к преобразованиям, которые носили бы глубокий характер, что видно из его циркуляра попечителям учебных округов от 8 июля 1899 г. Там ставилась цель указать меры к устранению недостатков "при условии сохранения основ классической гимназии и реального училища, как главных типов этой школы в России"²⁵. Виноградов же – в духе времени – выступал против элитных классических гимназий, которые, по его мнению, не удовлетворяли "ни общественным, ни педагогическим требованиям"²⁶, и предлагал не ограничиваться частичными изменениями и переделками классической школы, а подумать о новом типе учебных заведений. Исходя из того, что "наш народ нуждается в просвещении во всех его формах и видах и, чем глубже оно проникнет в массы, тем будет лучше"²⁷, он высказывался за создание школы, состоящей из двух отделений: младшее – пять классов, старшее – три класса. Виноградов подробно останавливался на том, какие предметы должны изучаться в каждом классе и сколько часов на них необходимо отвести.

Суть проекта сводилась к созданию единой общеобразовательной школы, целью

²³ Русская школа, 1897, № 3, с. 191.

²⁴ Грузинский А.Е. Указ. соч., с. 33–34.

²⁵ Труды Высочайше учрежденной Комиссии по вопросу об улучшениях в средней общеобразовательной школе. СПб., 1900, вып. I, с. II.

²⁶ Там же, вып. VI, с. 186.

²⁷ Там же, вып. I, с. 8.

которой должны были стать разностороннее и гармоничное развитие личности, получение среднего образования и необходимая подготовка к высшему.

Проект сразу же нашел многих сторонников, например, в лице директора частной Санкт-Петербургской гимназии и реального училища Я.Г. Гуревича, преподавателя Вятского реального училища Н.А. Феликсова.

Идеи народного образования и просвещения были близки и ученику Виноградова, видному специалисту по всеобщей истории Роберту Юрьевичу Випперу. Так же как и Виноградов, родился он в семье педагога. Его отец не только преподавал в Московской практической академии коммерческих наук, гимназических классах при Лазаревском институте, работал инспектором в Училище живописи, ваяния и зодчества, но и написал для школы несколько учебников.

Роберт Юрьевич окончил с золотой медалью классическую гимназию при Лазаревском институте восточных языков и поступил на историко-филологический факультет Московского университета. Он занимался у В.И. Герье, С.М. Соловьева, В.О. Ключевского, П.Г. Виноградова, Н.И. Кареева. По окончании обучения Виппер преподавал в Училище живописи, ваяния и зодчества, в училище Св. Екатерины в Москве, Николаевском женском училище, в частной гимназии Пуссель²⁸. После защиты в 1894 г. докторской диссертации "Церковь и государство в Женеве XVI века в эпоху кальвинизма" работал в университетах в Одессе, Риге, Ташкенте и много лет – в Московском университете. Лекции Виппера слушали известные впоследствии историки: В.П. Волгин, Н.М. Лукин, С.Д. Сказкин и др. "Самым выдающимся профессором историко-филологического факультета 1911–1916 гг. назвал Виппера академик Н.М. Дружинин²⁹. Большой педагогический опыт в дальнейшем помог ученому в сложной работе написания учебников для школы³⁰, которые издавались и после 1917 г.

Вопрос, обсуждавшийся на страницах периодической печати и в педагогических кругах, о неподготовленности учителя не оставил ученого равнодушным. Виппер видел причину появления "слабых, вялых, рутинных" преподавателей прежде всего в колоссальной нагрузке педагога. "Ведь по трате умственной и нравственной силы, по сложности и тонкости задачи труд преподавателя среднеучебных заведений приближается к профессорскому", – писал Роберт Юрьевич, исходя из собственного опыта преподавания в высших и средних учебных заведениях. Помимо проведения уроков и подготовки к ним, считал он, преподавателю необходимо читать научные труды, журналы, поскольку средняя школа должна отвечать современному уровню науки. Особое внимание Виппер предлагал обратить на устройство при общеобразовательных учреждениях библиотек, которые должны получать новые издания отечественной, иностранной учебной и научно-популярной литературы, научные журналы. Для того чтобы "сохранить его человеческие силы и дать ему простор развивать и совершенствовать их"³¹, Виппер предлагал улучшить материальное положение учителей, ограничить учебную нагрузку (16–20, но не более 25 уроков в неделю), дать широкий простор общению учителей, для чего использовать педагогические кружки и общества, проводить съезды преподавателей.

В связи с недостатками, существовавшими в средней школе, и стремлением Министерства народного просвещения провести в ней некоторые преобразования профессорам Московского университета предлагалось ответить на ряд вопросов. Весьма интересны ответы экстраординарного профессора Виппера. Так, на вопрос:

²⁸ Сафронов Б.Г. Историческое мировоззрение Р.Ю. Виппера и его время. М., 1976, с. 13.

²⁹ Московский университет в воспоминаниях современников (1755–1917). М., 1989, с. 610.

³⁰ Виппер Р.Ю. Учебник древней истории. М., 1900; *его же*. Учебник истории средних веков. М., 1903; *его же*. Учебник новой истории. М., 1906; *его же*. Краткий учебник истории средних веков. М., 1911; *его же*. Краткий учебник новой истории. М., 1912; *его же*. Древняя Европа и Восток. Учебник для младших классов гимназий. М., 1914; *его же*. Новая история. 1500–1917. М., 1918.

³¹ Виппер Р.Ю. Специальная подготовка преподавателя средней школы или поднятие его положения? – Вестник воспитания, 1898, № 6, с. 56, 69.

какие недочеты замечаются в познаниях по общеобразовательным предметам и в общем развитии абитуриентов гимназий, затрудняющие им занятия университетской наукой? – ученый ответил, что для успешного занятия в высших учебных заведениях "не хватает общего развития, умственной восприимчивости". Вина школы, по его мнению, "не в том, что она упускает что-либо дать своим ученикам, а в том, что она мешает им в течение всего учебного курса подумать о чем-либо другом, кроме школы и школьных занятий. Вина ее в том, что она видит в ученике только своего клиента, и больше ничего. Вина ее в том, что она берется сделать с ним и для него все, что ему нужно для жизни, что она берет человека в возрасте от 10 до 20 лет всего, без остатка... Школа должна отказаться от идеала своего вседеприсутствия и всепоглощения... Университет только на то и может жаловаться, что в его среду являются люди, ничего не читавшие, не имевшие досуга о чем-либо подумать, люди, принадлежавшие четверть жизни руководству, точнее говоря, заданному уроку, но не нашедшие времени остановить на чем-либо свой индивидуальный интерес"³².

Виппер не раз обращался и к конкретным вопросам изучения истории. Так, некоторые затруднения в преподавании древней истории и необходимость внесения в традиционную схему преподавания коррективов, связанных с последними данными современной науки, привели Виппера к написанию статьи "Школьное преподавание древней истории и новая историческая наука"³³.

Необходимость более тесной связи науки и среднего образования отмечал и специалист по всеобщей истории Павел Николаевич Ардашев (1865–1922). Выпускник историко-филологического факультета Московского университета, ученик В.И. Герье, В.О. Ключевского, П.Г. Виноградова, Ардашев успешно сочетал научную деятельность с педагогической. Написанная им работа "Переписка Цицерона как источник для истории Юлия Цезаря" была удостоена золотой медали. За труд "Провинциальная администрация во Франции в последнюю пору старого порядка" (1900 г.) ему была присуждена премия С.М. Соловьева и степень магистра всеобщей истории. С 1898 г. Павел Николаевич преподавал в Санкт-Петербургском, Новороссийском, Юрьевском, а затем Киевском университетах. В 1906 г. защитил докторскую диссертацию.

Он не забывал и о школе. Им был написан учебник по новой истории³⁴, который в 1915 г. на конкурсе учебников по этому предмету был удостоен Ученым комитетом Министерства народного просвещения половины Большой премии.

Ардашев принял участие в издании "Книги для чтения по истории средних веков" и составил хрестоматию по всеобщей истории³⁵. В периодической печати появлялись его рецензии на учебники Виноградова и работы Кареева, обращенные к молодежи³⁶.

Николай Александрович Рожков (1868–1927) тоже окончил историко-филологический факультет Московского университета. За работу "Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в". Рожкову была присуждена степень магистра и большая Уваровская премия Академии наук. С 1891 г. ученый преподавал в Пермской гимназии, Московском университете, 3-м кадетском корпусе, Практической академии коммерческих наук, Межевом институте, на Высших коммерческих курсах; читал лекции по русской истории на земских курсах для учителей в Курске, Воронеже, Тамбове, Уфе, Ржеве; был профессором методики истории, русской истории, истории народного хозяйства; четыре года занимал должность ректора Педагогического института в Ленинграде, работал в Институте красной профессуры, Академии

³² Соповещения, происходившие в 1899 г. в Московском учебном округе, по вопросам о средней школе, в связи с циркуляром г. министра народного просвещения от 8 июля 1899 г. за № 16212, вып. 6. М., 1899, с. 11.

³³ Вестник воспитания, 1898, № 1, с. 20–67.

³⁴ Ардашев П.Н. Курс новой истории для VII класса мужских гимназий. Киев, 1915.

³⁵ Хрестоматия по всеобщей истории. Новая история в отрывках из источников, ч. I–II. Сост. П.Н. Ардашев в сотрудничестве с прив.-доц. Н.И. Никифоровым и др. Киев, 1914–1915.

³⁶ См. Исторический вестник, 1894, № 7; 1895, № 5, 9; 1896, № 6; Литературное обозрение, 1895–1896.

коммунистического воспитания, был директором Государственного Исторического музея.

Рожков последовательно высказывался за реформу школы, "но без поспешного и широкого применения новшеств, не проверенных экспериментально"³⁷. Очевидно, преподавание в Пермской гимназии древних языков с использованием текстов римских и греческих писателей привело Рожкова к выработке метода преподавания истории в школе по источникам. По мнению ученого, метод практических занятий являлся наиболее живым и творческим. Учебник, считал ученый, должен быть лишь справочной книгой и содержать "только конспект общих выводов, самые необходимые имена, цифры, даты, все, что безусловно необходимо взять памятью"³⁸. Теоретические положения Рожков воплотил в учебниках по отечественной и всеобщей истории³⁹.

В большом труде "Методика преподавания истории и история XIX века" ученый отмечал, что преподаватель должен добиваться от ученика самостоятельной работы мысли и критического отношения к различным явлениям, способности выбрать, обдумать и усвоить определенный круг убеждений и уметь их отстаивать. Основываясь на том, что преподавание "есть по существу искусство, т.е. свободное творчество"⁴⁰, автор не стремился давать готовые правила и наставления – он пытался активизировать преподавателей на творческую работу. В периодической печати часто публиковались рецензии Рожкова на различные школьные издания: учебники, хрестоматии, книги для чтения⁴¹.

Педагогическая и просветительская деятельность ученых-историков имела большое значение для народного образования России. Однако первостепенную роль в распространении исторических знаний сыграло создание ими ряда учебников для средних учебных заведений. По этим книгам училось не одно поколение школьников, и во многом они не утратили своей ценности и сегодня.

Новые учебники появились на рубеже XX столетия, когда в России уже веяли "революционные ветры". В обществе накапливалось недовольство старыми, консервативными порядками, в частности, все чаще звучали голоса критиков системы образования. В среде прогрессивных ученых-историков и преподавателей стал активно обсуждаться вопрос о несоответствии между развитием исторической науки и содержанием учебников. Так, критике подверглись неоднократно переиздававшиеся в течение более 30 предшествовавших лет учебники по всеобщей истории И.И. Беллярминова и Д.И. Иловайского⁴². Учебники эти привлекали внимание учеников и учителей простотой изложения, интересно подобранным материалом. Но они, безусловно, устарели, и у профессора Г.В. Форстена были основания считать, что учебник Иловайского по новой истории "решительно непригоден для наших гимназий, он только задался целью извращать факты, а не объяснять их, не излагать их согласно с исторической правдой"⁴³.

³⁷ Памяти Николая Александровича Рожкова. М., 1927, с. 7–11.

³⁸ Рожков Н.А. Методика преподавания истории и история XIX века. Пг., 1918, с. 32.

³⁹ Рожков Н.А. Учебник русской истории для средних учебных заведений и для самообразования. М., 1901; *его же*. Учебник всеобщей истории для средних учебных заведений и для самообразования. СПб., 1904; *его же*. Учебник истории всеобщей и русской. Курс систематический для второй ступени единой трудовой школы и для самообразования, вып. 1–4. Пг., 1921–1922; *его же*. Рассказы из русской истории для самообразования. Деятнадцатый век. Л.–М., 1925; *его же*. Учебник истории труда. Л., 1925.

⁴⁰ Рожков Н.А. Методика преподавания истории и история XIX века, с. 1.

⁴¹ Жизнь, 1900, № 11; Вестник воспитания, 1903; № 9; Современный мир, 1911, № 3, 5, 8; 1912, № 11; 1913, № 10; 1914, № 6; 1916, № 2.

⁴² Беллярминов И.И. Элементарный курс всеобщей и русской истории, 46 изд. СПб., 1917; Иловайский Д.И. Руководство ко всеобщей истории. Средний курс, 35-е изд. СПб., 1914; *его же*. Руководство ко всеобщей истории. Курс старшего возраста, ч. 3, 30-е изд. СПб., 1916; *его же*. Сокращенное руководство ко всеобщей истории. Для младшего возраста, 32-е изд. СПб., 1916.

⁴³ Журнал Министерства народного просвещения, 1901, № 2, с. 53.

Однако, несмотря на отрицательные отзывы учителей и ученых, министерство по-прежнему внедряло эти книги в средние учебные заведения. В то же время возникали трудности при утверждении учебников Виноградова и Кареева в Ученом комитете министерства. Чтобы не допустить эти учебники в школу, впервые была создана "особая комиссия" по их проверке. Но члены комиссии после всестороннего анализа пришли к выводу, что "учебные книги гг. Кареева и Виноградова отличаются бесспорными научными достоинствами и соответствующим задачам современного преподавания истории подбором научно-исторического материала: в этом отношении они стоят выше всех прочих существующих в нашей педагогической литературе учебников всеобщей истории"⁴⁴.

С появлением "профессорских учебников" Кареева, Виноградова, Виппера "преподавание истории в средней школе получило совершенно иной размах и другое направление"⁴⁵. В чем было их принципиальное отличие? Вот что отмечали преподаватели, занимавшиеся на курсах учителей: "Строго научное построение учебника у всех трех авторов, новые принципы в группировке материала и особый тип карт у Н. Кареева, конкретность в изложении, сосредоточение внимания преимущественно на типах общественных форм и главных моментах общественного развития у Р. Виппера – вот то новое, что было внесено настоящими учебниками в педагогическую литературу по истории"⁴⁶. Вслед за этими книгами появились учебники и других преподавателей университетов – Ардашева, Бутенко, Рожкова.

Новые учебники, в которых сочетались синтез научных знаний и педагогическое мастерство авторов, действительно позволили поднять учебную литературу на качественно новый уровень.

Кареев высказывал мнение, что ни программа, ни учебник не должны ограничивать преподавателя истории настолько, чтобы он не вносил личную инициативу и свой вклад в преподавание этого сложного предмета⁴⁷. К тому же учебник для преподавателя "не должен быть чем-то неприкосновенным"⁴⁸, в процессе работы учитель мог по своему усмотрению делать сокращения. Многие параграфы в учебных книгах Кареева были отмечены звездочкой и предназначались только для ознакомления с ними учащимися.

В учебнике Кареева по новой истории 1900 г. издания было 338 страниц. В учебнике по тому же предмету Виноградова, считавшего, что учебник – это лишь основание, от которого удобно отталкиваться преподавателю, "а ученикам важно возвращаться к нему, чтобы свести слышанное к общему порядку и единству"⁴⁹, было на 100 страниц меньше.

К краткому типу учебников относились школьные книги Рожкова. Он был сторонником изучения гимназического курса истории по первоисточникам.

Многие ученые и преподаватели не одобряли столь краткого изложения. "Учебник новой истории" Виппера (1910 г.) имел 520 страниц. Одни считали, что если этот учебник "зубрить, то он велик и труден, но если по нему учиться в атмосфере живого слова преподавателя, свободного в своей педагогической работе, то никаких трудностей предвидеть нельзя"⁵⁰. Другие утверждали, что учебник Виппера из-за объема не пригоден для школы, но с пользой может служить настольной книгой для начи-

⁴⁴ *Золотарев В.П.* Учебник как фактор формирования личности учащегося (о первой экспериментальной проверке в России школьных учебников истории). – Формирование личности советского учащегося, вып. 3. Вологда, 1977, с. 160.

⁴⁵ *Вебер Г.К.* Обзор учебников для пропедевтического курса всеобщей истории. – Вопросы преподавания истории в средней и начальной школе, сб. 1. М., 1916, с. 208.

⁴⁶ Труды курсов для учителей средней школы 5–25 июня 1907 г. СПб., 1908, с. 152.

⁴⁷ *Кареев Н.И.* Заметки о преподавании истории в средней школе, с. 72.

⁴⁸ *Кареев Н.И.* О школьном преподавании истории, с. 199.

⁴⁹ *Виноградов П.Г.* Учебник всеобщей истории. Ч. III. Новое время. М., 1910 (Предисловие).

⁵⁰ Образование, 1906, VIII, отд. II, с. 151.

нающих преподавателей, являться пособием для интересующихся историей учеников и применяться для специального курса по истории XIX в.⁵¹

При создании учебных книг Виппер исходил из того, что "история может давать материал для сравнений, умственных опытов и заключений, которые помогли бы понять условия и ход развития человеческих обществ"⁵². Выступая на съезде учителей в 1906 г., Виппер подчеркивал, что "человек должен быть вооружен не правилами жизни, а средствами, орудиями для разыскания истины. Отсюда необходимо приучать в школе анализировать, делать самостоятельные заключения"⁵³. Журнал "Образование" отмечал: "Учебник г. Виппера действительно учит: он не говорит: веруй в то и то – он заставляет размышлять, анализировать, сопоставлять, менее всего способен призывать к слепой вере или узкой партийности"⁵⁴.

В соответствии с определенной исторической комиссией ОРТЗ целью преподавания истории в средних учебных заведениях как "развития в учащихся исторического отношения к жизни, которое должно выразиться в понимании процесса исторического развития и значения важнейших его моментов и результатов"⁵⁵, вставал вопрос о применении нового метода построения учебников и критериях отбора материала.

При написании учебника Виноградов стремился "изложить существеннейшие факты новой истории в таком выборе и порядке, чтобы выяснились общий ход развития и причинная связь главнейших событий"⁵⁶.

Виппер основное внимание уделял знакомству учащихся с "главными типами общественных форм и главными моментами общественного развития"⁵⁷. Он сравнивал социально-экономические процессы в различных государствах и стремился показать общие черты исторического развития. "Мы будем заботиться о том, – писал ученый, – чтобы сделать строгий выбор типического и существенно необходимого для выяснения общих исторических понятий"⁵⁸.

Кареев не возражал против применения сравнительно-исторического метода в преподавании истории, однако был против того, чтобы подменять таким подходом всемирно-исторический метод при построении курса всеобщей истории⁵⁹. Последний защищали академик А.С. Лаппо-Данилевский, профессор И.М. Гревс, методист Н.П. Покотило. Такой подход был поддержан и ОРТЗ, признавшим его "единственно возможным" при выборе и распределении материала по всеобщей истории⁶⁰. При отборе материала Кареев учитывал три условия: "Во-первых, это должны быть народы, внутренняя история которых представляет богатое развитие форм и особый теоретический интерес. Во-вторых... государства, игравшие наиболее важную роль в международных отношениях... В-третьих, нужно, чтобы народы, внутренняя жизнь которых особенно должна быть выдвинута в учебнике, играли первенствующую роль и в общем развитии цивилизации"⁶¹. Исходя из этого, Кареев отбирал факты по степени их значимости и на первый план выдвигал вопросы внешней или внутренней политики, социальной жизни, вопросы культуры и религии. Он считал необходимым и важным наличие в учебнике общей культурной или социально-политической характеристики для каждой эпохи и предпочтение отдавал внутренней истории перед внешней.

⁵¹ Покотило Н.П. Практическое руководство для начинающего преподавателя истории. СПб., 1912, с. 379.

⁵² Виппер Р.Ю. Учебник новой истории. М., 1910, с. III.

⁵³ Съезд учителей и деятелей средней школы в Петербурге. Июнь 1906 года. СПб., 1906, с. 116.

⁵⁴ Образование, 1906, VIII, отд. II, с. 151.

⁵⁵ Историческое обозрение, т. 1. СПб., 1890, с. 269.

⁵⁶ Виноградов П.Г. Учебник всеобщей истории, ч. III. М., 1913 (Предисловие).

⁵⁷ Виппер Р.Ю. Учебник древней истории. М., 1900, с. 1.

⁵⁸ Виппер Р.Ю. Школьное преподавание древней истории и новая историческая наука. – Вестник воспитания, 1898, № 1, с. 67.

⁵⁹ Кареев Н.И. О школьном преподавании истории, с. 123.

⁶⁰ Историческое обозрение, 1890, т. 1, с. 269.

⁶¹ Кареев Н.И. Заметки о преподавании истории в средней школе, с. 13–14.

При изучении внешней политики, писал Кареев, у учащихся должно сложиться "ясное представление об общем ходе главных перемен в международных отношениях"⁶², т.е. учащиеся должны понять, как складывалась политическая карта, чем объясняется рост или упадок государств, их роль в ту или иную историческую эпоху.

Хотя Кареев полагал, что в учебнике должны преобладать факты внутреннего развития государств, так как международное положение страны зависит и от внутренних его отношений, материал, посвященный международным вопросам, был изложен в его учебнике полно и системно. Автор выделял его в отдельные параграфы или отдельные блоки. Из 353 параграфов книги по новой истории 74 раскрывают международные отношения, 35 из которых даны для ознакомления. Кареев показал изменения, произошедшие в международных отношениях в новое время. Он считал, что отличительной особенностью этого раздела всеобщей истории явились большие европейские войны, создание системы политического равновесия и дипломатии как отрасли государственной деятельности⁶³.

В изложении внутренней истории государств, по мнению Кареева, первостепенное значение должно уделяться истории общественного строя и государственной организации. Ученый предлагал выдвигать на первый план основной процесс, около которого затем группировать самые различные события. Примером может служить "развитие королевской власти во Франции, развитие народного представительства в Англии, развитие княжеского мелкочерковия (Kleinstaaterei) в Германии"⁶⁴. В учебнике Кареева имеются сведения и по истории Польши, Австрии, Бельгии, Голландии, Дании, Ирландии, Испании, Италии, Португалии, Пруссии, Северо-Американских Соединенных Штатов, Швейцарии, Швеции и Шотландии. Чтобы у учеников возникло целостное представление об истории этих стран, автор в приложении поместил краткий очерк их истории с указанием параграфов учебника, где с этим можно ознакомиться.

Кареев предлагал сосредоточить внимание "на постоянно действующих силах и господствующих процессах"⁶⁵. Под этими силами он подразумевал правительства и общественные классы. Характеризуя экономические отношения XIX в., Кареев выделил два главных явления – отмену крепостного права и развитие пролетариата⁶⁶.

Рожков придавал значение именно экономическому развитию государств, исходя из убеждения, что "экономика дает ключ к пониманию политики"⁶⁷. В первом же параграфе его учебника отражены экономические изменения при переходе к истории нового времени. Рожков стремился прежде всего показать экономические причины совершившихся событий. Например, чартизм в Англии историк связывал с кризисом капиталистического перепроизводства товаров. "Чартизм прекратился, – писал Рожков, – когда кризис миновал"⁶⁸.

Виппер особое внимание уделил общественным отношениям, наиболее полно отразил сословные, классовые противоречия, показал выступления народа, развитие рабочего движения и социалистических идей в странах Западной Европы. В его учебнике рассматривались содержание Манифеста Коммунистической партии 1848 г., цели и задачи Интернационала, основные идеи Ф. Лассалья.

Первостепенная роль при изложении внутреннего развития государств отводилась Кареевым, Виноградовым, Виппером формам общественного строя, политическим учреждениям, положению различных классов общества, а также духовной культуре.

⁶² Там же, с. 10.

⁶³ Кареев Н.И. Учебная книга новой истории, с. 39.

⁶⁴ Кареев Н.И. Заметки о преподавании истории в средней школе, с. 121.

⁶⁵ Там же, с. 11.

⁶⁶ Кареев Н.И. Введение в курс истории новейшего времени. Варшава, 1881, с. 79.

⁶⁷ Рожков Н.А., Соколов А.В. О 1905 г. Воспоминания. М., 1925, с. 4.

⁶⁸ Рожков Н.А. Учебник всеобщей истории для средних учебных заведений и для самообразования, с. 114–115.

В учебниках ученых в отличие от прежних школьных книг рассматривались сложные вопросы мирозозерцания. "Религиозные верования народов, их теоретические представления о мире и человеке, их нравственные и общественные идеалы, их научные знания и т.п., – писал Кареев, – вот целый мир исторических явлений, в научное понимание которого должно ввести преподавание истории и на который поэтому в учебнике должно быть обращено особое внимание"⁶⁹. Кареев стремился показать не содержание религиозных верований, а отразить развитие религиозных представлений.

В учебниках Кареева имелись краткие очерки из области научных знаний и философии учений. В учебнике новой истории ученый посвятил отдельную главу гуманизму. Он объяснил происхождение этого термина, дал общее понятие о гуманизме, показал характерные и отличительные черты развития гуманизма в Италии, Франции, Англии, Германии, влияние гуманизма на науку. Кареев писал о великих открытиях Коперника, Кеплера, Галилея, научных исследованиях Везалия, Парацельса, Сервета, Гарвея. Кареев показал два противоположных направления новой философии: "эмпирическое", основателем которого был Бэкон, и "умозрительное", родоначальником которого являлся Декарт. Кратко изложив суть этих учений, он сделал заключение, что одно направление "видело источник знания в человеческом опыте, другое – в человеческом разуме"⁷⁰.

В главе "Просвещение XVIII в." Кареев знакомил учащихся с особенностями развития философии, литературы. Автор кратко писал о рационализме, деизме, естественном праве. Кареев рассказал о "просветительной" литературе Франции и Германии, выявил их отличительные черты.

Ученый показал не только культурное развитие отдельных народов, но, что особенно ценно, обратил внимание на их взаимообогащение. Историк подчеркивал, что народы живут не замкнутой жизнью. В результате их общения происходит распространение языков, знаний, религиозных представлений. Постоянное движение народов способствует их культурному обогащению. Учебники Кареева составлены так, что перед учащимися предстает "не история отдельных народов, а история человечества"⁷¹ в его развитии. Такой подход может быть использован современными авторами школьных учебников.

В учебнике Виноградова материал по искусству, литературе и науке различных государств сгруппирован в отдельные главы. Так, в разделе "Реформация" он писал о немецкой, итальянской, фламандской и голландской школе живописи, о литературе Италии, Испании, Франции, Англии, о философии Бэкона, о научных открытиях Коперника, Галилея, Гарвея. Во втором разделе "Старый порядок" Виноградов поместил главу "Литература и ее влияние", в которой рассказал о лжеклассической трагедии, о рационализме, просветительном движении, новом направлении – политической экономии.

В учебнике Виппера есть обобщающая глава "Мировоззрение XVI и первой половины XVII в.", материал о культурном развитии стран расположен непосредственно в очерках об историческом развитии той или иной страны.

Кареев считал, что общепринятое деление всемирной истории "не имеет ни малейшего научного основания". По мнению ученого, было бы правильнее выделить два больших "равносильных" отдела: древний мир; средние века, новое и новейшее время⁷². Однако, учитывая, что деление на древнюю, среднюю и новую историю стало признанным и внешне удобным, Кареев в учебных книгах придерживался утвердившегося принципа периодизации. Наряду с другими историками он относил к средневековью XIV и XV вв., считая их переходным периодом к новому времени и характери-

⁶⁹ Кареев Н.И. Заметки о преподавании истории в средней школе, с. 16.

⁷⁰ Кареев Н.И. Учебная книга новой истории, с. 23.

⁷¹ Покотило Н.П. Указ. соч., с. 382.

⁷² Кареев Н.И. Общий ход всемирной истории, с. 21–22.

зую как разложение и упадок католико-феодалного строя и усиление государственного начала⁷³.

Ученый отмечал, что XIV–XV вв. – это время сословной монархии, XVI в. – переход к королевскому абсолютизму, XVII–XVIII вв. – торжество королевского абсолютизма, а события конца XVIII в. открывали эпоху участия "бессловного общества" в верховной власти.

Виноградов закончил учебник средних веков открытием Америки и Возрождением, а с Реформации начал новую историю. Такое распределение материала вызвало критику, поскольку "возрождение и реформация – две стороны одного и того же явления, "протест против средневекового мирозерцания" и разделять их очень неудобно"⁷⁴.

Учебник Кареева по новой истории начинался с географических открытий, Возрождения и Реформации⁷⁵.

Гуманизм и Реформация по своей сути были чужды средневековью, разрушали старое религиозное и светское мирозерцание, оказали огромное влияние на становление нового человека, подготавливая его к преобразованию общества. "Гуманизм и Возрождение, – отмечал Ардашев, – положили начало независимым от церковно-религиозных потребностей светской науке, светской философии, светскому искусству"⁷⁶. Кареев утверждал, что "вся культура нового времени коренится в гуманистическом движении XIV–XVI вв."⁷⁷ Реформация отвергла притязания о превосходстве духовной власти над светской, что, по мнению Ардашева, создало для государства важную опору и содействовало его усилению⁷⁸.

Географические открытия не только способствовали расширению умственного кругозора европейских народов, отмечал Кареев, но и оказали влияние на экономическую жизнь общества. Золото и серебро, хлынувшие в Европу в результате открытий, вызвали "целый экономический переворот" и содействовали "развитию денежного хозяйства, которым еще раньше начало вытесняться средневековое хозяйство натуральное"⁷⁹.

Бутенко также оценивал явления, вызванные открытиями, как переворот в сфере экономической политики и посвящал этому вопросу целую главу учебника. "Великие морские открытия конца XV и начала XVI веков, – писал он, – дают могущественный толчок всемирной торговле, приводят к торжеству денежного хозяйства, способствуют возникновению крупной капиталистической промышленности, заставляют европейские государства бросаться на завоевание колоний и распространяют владычество европейских народов на другие части света". Далее Бутенко показывал, что преобразования в духовной и экономической жизни повлекли за собой и политические изменения: "Начинается процесс централизации государственной власти и создания сильных национальных государств"⁸⁰. Отмечая крупные перемены в жизни европейских народов, связанные с Возрождением, Реформацией и открытиями, Виппер подчеркивал, что "в строении общества, в устройстве труда, в научных понятиях перемены начинаются позднее, с XVII и XVIII веков"⁸¹.

История нового времени разделялась дореволюционными учеными на периоды, за начало и конец которых принимались важные события, повлиявшие на дальнейшее

⁷³ Кареев Н.И. Введение в курс истории новейшего времени, с. 13; *его же*. Общий ход всемирной истории, с. 160.

⁷⁴ Покотило Н.П. Указ. соч., с. 389–390.

⁷⁵ См. Кареев Н.И. Учебная книга новой истории.

⁷⁶ Ардашев П.Н. Курс новой истории для VII класса мужских гимназий, с. 89.

⁷⁷ Кареев Н.И. Учебная книга новой истории, с. 10.

⁷⁸ Ардашев П.Н. Курс новой истории..., с. 99.

⁷⁹ Кареев Н.И. Учебная книга новой истории, с. 8.

⁸⁰ Бутенко В.А. Курс новой истории. М., 1915, с. 3, 4.

⁸¹ Виппер Р.Ю. Учебник новой истории, с. 1.

развитие европейских народов, но у каждого историка был свой взгляд на значение того или иного явления, поэтому деление на периоды было различным.

Кареев разделял новую историю на два периода – реформационный (1517–1648) и период развития абсолютной монархии (1648–1789)⁸². Однако в учебник по новой истории включил и XIX в., указав при этом, что новейшее время начинается с Французской революции⁸³. Он считал ошибочной точку зрения хронологов, предлагавших брать за начало новейшей истории 1815 г. Вообще же хронологические рамки новейшей истории были весьма подвижны. Наиболее близкое к живущему поколению время стали называть "новейшей историей", и XIX в. одни ученые считали новейшей историей, другие выделяли это столетие как самостоятельный четвертый раздел всеобщей истории.

Виппер выделял в новой истории три периода. Первый период автор называл веком Реформации и датировал его 1500–1660 гг. Второй период – 1660–1789 гг. – временем, когда еще сохранялись приемы правления феодального порядка, но среди переселенцев в Америке стали складываться демократические и автономные порядки, послужившие примером для Европы. К третьему периоду Виппер относил 1789–1917 гг., время, когда "происходит индустриальный переворот и политическая революция"⁸⁴.

В дореволюционных школьных учебниках Английская революция показана не как единый процесс, а разделена на две революции: одну – 40-х годов XVII столетия, вторую – 1688 г. Наиболее подробно (в двух главах) описаны события Английской революции в учебнике Виппера, где большое внимание автор уделяет развитию торговли, промышленности, религиозному вопросу в этой стране в XVI – начале XVII в. В учебнике Ардашева лишь несколько строчек сообщают школьникам о борьбе парламента и короля в Англии.

Виноградов, Кареев и Бутенко отводили приблизительно одинаковый объем (около 10–15 стр.) на изложение данной темы, при этом Бутенко считал, что республика "была делом ничтожного меньшинства английской нации, случайно воспользовавшегося в данную минуту властью"⁸⁵, Виппер отмечал, что новый строй зависел "от победы религиозных партий"⁸⁶, а Кареев писал, что "английская республика была делом одной индипендентской партии, стоявшей во главе вооруженной силы"⁸⁷. Первостепенное значение в освещении происходивших событий все либеральные историки придавали религиозным разногласиям.

События 1688 г. оценивались историками двояко: и как вторая революция, и как переворот, главное значение которого заключалось в переходе верховной власти к аристократическому парламенту.

Немаловажное место учеными отводилось Французской революции конца XVIII в. Кареев полагал, что рассматривать Французскую революцию конца XVIII в. можно в двух аспектах: с точки зрения национальной – "как глубокий и затяжной кризис", и с всемирно-исторической – когда на первый план выдвигалось "универсальное, общеевропейское значение революции"⁸⁸. Именно с этой позиции и подходил Кареев к изложению материала. В отдельном параграфе учебной книги по новой истории он раскрывал причины ее влияния на другие страны.

Виноградов начинал свои размышления о терроре с сентябрьских событий 1792 г. Народ, победивший в революции, писал он, был полон желания защитить родину от внешних и внутренних врагов. Дантон не остановил проявления таких качеств, как "подозрение против всех потерпевших от революции, ненависть низших классов к высшим, жажда мщения и корысть". Дантон, министр юстиции, не предотвратил сен-

⁸² Кареев Н.И. Введение в курс истории новейшего времени, с. 28, 45.

⁸³ Кареев Н.И. Учебная книга новой истории, с. 179.

⁸⁴ Виппер Р.Ю. Новая история. 1500–1917, с. 5.

⁸⁵ Бутенко В.А. Курс новой истории, с. 140.

⁸⁶ Виппер Р.Ю. Новая история. 1500–1917, с. 152.

⁸⁷ Кареев Н.И. Учебная книга новой истории, с. 104.

⁸⁸ Кареев Н.И. История Французской революции в средней школе, с. 59.

тябрьских убийств, которые в течение трех дней совершались на глазах у властей и национальной гвардии. Симпатии Виноградова на стороне жирондистов – это были "слишком порядочные люди, чтобы сочувствовать резне и грабежу", и они "немедленно начали борьбу против городского совета, якобинского клуба и Дантона". Виноградов считал, что тактика террора была избрана Дантоном и Робеспьером для того, чтобы воздействовать на многочисленных депутатов "равнины" или "болота", принадлежавших "именно к тому нерешительному обществу, которое требовалось устрашать и погонять страхом". Казнь короля привела к обострению борьбы между жирондистами и якобинцами.

Виноградов признавал, что террор привел к гибели тысяч безвинных людей. Однако, осуждая террор, он находил в нем положительный момент: "восстановление какой ни на есть правительственной власти дало возможность вести борьбу с внутренними и внешними врагами"⁸⁹.

Кареев считал революционный террор не только орудием против инакомыслящих, но и средством подавить стремление к личной свободе, в которой якобинцы "видели источник всякого общественного зла"⁹⁰.

Если Бутенко писал, что с 9 термидора "кончился страшный период казней и все общество могло наконец свободно вздохнуть"⁹¹, то Виппер обращал внимание на то, что на смену красному террору пришел белый, который "унес еще больше жертв, чем красный". Организаторами его Виппер называл реакционеров и монархистов⁹².

Отношение авторов учебников к тем или иным событиям проявлялось и в характеристике политических деятелей. Так, Кареев обвинил в наибольшей кровавости Марата. Робеспьер вначале был представлен им как "властолюбивый и крайне односторонний" человек, но в период якобинской диктатуры историк характеризовал его как "узкого и педантичного фанатика, сухого и безжалостного". С большой симпатией писал Кареев на двух страницах учебника о Мирабо⁹³. Взгляды Мирабо, принявшего участие в ниспровержении Старого порядка, но сторонника сильной государственной власти, способной совершать преобразовательную работу, очевидно, были созвучны и идеям Виноградова. Он тоже симпатизировал Мирабо и называл его "гениальным государственным человеком"⁹⁴.

Чтение книг Кареева было возможно как в той последовательности, в которой они были написаны, так и выборочно – по странам или отдельным вопросам. Для этого в книгах были два оглавления: общее и тематическое, а в конце учебников по средним векам и новому времени помещалось оглавление в виде таблицы. Такая активная работа с текстом имела большое значение для учащихся – чтобы у них, писал Кареев, "не создавалось представления об исторических фактах как о чем-то так крепко связанном с соседними фактами, что об умственной передвижке их и думать нечего"⁹⁵.

Мы уже привыкли к тому, что в современных учебниках карты являются неотъемлемым элементом. Они располагаются или непосредственно в тексте параграфа или даются в конце книги блоком. А вот в XIX в. единого мнения о необходимости карт в учебнике у авторов не было. Кареев считал, что карты должны присутствовать обязательно. И расположение карт в некоторых изданиях его учебных книг было весьма удобным. Карты были сложены, но когда ученик их разворачивал, он мог читать любую страницу и одновременно рассматривать соответствующую карту. Кареев располагал карты так, чтобы ученик мог сравнивать их и анализировать. Примером могут служить расположенные на одном листе две карты: "Средняя

⁸⁹ Виноградов П.Г. Учебник всеобщей истории, ч. III, с. 160–161, 162.

⁹⁰ Кареев Н.И. Учебная книга новой истории, с. 201.

⁹¹ Бутенко В.А. Курс новой истории, с. 225.

⁹² Виппер Р.Ю. Новая история, с. 339.

⁹³ Кареев Н.И. Учебная книга новой истории, с. 199, 203.

⁹⁴ Виноградов П.Г. Учебник всеобщей истории, ч. III, с. 150.

⁹⁵ Кареев Н.И. О школьном преподавании истории, с. 207.

Европа после Венского конгресса" и "Средняя Европа в 1864–1871 гг."; четыре карты были посвящены истории колониальных владений: "Испанские, португальские и голландские колонии в середине XVII в.", "Французские колонии XVII–XIX вв.", "Английские колонии XVIII–XIX вв.", "Колонии Германии, Италии и Бельгии последней четверти XIX в. и С.А. Штаты". Все карты в учебных книгах Кареева являются авторскими – их сделал сам Николай Иванович, он же написал и пояснительный текст к ним.

Виппер тоже составлял карты сам. В его учебнике по новой истории, кроме 4 цветных карт, в тексте расположено 25 черно-белых.

Используя карты в учебнике Виппера, школьники имели возможность проследить произошедшие в истории изменения и сделать необходимые выводы. Так, на карте "Возрастание Австрии в XVIII в." отмечены собственно австрийские владения и земли, приобретенные этой страной. На цветной вклейке "Западная Европа в начале XX века" выделены области с сильным развитием индустрии, а также различные формы правления: республика, парламентская или конституционная монархия; показана степень развития избирательного права: всеобщее или широкое, близкое ко всеобщему.

Придавая большое значение картам и совершенно правильно полагая, что они помогают учащимся делать самостоятельные выводы и с пониманием усваивать содержание урока, некоторые преподаватели считали, что на занятиях полезнее использовать настенные карты или исторические атласы. Поэтому в учебниках Виноградова, Рожкова, Ардашева и Иванова нет карт.

Учебники ученых были разными и в отношении использования иллюстраций. Учителя положительно оценивали наличие рисунков, поскольку в школе могло не быть необходимых наглядных пособий, а по иллюстрациям учебника было удобно проводить классную беседу, выполнять домашнее задание. Но в учебниках Кареева, Виноградова, Ардашева, Бутенко и некоторых других историков иллюстративный материал отсутствовал. Эти ученые полагали, что иллюстрации должны помещаться в альбомах.

В книгах Кареева, Виноградова, Виппера и других ученых в конце параграфов нет вопросов для закрепления прочитанного материала. Исключение составляет учебник Рожкова по всеобщей истории, где в конце книги приведены проверочные вопросы, предназначенные в основном для занимающихся самостоятельно. Школьникам предлагалось "сравнить развитие греческой философии с развитием европейской философии XVI, XVII, XVIII и XIX веков", "сравнить историю Англии XVII в. с историей Франции XVIII ст." и т.д.

Многие авторы учебников стремились "разгрузить" их от излишней хронологии. Учащимся рекомендовали запоминать только даты крупных исторических событий. Однако обойтись без дат в истории невозможно, поскольку преподавание истории без хронологии означало бы лишение этого предмета существенного признака – времени⁹⁶.

Кареев выделял наиболее важные даты полужирным шрифтом, а в приложении к учебным книгам давал хронологию основных событий и дат жизни писателей, ученых, мыслителей и художников. Чтобы избежать ошибок, когда последовательность излагаемых событий переносилась учащимися и на последовательность их развития, Кареев предлагал использовать синхронные таблицы, но, к сожалению, в его учебниках они отсутствовали. В учебнике Рожкова хронология давалась по векам и государствам в виде таблицы, и это позволяло проследить, что происходило в различных государствах в то или иное время.

Виппер считал, что таблицы и шрифтовые выделения ведут лишь к механическому запоминанию. Он стремился придать памяти учащегося роль разумного организатора поступающего в сознание материала, поэтому уделял "большое значение плану изу-

⁹⁶ Марков Д.А. Записки по методике истории. М., 1915, с. 59.

чения книги, размещению материала, той последовательности и группировке, в которой воспринимаются впервые исторические явления"⁹⁷.

Немаловажную роль в популярности учебников ученых сыграли язык и стиль их изложения. Иванов писал, что "язык хорошего учебника прост и ясен"⁹⁸, а Кареев подчеркивал, что "научному содержанию должен соответствовать и научный язык"⁹⁹. Ученый определял применительно к школьным книгам такие черты языка, как краткость, точность, простота¹⁰⁰.

Разнообразная педагогическая деятельность Кареева, Виноградова, Виппера и других ученых имела большое значение для просвещения российской молодежи. Эти историки смогли создать качественно новый тип учебника, основываясь на передовых достижениях науки.

Перелистав пожелтевшие от времени страницы, мы невольно сравним их с современными учебниками. Кто-то сделает вывод: слишком упростили современные книги, кто-то скажет, что "профессорские учебники" слишком трудны для восприятия нашими учащимися. Но каждый, кто познакомится с ними, отметит высокий уровень подготовки по истории, получаемый в средних учебных заведениях России в начале XX столетия.

⁹⁷ Виппер Р.Ю. Учебник новой истории, с. IV.

⁹⁸ Иванов К.А. Очерки по методике истории, с. 153.

⁹⁹ Кареев Н.И. Заметки о преподавании истории в средней школе, с. 61.

¹⁰⁰ Там же, с. 62, 63.

Л. П. Р Е П И Н А

ГЕНДЕРНАЯ ИСТОРИЯ: ПРОБЛЕМЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В предлагаемой читателю статье речь пойдет об истории становления и о нынешнем состоянии одной из самых молодых и интенсивно развивающихся исторических дисциплин – гендерной истории. Начну ее с цитаты из опубликованной более четверти века назад книги известной британской писательницы Элизабет Джейнуэй, в названии которой¹ перефразируется предпосланная ей в качестве эпиграфа старая английская поговорка: "Мир принадлежит мужчине. Место женщины дома". "Раздел этого мира по половому признаку, которому был брошен вызов активистами первой волны феминизма больше века назад, – пишет автор, – сохраняется и, более того, все еще господствует... Если у женщин есть в нем только определенное место, то ясно, что весь остальной мир должен принадлежать кому-то другому и, следовательно – в отсутствие Бога – мужчинам. Это разделение так старо и так прочно укоренилось в наших умах и культуре, что производит иллюзию неизбежности и богооткровенной истины".

Мир, принадлежащий мужчине, и место, отведенное женщине, – эти два принципа создают целостную модель, всеобъемлющий образ, который, как и все ему подобные, помогают как-то упорядочивать жизнь, придавая смысл хаотичной и запутанной действительности, воспринимать и толковать переживаемые события, выстраивать свою линию поведения. И несмотря на все успехи феминистского движения, на то, что все больше людей относятся к этой старой народной мудрости критически, женщина и сегодня, как правило, хорошо знает "свое место" в "мужском мире", поскольку эта фраза лишь резюмирует некую совокупность ожидаемых от женщин характерных черт, эмоций и отношений, а также предписываемых им моделей поведения, которые подразумевают соответствующие обязательства, ограничения и запреты.

Можно с сожалением констатировать, что задача, сформулированная Э. Джейнуэй, – изучить сквозь суперструктуру мифа, взращенного культурой на почве объективных различий между полами (будь они чисто физического или одновременно психологического свойства), общественную систему, в полном объеме была поставлена исторической наукой только спустя 20 лет после опубликования этой замечательной книги, уже в интеллектуальном контексте гендерной истории.

Будучи крепко связана нитями преемственности со своей "старшей сестрой" – так называемой историей женщин, гендерная история (от английского gender – род) родилась и приобрела свое новое качество в результате теоретического переосмысления предмета исследования, пересмотра концептуального аппарата и методологических принципов "женской истории".

ОТ ИСТОРИИ ЖЕНЩИН К ГЕНДЕРНОЙ ИСТОРИИ

История женщин как часть междисциплинарного научного направления – так называемых "женских исследований", а вернее "исследований женщин", сформировалась на Западе в конце 60-х – начале 70-х годов. Собственно "женская тема" в

¹ *Janeway E. Man's world, woman's place: a study in social mythology. New York, 1971, p. 7.*

историографии заявила о себе гораздо раньше – уже в работах конца XIX – начала XX в. – в связи с первой волной феминизма и активным общественным интересом к так называемому женскому вопросу. Книги и статьи по истории женщин публиковались и в 30–50-е годы, но они, как правило, были посвящены жизнеописаниям довольно узкого круга женщин, сыгравших выдающуюся роль в политических событиях или внесших заметный вклад в историю культуры. Тогда же появились и первые обобщающие работы, которые, однако, не имели под собой солидного фундамента специальных исследований и носили откровенно популярный или публицистический характер.

"Женская тема" приобрела совершенно иную окраску в рамках сформировавшейся в 60–70-е годы "новой социальной истории", которая принципиально отличалась в методологическом и идеологическом отношении от старых национальных школ социальной истории. В отличие от последних, новая социальная история заимствовала методы и приемы исследования у социальных наук, в первую очередь у социологии, социальной психологии и антропологии, а идейную ориентацию – в массовых общественных движениях конца 60-х, таких, как движение за гражданские права меньшинств, антивоенное, студенческое, национально-освободительное и др. Среди других бурные общественно-политические процессы 60-х годов не только оживили феминистское движение, но и придали ему небывалую силу. В рамках этого широкого женского движения получило новый импульс и стремление глубже понять особенности жизни женщин прошлого.

На рубеже 60-х и 70-х годов, подобно другим гуманитариям и обществоведам, избравшим объектом своих изысканий женщину – в семье и на производстве, в системах права и образования, в науке и политике, в литературе и искусстве, – многие молодые историки стран Западной Европы и Северной Америки стали заниматься историей женщин, обоснованно полагая, что изучение прошлого, как и анализ современности, должно опираться на информацию, касающуюся обоих полов. Сначала их "сексуально-детерминированные" исследования, призванные переписать многовековую историю патриархата, придать неофеминистскому сознанию собственную историческую ретроспективу, восстановить справедливость в отношении "забытых" или "замалчиваемых" предшествовавшей историографией женщин, воспринимались научным сообществом с большой долей скепсиса и даже издевки, причем не только со стороны историков-традиционалистов, но и со стороны многих социальных историков, не признававших за различиями пола определяющего статуса, аналогичного таким ключевым инструментам социально-исторической детерминации, как класс или раса. Тем не менее это гиперкритическое отношение не только не охладило энтузиазма "первопроходцев", но, напротив, подливая масло в огонь разгоревшейся борьбы против "мужского шовинизма", стимулировало развитие "женской истории". Однако параллельно с этим шел активный теоретический поиск и процесс "академизации феминизма", который постепенно привел к прочной институционализации нового направления в общественных и гуманитарных науках. К концу 70-х – началу 80-х годов высшие учебные заведения США, Канады, стран Западной Европы, включившие в свои программы курсы женской истории, насчитывались уже сотнями, а многие десятки из них предоставляли студентам возможность специализироваться в этой области.

За последние 20 лет история женщин пережила бум. С самого начала сфера ее интересов была очень обширна и включала почти все вопросы, имеющие отношение к жизни женщин прошедших эпох. Историки-энтузиасты буквально охотились за новыми источниками, которые могли бы пролить свет на исторический опыт женщин, и соревновались в поисках методик, дающих возможность извлекать новую информацию из традиционных источников. Они анализировали судьбы женщин прошлого и исторический опыт отдельных общностей и социальных групп, соотнося эти индивидуальные и групповые истории женщин с общественными сдвигами в экономике, политике, идеологии, культуре. Со временем ставились все новые и новые проблемы,

разрабатывались специфические категории и понятия, причем разработка теоретических проблем, методологии и концептуального аппарата "истории женщин" осуществлялась благодаря широкому междисциплинарному сотрудничеству представителей всех социально-гуманитарных наук, теоретиков и практиков феминистского движения².

Ежегодно под рубрикой "история женщин" выходит в свет множество монографических исследований по всем хронологическим периодам и регионам Европы, а также все больше обобщающих работ разного уровня. Сегодня публикации по этой тематике имеют постоянные разделы уже в десятках авторитетных научных журналов. Все это свидетельствует о несомненных успехах "истории женщин", но одновременно создает особые трудности для обозревателя. В соответствии со своими исследовательскими интересами считаю целесообразным сосредоточить внимание на теоретико-методологическом и содержательном аспектах научных разработок последнего десятилетия в наиболее динамично и плодотворно развивающейся области гендерно-исторических исследований, охватывающей все аспекты истории женщин и гендерных представлений в Западной Европе, главным образом в раннее новое время – до XIX в.

В целом в "истории женщин" можно условно выделить четыре направления, принципиальные различия между которыми ярче всего выступают в формулировке исследовательской сверхзадачи. Так, например, в *первом*, раньше всех сформировавшемся направлении цель научно-познавательной деятельности интерпретировалась как "восстановление исторического существования женщин", "забытых" или "вычеркнутых" из официальной "мужской" историографии. Именно эта установка – написать особую "женскую историю", "вернуть истории женщин как таковых" – господствовала до середины 70-х годов³. Но несмотря на то, что приверженцам этого направления удалось достичь успеха в освещении многих неизвестных страниц истории женщин самых разных эпох и регионов, все же такой описательный подход очень скоро обнаружил свою ограниченность. Открытие мира женщины прошлых поколений могло привести к созданию так называемой "her-story" ("ее истории"), обреченной в лучшем случае на параллельное существование с всеобщей, по форме безразличной к полу, а по существу дискриминировавшей женщин историографией, которую феминисты небезосновательно называли "his-story" ("его историей"). Но в отсутствие последовательной ориентации на "совмещение" двух версий истории в единую интерпретацию, а также необходимых для этого теоретических схем и специальной исследовательской программы возникали новые барьеры, которые лишь усугубляли изолированное положение "женской истории".

Представители *второго* направления, которое выдвинулось на первый план во второй половине 70-х годов, видели свою задачу в изучении исторически сложившихся отношений господства и подчинения между мужчинами и женщинами в патриархальных структурах классовых обществ. Они стремились связать "женскую историю" с историей общества и объяснить наличие конфликтующих интересов и альтернативного жизненного опыта женщин разных социальных категорий, опираясь на феминистские теории неомарксистского толка, которые вводили в традиционный социально-классовый анализ весомый фактор различия полов и определяли статус исторического лица как специфическую комбинацию индивидуальных, половых, семейно-групповых и классовых характеристик. Для представителей этого направления способ производства и отношения собственности остаются базовой детерминантой неравенства между полами, но реализуется она опосредованно – через определенным образом организованную систему воспроизводства и социализации последующих

² Подробнее об этом см.: *Репина Л.П.* "Женская история": проблемы теории и метода. – Средние века. Вып. 57. М., 1994, с. 103–109.

³ Обширную библиографию "женской истории" см.: *Репина Л.П.* История женщин сегодня: историографические заметки. – Человек в кругу семьи. Очерки по истории частной жизни в Европе до начала нового времени. М., 1996, с. 35–73.

поколений в той или иной исторической форме семьи, которая, в свою очередь, может быть представлена рядом социально-дифференцированных структурных элементов, отражающих классовые или сословно-групповые различия⁴.

На рубеже 70–80-х годов обновляется феминистская теория и существенно расширяется методологическая база междисциплинарных женских исследований, предпринимаются целенаправленные усилия для создания комплексных объяснительных моделей, что, естественно, не замедлило сказаться и на облике "женской истории", поскольку касалось в первую очередь самого переопределения понятий мужского и женского. В 80-е годы ключевой специфической категорией анализа в "женской истории" *третьего* направления становится "гендер", или "пол/род", который называют также "социокультурным полом". Этот концепт, альтернативный понятию "пол/секс", был призван подчеркнуть социальный характер неравенства между полами и исключить биологический детерминизм, имплицитно присутствующий в понятии "пол/секс". В отличие от "пола/секса" гендерный статус и, соответственно, гендерная иерархия и гендерно-дифференцированные модели поведения не детерминируются однозначно природой (естественные сексуально-репродуктивные различия служат им лишь канвой), а задаются всей сложившейся в обществе системой отношений, в которую попадает только что родившийся человек, "конструируются" обществом, предписываются институтами социального контроля и культурными традициями. Иначе говоря, представления о том, что такое мужчина и женщина, каковы отношения между ними, являются не простым отражением или прямым продолжением их биологических свойств, а являют собой продукт культурно-исторического развития общественного человека. Но сами по себе гендерные различия, во-первых, не указывают на то, почему отношения между мужчинами и женщинами столь постоянно предполагают господство и подчинение, а во-вторых, не объясняют динамику этих отношений, то есть не отвечают на вопрос, каким образом они складываются, воспроизводятся и трансформируются в разных контекстах повседневности. Следовательно, будучи фундаментальным организующим принципом для описания и анализа различий в историческом опыте женщин и мужчин, их социальных позициях и поведенческих стереотипах и в чем бы то ни было еще, категория гендера должна быть методологически ориентирована на подключение к более генеральной объяснительной схеме. Ведь гендерная принадлежность встроена в структуру всех общественных институтов, и воспроизводство гендерного сознания на уровне индивида поддерживает, таким образом, сложившуюся систему отношений господства и подчинения, а также разделение труда по гендерному признаку. В этом контексте гендерный статус выступает как один из конституирующих элементов социальной иерархии и системы распределения власти, престижа и собственности, наряду с расовой, этнической и классово-принадлежностью⁵.

Из вышесказанного отчетливо вырисовываются преимущества гендерного анализа. Интегративный потенциал гендерно-ориентированных исследований, конечно, не мог не привлечь тех представителей "женской истории", которые стремились восстановить целостность новой социальной истории. Гендерный подход быстро завоевал множество активных сторонников и "сочувствующих" в среде социальных историков и историков культуры. Центральным предметом исследований гендерных историков становится уже не история женщин, а история гендерных отношений, т.е. тех самых отношений между мужчинами и женщинами, которые, будучи одним из важнейших аспектов социальной организации, особым образом выражают ее системные характеристики и структурируют отношения между индивидами (в том числе и внутригрупповые),

⁴ Liberating women's history, p. 385–399; *Kelly J. Women, history and theory*. Chicago, 1984, p. 1–18, 51–64; *Sex and class in women's history*. Ed. by J.L. Newton et al. London, 1983; *Walby S. Women and social theory*. Oxford, 1989.

⁵ *Epstein C.F. Deceptive distinctions. Sex, gender, and the social order*. New Haven–New York, 1988; *The social construction of gender*. Ed. by J. Lorber, S.A. Farrell. Newbury Park, 1991; *The Gender of power*. Ed. by K. Davis et al. London, 1991. См. также подборку материалов в альманахе "THESIS" (М., 1994, вып. 6).

осознающими свою гендерную принадлежность в специфическом культурно-историческом контексте ("гендерная идентичность"). В новом понятии "гендера" сторонники одноименного подхода вполне обоснованно увидели более адекватное средство исторического анализа и эффективное "противоядие" от крайностей постструктуралистских психоаналитических интерпретаций, в которых подчеркивалась неизменность условий бинарной оппозиции мужского и женского начал. "Гендерные историки" исходят из представления о социокультурной детерминации различий и иерархий полов и анализируют их функционирование и воспроизводство в макроисторическом контексте. При этом неизбежно видоизменяется общая концепция социально-исторического развития, поскольку она должна включать в себя и динамику гендерных отношений. Реализация тех возможностей, которые открывал гендерный анализ, была бы невозможна без его адаптации с учетом специфики исторических методов исследования и генерализации, без тонкой "притирки" нового инструментария к неподатливому материалу исторических источников. Все это потребовало от историков самостоятельной теоретической работы.

Основные теоретико-методологические положения гендерной истории в обновленном варианте были сформулированы американским историком Джоан Скотт в ее вызвавшей всплеск научной полемики статье "Гендер – полезная категория исторического анализа"⁶. В ее трактовке это понятие наполнилось исключительно емким содержанием. Его составляют четыре неразрывно взаимосвязанных и принципиально несводимых друг к другу компонента. Это, во-первых, комплекс культурных символов, которые вызывают в членах сообщества, принадлежащих к определенной культурной традиции, множественные и зачастую противоречивые образы. Вторая составляющая – это те нормативные утверждения, которые определяют спектр возможных интерпретаций смысловых значений имеющихся символов и находят свое выражение в религиозных, педагогических, научных, правовых и политических доктринах. В-третьих – это социальные институты и организации, в которые входят не только система родства, семья и домохозяйство, но и такие сексуально-дифференцированные институты, как рынок рабочей силы, система образования и государственное устройство. И, наконец, четвертый конституирующий элемент – самоидентификация личности. Иными словами, выстраивается уникальная синтетическая модель, в фундамент которой закладываются характеристики всех возможных измерений социума: системно-структурное, социокультурное, индивидуально-личностное. Развертывание этой модели во временной длительности реконструирует историческую динамику в гендерной перспективе. Именно с этим плодотворным подходом связываются надежды на будущее гендерной истории. Но от создания модели до эффективного осуществления ее интегративного потенциала в практике конкретно-исторического исследования – долгий и трудный путь.

В тематике женской и гендерной истории отчетливо выделяются особенно притягательные и ключевые для ее объяснительной стратегии сюжетные узлы. Каждый из них соответствует определенной сфере жизнедеятельности, роль индивидов в которой зависит от их гендерной принадлежности: "семья", "труд в домашнем хозяйстве" и "работа в общественном производстве", "право" и "политика", "религия", "образование", "культура" и др. В центре внимания оказываются важнейшие институты социального контроля, регулирующие неравное распределение материальных и духовных благ, власти и престижа в масштабе всего общества, класса или этнической группы и обеспечивающие таким образом воспроизводство социального порядка, основанного на гендерных различиях, которые в отличие от природных качеств пола варьируются от одного культурного пространства к другому. В русле этой проблематики особое место занимает анализ опосредующей роли гендерных представлений в межличностном взаимодействии, выявление их исторического характера и возможной

⁶ Scott J.W. Gender: A Useful category of historical analysis. – American Historical Review, 1986, vol. 91, № 5, p. 1053–1075.

динамики. Специфический ракурс и категориальный аппарат исследований определяются соответствующим пониманием природы того объекта, с которым приходится иметь дело историку, и возможной глубины познания исторической реальности.

Введение в научный оборот новой концепции гендера не только оживило дискуссию по теоретико-методологическим проблемам истории женщин, но и выявило в ней самые "горячие" зоны. Особую остроту приобрел вопрос о соотношении между понятиями класса и пола и, соответственно, между социальной и гендерной историей⁷. Решения этого фундаментального вопроса требовали прежде всего практические потребности уже далеко продвинувшихся конкретных исследований по истории женщин раннего нового времени, которые показали существенную дифференцированность индивидуального и коллективного опыта, проистекающую из взаимопересечения классовых и гендерных перегородок.

Обширный комплекс статей и монографий, большая часть которых сосредоточена на переломной эпохе начала нового времени, посвящен исследованию роли женщин в хозяйственной сфере. В основе многих из этих работ лежит тезис о трансформации гендерных отношений в связи с генезисом капитализма, разработанный теоретиками гендерных исследований. Здесь главный упор делается на изменение статуса женщин в результате "диалектического взаимодействия" новых процессов в идеологии и экономике, которое привело к еще большему ограничению доступного женщинам пространства хозяйственной деятельности. В результате потери домохозяйством производственных функций женский труд утратил свою ценность, что не могло и не было полностью компенсировано в сложившихся общественных представлениях, несмотря на одновременное возрастание роли и значения материнства⁸.

Сложные конфигурации и переплетения классовых и гендерных различий раскрываются в локальном социальном анализе двух иерархически организованных общностей – семьи и местной деревенской или приходской общины – с характерным для каждой из них комплексом социальных взаимодействий, включающим и отношения равноправного обмена, и отношения господства и подчинения. При этом гендерная иерархия, действующая на обоих уровнях, лишь на первый взгляд кажется проще, чем классовая. Ее сложность и противоречивость раскрывается лишь в микроанализе. Как жены были подвластны своим мужьям в семье, так и женщины в составе группы были подвластны мужчинам, чьи властные позиции в локальном сообществе поддерживались формально – правом, и неформально – общепринятыми правилами повседневной жизни, обычаями и культурными традициями. Однако далеко не все взаимоотношения мужчин и женщин укладывались в эту модель. В некоторых жизненных ситуациях, например, в положении матери, хозяйки, богатой соседки, женщины могли иметь власть над мужчинами⁹. Таким образом демонстрируется несостоятельность упрощенных схем с приданием той или иной избранной системе различий статуса универсальной объяснительной категории. Неадекватность автономного социально-классового или гендерного анализа свидетельствует в пользу последовательной комбинации этих двух подходов, имеющей в своей перспективе создание социальной истории гендерных отношений. Критический подход, которому предстоит определить будущее гендерной истории, состоит в решении проблемы ее

⁷ *Nicholson L.J.* Gender and history. The Limits of the social theory in the age of the family. New York, 1986; *Tilly L.A.* Gender, women's history and social history. – *Social Science History*. 1989, vol. 13, № 4, p. 439–462; *Gullickson G.L.* Women's history, social history and deconstruction. – *Ibid.*, p. 463–469; *Bennett J.M.* Who asks the questions for women's history? – *Ibid.*, p. 471–477.

⁸ *Hamilton R.* The Liberation of women: A Study of patriarchy and capitalism. London, 1978; *Tilly L., Scott J.W.* Women, work, and family. New York–London, 1978; *Women and work in pre-industrial capitalism*. Ed. by L. Charles, L. Duffin. London, 1985; *Wiesner M.E.* Working women in Renaissance Germany. New Brunswick, 1986; *Gullickson G.* Spinners and weavers of Auffay: Rural industries and the sexual division of labor in a French village, 1750–1850. Cambridge, 1986; *Cahn S.* Industry of devotion: The Transformation of women's work in England, 1500–1660. New York, 1987; *Hill B.* Women, work and sexual politics in 18th-century England. Oxford, 1989; *La Donna nell'economia secc. XIII–XVIII*. Prato, 1990; etc.

⁹ *Amussen S.D.* An Ordered society: Gender and class in early modern England. Oxford–New York, 1988, p. 1–33.

сближения и "воссоединения" с другими историческими дисциплинами, а говоря иначе – определение ее места в новом историческом синтезе.

Именно пристрастие к комплексным исследованиям самого высокого уровня характеризует новое качество рождающегося на наших глазах направления, которое можно было бы условно назвать моделью "женской истории" четвертого поколения, если бы в этой версии она по существу не переставала быть просто историей женщин. На самом деле траектория движения фиксирует иные вехи: от какой-либо бесполой, всеобщей по форме, но по существу игнорирующей женщин истории к ее зеркальному отражению в лице "однополый", "женской истории" и от последней – к действительно *общей* истории гендерных отношений и представлений, а еще точнее к обновленной и обогащенной социальной истории, которая, в отличие от так называемой новой социальной истории, стремится расширить понимание социального (и соответственно – свое предметное поле), включив в него все сферы межличностных отношений, как публичную, так и частную. Пока же можно говорить лишь о создании некоторых реальных предпосылок для становления новой исторической субдисциплины с исключительно амбициозной задачей – переписать всю историю как историю гендерных отношений, покончив разом и с вековым "мужским шовинизмом" всеобщей истории, и с затянувшимся сектантством "женской истории". На некоторых исследованиях, в той или иной мере разделяющих установки этой трансформации гендерной истории, я и считаю необходимым остановиться более подробно.

ПРОБЛЕМА ПРИВАТНОГО И ПУБЛИЧНОГО В ГЕНДЕРНОЙ ИСТОРИИ

Роль женщин в частной жизни и их отношение к публичной сфере стояли в центре проблематики уже упоминавшихся исследований по истории женщин, ориентированных на структурно-функциональный подход и ставящих своей задачей выяснение механизма действия патриархальной системы, которая в течение многих столетий в самых разных исторических условиях сохраняла подчиненное положение женщин как в сексуально-репродуктивной, так и в социально-экономической и политико-правовой сфере. Согласно этим взглядам, и "приватизация женщин" в семье, и рост их активности вне дома описывались в терминах оппозиции частного и публичного, индивидуального и государства, домашнего хозяйства и капиталистического производства¹⁰. Начало XIX в. отмечено очень высоким уровнем демаркации частного и публичного. Именно публичная сфера, включающая мир политики, юридические права и обязанности, рыночные институты, признавалась сферой "реальной" власти, престижа и могущества. Метафора разделенных сфер, которая зримо выражала и оправдывала расхождение гендерных статусов, стала своеобразной ортодоксией общественного сознания и совсем не случайно заняла впоследствии ведущее место в концептуальных построениях и риторике "женской истории", несмотря на обоснованные сомнения в ее адекватности и раскрытие роли дихотомии частного и публичного как элемента гендерной идеологии викторианской эпохи¹¹.

Появление нового взгляда на проблему соотношения сферы частного и публичного было связано именно с развитием теоретических и исторических исследований в области гендерной истории. При этом гендерные историки, в значительной степени опираясь на антропологические исследования, связывающие доминирующее положение мужчин и неравенство полов непосредственно с функциональным разделением

¹⁰ Kelly J. Women, history, and theory, p. 61–62; Nicholson L.J. Gender and history. The limits of the social theory in the age of the family, p. 201–208.

¹¹ Gendered domains: Rethinking public and private in women's history. – Ed. by D.O. Helly, S.M. Reverby. Ithaca–New York, 1992; History and feminist theory. – Ed. by A.L. Shapiro. Middletown (Conn.), 1992. См. также: Elshain J.B. Public man, private woman. Oxford, 1981; The Public and the private. Ed. by E. Gamarnikow. London, 1983; Gender, ideology, and action: Historical perspectives on women's public lives. Ed. by J. Sharistanian. New York, 1986; Davidoff L., Hall C. Family fortunes: Men and women of the English middle class, 1780–1850. London, 1987; Poovey M. Uneven developments: The Ideological work of gender in mid-Victorian England. Chicago, 1988; Steedman C. "Public" and "private" in women's lives. – Journal of Historical Sociology, 1990, v. 3, № 4, p. 294–304; etc.

человеческой деятельности на частную и публичную сферы и с вытеснением женщин из последней, вносили в эту схему свои коррективы. В обобщающей монографии Стефани Кунц об истории американских семей вопрос о так называемой автономизации частной сферы уходит на задний план. Исходным моментом является понимание зависимости и даже возможности функционирования публичной сферы, в которой почти безраздельно доминировали мужчины, от созидательной деятельности женщин в домашней частной жизни. Семья становится фокусом исследования не только из-за того, что в ней реализуется взаимодействие полов, но и потому, что именно она является тем местом, где перекрещиваются и воздействуют друг на друга приватная и публичная сферы жизни, местом координации и взаимного регулирования репродуктивной и всех других форм человеческой деятельности. Вся работа строится на демонстрации того, как, с одной стороны, частная сфера, семейная жизнь определялась охватывающим ее комплексом социальных отношений и, с другой стороны, какое влияние на развитие общественной жизни оказывали изменения в самой семейной структуре¹². Собранный С. Кунц материал подтверждает культурно-историческую обусловленность сформировавшейся в новое время дихотомии частного и публичного: в работе приводятся убедительные доказательства того, что так называемое освобождение индивида, которое у большинства историков ассоциируется со временем и с воздействием Реформации, подъемом государства, разрушением традиционных структур (общинных, или коммунальных), не было исключительно поступательным: через определенный промежуток времени (в разных странах, видимо, по-разному, в Англии и Северной Америке – к середине XIX в.) возникает культ семьи и домашнего хозяйства, или "кульминация семьи", когда происходит как бы новое закрепощение женщины в семье. Семейные структуры усиливаются в это время, и создается тот домашний культ, который как раз свободе индивида и прежде всего, конечно, женщин и детей отнюдь не способствовал.

Во многих научно-исторических публикациях последнего десятилетия вводится различие между обладанием формальным авторитетом, дающим социально санкционированное "право" принимать обязательные для других решения, и возможностью неформального влияния. Именно с этих позиций ставится вопрос об опосредованном влиянии женщин, лишенных формальных властных полномочий, на принятие решений в публичной сфере. Инструменты и формы этого влияния рассматриваются в рамках различных моделей соотношения приватного и публичного, отражающих распределение власти, престижа и собственности. Власть трактуется в широком смысле, как способность женщин оказывать влияние на принятие решений и действия других людей или групп в условиях мужского господства. Сквозь призму этой концепции изучается роль женщин в экономике, их воздействие на принятие политических решений. Одним из методов исследования такого рода является анализ так называемых специфических женских сетей влияния, под которыми понимаются межличностные связи, возникающие в женской среде или формирующиеся вокруг одной женщины (как между представителями разных социальных слоев, так и внутри одного социального слоя). Например, в статье американского историка Барбары Ханавалт "Сети влияния леди Хонор Лиль", помещенной в сборнике "Женщины и власть в средние века" (Лондон, 1988), на материале богатого архива писем знатной дамы XVI в. была воссоздана сеть ее личных контактов и проведен качественный анализ всех поддерживаемых ею родственных, соседских и дружеских связей, которые открывали ей доступ к тем, кто принимал властные решения, и, в частности, давали возможность оказывать воздействие на важные политические и церковные назначения.

Один из аспектов проблемы участия женщин во всепроникающей системе властных отношений и их неформального влияния в публичной сфере затрагивает тему женской религиозности. В течение всего средневековья, хотя и в разной степени, служение

¹² Coontz S. The Social origins of private life: A history of American families, 1600–1900. London – New York, 1988.

господу давало многим женщинам-настоятельницам, чаще всего из аристократических родов, доступ к властным позициям, пусть и за толстыми монастырскими стенами. В эпоху Реформации религия была одной из немногих сфер, открытых для проявления индивидуальных предпочтений и реализации невостребованных способностей женщин, для их самостоятельных решений и действий. Хотя женщины формально не участвовали в разработке вопросов религиозной политики и в публичных спорах по вопросам религии, тем не менее это была главная сфера жизни, где они отвечали за себя сами. У них всегда предполагалось наличие религиозных убеждений, которые могли иногда вступать в противоречие с идеалом покорности и пассивности, являясь побудительным мотивом и внутренним оправданием публичных акций. В частности, этот фактор обеспечил массовое участие женщин в радикальных сектах и в религиозно-политических конфликтах эпохи ранних европейских революций в целом¹³.

ГЕНДЕРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ГЕНДЕРНАЯ ИДЕОЛОГИЯ

Во многих статьях и книгах по истории раннего нового времени исследуются нормативные предписания, гендерная идеология и расхожие представления о женщинах, которые обычно фиксируют мужской взгляд и, несмотря на наличие некоторых внутренних противоречий, рисуют в целом негативные стереотипы мужского восприятия, а также навязываемые социумом модели женского поведения, жестко ограничивавшие свободу выражения. Однако в последние годы представители "новой интеллектуальной истории" смогли продемонстрировать активность женщин в развернувшейся в Европе XVI–XVII вв. полемике о женском характере и предложить оригинальные ее интерпретации, давшие старт дискуссии о возникновении идеологии феминизма в XVII в.¹⁴ Им, в частности, удалось выявить сосуществование противоречивых комплексов представлений о женщинах в переходную эпоху. Так называемые мизогинисты (женоненавистники) XVII в. вменяли женщинам в вину полный перечень всех возможных пороков, а "феминисты" доказывали несостоятельность бытовавших в общественном сознании негативных женских стереотипов, которыми оперировали их противники. Они пытались разрушить образы "коварной соблазнительницы", "сварливой мегеры" и "заядлой расточительницы", приводя многочисленные примеры добродетельных женщин и создавая столь же стереотипные позитивные образы обманутой невинности, покорной жены, благочестивой матроны. Лишь немногие женщины решались открыто выйти за рамки общепринятых норм, в то время как их нетривиальные поступки всегда привлекали повышенное внимание и воспринимались охранительным сознанием с подозрением. Особый накал и общественная значимость ренессансных дискуссий о женском характере объясняются коллективным психологическим переживанием крупных структурных сдвигов (в том числе демографического роста, интенсивной миграции, перестройки в системе ценностей). В ситуациях экономической нестабильности и общественного напряжения негативные женские образы подпитывались вовсе не массовостью девиантного (отклоняющегося от нормы, ненормативного) поведения женщин, которое могло бы

¹³ *Womanhood in Radical Protestantism 1525–1675*. Ed. by J.L. Irvin. New York – Toronto, 1979; *Parish D.L.* The Power of female pietism: Women as spiritual authorities and religious role models in seventeenth-century England. – *Journal of Religious History*, 1992, v. 17, № 1, p. 33–46; *Mack P.* Visionary women: Ecstatic prophecy in seventeenth-century England. Berkeley etc., 1992; *Grawford P.* Public duty, conscience, and women in early modern England. – *Public duty and private conscience in seventeenth-century England*. Ed. by J. Morrill et al. Oxford, 1993, p. 57–76.

¹⁴ *Angenot M.* Les Champions des femmes: Examen du discours sur la superiorite des femmes 1400–1800. Montreal, 1977; *Maclean I.* Woman triumphant. Feminism in French literature, 1610–1652. Oxford, 1977; *Smith H.L.* Reason's disciples: Seventeenth-century English feminists. Urbana–London, 1982; *Darmon P.* Mythologie de la femme dans l'ancien France. Paris, 1983; *Woodbridge L.* Women and the English Renaissance: Literature and the nature of womankind, 1540–1620. Urbana–Chicago, 1984; *Goreau A.* The Whole duty of a woman: Female writers in seventeenth-century England. Garden City–New York, 1985; *Lazard M.* Images litteraires de la femme a la Renaissance. Paris, 1985; *Davies S.* The Idea of woman in Renaissance literature: The Feminine reclaimed. Brighton, 1986; *Hobby E.* Virtue of necessity: English women's writing, 1649–1688. London, 1988; etc.

создать реальную угрозу традиционным патриархальным структурам, а безотчетными кошмарами мужчин. Стрессовые состояния порождали обостренное ощущение вызова, многократно усиливали опасения "сильной половины" в отношении своей сексуальности (поздние браки – стереотип соблазнительницы), в отношении возможных покушений на свое доминирующее положение в семье (отсюда – образ агрессивной склочницы), страх перед разорением домохозяйства в условиях экономической нестабильности (жупел женской расточительности). Все это привело к тому, что эпоха Возрождения стала поворотным пунктом в истории западноевропейского гендерного сознания и гендерной идеологии¹⁵.

Сходные психологические объяснения даются и так называемым ведовским процессам. В этом случае также учитываются сложившаяся социокультурная модель гендерных отношений, представления о женской сексуальности и идеология мужского превосходства. Пропущенная сквозь призму новейших концепций "радикального феминизма" охота на ведьм выступает как эффективное репрессивное средство социального контроля, как массированное применение прямого насилия с целью обуздания потенциальной женской активности и сохранения мужского господства в условиях резких перемен. Размах преследований, которым подверглись многие женщины, создавал такую атмосферу, в которой дамоклов меч обвинения в ведовстве был способен стать весомым и жестким аргументом в пользу конформизма для всех и каждой из представительниц "слабого пола", повседневное поведение которых он был призван регулировать¹⁶. Средства патриархального господства не исчерпывались экономическими, политическими и культурными институтами (включая религию и образование), ограничивавшими доступ женщин в публичную сферу: важным его инструментом являлся также контроль над поведением женщин и женской сексуальностью в самом широком смысле.

За последние 15 лет было опубликовано сотни научных статей и книг по истории сексуальности, рассматривавшие ее в материальном, социальном и символическом контекстах, сквозь призму гендерных отношений и представлений, совокупности властных позиций и репрессивных механизмов, сложного комплекса социальных размежеваний, множественности конкурирующих дискурсов, способов выражения и умолчания¹⁷. Их авторами, в отличие от предшествовавшего времени, стали отнюдь не ученые-медики, а историки, литературоведы и специалисты по другим социальным и гуманитарным дисциплинам, изучающие гендер и секс с совершенно иных точек зрения, главным образом в свете теоретических установок М. Фуко и других постструктуралистов, оказавших самое сильное влияние именно в этой области исследований. Феминистская критика теории М. Фуко внесла в эти исследования соответствующие коррективы. Внимание сторонников новой парадигмы было в большей степени привлечено к материальным условиям контекста, в котором происходила "борьба дискурсов", к специфичности женского опыта и к тому, что культурная детерминированность субъектов деятельности не отрицает активную "роль человека в изменяющемся мире"¹⁸.

¹⁵ *Henderson K.U., McManus B.F.* Half-humankind. Contexts and texts of the controversy about women in England, 1540–1650. Urbana, 1985.

¹⁶ *Larner C.* Enemies of God. Oxford, 1985; *Women, violence and social control.* Ed. by J. Hanmer, M. Maynard. London, 1987, p. 13–29; *Karlsen C.* The Devil in the shape of a woman. New York, 1987; *Hester M.* The Dynamics of male domination using the witch craze in 16th and 17th-century England as a case study. – *Women's Studies International Forum*, 1990, v. 13, № 1/2, p. 9–19; etc.

¹⁷ *Sexual meanings: The Cultural construction of gender and sexuality.* Ed. by S.B. Ortner, H. Whitehead. Cambridge (Mass.), 1981; *Sexuality in 18th-century England.* Ed. by P.-G. Bouce. Manchester, 1982; *Mitchison R., Leneman L.* Sexuality and social control: Scotland 1660–1780. London, 1989; *Davenport-Hines R.P.* Sex, death and punishment: Attitudes to sex and sexuality in Britain since the Renaissance. London, 1990; *Forbidden history: The State, society, and the regulation of sexuality in modern Europe.* Ed. by J.C. Fout. Chicago – London, 1992; etc.

¹⁸ *Newton J.* History as usual? – *Cultural Critique*, 1988, № 1, p. 99. См. также: *Schor N.* Dreaming dyssymmetry: Barthes, Foucault, and sexual difference. – *Men in Feminism.* Ed. by A. Jardine, P. Smith. New York, 1987, p. 98–110; *Feminism and Foucault: Reflections on resistance.* Ed. by I. Diamond, L. Quinby. Boston, 1988.

ГЕНДЕРНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ГЕНДЕРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Одно из наиболее активно разрабатываемых направлений гендерной истории сосредоточено на изучении "мира воображаемого" – представлений о гендерных ролях и различиях, причем с особой остротой поднимается вопрос о соотношении разнообразных форм дискурса и общественной практики. Существенный прогресс в этом направлении тесно связан с новыми тенденциями в историографии, которые проявились на фоне общего лингвистического поворота в развитии современного гуманитарного знания и нового сближения истории и литературы. Однако анализ литературных текстов ставит перед историей гендерных представлений дополнительные и весьма серьезные методологические проблемы, в центре которых стоит вопрос компромисса между двумя противоположными тезисами: о дискурсивном конструировании социального и социальном конструировании дискурса¹⁹.

Концепции многих гендерных исследований явно обнаруживают свои постмодернистские истоки: представление о "непрозрачности" любого, тем более литературного текста (как, впрочем, и самого языка) и его нерепрезентативности относительно "объективной" действительности, подчеркивание роли знаковых систем в конструировании реальности – вплоть до сведения всей гендерной истории к истории гендерных представлений. И именно в этой связи особый интерес представляют попытки соединить литературоведческий анализ с подходами и достижениями социальной истории. Инициатива в этом направлении принадлежит представителям нового поколения литературоведов, не только стремящимся уйти от расхожего дуализма "представлений и реальности", "литературы" и "социального фона", "индивида" и "общества", "культуры элиты" и "народной культуры", "творчества" и "восприятия", или производства и потребления культурных текстов, но и убедительно демонстрирующих, наряду со своими узкопрофессиональными навыками, глубокое знание социально-исторического контекста, в котором были созданы литературные произведения. В этих работах социальные отношения и представления, структурирующие этот контекст, рассматриваются отнюдь не как необязательный общий фон, без которого можно было бы обойтись при прочтении литературного текста, если понимать последний как "вещь в себе". Напротив, именно им отводится определяющая роль в отношении всех видов коллективной деятельности (в том числе и языковой) и – опосредованно – в формировании гендерного сознания. В этой перспективе представляется вполне естественным "возвращение" от модных постструктуралистских теорий интерпретации смысловой деятельности индивида к диалогической концепции М.М. Бахтина и социально-ориентированному подходу в изучении культурной практики. Идеальная модель двустороннего взаимодействия-столкновения дискурса и практики, сложившихся в прошлом нормативных категорий культуры и реальный текущий момент позволяют выстроить логическую цепь, способную связать в единый узел анализ лингвистических, социальных и психологических процессов. Особенно плодотворной она оказывается для изучения литературных памятников переходной эпохи, в которых так или иначе проявился кризис сознания, порождаемый попыткой упорядочить и осмыслить качественно изменившуюся ситуацию на языке и с точки зрения прошлого²⁰.

Однако наиболее многообещающими с точки зрения истории гендерных представлений и гендерной идентичности являются исследования, в которых максимально используются не только известные литературные памятники, но и произведения второго-третьего ряда, а также внелитературные тексты. Так, британский историк Дж. Шарп ввел в источниковую базу истории гендерных отношений XVII в. массовый материал дешевых и популярных английских печатных изданий для простонародья,

¹⁹ Подробнее об этом см.: *Репина Л.П.* Вызов постмодернизма и перспективы новой культурной и интеллектуальной истории. – Одиссей. Человек в истории. М., 1996, с. 25–38.

²⁰ Теоретическое обоснование этого подхода см.: *Aers D.* Community, gender, and individual identity: English writing, 1360–1430. London – New York, 1988.

содержащий неоднозначные, косвенные, но ничем другим не восполнимые свидетельства о матримониальных и сексуальных представлениях в этой среде²¹. Изучив тексты многочисленных народных баллад, а также имевших широкое хождение сборников шуток, пословиц и поговорок, Шарп обратил особое внимание на то, как в них преломились три аспекта брачного поведения: выбор партнера, распределение прав и обязанностей по хозяйству, отношения между супругами. Соблюдая исключительную осторожность, необходимую при анализе такого рода источников, исследователю удалось доказать, что именно браки по любви считались нормальными и желательными, свобода в выборе партнера воспринималась как должное, браки по расчету считались предосудительными и заведомо несчастливими. Несмотря на строгое разграничение ролевых функций между мужем и женой, определяющим было представление о теплых, любовных отношениях между ними. Вместе с тем в балладах нашли свое место идеология мужского превосходства и одобрения патриархальной системы. Важно подчеркнуть то, что эти речи и действия вымышленных персонажей должны были оправдывать ожидания, а следовательно, так или иначе соответствовать чувствам, мыслям и убеждениям многих простых людей – мелких собственников, слуг, подмастерьев, представителей тех общественных слоев, которые составляли ядро потребителей произведений массовой культуры. Поэтому было бы равным образом абсурдно игнорировать как самостоятельное значение литературных влияний, так и роль жизненного опыта в формировании той питательной среды, без которой эти представления, надежды и даже фантазии не могли бы взрасти.

ИНДИВИД, СЕМЬЯ, ОБЩЕСТВО В КОНТЕКСТЕ ГЕНДЕРНОЙ ИСТОРИИ

Еще одно перспективное направление гендерной истории самым тесным образом связано с оригинальным подходом, который можно условно назвать персональной, или новой биографической историей. Он, разумеется, имеет очень жесткие ограничения в источниковой базе для ранних периодов истории. Исследователи западноевропейской истории раннего нового времени, несмотря на наличие довольно богатых частных архивов и обширного корпуса литературных памятников, сталкиваются с серьезными трудностями и прежде всего в своих попытках реконструировать историческую индивидуальность представителей средних и низших социальных слоев. В частности, стремясь восстановить внутренний мир женщины этого времени, ученые вынуждены обращаться к немногочисленным представительницам элиты, потомкам которых к тому же удалось сберечь и пронести свои фамильные архивы сквозь все исторические катаклизмы. Но и в таких счастливых случаях неизбежно встает вопрос, можно ли наблюдения, сделанные на основании исследования отдельных судеб в сколь угодно щедрых на подробности случаях экстраполировать в область коллективного и тем более социально-дифференцированного гендерного опыта? Для такого переноса, конечно, требуются дополнительные обоснования. Иногда исследователь опирается на гипотезу о двойственности женского мировосприятия, предполагающую, что если в одних ситуациях представления женщины в той или иной мере отражали ее социальную принадлежность, которая определялась, в зависимости от ее семейного положения, по мужу или по отцу, то в других классовые различия вытеснялись более фундаментальными гендерными характеристиками. Констатация существенной общности "женского опыта" каждой конкретной эпохи, таким образом, не устраняет расхождений, создаваемых социальным неравенством, и соответствует тем свидетельствам источников, которые подтверждают, что противоречия этого "двойного статуса" женщин осознавались мыслящими современниками и озадачивали их так же, как и нынешних историков, пытающихся уложить женскую ментальность в классово-гендерную систему координат.

²¹ *Sharpe J.A. Plebeian marriage in Stuart England: Some evidence from popular literature. – Transactions of Royal Historical Society, 1986, v. 36, p. 69–90.*

В то время как семейный статус определял каждую фазу женского жизненного цикла, отношение к женской сексуальности в широком смысле слова детерминировало поведенческий стереотип, предписываемый обществом всем женщинам, независимо от их возраста, семейного или социального положения. Этот нормативный код, выразившийся, в частности, в понятиях "чести" и "позора", идеале женской скромности как внешнего выражения целомудрия, был призван контролировать не только сексуальное поведение женщин, но почти все стороны их бытия: он задавал строгости воспитания и скучность образования, стиль одежды и манеру говорить, ограничения в выборе партнера, рамки приемлемой деятельности и очень многое другое. Конечно, не все женщины следовали модели поведения, предписываемой им традиционным обществом, но обнаружившееся в ряде исследований разнообразие возможностей в целом очерчивает их пределы, выход за которые был трагическим уделом единиц.

Как показали в замечательных историко-биографических исследованиях С. Мендельсон и Н. Дэвис, даже редкие женщины XVII в., искавшие более широкое поле приложения своих сил, не оспаривали всего комплекса "гендерной асимметрии", вовсе не претендовали на привилегии мужчин в политике, праве, образовании, сексуальных отношениях, а своему проникновению в "заповедные" сферы деятельности тщательно искали оправдания²². Но хотя никто из них не ставил открыто под сомнение гендерную поляриность, как она понималась современниками, реализация такими женщинами своих властных амбиций, социальных притязаний и интеллектуальных потенций в скрытом виде (посредством обычных инструментов неформального женского влияния) была явлением достаточно распространенным. Из представленных исследовательницами "тройных портретов" ярко выступают спектр и пределы возможностей, которыми располагает индивид в рамках конкретного исторического контекста с характерной комбинацией социальной и гендерной иерархий. Н. Дэвис исключительно четко формулирует свою исследовательскую программу в Прологе, построенном в виде воображаемого обмена мнений автора с героинями написанной ею книги: "Я собрала вас вместе для того, чтобы узнать о ваших сходствах и различиях. В наши дни иногда говорят, что женщины прошлого похожи друг на друга... Я хотела показать, в чем вы были близки друг другу, а в чем нет, в чем вы отличались от мужчин своего мира и в чем были такими же... как разные религии влияли на женские судьбы, какие двери они вам открывали, а какие закрывали, какие слова и дела они позволяли вам выбирать... Я хотела узнать, как вы трое боролись с гендерным неравенством... Но я не изобразила вас просто многострадальными. Я также показала, как женщины в вашем положении извлекали из него максимум возможного. Я интересовалась тем, какие преимущества давала вам маргинальность..."²³.

Пожалуй, наибольшие ожидания от гендерной истории в области методологии связаны с поисками решения чрезвычайно трудной проблемы взаимодействия индивидуального, группового, социального и универсального в историческом процессе. В то же время приходится констатировать, что уже полученные результаты работы историков, которые – в зависимости от избранного ракурса исследования – описывают отдельные женские судьбы и либо выясняют роль женщин в семье и домохозяйстве, либо выявляют место женщины в общественно-публичной сфере (в заданных пространственно-временных границах), все еще нуждаются в переосмыслении с точки зрения возможного синтеза всех этих трех аспектов изучения истории женщин. В практике же конкретно-исторических исследований с более широким охватом

²² Mendelson S. *The Mental world of Stuart women: Three studies*. Brighton, 1987; Davis N.Z. *Women on the margins. Three seventeenth-century lives*. Cambridge (Mass.) – London, 1995. В книге С. Мендельсон "Духовный мир женщин эпохи Стюартов" представлены биографии известных женщин, оставивших заметный след в истории английской литературы (Маргарет Кавендиш, герцогиня Ньюкаслская, Мэри Рич, графиня Уорикская, первая женщина – профессиональный драматург Афра Бен), в то время как героини монографии Н. Дэвис – женщины хотя и неординарные, но неизвестные, принадлежащие к разным народам, социальным кругам и конфессиям (католической, протестантской, иудейской).

²³ Davis N.Z. *Op. cit.*, p. 2–4.

продвижение в решении этой проблемы было намечено в книге Ш. Маршал, посвященной истории нидерландского дворянства раннего нового времени²⁴. Важнейшими этапами ее интегративной по самой своей сути исследовательской программы стала, во-первых, достаточно сложная процедура перехода от тщательно проработанной и отсортированной демографо-статистической информации просопографического характера к выявлению семейных моделей и отношений, во-вторых, от межличностных отношений к межгрупповым и, в-третьих, выход в макромир крупных общественных процессов.

Исследовательница, в частности, пришла к выводу о том, что реалии семейной жизни вовсе не укладывались в прокрустово ложе нормативов. Женщины принимали участие не только в семейной, но и в политической и общественной деятельности, их права, защищенные законами и обычаем, обеспечивали им достаточную независимость. Жены и мужья часто были партнерами в семейных делах. И матери, и отцы участвовали в воспитании детей, поддерживая друг друга и внушая ценность взаимных отношений своим детям. На шкале ценностей сохранение единства семьи иногда ставилось выше общности конфессий. Ш. Маршал настаивает на том, что весомый вклад в изменения отношений между мужем и женой, родителями и детьми внесли демографические реалии XVI – первой половины XVII в. в Нидерландах: относительно узкий возрастной интервал между супругами создавал изначально благоприятные условия для взаимного сближения и установления партнерских отношений, а высокая детская смертность и реальная угроза угасания рода в условиях войны и революции повышали ценность каждого из выживших детей в глазах родителей и домочадцев. Важнейшую роль сыграла Реформация. В целом межличностные отношения и жизненные ориентиры нидерландских протестантов, как и их новая общественно-политическая система, оказались в начале XVII в. гораздо более "модернизированными", чем у их современников – соседей по "западноевропейскому дому".

ГЕНДЕРНАЯ ИСТОРИЯ И ПРОБЛЕМА ПЕРИОДИЗАЦИИ

Проблема периодизации была унаследована и некритически воспринята гендерной историей от истории женщин "первого поколения", которая выдвинула в качестве одной из своих основных задач пересмотр общепринятых схем периодизации, построенных исключительно на историческом опыте мужчин. Наиболее генерализованная схема периодизации истории женщин была предложена еще в 1974 г. в обзорной книге Моник Пьеттр "Положение женщин сквозь века"²⁵. Она разделила всю историю на три очень продолжительные фазы в соответствии с превалировавшим в это время образом женщины: на первом этапе, на заре истории человечества это был образ "Матери-Прародительницы", на втором – в некоторых древних обществах (Египет, Рим) и особенно с упрочением христианства и моногамии – образ Жены-Супруги, и, наконец, на третьем – начиная с эпохи Возрождения – возникает образ Женщины-Личности. При этом "повышение статуса женщины в двадцатом веке не было результатом какого-то линейного подъема, медленного и поступательного продвижения к свободе"²⁶. Сложность выявления динамики гендерной истории усугубляется неоднозначностью и разновременностью изменений в гендерном статусе отдельных социальных, профессиональных и возрастных групп.

Попытки ввести новую периодизацию всемирной истории женщин продолжают. Одна из наиболее интересных была сделана в двухтомном обобщающем труде Бонни Андерсон и Джудит Цинссер "Их собственная история: женщины в Европе от предистории до настоящего времени"²⁷. Определяющей категорией интерпретации исто-

²⁴ Marshall St. *The Dutch gentry, 1500–1650; Family, faith and fortune.* New York etc., 1987.

²⁵ Piettre M. *La condition feminine a travers les ages.* Paris, 1974.

²⁶ Ibid., p. 309.

²⁷ См., например: Anderson B.S., Zinsser J.P. *A History of their own: Women in Europe from prehistory to the present, v. I, II,* New York etc., 1988.

рического материала выступил гендерный фактор: сходство гендерного статуса переживало, по мнению авторов, эпохальные, классовые и этнические различия, несмотря на всю их значимость. К гендерным константам относятся следующие общие черты: место женщины в европейском обществе устанавливалось по мужчине, от которого она зависела; основные обязанности женщин в семье и по дому не исключали их из других форм труда; труд женщин в домохозяйстве и вне его всегда считался менее важным, чем мужская работа; лишь немногие европейские женщины преодолевали ограничения, накладываемые на их жизнь обществом, и главным образом те, что обладали богатством, высоким положением или талантом, но даже они сталкивались с задаваемыми культурой преимущественно негативными представлениями о женщинах и с убеждением в том, что они должны подчиняться мужчинам. Тем не менее у женщин была своя история, траекторию которой авторы прослеживают, фокусируя внимание на изменениях женских функций в обществе и выделяя группы женщин "в полях", в церковных учреждениях, в замках и поместьях, в средневековых городах, а также аналогичные категории для новоевропейской истории. Они замечают, что "одно и то же историческое событие можно увидеть по-разному с точек зрения различных групп женщин. Например, индустриализация воздействовала на женщин, принадлежащих к рабочему классу, и женщин среднего класса очень различным образом... То же самое справедливо и для Ренессанса, Просвещения, Французской революции и для двух мировых войн"²⁸.

В поисках корреляции между статусом женщин и характером общественной организации истории идут вслед за антропологами, которые подчеркивают ее непрямой характер и указывают на то, что усложнение общественных структур влекло за собой снижение авторитета женщины в семье, сокращение ее имущественных прав, установление двойного стандарта норм поведения и морали и вместе с тем усиление неформального влияния женщин через сеть социальных связей за пределами семьи и домохозяйства²⁹. Вот почему, сохраняя в целом периодизацию, фиксирующую структурные трансформации в обществе, гендерная история делает акцент на различных последствиях этих перемен для мужчин и для женщин, на долю которых достались не дивиденды, а издержки "прогресса".

Переиздавая получивший широкую известность коллективный труд "Становясь видимыми: женщины в европейской истории", его редакторы объяснили принятое ими традиционное деление пройденного Европой исторического пути тем, что "такие крупные катаклизмы, как войны и эпидемии, оставляют глубокий разлом в жизни всех членов общества, и мужчин, и женщин, а такие долговременные процессы, как индустриализация, политическое развитие и повышение жизненного уровня, изменяют жизнь каждого. Но наш особый ракурс показывает, что женщины переживали эти массовые сдвиги иначе, чем мужчины"³⁰. Они отмечают две ведущие тенденции, которые определяют траекторию женской истории. Одна из них – ускорение темпов дифференциации задач в экономике и управлении, что влечет за собой необходимость их централизованной координации: "По мере того, как общества становятся более сложными, власть стекается наверх и в общем в руки немногих мужчин, а большинство женщин остается внизу. Вторая историческая тенденция состоит в попытках оправдать лишение женщин власти и авторитета сведением гендерных различий в некую систему оппозиций, снабженных ярлыками "мужское" и "женское". Качества, якобы присущие женщинам, противопоставляются "мужским": женщины определяются как пассивные, мужчины – как активные, женщины описываются как эмоциональные, мужчины – как интеллектуальные, женщины считаются "по природе" заботливыми,

²⁸ Ibid., v. I. Introduction, p. XV–XIX.

²⁹ Подробно об исследованиях зарубежных антропологов в 1970–1980-е гг. см. в сб.: Женщина в обществе и культуре. М., 1987.

³⁰ *Becoming visible: Women in European history*. (1 ed. – Boston, 1997). Ed. by R. Bridenthal et al. Boston etc., 1987, p. XI.

мужчины – "по природе" честолюбивыми"³¹. В целом же анализ экономической дифференциации и гендерной поляризации производится в общепринятой долгосрочной перспективе.

Оказывается, что в раннее средневековье асимметрия гендерной системы была гораздо слабее, что в эпохи, которые традиционно считаются временами упадка, статус женщин относительно мужчин отнюдь не снижался, а в так называемые эры прогресса плоды последнего распределялись между ними далеко не равномерно. Однако при такой постановке проблемы, несмотря на несовпадение фаз исторического опыта мужчин и женщин, задача периодизации исторического развития отходит на второй план, речь идет главным образом о его оценке. И хотя XVI–XVII столетия почти единодушно оцениваются гендерными историками как эпоха крупных сдвигов, которые в основном негативно отразились на статусе женщин в патриархальной семье и общественном производстве, именно к этому времени они относят важнейшее позитивное явление в избранной ими картине исторической динамики – рождение "женского вопроса" и традиции феминизма³².

В этой связи особый интерес вызывает дискуссия о преемственности и изменчивости в истории женщин при переходе от средневековья к новому времени, состоявшаяся на страницах новых специализированных журналов. Эта полемика была вызвана распространенным в феминистских исследованиях представлением о неизменности и непрерывности "патриархального угнетения", наиболее ярко выраженным в обзорной статье о положении женщин в европейской экономике американской медиевистки Джудит Беннет, одного из лидеров "женской истории", название которой "Неподвижная история", заимствованное из работы Э. Леруа Лядюри, намеренно эпатажировало читателя. Впрочем, речь шла, конечно, не о полной статичности патриархии, которая существовала в разных исторических формах и вариациях, а о том, что имевшиеся изменения в отдельных аспектах не преобразовали основ патриархальной системы на рубеже нового времени³³. Тем не менее нельзя не признать справедливости замечаний тех критиков, которые увидели в этом "пафосе неподвижности" и в призывах к пересмотру традиционной периодизации не только рецидив "радикального феминизма", но и опасность отрыва истории женщин от общеисторического контекста³⁴. Характерно, что в своем ответе Дж. Беннет сочла необходимым подчеркнуть: "Я вовсе не утверждаю, что в жизни женщин не произошло никаких перемен, но я полагаю, что для женщин и для мужчин ход и реалии этих изменений, а также их движущие силы были различными... В конце концов, история изучает не только изменения, но и преемственность. И если последняя больше проявляется в истории женщин, чем в истории некоторых других групп, то это требует разгадки, но, разумеется, не влечет за собой де-историзацию... Никто не станет отрицать, что история женщин должна быть лучше интегрирована в единое целое с более старыми областями исторических исследований, но существует много способов достичь этой цели... Я считаю, что мы должны развивать наши собственные историографические традиции с тем, чтобы соединиться с другими историческими дисциплинами на равных условиях"³⁵.

Переход от "монологической" истории женщин к "диалогической" гендерной истории и появление обобщающих исторических трудов в теоретическом контексте гендерных исследований дали мощный импульс научной полемике о возможных и наиболее

³¹ Ibid., p. 1–2.

³² См., в частности: Connecting spheres. Women in the Western world, 1500 to the present. Ed. by M.J. Boxer, J.H. Quataert. New York–Oxford, 1987.

³³ Bennett J.M. "History that stands still". Women's work in the European past. – Feminist Studies, 1988, v. 14, N 2, p. 269–283; eadem. Feminism and history. – Gender and History, 1989, v. 1, N 2, p. 251–272.

³⁴ Hill B. Women's history: A Study in change, continuity or standing still? – Women's History Review, 1993, v. 2, N 1, p. 5–22.

³⁵ Bennett J. Women's history: A Study in continuity and change. – Women's History Review, 1993, v. 2, N 2, p. 173–184 (p. 176).

плодотворных путях интеграции новой дисциплины в историю всеобщую³⁶. Жорж Дюби и Мишель Перро во введении к пятитомной "Истории женщин на Западе" справедливо отметили, что "стало возможным говорить о "новой истории женщин", поскольку ее предмет, методы и подходы в конце 80-х – начале 90-х годов претерпели существенные изменения... Это уже, собственно, не история женщин, а история отношений между полами"³⁷.

Между тем проблема периодизации не была переосмыслена с учетом новых концепций и задач. Она не сходит с повестки дня и по сей день оживленно обсуждается, а ее значение постоянно подчеркивается, но все попытки ее решить, по-видимому, обречены на неудачу. И не в последнюю очередь потому, что с учетом кардинального сдвига в общей направленности от истории женщин к истории взаимоотношений между полами сама постановка задачи дать специальную периодизацию истории с позиции одного, но только другого, пола является анахронизмом. Чрезвычайно привлекательным в этом плане выглядит предложение признанного авторитета "новой культурной истории" Роже Шартье, который ставит периодизацию женской истории в зависимость от выявления исторически изменчивого и специфического для каждой из социальных систем "способа артикуляции различных возможностей женского влияния", поскольку только их конкретное соотношение в данный исторический период может прояснить, каким образом в условиях гендерной асимметрии создается женская субкультура.

Главным объектом истории женщин становится изучение различных дискурсов и практик, "регистрируемых многими источниками механизмов, которые гарантируют (или призваны гарантировать) признание женщинами господствующих представлений о различиях между полами, как-то правовая приниженность, взгляд на роли полов, навязываемый школой, разделение труда и пространства, исключение из сферы публичного и т.д." Реализуемое таким образом "символическое насилие", определяемое в духе П. Бурдьё, всегда утверждает и закрепляет патриархальные отношения господства и подчинения, которые сложились культурно-исторически, как "различия природные, коренные, неустрашимые и всеобщие". Но систематически воспроизводимые представления о женской неполноценности не исключают отклонений и манипуляций. "Через присвоение женщинами мужских моделей и норм представления, имеющие в виду обеспечить господство и подчинение, превращаются в инструмент сопротивления и утверждения своей идентичности... Не все трещины, раскалывающие монолит мужского господства, принимают форму эффектных разрывов и непременно находят яркое выражение в идеологии отказа и мятежа. Часто эти трещины возникают внутри самого согласия, и для изъяснения непокорности используется язык господства". "Именно проблема согласия – самая что ни на есть центральная в функционировании системы власти, идет ли речь о социальном или же о половом делении"³⁸. Так на первый план выводится то, что может служить общим основанием и инструментом интеграции гендерных исследований в новую социокультурную историю.

На сегодняшний день история женщин и гендерная история в ее наиболее широком истолковании представляют собой огромное междисциплинарное поле, охватывающее социально-экономическое, демографическое, социологическое, культурно-антропологическое, психологическое, интеллектуальное измерения, и имеют объективные основания стать весьма важным стратегическим плацдармом для реализации проекта "новой всеобщей истории", способной переосмыслить и интегрировать результаты исследований микро- и макропроцессов, полученные в рамках "персональной", локальной, структурной и социокультурной истории.

³⁶ Social Science History, 1989, v. 13, n. 4, p. 439–477.

³⁷ A History of women in the West. Ed. by G. Duby, M. Perrot. V. 1, p. XIX.

³⁸ Chartier R. Differences entre les sexes et domination symbolique (note critique). – Annales E.S.C., 1993, a. 48, N 4, p. 1005–1008. См. также: Шартье Р. История сегодня: сомнения, вызовы, предложения. – Одиссей. Человек в истории. 1995. М., 1995, с. 201–202.

Однако осуществление такой возможности упирается в ту самую человеческую субъективность, изучению которой в гендерной истории уделяется немало сил и времени: "женский вопрос" с оттенком радикального феминизма явно доминирует в сознании многих ее представителей. Более того, новорожденная "история мужчин", призванная дополнить свою "женскую половину", похоже, во многом собирается повторить ее путь. Причем, как это ни странно, историки, проявляющие серьезный интерес к исследованию гендерной идентичности "сильной половины человечества", как и первые "историки женщин", сталкиваются с негативным отношением многих собратьев по профессии, которые в подавляющем большинстве не признают эвристического потенциала этого нового направления. А ведь с позиции "истории мужчин" можно убедительнее всего показать, как гендерные представления пронизывают все аспекты социальной жизни, вне зависимости от присутствия или отсутствия в ней женщин. Но скептики обычно видят в "истории мужчин" лишь очередную дань идеологической моде. Некоторые историки вполне обоснованно связывают такое прохладное отношение с тем, что при чтении источников создается впечатление, будто мужчин в них вовсе нет, хотя они и упоминаются повсюду. И именно поэтому исследователи гендерной истории мужчин, трактующей понятие мужественности как несводимую к биологической данности категорию культуры, предпочитают заниматься главным образом отчетливо выраженной мужской идеологией³⁹.

В самое последнее время можно говорить о появлении сторонников более теоретически продуманных комплексных подходов к истории мужчин и истории патриархальной системы, учитывающих, помимо психических и культурных составляющих гендерной идентичности и структуры гендерной иерархии, положение субъекта в социальной иерархии и конфигурацию последней⁴⁰. Речь идет о разработке таких концепций и методов, которые действительно позволили бы совместить гендерный и социальный подходы в конкретно-историческом анализе. И все же нынешнее положение вещей вынуждает констатировать, что решение многих стоящих перед новой гендерной историей вопросов еще потребует значительных усилий, направленных на соединение всех методологических ресурсов и реализацию продуктивного сотрудничества социальных историков и историков культуры.

³⁹ Nye R.A. *Masculinity and male codes of honor in modern France*. New York, 1993. Кроме того, большая часть работ, анализирующих наследие мыслителей прошлого, вводит гендерную проблематику в контекст интеллектуальной истории. – Nature, culture and gender. Ed. by C. MacCormack, M. Strathern. Cambridge, 1980; Pitkin H.F. *Fortune is a woman. Gender and politics in the thought of Niccolo Machiavelli*. Berkeley, 1984; *Men's ideas/women's realities: Popular science, 1870–1915*. Ed. by L.M. Newman. New York, 1985; Keller E.F. *Reflections on gender and science*. New Haven, 1985; Elshain J.B. *Meditations on modern political thought: Masculine/feminine themes from Luther to Arendt*. New York, 1986; Nicholson L. *Gender and history. The Limits of social theory in the age of the family*. New York, 1986; Fausto-Sterling A. *Myths of gender. Biological theories about women and men*. New York, 1986.

⁴⁰ Tosh J. What should historians do with masculinity? Reflections on nineteenth-century Britain. – *History Workshop Journal*, 1994, N 38, p. 179–202. См. также: *Manful assertions: Masculinities in Britain since 1800*. Ed. by M. Roper, J. Tosh. London, 1991.

© 1997 г.

Г.П. КУРОПЯТНИК

"ЧАС ПИК" В ИСТОРИИ США: ВЫБОРЫ 1864 г., РЕШИВШИЕ СУДЬБУ СОЮЗА ШТАТОВ

Президентские выборы 1864 г. должны были во многом определить судьбу миллионов американцев и того времени, и последующих поколений.

В стране четвертый год бушевала гражданская война. Белые южане бились на смерть с белыми северянами. Недавно изобретенный телеграф по азбуке Морзе отстукивал на аппарате военного ведомства в Вашингтоне списки убитых. Полмиллиона молодых американцев уже сложили головы на поле брани и еще больше возвращались домой ранеными и изувеченными. Страна покрылась полевыми и тыловыми госпиталями. В лагерях и тюрьмах томилось более 400 тыс. военнопленных: 193,7 тыс. северян на Юге и 214,9 тыс. южан на Севере¹. Приостановка действия закона о неприкосновенности личности привела к произвольным арестам 38 тыс. северян и временному закрытию 200 газет².

Человеческие ресурсы как Юга, так и Севера таяли с каждым новым сражением. Уже появились сельские округа и города, которые из-за нехватки мужчин призывного возраста не могли полностью выполнить разнарядку по призыву в армию. "Наша армия, – записал генерал Уильям Шерман в эти дни, – обессилена: много убитых и раненых, многие покидают армию из-за окончания контракта. Тяжело видеть, как по этой причине уходят целые подразделения"³.

В тяжелейшем положении находились финансисты. Ежедневно война поглощала более 2 млн. долл. Казна была пуста, государственный долг достигал безумной по тем временам суммы 1.700 млн. долл.⁴

Выпуск громадного количества бумажных денег – гринбеков, получивших название от зеленой виньетки на оборотной стороне ассигнации, не обеспеченных золотым запасом, привел к их обесцениванию. Уже с декабря 1862 г. все банки и казначейство США прекратили обмен бумажных денег на золото. Стоимость гринбеков падала с головокружительной быстротой, достигнув низшего предела в 1864 г. В то же время цены на товары неизменно росли. К концу войны цены более чем удвоились по сравнению с началом 1861 г. Попытки правительства наскрести деньги на войну, приняв закон об откупе от несения военной службы за 300 долл., привели к неприятным последствиям: бунтам против призыва в армию, разгрому федеральных учреждений, грабежам, поджогам и негритянским погромам в Нью-Йорке, Чикаго, Детройте и других местах. Хаос, царивший в городах, способствовал небывалому разгулу преступности. Местная полиция оказывалась бессильной. Для наведения порядка с фронта присылались войсковые соединения.

Федеральные власти попытались бороться с инфляцией, издав в июне 1864 г. закон о золоте, по которому сделка объявлялась преступлением, если оплата наличным

¹ Civil War History, June 1962, p. 118.

² Zornow W.F. Campaign Issues and Popular Mandates in 1864. – Mid America, October, 1953, p. 211.

³ The Sherman Letters. Ed. by R.S. Thorndike. New York, 1894, p. 227.

⁴ Austin O.P. The Public Debt of the United States, 1791–1902. – The North American Review, November, 1902, p. 701–707.

золотом не производилась в день ее заключения. Но вместо того, чтобы стабилизировать курс доллара и положить конец спекуляции золотом, закон привел к обратному: курс доллара стремительно падал, а цены бешено рванулись ввысь. В течение двух недель банкиры, спекулянты и посредники в диком азарте загребли огромные деньги. На 17-й день президент и конгресс признали свою ошибку. Закон был отменен, но денежный рынок еще долго приходил в себя от пережитой лихорадки. Ограбленный народ на митингах требовал, чтобы правительство приказало построить виселицы для мошенников и спекулянтов. Золото поднималось в цене, а бумажные доллары обесценивались. Ассигнация достоинством в 10 долл. стоила всего 3,9 долл. в золоте⁵. Этот барометр хозяйственной жизни общества показывал, что федеральное правительство семимильными шагами приближалось к финансовому банкротству.

Население многих штатов, особенно в районах, подвергавшихся вторжениям войск, страдало от разрушений, поджогов и грабежей со стороны разных "партизанских" отрядов и кочевавших банд дезертиров. Падение реальной заработной платы и рост цен доводили горожан до нищенского состояния. Разорялся слой мелких предпринимателей, ремесленников и торговцев. В тяжелейшем положении оказались учителя, врачи, газетчики, преподаватели колледжей.

В обстановке неразберихи и сумятицы, возникшей в связи с ведением широкомасштабной войны, вольготно чувствовали себя разного рода авантюристы и спекулянты. В федеральных учреждениях столицы и на местах пышным цветом расцвели коррупция и казнокрадство. За взятки таможенные чиновники готовы были разрешить вывоз и ввоз чего угодно. Особенно прибыльной оказалась контрабанда хлопка с Юга. В ней был замечен даже заместитель военного министра. "Подношения" позволяли не платить налоги, в армию поставлялось негодное вооружение и продовольствие. Альянс поставщиков с высокопоставленными чиновниками давал возможность крупным ворам уходить от правосудия. Чиновники без стеснения разными способами грабили казну. За четыре года войны правительству президента Авраама Линкольна пришлось расстаться с 1,5 тыс. федеральных служащих из всего чиновничьего корпуса в 1,639 человек. Таково было положение в стране за несколько месяцев до президентских выборов.

Но состоятся ли сами выборы в условиях кровавой междоусобицы? Пойдет ли на них федеральное правительство? На эти вопросы твердо ответил сам президент: "Можно сказать, что мятеж поставил республику в критическое положение... и в связи с этим выборы стали насущно необходимыми. У нас не может быть полномочного правительства без выборов, и если бы мятеж заставил нас отказаться от всенародных выборов или отсрочить их, южане вправе были бы считать, что они нас уже победили или поставили у края пропасти"⁶.

Выборы 1864 г. не раз освещались как в общих работах по истории гражданской войны, так и в биографиях Линкольна. Количество изданных на английском языке книг о Линкольне уступает только жизнеописаниям Иисуса из Назарета и Уильяма Шекспира⁷. Во втором томе коллективного труда "История американских президентских выборов 1789–1968" по теме, исследуемой в настоящей статье, содержится обстоятельная глава, принадлежащая перу Хэролда Хаймена⁸. Выборы 1864 г. исследовались также в работах и курсах по истории США тех лет. Из недавно вышедших отметим солидные монографии Дж. Макферсона, Ф. Пэлудана, Ч. Роланда⁹. В оте-

⁵ Mitchell W.C. Gold, Prices and Wages under the Greenback Standard. Berkeley, 1908, p. 4.

⁶ Сэндберг К. Линкольн. М., 1961, с. 559.

⁷ McPherson J.M. The Battle Cry of Freedom: The Civil War Era. New York, 1988, p. 865.

⁸ History of American Presidential Elections. Ed. by A.M. Schlesinger Jr. et al., v. 1–4. New York, 1974.

⁹ Roland Ch.P. An American Iliad: The Story of Civil War. Lexington, 1991; Páladan Ph.S. "A People's Contest": The Union and the Civil War. New York, 1988; McPherson J.M. Ordeal by Fire: The Civil War and Reconstruction. New York, 1982, p. 437–458; *idem*. The Battle Cry of Freedom, p. 771–806; *idem*. A Lincoln and the Second American Revolution. New York, 1990, etc.

чественной историографии эта тема получила освещение в книге Р.Ф. Иванова¹⁰. Но до сего дня наиболее весомым вкладом в изучение президентских выборов 1864 г. является монография Уильяма Зорноу¹¹. Она основана на тщательном изучении, сопоставлении и анализе таких правдивых источников, как не предназначавшиеся для печати письма и документы из личных архивов более ста крупнейших политических, военных и общественных деятелей той поры. Это позволило автору проникнуться духом эпохи и показать, что думали и как действовали люди, стоявшие у кормила правления в те тревожные дни, когда решалась судьба страны. Однако вне сферы внимания автора книги оказалась основная масса северян, которые, рискуя жизнью, подавляли мятеж и трудились в тылу во имя победы. "Запомните, что не от политиков, не от президентов, не от жаждущих занять должность в правительстве, – обращался Линкольн к простым людям Америки, – а от вас самих зависит решение вопроса: будет ли сохранен Союз и будут ли свободы нашей страны обеспечены последующим поколениям"¹².

Автор предлагаемой читателю статьи поставил перед собой задачу на основе конкретных исторических материалов, в частности "входящих" документов, отложившихся в архиве Линкольна, выяснить, какую роль играли ничем не выделявшиеся граждане – сторонники Союза в "час пик" общенационального кризиса.

За три года войны в политической обстановке произошли большие перемены. Республиканская партия, чьим победоносным кандидатом на выборах 1860 г. был Линкольн (с 1862 г. она стала называться партией Общенационального Союза), отчетливо разделилась на две основные фракции: радикалов и умеренных. В демократической партии выявлялись три течения. Те демократы, у которых проявлялась тенденция к открытой поддержке республиканцев и которые были готовы сражаться за сохранение единства штатов, получили на политической арене название "демократы за войну".

Умеренные демократы также выступали за активное ведение войны, но были против партии Общенационального Союза, поскольку не одобряли действия правительства Линкольна против гражданских свобод и его курса на освобождение рабов. Особенно резко они выступали против Прокламации от 1 января 1863 г., которая гласила: "На территории всех мятежных штатов рабы объявляются свободными". Освобожденные рабы принимались в вооруженные силы и военно-морской флот США. Более того, демократы считали Прокламацию об освобождении рабов и вооружение негров опасными для населения, преградой на пути восстановления мира и порядка в стране. Эта часть умеренных демократов полагала, что, как только в результате военных успехов Севера южане изъявят готовность восстановить Союз, им следует предоставить все конституционные права, включая право собственности на землю и на рабов.

Третья фракция носила довольно обманчивое название "демократы за мир". Эта группа чрезвычайно активно – не только на словах, но и на деле – выступала против военных усилий Севера. На страницах прессы, с трибун конгресса и законодательных собраний она ратовала за мир с мятежниками, если даже это означало признание южной конфедерации. Патриоты называли участников этой фракции "медянками", медноголовыми. Такое прозвище они получили в прессе и среди населения по характеру и приемам своих действий. В Америке медянками или медноголовыми (copperheads) называют опасных ядовитых змей с чешуей на голове красноватых (медных) тонов. Во главе "медноголовых демократов" стоял конгрессмен от штата Огайо Клемент Л. Вэлландигэм. В течение всей войны деятельность этой фракции оказывала нецензурную услугу мятежному Югу.

Таким образом, на политической арене складывалась весьма запутанная и далеко

¹⁰ Иванов Р.Ф. Линкольн и Гражданская война в США. М., 1964, с. 429–453.

¹¹ Zornow W.F. Lincoln and the Party Divided. Norman, 1954.

¹² The Collected Works of A. Lincoln. Ed. by R.P. Basker, v. 1–9. New Brunswick, 1953–1955; v. 4, p. 194.

не ясная рядовым гражданам ситуация. Примерно половина демократов была уверена, что войну против своих южных соотечественников вообще не нужно было начинать. Они требовали ее немедленного прекращения как безнравственной и бесчеловечной. С другой стороны, около половины республиканцев считали, что война против южных мятежников ведется нерешительно и не теми методами. Эти радикалы требовали:

1. Объявить о конфискации земельных владений плантаторов и раздаче их небольшими участками солдатам федеральной армии, безземельному белому и черному населению Юга.

2. Отпустить на свободу рабов на территории всей страны, то есть не только на Юге, но и в так называемых пограничных, то есть сопредельных с Югом штатах – Мэриленд, Кентукки, Западная Вирджиния, Делавер, Миссури.

3. После подавления мятежа со штатами Юга обращаться как с враждебной территорией. Всех поднявших оружие против Союза строго наказать, а зачинщиков и главарей мятежа повесить.

4. Установление новой власти и перестройка южного общества должны находиться в руках конгресса, а не президента.

Власти ряда пограничных штатов явно симпатизировали Югу, а население почти поровну разделялось между сторонниками присоединения к конфедерации Юга и теми, кто оставался верен Союзу. Поэтому правительству Линкольна приходилось лавировать между враждующими сторонами. Отвергая прямолинейные требования радикалов, президент старался проводить гибкую политику, и ему с трудом удавалось удерживать эти пять сопредельных с Югом штатов в некотором дружественном нейтралитете.

Хотя значительная часть оппонентов Линкольна в рядах партии Союза неохотно склонялась к тому, что им придется все же поддержать его кандидатуру в президенты, было много таких, кто безоглядно требовал найти более подходящую для выполнения их целей фигуру. Особое возмущение радикалов вызывали планы Линкольна по умиротворению мятежных штатов после их освобождения. Они приходили в негодование при одном упоминании его прокламации об амнистии и реконструкции отделившихся штатов, опубликованной в самом конце 1863 г. Прокламация действительно была составлена в мягкой и неоскорбительной для южан форме. Она предусматривала создание в отделившихся штатах органов управления на основе новых местных конституций, запрещающих рабство. Для этого требовалось одобрение лишь 10 процентов населения от количества избирателей на 1860 г. У бывших мятежников, за исключением ограниченного числа высших политических и военных деятелей Юга, восстанавливались право собственности (за исключением права рабовладения) и гражданские права при условии принятия клятвы на верность Союзу штатов¹³.

Радикалов не устраивал не только слишком мягкий, как они считали, подход президента. Они решительно заявили, что все вопросы по реорганизации Юга являются исключительно прерогативой конгресса. В своем рвении они совершенно игнорировали то, что сам Линкольн рассматривал предложенный им план как предварительный и требующий корректировки с учетом обстоятельств и положения в каждом освобождаемом штате. Президент указывал, что нельзя допустить, чтобы накануне выборов другие вопросы отвлекали внимание избирателей от самой главной задачи – добиться победы в войне и восстановления Союза. Однако радикалы не внимали никаким доводам и разъяснениям.

При таких кардинальных разногласиях часть радикалов партии Союза не только начала думать о замене Линкольна на посту президента более приемлемым для них кандидатом, но и приступила к практическим шагам в этом направлении. После неудачной попытки организовать выдвижение кандидатом в президенты амбициозного министра финансов Сэлмона Чейза радикалы пошли на открытый раскол партии Союза.

¹³ Documents of American History. Ed. by H.S. Commager, v. 1, p. 430–431.

В марте 1864 г. радикальная фракция партии Союза, едва успев организационно оформиться, оповестила о намерении созвать свой съезд в Кливленде. Под "Обращением к народу Соединенных Штатов" стояли подписи известных политических и общественных деятелей из 11 штатов. В подготовке антилинкольновского съезда активное участие принимали неистовый аболиционист Уэнделл Филлипс, редактор "Нью-Йорк трибюн" Горас Грили и видный негритянский деятель Фредерик Дуглас. Поскольку радикалы рассчитывали на участие в их движении "демократов за войну", их партия приняла несколько странное название "партия радикальной демократии".

Съезд открылся в Кливленде, штат Огайо, 31 мая 1864 г. при участии около 400 делегатов от 15 штатов и округа Колумбия. В резких выражениях съезд осудил "узурпацию власти президентом Линкольном". Предвыборная платформа призывала к бескомпромиссному ведению войны до победного конца, принятию 13-й поправки к конституции о запрете рабовладения, соблюдению неприкосновенности личности, свободы слова и печати, прямым выборам президента и вице-президента (причем только на один срок, чтобы исключить опасную для них кандидатуру Линкольна). Вопросы преобразования мятежных штатов после их освобождения должны были стать прерогативой конгресса, но не президента. Наконец, последний по счету, но отнюдь не последний по важности пункт платформы требовал "в качестве меры справедливости произвести конфискацию земельной собственности мятежников и раздать ее солдатам и действительным поселенцам"¹⁴.

Среди обсуждавшихся в кулуарах съезда кандидатур на президентский пост назывались имена трех генералов: Уильяма Гранта, Джорджа Макклеллана, Джона Фримонта. Выбор съезда остановился на последнем. Он был известен тем, что еще в августе 1861 г., будучи командующим армией в Миссури, издал приказ о конфискации собственности – земли, рабов, скота и другой – только у тех граждан этого штата, кто активно сотрудничал с врагом¹⁵. При этом конфискованные рабы должны были отпускаться на свободу. Но приказ был тогда отменен Линкольном, а генерал снят с должности. В письме о согласии баллотироваться в президенты от партии радикальной демократии Фримонт осудил методы и формы ведения войны администрацией Линкольна, а ответственность за раскол партии Союза и нелояльность в ее рядах возложил полностью на президента. Фримонт был согласен принять все пункты программы, за исключением одного – о конфискации земель мятежников. Партия радикальной демократии надеялась использовать еще остававшуюся популярность Фримонта на Западе и среди компактной группы немецких эмигрантов. Однако сам Фримонт соглашался на немедленное снятие своей кандидатуры в том случае, если собиравшийся через неделю в Балтиморе съезд партии Союза выдвинет любого другого кандидата, но только не Линкольна¹⁶.

Уже один тот факт, что отколовшаяся партия радикальной демократии раньше всех вступила в избирательную борьбу, мог иметь неблагоприятные для судеб страны последствия. Действия экстремистов поставили под серьезную угрозу выступление единым фронтом всех приверженцев Союза в решающее для страны время. Тем самым они создавали подходящую обстановку для победы демократов на предстоящих выборах, что привело бы к отмене уже достигнутых завоеваний и заключению мира на условиях мятежников.

Ярко продемонстрированный в Кливленде раскол в лагере приверженцев Союза вызвал ликование среди демократов как на Севере, так и на Юге. "Политические события на Севере, – писал в это время президент Конфедерации Юга Джефферсон Дэвис, – благоприятствуют принятию некоторых действий, которые могли бы повлиять на настроения народа во враждебной секции. Точка зрения партии "демократы за мир" является вполне обнадеживающей, и представляется, что главным

¹⁴ McPherson E.A. Political History of the USA during the Great Rebellion. Washington, 1866. Reprint: New York, 1972, p. 413.

¹⁵ The Rebellion Record, v. 1–11. New York, 1864–1869; v. 3, p. 33.

¹⁶ Zornow W.F. The Cleveland Convention, 1864. – Mid America, January 1954, p. 49.

вопросом, который будет решаться на президентских выборах этого года, будет вопрос о том, продолжать или прекратить войну"¹⁷.

Опасность, таившуюся в факте раскола, быстро осознали в Белом доме и в республиканской партии, называвшейся теперь партией Общенационального Союза. На следующий же день после закрытия съезда партии радикальной демократии в Кливленде "Нью-Йорк трибюн" пришла к выводу, что "избирательная платформа, представленная съездом в Кливленде, хотя и выдвинута от имени радикальных республиканцев, не послужит никакой другой цели, кроме оказания помощи и создания благоприятных условий для победы на выборах общего врага всех республиканцев"¹⁸.

Через неделю после съезда в Кливленде 7 июня 1864 г. в Балтиморе прошел предвыборный съезд партии Линкольна – партии Общенационального Союза. После трех лет войны и ухода части радикалов к Фримонту это была уже не прежняя республиканская партия. Изменилось не только ее название, но и состав. Новые силы, пришедшие из различных регионов страны, пополнили ее ряды. Вместе с республиканцами старой закваски и умеренными аболиционистами здесь были широко представлены "демократы за войну", бывшие виги и даже незначительная группа американских национал-патриотов из партии "ничего не знающих". Наблюдательного помощника президента Линкольна А. Гуrowsки поразило присутствие на съезде "множества искателей выгодных должностей и контрактов, начальников почтовых отделений, лоббистов, претендентов на высокие государственные посты, редакторов газет". Только принимая во внимание этот состав участников съезда и "заключенные в его кулуарах сделки и розданные обещания, можно понять, – размышлял он на страницах дневника, – подлинный характер съезда"¹⁹.

Съезд потребовал, чтобы правительство использовало весь потенциал и мощь страны для сохранения Союза и полного разгрома мятежников. Оценив "практическую мудрость президента" и "его непреклонную верность конституции", съезд вынес решение о необходимости принятия поправки к конституции о запрете рабовладения, осудил дискриминацию в армии и на флоте по расовому признаку, а также высказался за поощрение иммиграции и строительства железной дороги к тихоокеанскому побережью²⁰. С целью сохранения единства на выборах в программе было решено не поднимать вопрос о переустройстве мятежных штатов. Линкольн и губернатор Теннесси Эндрю Джонсон были выдвинуты кандидатами соответственно на президентский и вице-президентский посты. Многие радикалы, и среди них Бенджамин Уэйд, Тадеус Стивенс, Джордж Джулиан не доверяли демократу из Теннесси²¹. Однако их молчаливое согласие выражало понимание ими насущной необходимости объединить все силы, борющиеся за сохранение Союза, включая и тех, которые шли в фарватере демократической партии.

Анализ программ, принятых в Кливленде и Балтиморе, показывает, что между ними не было принципиальных различий. Балтиморская программа была так отредактирована, что оставляла дверь открытой для возвращения сторонников Фримонта в партию Общенационального Союза. Единственной помехой на этом пути являлась личная неприязнь двух претендентов. Многие ветераны партии болезненно пережили раскол в своих рядах.

К расколу партии Союза привело накопившееся недовольство политикой правительства Линкольна среди ее радикального крыла. Некоторым была не по душе уступчивость в отношении пограничных штатов, поскольку согласно Прокламации 1 января 1863 г. освобождение не распространялось на 1 млн. рабов в пограничных штатах, медлительность в проведении военных операций, эмансипации и радикальных реформ. Других возмущало упорное опекание ряда, по их мнению, явно нежелательных

¹⁷ Norton L. War Elections, 1862–1864. New York, [s.a.], p. 39.

¹⁸ The New York Tribune, 1. VI. 1864.

¹⁹ Gurowski A. Diary, v. 1–3. Washington, 1866, v. 3, p. 253.

²⁰ Documents of American History, v. 1, p. 435–436.

²¹ Julian G.W. Political Recollections. Chicago, 1884, p. 243.

лиц на высоких постах в Вашингтоне. Наиболее крайние из радикалов, как Уэндел Филлипс, на всю страну заявляли, что Линкольн, этот провинциальный юрист, не обладает ни одним из качеств, присущих дальновидным государственным деятелям. Филлипс характеризовал Линкольна как узурпатора, выражавшего интересы богатых подрядчиков и поставщиков оружия, спекулянтов землей и недвижимостью²².

Одновременно шла разнузданная кампания против Линкольна в прессе мятежников и их "медноголовых" пособников на Севере. Последние проклинали все мероприятия правительства и прилагали большие усилия, чтобы запятнать доброе имя президента. Какие только ярлыки не навешивали на него: политический шарлатан и изворотливый демагог, тиран и деспот, узурпатор и невежда. Уже на другой день после съезда в Балтиморе, назвавшего своими кандидатами Линкольна и Джонсона, газета "медянок" "Нью-Йорк уорлд" запугивала читателей, утверждая, что в случае победы на выборах партии Союза страной будут править "два невежественных адвоката".

Хотя большая часть солидных газет Севера осуждала Линкольна за нарушение конституции и катастрофическую инфляцию, они все же в той или иной степени еще поддерживали Линкольна. Но уже в начале 1864 г. на страницах "Нью-Йорк трибюн" и других газет замелькали имена известных в стране лиц, которые, по их мнению, могли бы не хуже Линкольна справиться с обязанностями президента страны: генералы Батлер, Фримонт, Грант. В кулуарах конгресса, в разговорах и переписке, а затем и в прессе сначала негромко стали утверждать, что Линкольн – это уже "битая карта" в колоде действующих политических лиц Вашингтона. Сенатор Трамбал доверительно сообщал своему другу: "Существует опасение, что Линкольн слишком нерешителен и неспособен подавить мятеж. Не удивляйтесь, если возникнет движение в пользу другого деятеля, более энергичного и менее склонного доверить наших храбрых парней генералам, не склонным к решительным действиям"²³.

За политическими маневрами партии Союза внимательно наблюдали демократы. Большинство этой партии составляли умеренные. Они, как и Линкольн, считали, что главной целью войны является восстановление Союза. Но по вопросу о рабовладении эти демократы занимали особую позицию. Они полагали, что запрет рабства не следует ставить в качестве предварительного условия, так как это лишь затянёт братоубийственную войну, а решить его позже, на мирных переговорах с Югом, когда умолкнут пушки. Умеренные демократы резко осуждали произвольные аресты, закрытие оппозиционных газет и другие неконституционные действия правительства²⁴.

Таким образом, в тех исторических условиях значительное большинство демократической партии, несмотря на осуждение произвольных действий властей и расхождение по вопросу об эмансипации негров, в определенной степени могло поддержать Линкольна в борьбе за сохранение Союза. Но эта тенденция глушилась внутри самой демократической партии "медноголовыми", или "демократами за мир". Их неизменным требованием было: мир любой ценой. Они готовы были увековечить раздел страны и даже поддержать создание еще одной Конфедерации – Северо-запада. Эта фракция представляла тесно связанных с экономикой Юга финансистов, торговцев и посредников северо-восточных штатов. Их симпатии были на стороне южной конфедерации Джефферсона Дэвиса и плантаторов-рабовладельцев.

Искусные и чрезвычайно активные "демократы за мир" почти в каждом штате прибрали к рукам руководящие органы демократической партии и вовлекли в ее ряды многих, кто экономически пострадал от распада Союза и кто собственные выгоды ставил выше интересов страны. "Медноголовые" демократы не только организовали сильное сопротивление правительству в пограничных штатах, но и создали там и во многих штатах Запада разветвленную сеть секретных военизированных обществ,

²²Shervin O. Prophet of Liberty. The Life and Times of W. Phillips. New York, 1958, p. 227.

²³Сэндберг К. Указ. соч., с. 430.

²⁴Ross E.D. Northern Sectionalism in the Civil War Era. – Iowa Journal of History and Politics. October 1932, p. 482–483.

набирая туда всех недовольных²⁵. "Медноголовые" не брезговали никакими методами, чтобы затруднить военные усилия Севера и оказать содействие мятежникам. Эти люди пытались сорвать мобилизацию молодых северян в армию, а солдат призывали к дезертирству.

Но если партия Союза, расколовшись на две фракции, уже провела два отдельных съезда, то демократы все еще выжидали, готовясь воспользоваться раздорами в рядах противника, любым промахом правительства или любой неудачей на фронте. Многие теперь зависело от того, как будут развиваться события на театре военных действий.

Летом 1864 г. в связи с неудачами на фронте судьба Союза оказалась под серьезной угрозой. Войска генерала У. Гранта, начавшие поход в Вирджинию, находились далеко не в лучшем положении. Герой Висконсина столкнулся здесь с более дисциплинированным и опасным противником, чем ранее на западном фронте. Талантливые генералы Конфедерации почти ежедневными кровавыми боями изматывали его армию, и, несмотря на свою неукротимую энергию, Гранту пришлось отступить к берегам реки Джеймс и перегруппировать войска для осады Питерсберга и Ричмонда. Большое беспокойство вызвало в стране отсутствие каких-либо вестей от ушедшей в глубь Джорджии армии генерала У. Шермана. Газеты мятежников со злорадством пророчили, что армия янки неизбежно попадет в окружение и никогда не вернется домой.

Тем временем войска генерала южан Роберта Ли снова вторглись в северные штаты и погнали противника, неоднократно ими битого, через Мэриленд и Пенсильванию. Всадники генерала Джюбала Эрли, совершив дерзкий марш, прорвались к окрестностям Вашингтона. Взорвав железнодорожное полотно и перерезав телеграфные провода к северу от города, они двинулись по дороге к 7-й улице столицы, вблизи которой располагались правительственные здания, арсенал и хранился золотой запас. На случай эвакуации Линкольна охраной Белого дома без ведома президента был срочно послан пароход к речному порту на р. Потомак. Федеральную столицу спасли от позорной сдачи подоспевшие два корпуса Потомакской армии генерала Гранта²⁶.

Многие политики и конгрессмены были деморализованы боязнью грядущего поражения. Война, с каждым днем уносящая жизни многих патриотов на фронтах и причинявшая бесчисленные бедствия и страдания их семьям в тылу, длилась уже четвертый год, а конца ей, казалось, не было видно. Тяготы войны вызывали не только усталость, но и недовольство, так как наряду с ухудшением материального положения основной массы населения происходило накопление богатства в руках кучки финансистов, спекулянтов и коррумпированных чиновников. В начале августа 1864 г. редактор "Нью-Йорк трибюн" писал Линкольну, что девять десятых американцев по горло сыты кровопролитиями и разрушениями и "жаждут мира, мира почти на любых условиях". Такая ситуация была на руку "медноголовым" демократам, стремившимся любым способом превратить недовольство разных слоев населения политикой правительства в оппозицию самой войне. Их пресса во всех бедствиях обвиняла Линкольна и требовала немедленного прекращения войны. "Мир прекратит бойню, – писала "медноголовая" "Нью-Йорк ньюс", – прекратит дальнейшую деморализацию, положит конец голодной оплате труда"²⁷. В души северян закрадывались отчаяние и чувство безысходности. Многие теряли веру в своего президента. В памяти невольно воскрешались лишь ошибки и провалы в руководстве страной. Такие настроения среди северян как нельзя более способствовали пораженческой пропаганде "медноголовых" демократов. Их пресса и тайные политические организации распространяли слухи об окружении и уничтожении армии Шермана, раздували цифры потерь в войсках Гранта и проповедовали необходимость заключения "мира любой ценой".

В такой напряженной обстановке авторитет Линкольна продолжал падать. Это

²⁵ Эти общества в каждом штате назывались по-разному: "Рыцари золотого круга", "Общество взаимной защиты", "Кружок чести" и др. Но руководились они из единого центра и тесно сотрудничали с мятежниками Юга.

²⁶ Бурин С.Н. На полях сражений Гражданской войны в США. М., 1988, с. 148–149.

²⁷ Norton L. Op. cit., p. 37.

обстоятельство снова заставило ультралибералов, жаждавших заполучить другого, бескомпромиссного верховного руководителя, пойти на рискованные шаги. К концу августа их движение набрало такую силу, что было решено провести новый съезд в сентябре и заменить Линкольна другим кандидатом²⁸. В течение лета в Белый дом поступали тревожные вести из многих штатов. Так, из Мэриленда сторонники Линкольна сообщали, что "администрация быстро теряет почву. Чтобы добиться положительного результата, нам следует много и усердно потрудиться, пока успех не окажется на нашей стороне, не обращая при этом к опытным и изощренным политикам"²⁹. Противникам правительства в значительной мере удалось склонить общественное мнение в свою пользу в Пенсильвании, Иллинойсе, Индиане и Миссури.

Побывавшего на Среднем Западе помощника президента Джона Хэя поразило то, что жгучее желание одолеть мятежников и переизбрать Линкольна он наблюдал лишь среди земледельческого населения. "В городах же повсюду верховодят "медянки", а наши люди пассивны и только ворчат либо пали духом и преклоняются перед ними"³⁰. В конце августа один из искренних сторонников президента редактор "Нью-Йорк таймс" Генри Реймонд вынужден был сообщить президенту ошеломившие его сведения: "Я нахожусь в длительной переписке с вашими верными друзьями в каждом штате и от них слышу лишь одно: против нас собирается огромная сила"³¹.

Уловив настроения в большинстве штатов, руководство демократической партии пришло к выводу, что наступило время, когда нужно воспользоваться неудачами противника. Они учитывали все: раскол внутри партии Союза, неудачи на фронте, уныние, апатию и желание скорейшего мира в массах уставшего от тягот и невзгод народа. Но и перед демократами стояли задачи сплочения сил и привлечения избирателей на свою сторону. Их руководство старалось снять с обсуждения любые вопросы, которые могли способствовать внутренним трениям. Верно оценивая настроения северян, демократы-"медянки" маскировали свои истинные цели. Стремясь к примирению с мятежниками, они тем не менее уверяли, что выступают за войну до тех пор, пока она будет вестись за восстановление Союза. Их пресса утверждала, что безболезненное разрешение конфликта может быть достигнуто лишь путем отстранения от власти партии, которая не только показала себя неспособной вести успешную войну, но и усложняет достижение победы путем постановки вопроса об отмене рабства.

По мере развертывания избирательной кампании демократическая пресса все настойчивее требовала замирения с Конфедерацией без каких-либо условий. Призывая избирателей голосовать за демократов, газета "Нью-Йорк ньюс" разъясняла, что по главному вопросу, стоявшему перед страной – заключить мир или продолжать войну, – "демократы, выступающие за войну, и демократы, выступающие за мир, могут голосовать вместе... без ущерба для своих особых взглядов по другим вопросам"³². Объединение демократов всех фракций и оттенков почти наверняка, по оценкам современников, сулило им победу над расколовшейся партией Линкольна.

В последние дни лета, 29–31 августа 1864 г., демократы собрались в Чикаго на съезд по выдвижению кандидата в президенты. Основной пункт предвыборной программы гласил: "после четырех лет бесплодных попыток восстановить Союз военным путем... справедливость, гуманность, свобода и народное благосостояние требуют, чтобы немедленно усилия были направлены на прекращение военных действий, имея в виду созыв съезда представителей штатов или принятие других миротворческих мер с целью в возможно кратчайший срок восстановить мир на основе федерального союза штатов"³³. Приняв такую платформу, съезд тем самым предла-

²⁸ "To the People". Circular Issued by John S. Stevens. New York, September 5, 1864. – Library of Congress, Washington, Manuscript Division (далее – LCW MD), Lincoln Papers, v. 167, Sh. 35959.

²⁹ J. Armitage to J.M. Edmunds. July 31, 1864. – LCW MD, Lincoln Papers, v. 163, Sh. 34892–34893.

³⁰ Diaries and Letters of John Hay. New York, 1939, p. 211–212.

³¹ H.J. Raymond to Lincoln. Aug. 22, 1864. – LCW MD, Lincoln Papers, v. 165, Sh. 35478–35481.

³² Science and Society, v. 8, № 4, 1944, Fall., p. 320.

³³ Zornow W.F. Lincoln and the Party Divided, p. 132–133.

гал Югу перемирие без каких-либо условий. Без сомнения, мятежники не могли рассматривать это иначе, как знак победы Конфедерации.

Более того, в программе демократов фактически признавалось, что четырехлетняя бесплодная война была не только чудовищной ошибкой, вызвавшей разрушение страны, но и преступлением против своего народа. Такая позиция демократов была воспринята их противниками как измена общему делу восстановления Союза штатов. Отсюда и пошел гулять по страницам прессы термин "чикагская измена".

Кандидатом в президенты на съезде был выдвинут генерал Джордж Макклеллан, который находился не в ладах с правительством Линкольна после отстранения от командования Поттомаской армией в 1862 г. Его кандидатура вызывала некоторое сомнение только у "медноголовых". Но в конце концов съезд единогласно проголосовал за Макклеллана. Во время заседания съезда в зал поступили сногшибательные новости: о взятии федеральными войсками Атланты, победах в долине Шенандоа, захвате южного порта Мобил. Фортуна наконец улыбнулась войскам правительства. Измотанная летними боями армия генерала Гранта еще не сломила сопротивление мятежников, но новое пополнение каждый день усиливало его полки, расположенные вокруг осажденных Питерсберга и Ричмонда. Военные успехи Союза воочию продемонстрировали ложность основного вывода программы демократов о безрезультативности и бесполезности войны.

Сообщения с фронта повлияли и на содержание письма генерала Макклеллана в адрес демократической партии. Давая согласие на выдвижение его в президенты, Макклеллан после некоторых колебаний отверг требования ее платформы о немедленном прекращении военных действий без каких-либо условий. Отметив, что "никакой мир не может стать постоянным без восстановления Союза", Макклеллан подчеркнул: "Восстановление Союза является единственным условием для заключения мира – о большем мы не просим"³⁴. Такое дезавуирование кандидатом в президенты основного положения предвыборной программы могло вызвать раскол в рядах демократов. "Медноголовые" из Огайо, Индианы, Иллинойса и Айовы приняли резолюцию, в которой война объявлялась неконституционным актом, и потребовали выдвинуть другого кандидата. Но у них уже не хватило времени на проведение этой процедуры. Чикагская платформа осталась официальным выражением взглядов партии.

Сложилась парадоксальная ситуация: функционеры партии проводили избирательную кампанию на платформе, требовавшей без каких-либо предварительных условий немедленного прекращения военных действий, а их кандидат в президенты написал на своем знамени, что "восстановление Союза во всей его целостности является и должно являться неизменным условием любого урегулирования конфликта"³⁵. В результате демократы вступили в заключительную фазу предвыборной кампании в замешательстве. Действительно, несмотря на противоположные позиции по другим вопросам, оба кандидата в президенты от борющихся политических сил – Линкольна и Макклеллана выступали как бы в унисон по самому важному вопросу – о войне и мире. Уже одно это обстоятельство сбивало с толку многих избирателей и заставляло их призадуматься.

Сразу же после съезда в Чикаго демократы развили бурную деятельность во всех штатах Севера. Критикуя курс правящей партии на освобождение рабов, их агитаторы подчеркивали, что эта мера является непреодолимым барьером на пути к миру в стране. Потоки клеветы и разоблачений обрушивались на виднейших деятелей партии Союза и президента страны. Pamфлет под названием "Белый человек закован в цепи, а ниггер властвует" призывал "сбросить ниггеров с узурпированного ими трона и восстановить Союз"³⁶. Большие усилия "демократы за мир" приложили к тому,

³⁴ *Laugel A.* The U.S. during the Civil War. Bloomington, 1961, p. 54–55.

³⁵ *Zornow W.F.* Lincoln and the Party Divided, p. 139.

³⁶ *Science and Society*, v. 8, № 4, 1944, Fall., p. 325.

чтобы убедить фермеров, рабочих, ремесленников и другие слои поддержать их на выборах. При этом их агитация была тонко рассчитана на нужды и чаяния каждого сословия и каждой компактно проживавшей этнической группы. "Медянки" сетовали на бедственное положение городских рабочих и ремесленников, вину в этом политику "безнравственного правительства" Линкольна. Статьи в их газетах, памфлеты и листовки запугивали горожан тем, что освобожденные черные рабы хлынут на Север и вытеснят белых рабочих.

Съезд демократов в Чикаго дал импульс к сплочению сторонников партии Союза. Один из радикальных лидеров отметил в начале сентября, что "колебания относительно поддержки Линкольна исчезают в связи с состоявшейся чикагской изменой"³⁷. В новой политической обстановке многие из тех, кто летом группировался вокруг знамени Фримонта в противовес Линкольну, поторопились найти себе место среди приверженцев Линкольна и добились от Фримонта снятия своей кандидатуры.

Преодоление раскола партии Общенационального Союза позволило ей энергично провести кампанию по выборам. Известные всей стране лидеры и конгрессмены, те, кто еще вчера выступал против кандидатуры Линкольна, как, например, Уэйд и Генри Дэвис, Филлипс и Дуглас, и те, кто, критикуя его, оказывали ему поддержку, как Стивенс и Самнер, а также многие функционеры партии включились в борьбу за голоса избирателей. Они рассказывали о военном и политическом положении в стране. Лейтмотивом их речей звучал призыв объединить усилия всех граждан, независимо от их партийных симпатий, национальных и религиозных различий, для достижения главной цели – восстановления единства страны: "В настоящий момент забудьте о партиях. Все выступаем за нашу страну"³⁸. Этот же призыв содержался в предвыборных брошюрах и памфлетах. Убеждая голосовать за Линкольна, ораторы втолковывали горожанам и сельским жителям, что "голос, поданный за Макклеллана, – это голос за Джефферсона Дэвиса. Голос за Линкольна принесет быструю победу и обеспечит мир"³⁹. Партия Союза построила избирательную тактику на разоблачении подлинных целей "демократов за мир", их явных и тайных связей с Конфедерацией, сумев развеять миф о том, что лидеры Конфедерации искренне стремятся к прекращению войны⁴⁰.

Вклад в обеспечение победы Линкольна внесли лиги сторонников Союза. Возникшие еще в середине 1862 г., они за два года при негласной поддержке Белого дома⁴¹ превратились в самую надежную опору федерального правительства. Их возникновение было вызвано необходимостью для местного лояльного населения объединиться против уже существовавшей широкой сети тайных организаций сторонников южной Конфедерации. Местные лиги, действуя на непартийной основе и вдали от столичных политических интриг, неизменно оказывали поддержку федеральному правительству и наглядно демонстрировали нараставшее единство нации. Если многие лидеры и конгрессмены радикального толка колебались, поддерживать или нет Линкольна, и даже покинули его, создав еще одну партию, то избиратели, если они не были пассивны и не подверглись идеологической обработке "медноголовых", не колебались. Не дрогнули ряды местных приверженцев Союза и тогда, когда экстремисты из бывшей республиканской партии провели мощную антилинкольновскую кампанию, кульминацией которой стало выдвижение кандидатуры Фримонта.

В ряде штатов радикальные лидеры пытались поставить под свой контроль лиги сторонников Союза и использовать их тесные связи с местными жителями – потенциальными избирателями – в своих узкопартийных интересах. Но это им не удалось. Выступая в поддержку правительства Линкольна на митинге в Бостоне, один из его сторонников говорил: "Какие бы ошибки и промахи мы ни замечали в действиях

³⁷ Memoir and Letters of Charles Sumner. Ed. by E.L. Pierce, v. 1–4. Boston, 1877; v. 4, p. 199.

³⁸ Lieber F. No Party Now; But All for Our Country. New York, 1864.

³⁹ Norton L. Op. cit., p. 45.

⁴⁰ The Collected Works of A. Lincoln, v. 10, p. 189, 191.

⁴¹ Lincoln's Third Secretary: The Memoirs of W.O. Stoddard. New York, 1955, p. 99, 100.

правительства или думаем, что их видим, давайте на минуту отвлечемся от этого и учтем главное: даже в самом худшем случае лучше иметь хоть какое-то правительство, чем никакого"⁴². Многие избиратели соглашались с часто высказывавшимся в республиканской прессе мнением, что "следует дать возможность Линкольну завершить работу, которую он так хорошо начал"⁴³.

Еще за пять месяцев до съезда партии Союза в Балтиморе на собрании лиги сторонников Союза штата Теннесси в Нэшвилле, в котором участвовали также армейские офицеры и представители федеральных властей, была принята резолюция в поддержку выдвижения Линкольна и сенатора от Теннесси Эндрю Джонсона в президенты и вице-президенты. В некоторых штатах советы лиг сторонников Союза имели свои отделения в действующей армии. Одним из энтузиастов создания групп сторонников Союза в армейской среде был бригадный генерал У. Шерман⁴⁴.

Уже в начале 1864 г. в поддержку кандидатуры Линкольна "как народного избранника" высказались съезды партии Общенационального Союза в Новой Англии и в штатах Пенсильвания, Индиана, Айова, Нью-Йорк, законодательные собрания Висконсина, Канзаса, Миннесоты, Калифорнии, крупная организация приверженцев Союза в Иллинойсе. Их единомышленники в Филадельфии не ограничились принятием резолюции и, не откладывая дело в долгий ящик, учредили Комитет 76-ти для выработки конкретных мероприятий по проведению избирательной кампании⁴⁵. Деньги на ее проведение были собраны среди группы патриотически настроенных промышленников, железнодорожных магнатов, патронов страховых обществ, директоров банков, профессуры, врачей, адвокатов и других членов Филадельфийского клуба сторонников Союза. Линкольн высоко оценил деятельность филадельфийской лиги сторонников Союза как "организации, свободной от политических пристрастий, вызванной к жизни чувствами высокого патриотизма"⁴⁶.

На этой основе ширилось движение за переизбрание Линкольна и по всей стране формировались лиги или ассоциации в поддержку Линкольна, клубы бескомпромиссных сторонников Союза и другие аналогичные организации. Деятельность этих объединений на местах шла в русле интересов партии Союза. Некоторые из них были созданы или поддерживались местными лидерами этой партии, хотя в нее формально лиги сторонников Союза не входили и ей не подчинялись. Лиги и ассоциации сторонников Союза не принадлежали к разряду тех эфемерных организаций, которые часто создавались только для "добывания" голосов избирателей и исчезали на другой день после выборов. Требования патриотических организаций в разных штабах имели некоторые отличия. Типичным являлось обращение лиги сторонников Союза к избирателям штата Нью-Йорк. В нем содержался призыв добиться переизбрания Линкольна на основе программы, включавшей требования: никакого мира, который привел бы к компромиссам по вопросу о свободе; безусловное предание суду мятежников и предателей; навсегда запретить рабовладение; энергичное и беспощадное ведение войны до тех пор, пока все это не будет достигнуто⁴⁷.

В самый напряженный момент атаки на Линкольна со стороны партии радикальной демократии в Белом доме появилась делегация совета лиги сторонников Союза Нью-Йорка во главе с полковником Оливером Бирдом. Делегация заверила президента в искренней поддержке его позиции по вопросам войны и мира и сообщила, что национальный совет лиги разослал инструкцию местным организациям "предпринять все, что в их силах, чтобы обеспечить ваше избрание"⁴⁸. В ответ усталый президент,

⁴² The Duty of Supporting the Government in the Present Crisis of Affairs. Boston, 1864.

⁴³ The New York Herald, 24. XII 1863.

⁴⁴ Union Club of Memphis to W.T. Sherman. Dec. 17, 1862.—LCW MD, W.T. Sherman Papers.

⁴⁵ G.H. Boker to C.A. Dana. Jan. 29, 1864. — LCW MD, Lincoln Papers, v. 140, Sh. 29936.

⁴⁶ Lincoln Herald. December, 1944, p. 41.

⁴⁷ Address of the Unconditional Union Central Committee for the City and County of New York. New York, 1864.

⁴⁸ LCD MD, Lincoln Papers, v. 160, Sh. 34350–34352, 34374.

бывший в курсе всех интриг ультрарадикалов против его кандидатуры на выборах, сказал: "Я не могу позволить себе, джентльмены, считать, что я лучший человек в стране. Но в связи с этим я хочу напомнить высказанное старым фермером-голландцем мнение о том, что не следует менять коней при переправе через бурлящий поток"⁴⁹.

Еще ранее секретарь совета лиги сторонников Союза Иллинойса заверил Линкольна, что его земляки остались верны своему президенту и, объединенные в 1300 местных советах лиги, составляли армию избирателей почти в 170 тыс. человек⁵⁰. Представители демократическо-республиканской рабочей ассоциации Нью-Йорка, где менее года назад имели место кровавые столкновения, также заверили Линкольна в стремлении сохранить единство страны. Благодаря за поддержку, Линкольн заявил, что в стране интересы ни одного сословия не затронуты так глубоко происходящими событиями, как интересы городских рабочих. Линкольн советовал им опасаться разногласий и национальной нетерпимости в своей среде и подчеркнул: "Сильнейшей связью между людьми, помимо семейных отношений, должна быть связь, объединяющая всех рабочих – трудящихся всех наций, языков и племен"⁵¹.

Участие в лигах и ассоциациях сторонников Союза видных политиков, бизнесменов и лиц свободных профессий обеспечило разработку новых подходов и программ для решения насущных проблем в разных штатах, а пресса вела их пропаганду. В тысячах общин проводилась кропотливая работа по разъяснению политической и военной обстановки в стране. Все усилия местных лиг были направлены на то, чтобы увеличить число друзей федерального правительства. Один из путей к этому лежал через поднятие уровня понимания простыми людьми происходивших событий, преодоление равнодушия избирателей и воспитание патриотических чувств. Только на местах хорошо знали настроения людей. Поэтому перед активистами стояла деликатная задача убедить тех, кто в душе был патриотом, сделать правильный выбор. Направляя внимание на основную цель – сохранение Союза, многие местные лиги оказались в состоянии избежать перенесения внутрипартийных и межпартийных раздоров на свои собрания.

Гибкая тактика лиг сторонников Союза позволила многим "демократам за войну" и тем, кто находился под их влиянием, отойти от демократической партии и поддержать на выборах кандидатуру Линкольна. В обращении к избирателям эти демократы призывали выступить на выборах вместе со сторонниками партии Союза и соответствующим образом ответить на "огонь "медянок" в тылу"⁵². В совместных дискуссиях обсуждались новые компромиссные положения, приемлемые как для радикалов-аболиционистов, так и для их противников в демократической и республиканской партиях. Большая работа проводилась в поддержку военных усилий: содействие набору добровольцев в армию, который стимулировался выдачей вознаграждения от местных властей, сбор денег, теплых вещей и подарков солдатам к Рождеству. Лиги сторонников Союза создавали группы по закупке предвыборной литературы для распространения среди населения. В прифронтовой полосе и в районах, где "медянки" проявляли особую активность, приверженцам Союза пришлось обзавестись собственными боевыми отрядами для защиты от рейдов мятежников и провокаций со стороны вооруженных групп "Рыцарей золотого круга". За получением оружия советы лиг обращались к губернаторам штатов. В штатах, расположенных в глубоком тылу, например, в Новой Англии, ополченцы из состава лиг сторонников Союза были готовы оказать вооруженную поддержку местной администрации для подавления любого антиправительственного выступления и наведения порядка. Лиги не оставляли без внимания жалобы жителей на мошеннические проделки федеральных

⁴⁹ The Collected Works of A. Lincoln, v. 7, p. 383–384.

⁵⁰ A.S. Miller to A. Lincoln, april 10, 1864. – LCW MD, Lincoln Papers, v. 168, Sh. 36133.

⁵¹ The Collected Works of A. Lincoln, v. 8, p. 259–260.

⁵² Leaflet of the War Democracy Wing of the Union Party, 1864. – LCW MD, Lincoln Papers, v. 153, Sh. 32840.

чиновников и владельцев магазинов, поднимавших цены на продукты и товары первой необходимости.

Особое внимание советы лиг сторонников Союза уделяли подбору кандидатов на выборные должности в конгресс и законодательные собрания штатов. Рекомендовались только те, кто выступал за целостность Союза. Один из советов Новой Англии настоятельно требовал от местных лиг держать под контролем процесс выдвижения на важные и влиятельные посты местного и федерального уровня и добиваться отстранения с таких постов всех, кто связан с "медноголовыми" или движим мотивами личной наживы. Местные лиги и ассоциации создавали группы по разработке конкретных мероприятий в связи с приближавшимися выборами. На собраниях проводились беседы и читались лекции на актуальные темы. Поступавшие из центра циркуляры рекомендовали больше внимания уделять распространению предвыборной литературы и проведению политических бесед с населением окрестных ферм и поселков. Некоторые лидеры движения, особенно в южных частях Огайо, Индианы и Иллинойса, были серьезно озабочены тем, что если лиги не получат поддержки и партия Союза потерпит поражение, то страна окажется под властью "честолюбивых и безрассудных людей".

В Бостоне, Нью-Йорке и Филадельфии действовали общества по публикации патриотической литературы. Авторы брошюр, лекций, листовок никогда не уклонялись от самых острых и часто неприятных для правительства тем. На документах и жизненных фактах они разъясняли причины и последствия предпринятых правительством действий, в частности непопулярных и ошибочных. Имея в виду произвольные аресты и ограничения свободы печати, один из ораторов на митинге в Нью-Йорке сказал: "Если президент даже ошибается, все равно мало кто ставит под сомнение чистоту его целей и помыслов и искренний патриотизм"⁵³.

Основными направлениями агитационных материалов были: призыв к поддержке правительства Линкольна, оправдание ограничений гражданских свобод, доказательство того, что Юг, а не Север навязал стране братоубийственную войну. Подчеркивалось, что южная аристократия ведет классовую борьбу против демократии.

В серии памфлетов на тему "Свобода, Мир и Союз идут вместе, и одно не может существовать без другого" их автор предупреждал, что сохранение плантационной системы Юга с ее рабским трудом приведет к гибели свободных земледельцев на Севере. В полемике с демократами активисты партии Союза избегали оскорблений их кандидата в президенты США, сосредоточивая внимание на выявлении истинных целей демократической партии, скрытых за туманными формулировками ее предвыборной платформы. Вся предвыборная деятельность партии Союза была направлена на объединение различных слоев, групп и классов под знаменем единства страны. Брошюры и памфлеты проникали в самые удаленные поселения пионеров, доходили до солдат и офицеров сражавшейся армии. В связи с раскрытием чикагского заговора "медноголовых" демократов и их связей с мятежниками на первый план агитационной работы партии Союза выдвинулась тема предательства общенациональных интересов. Ей уделялось центральное место на митингах и страницах прессы. Молниеносно появились памфлеты "Большой северный заговор Ордена золотого круга", "Христианство, измена и рабство".

После ликвидации раскола в партии Союза ее пропагандистская машина стала действовать более эффективно. Национальный совет лиги сторонников Союза решительнее, чем прежде, влиял на работу своих отделений на местах. Он не только способствовал образованию новых организаций и распространению предвыборных материалов, но и начал координировать совместные действия местных лиг в предвыборной гонке. В ней учитывался каждый голос избирателя. Во многих штатах составлялись списки нелояльных граждан, а также тех, чье прошение о приеме в лигу

⁵³ Union League of America (далее – U.L. of A.) Proceedings. New York, 1864; *Silvestro C.M.* Non but Patriots. Ph.D. Diss. Univ. of Wisc., 1959, p. 137.

было отвергнуто. Один раз в месяц отчеты местных лиг о ходе подготовки к президентским выборам направлялись секретарям лиг штатов, а те докладывали Национальному совету лиги в Вашингтоне. Национальный совет руководил распространением предвыборной литературы по всем штатам. Специальные обращения на немецком и других иностранных языках предназначались для привлечения голосов недавно натурализовавшихся граждан США⁵⁴.

За месяц до выборов только Филадельфийское бюро публикаций успело издать и разослать по стране 17 новых политических памфлетов. Один из них характеризовал августовский съезд демократов в Чикаго как "съезд трусов и предателей". Другой содержал ярко написанный призыв "Почему трудящийся человек должен переизбрать Авраама Линкольна", а в памфлете "Линкольн и Макклеллан" популярно разъяснялось, что ждет страну в случае победы на выборах последнего. В сплочении патриотических сил участвовала и "Газета лиг сторонников Союза", выходявшая в октябре дважды в неделю тиражом 50 тыс. экземпляров. По мере приближения дня голосования лиги чаще проводили митинги, факельные шествия и демонстрации в поддержку Союза. В умах избирателей происходил процесс осознания того, что победа и восстановление Союза могли быть достигнуты лишь энергичными и совместными действиями всех сторонников единства страны.

За две недели до выборов Национальный совет лиги сторонников Союза оповестил местные организации, что победа уже близка, и призвал всех патриотов "пересилить в себе местнические и личные предубеждения" и предпочтения и избрать испытанных и опытных общественных деятелей: "В настоящий момент, когда против вас выступает мощный и коварный враг, не следует менять лидеров"⁵⁵.

Призыв партии Союза удалось донести до сознания народа, и нация сделала свой выбор: 8 ноября 1864 г. 4 млн. американских мужчин опустили бюллетени на тысячах избирательных участков. Впервые в истории цивилизации простым труженикам была предоставлена возможность открыто высказаться "за" или "против" продолжения тяжелейшей войны. Борьба за мир, свободу и права человека велась сразу на двух фронтах: внутреннем – путем избирательного бюллетеня и пушками – на полях сражений. Их равнодействующая определила жизненную судьбу нации.

Линкольн получил 2,2 млн. голосов избирателей и 212 голосов выборщиков; Макклеллан соответственно – 1,8 млн. и 21, то есть Линкольн получил на 400 тыс. голосов больше. Этот перевес был бы еще более показательным, если бы около 1 млн. солдат действующей армии имели возможность участвовать в выборах. Так, в полевом лагере 18-го полка штата Огайо за партию Союза отдали голоса 1035 солдат, а за "медноголовых" демократов – лишь 34⁵⁶. Все же более 150 тыс. солдат смогли проголосовать. Из них 117 тыс. предпочли Линкольна генералу Макклеллану. Детальный анализ итогов выборов показал, что хотя эти 117 тыс. голосов не увеличили число выборщиков президента, но именно они решили дело в пользу восьми кандидатов в конгресс от партии Союза, которые оказались бы за бортом при голосовании лишь местных избирателей⁵⁷. В новом составе конгресса партия Общенационального Союза получила 191 место, а демократическая партия – 52. Командующий армией Союза генерал Грант телеграфировал вновь избранному президенту Аврааму Линкольну: "Эта победа важнее для страны, чем выигранное сражение".

Победе на выборах 1864 г. предшествовали три долгих года войны, поражения на фронте, мятежи в тылу. Страна погружалась в отчаяние. В рядах самой республиканской партии нарастало тайное движение армии за снятие кандидатуры Линкольна и замену его другим лидером, который привел бы к победе в войне. И это делали люди,

⁵⁴ New York Union League Club. Report, 17. X. 1864. New York, 1864.

⁵⁵ Appeal to Brothers. Union League of America, Confidential. October, 18, 1864. – LCW MD, Lincoln Papers, v. 174, Sh. 37382–37383.

⁵⁶ Civil War Letters of C.M. Wise. – Ohio Historical Quarterly. January, 1956, p. 80.

⁵⁷ Roland Ch.P. An American Iliad: The Story of the Civil War, p. 196.

еще недавно считавшиеся его друзьями и союзниками, а теперь взиравшие на него как на "битую карту" в колоде действующих политиков. Даже в составе конгресса нашлось всего несколько человек, готовых поддержать его военную и политическую программу.

Но планам противников Линкольна не суждено было сбыться. В водовороте событий и политических распрей президент тонко улавливал настроения и чаяния северян. Он, будучи дальновидным и прагматичным политиком, давно искал пути объединения людей с разными политическими симпатиями во имя сохранения Союза. После победы демократической партии на выборах в конгресс 1862 г. Белому дому стало ясно, что "политическая сила, выступающая против правительства (на Севере. – Г.К.), представляет ббольшую опасность, чем любая из боевых армий Конфедерации"⁵⁸.

С молчаливого согласия Линкольна среди местного населения северных штатов создавались организации, которые вскоре получили название "Лиги сторонников Союза". В политической жизни страны лиги без излишней шумихи быстро превратились в самую надежную опору администрации Линкольна и его партии. Но они не являлись простыми придатками этой партии. Каждая из них вырабатывала свои принципы и ставила специфические цели. Местные лиги не только получали рекомендации и указания из Национального совета лиги, но и сами направляли туда свои резолюции. Движению сторонников Союза Линкольн придавал большое значение. За несколько месяцев до выборов президент особо подчеркнул, что общества сторонников Союза "свободны от политических предубеждений и при своем возникновении руководствовались патриотическими мотивами высшего порядка"⁵⁹.

Выборы 1864 г. показали, что без объединения своих активных сторонников и кропотливой разъяснительной и организационной работы среди населения переизбрание Линкольна едва ли состоялось. Лиги сторонников Союза явились не только "чрезвычайно мощным средством в проведении избирательной кампании и... сплачивающим центром для всех других слоев населения"⁶⁰. Они сыграли значительную роль в развитии общественного сознания северян, в мобилизации народа для подавления мятежа и восстановления национального единства. Местные патриотические общества, насчитывавшие в конце 1864 г. более 1 млн. человек, вместе с принявшими участие в выборах солдатами обеспечили успех партии Общенационального Союза и переизбрание Линкольна президентом на второй срок. Волеизъявление народа, состоявшееся в один из самых напряженных моментов гражданской войны, приблизило ее победоносное окончание. Президент и его партия в конгрессе имели теперь квалифицированное большинство в две трети голосов для законодательного закрепления результатов победы.

⁵⁸ *Stoddard W.O.* Inside the White House in War Times. New York, 1890, p. 133.

⁵⁹ *Condensed History of the Union League of Philadelphia.* Philadelphia, 1915, p. 23.

⁶⁰ *Resolutions Adopted by the National Union League of America.* Washington, 1864, p. 5.

Поздравления нашему журналу в связи с 40-летием

ОТ ИНСТИТУТА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

От имени всего коллектива Института славяноведения и балканистики РАН сердечно поздравляю членов редколлегии и сотрудников редакции "Новой и новейшей истории" с 40-летием журнала.

Ваш журнал всегда занимал достойное место в отечественной науке, освещал ее творческие достижения и возникавшие проблемы. В нынешнее трудное для науки время журнал, освободившись от идеологических стереотипов, сумел взять правильные ориентиры и строго придерживается принципов научной объективности и плюрализма взглядов, ищет новые подходы к изучению актуальных проблем истории и в то же время сохраняет и развивает традиции российской исторической науки.

Уделяя много внимания славяноведению, корни которого в нашей стране восходят к началу XIX века, журнал охотно публикует статьи (лишь в последнее время на его страницах увидели свет три статьи о работе нашего института), документы, дискуссии и обсуждения актуальных проблем исторической славистики и балканистики. В свою очередь, сотрудники нашего института являются не только активными авторами, но и внимательными читателями журнала.

Приятно сознавать, что наше сотрудничество обогащает обе стороны.

Желаем Вам, дорогие коллеги, доброго здоровья и дальнейших успехов на благо российской исторической науки.

Директор Института славяноведения и балканистики РАН
доктор исторических наук, профессор В.К. ВОЛКОВ

ОТ ИНСТИТУТА МЕЖДУНАРОДНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Ученый Совет, дирекция и коллектив Института международных экономических и политических исследований РАН поздравляют редколлегию и сотрудников редакции журнала "Новая и новейшая история" с 40-летием плодотворной деятельности журнала, внесшего весомый вклад в развитие исторической науки и распространение научных знаний.

Большой заслугой журнала "Новая и новейшая история" является именно развитие многих важных направлений исторической науки и обществоведения в целом, постановка и широкое обсуждение на страницах журнала наиболее актуальных и подчас еще не разработанных проблем современной истории.

Сотрудники нашего института, который всего на несколько лет моложе журнала, всегда с большим интересом ожидают выхода каждого нового номера "Новой и новейшей истории". Это объясняется тем, что на страницах журнала всегда можно найти интересные и свежие материалы, освещающие теоретические проблемы истории и современности, вопросы международных отношений, социально-экономическое и политическое развитие многих стран и регионов. Большой глубиной отличаются публикуемые журналом статьи по проблемам стран Центральной и Восточной Европы,

являющихся объектом исследований института. Эти публикации – серьезное подспорье в нашей работе.

Мы благодарны журналу за предоставленную возможность излагать на его страницах наши взгляды на современное развитие мира, а также за освещение основных направлений деятельности Института международных экономических и политических исследований.

Ученые нашего института считают большой честью публикацию результатов своих исследований в журнале "Новая и новейшая история". Представители института в течение длительного времени принимают участие в работе редколлегии журнала. По нашему мнению, высокий научный уровень журнала определяется именно плодотворной деятельностью редколлегии журнала, возглавляемой академиком Г.Н. Севостьяновым, и работой высококвалифицированного состава редакции "Новой и новейшей истории".

Нынешнюю деятельность журнала характеризуют смелый поиск и разработка новых методологических подходов к актуальным историческим проблемам и широкое привлечение к исследованиям многих документальных, прежде всего архивных, материалов. Именно публикации журналом документов из крупнейших архивных хранилищ России и ряда зарубежных архивов привлекают в последние годы особое внимание читателей "Новой и новейшей истории" как в нашей стране, так и за рубежом, где авторитет журнала столь же высок, как и ряда крупнейших ведущих исторических журналов Европы и Америки.

Желаем редколлегии и редакции журнала "Новая и новейшая история" дальнейших творческих достижений, обретения новых интересных тем и форм научных публикаций. Готовы продолжать и развивать наше сотрудничество с журналом.

Директор Института международных
экономических и политических исследований РАН
академик О.Т. БОГОМОЛОВ

ОТ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Глубокоуважаемый Григорий Николаевич!

От себя лично и от имени всего научного коллектива Института востоковедения РАН сердечно поздравляю Вас и членов возглавляемой Вами редколлегии и сотрудников редакции журнала "Новая и новейшая история" со знаменательным, этапным событием – 40-летием со дня основания журнала.

За прошедшие годы журнал "Новая и новейшая история" стал неотъемлемой частью научно-исследовательского процесса в различных сферах исторической мысли не только в рамках Академии наук Советского Союза и Российской Федерации, но и всей страны в целом, превратился в важнейший историко-культурный компонент ее духовной жизни.

Читателя неизменно привлекают широта подхода и разноплановость при освещении важнейших проблем всеобщей истории, рассматриваемых на богатом и, как правило, новом, впервые вводимом в научный оборот, разнообразном, в том числе с точки зрения географического охвата: от Запада Америки до Восточной Азии и южной части Тихого океана, материале, глубина, оригинальность и плюрализм взглядов и оценок, высказываемых на страницах журнала многочисленными, часто очень разными, но всегда интересными авторами.

Особенно хотелось бы отметить важную роль журнала в настоящее время, когда в условиях массированных попыток радикального, но далеко не всегда научно обоснованного и беспристрастного пересмотра нашего исторического наследия "Новая и

новейшая история", широко и на постоянной основе предоставив свои страницы для публикаций вновь открываемых российских и зарубежных архивных материалов, проводя большую работу по освобождению исторической науки от господствовавших односторонних, нередко догматичных, идеологических подходов, сумела продемонстрировать присущие истинно академическому печатному органу обстоятельность, солидность, выверенность издательской политики и суждений, свободных от конъюнктурных интересов, основанных на строго научно-объективном анализе, и стать своего рода концептуально-этическим ориентиром для большинства отечественных историков.

Реализовать эту важнейшую функцию журнала помогла его верность академическим традициям российской исторической науки, сохранение преемственности принципов и критериев исторических исследований, связи поколений авторов, чему несомненно способствует присутствие в составе редколлегии ветеранов, плодотворно работающих в ней с момента основания журнала и до настоящего времени.

Специалисты с удовлетворением отмечают жанровое многообразие, гармоничное сочетание на страницах журнала глубоких статей и дискуссий, посвященных глобальным, формационным и цивилизационным проблемам, новациям в методологических подходах современной исторической науки, с интересными воспоминаниями участников исторических событий, яркими документальными очерками о видных историках, крупных государственных деятелях, дипломатах.

Желаем Вам и сотрудникам Вашего, но так всем нам нужного журнала "Новая и новейшая история" дальнейших творческих успехов на благо отечественной исторической науки.

Искренне Ваш,
Директор института востоковедения РАН,
доктор исторических наук Р.Б. РЫБАКОВ

ПЕРЕПИСКА РОССИЙСКИХ ДИПЛОМАТОВ В ЭМИГРАЦИИ. 1934–1940 гг. ПО АРХИВАМ СЛУЖБЫ ВНЕШНЕЙ РАЗВЕДКИ РФ

Публикуемые ниже документы войдут в сборник, который готовится к печати Министерством иностранных дел совместно со Службой внешней разведки Российской Федерации. По своему происхождению и характеру они уникальны и, несомненно, вызовут живой интерес у российских и зарубежных читателей. Речь идет о письмах как именитых, так и малоизвестных российских дипломатов, которые до Октябрьской революции 1917 г. находились на службе царского и Временного правительств России, но затем, по известным причинам, оказались в эмиграции в различных странах Европы, Азии, Америки. Их авторы поддерживали постоянную переписку друг с другом, которая в определенной мере регулировалась "Советом послов", образованным в Париже еще в 1921 г. "Совет" возглавлял В.А. Маклаков, видный идеолог и лидер либерально-демократического движения дореволюционной России, отстаивавший свои позиции, как это видно из его писем, и в условиях эмиграции. В сборнике, выход которого в свет ожидается в начале 1998 г., будет опубликовано 260 писем, датированных 1934–1940 гг. и полученных спецслужбами бывшего СССР по оперативным каналам.

Несмотря на то, что переписка носила конфиденциальный характер, авторы писем подчеркивали, что они "пишут честно и искренне... для истории" в надежде, что их мысли, убеждения, мировоззрение не канут в вечность и когда-нибудь увидят свет.

Для современной России публикация такого рода документов важна прежде всего потому, что они дают более цельную картину духовного и мировоззренческого потенциала той части российского общества, которая волей судеб оказалась за рубежом в исключительно сложный период современной отечественной и мировой истории, и расширяют возможность объективного анализа противоречивых исторических событий и процессов, предшествовавших второй мировой и Великой Отечественной войнам.

В тематическом отношении переписка охватывает многочисленные аспекты международного положения и мировой политики, проблемы внутреннего развития и дипломатии СССР и других стран, вопросы деятельности российской эмиграции.

Наибольшее внимание в переписке уделяется СССР. Письма содержат оценки, образования и размышления по поводу Октябрьской революции, дальнейшего развития России и перспектив трансформации советского строя, высказывается мысль о неизбежности его саморазрушения.

Бывшие российские дипломаты были глубоко озабочены судьбой России, главную опасность для которой, по их мнению, представлял сепаратизм, развивавшийся в условиях СССР. Именно поэтому особое место в переписке занимает обоснование идеи единства России и обеспечения ее территориальной целостности.

В письмах рассматриваются вопросы существа советской внешней политики и дипломатии, дается оценка конкретным внешнеполитическим акциям СССР.

Авторы внимательно отслеживали развитие общемировой и региональной политической ситуации, особенно в Европе, Азии, Америке, постоянно держали в поле зрения политику и военные приготовления гитлеровской Германии и ее союзников, формирование предпосылок новой мировой войны.

Большое место занимает в переписке информация о положении русских эмигрантов и беженцев, их организаций в разных странах мира, о жизни и деятельности членов царской семьи, о возникшей "зарубежной ветви" русской православной церкви.

В письмах содержатся оценки и характеристики государственных и политических деятелей различных стран, игравших заметную роль в то время.

Сборник будет иметь содержательный научный аппарат, включающий подробные примечания, а также приложения, в состав которых войдут краткие биографические справки на всех авторов переписки. Одно из приложений составит подборка значительного количества документов официальной советской дипломатии того же периода. В сравнении этих документов с письмами читатель найдет немало интересного, поскольку и в тех и в других зачастую рассматриваются одни и те же вопросы.

Примечательно, что руководство СССР того времени проявляло активный интерес и внимание к профессиональным взглядам бывших царских дипломатов. Письма, о чем свидетельствуют сопровождающие их документальные материалы внешней разведки, регулярно докладывались высшим советским руководителям, в том числе – И.В. Сталину. Сейчас трудно судить о том, как воспринимались и учитывались эти взгляды в Кремле, поскольку документальных подтверждений на этот счет пока не обнаружено. Однако сегодняшнему читателю письма бывших царских дипломатов, особенно в сравнении с официальными дипломатическими документами, дадут богатую пищу для размышлений. Причем не только по вопросам новейшей истории России, ее внешней политики и дипломатии, но и по нынешним проблемам нашей страны, ее внутреннего развития и положения в современном мире. Многие вопросы, поднятые в письмах дипломатов-эмигрантов – патриотов России, их оценки, соображения, мысли звучат актуально и сегодня.

В.П. Мазуров,
начальник Сектора Управления Службы внешней разведки Российской Федерации
Ю.И. Стрижов,
начальник Отдела документальных публикаций Историко-документального
департамента МИД России

1. Е.В. САБЛИН² – В.А. МАКЛАКОВУ³

Лондон, 6 февраля 1934 г.

Дорогой Василий Алексеевич,

Пишу Вам не на тему моего обмена мнений с Милюковым⁴, ибо тема эта меня феноменально утомила. Мною по сей день получено почти триста отзывов, свидетельствующих о безбрежности эмигрантской мысли, с одной стороны, и о политической ее незрелости, с другой. Но об этом в другой раз...

В палате общин состоялись на прошлой неделе продолжительные дебаты по вопросу о заключении намеченного англо-советского торгового соглашения, переговоры о коем тянутся – именно "тянутся" – уже свыше полгода. Дебаты начались со внесения национал-унионистом г. Анструзером⁵ предложения обратиться к правительству с настоятельной просьбой принять активные меры к уравниванию англо-советского расчетного баланса с тем, чтобы довести сбыт британских продуктов и товаров в Россию до тех же размеров, в коих Англия покупает теперь советские продукты. При этом было указано, что продажа советского правительства в Англии превышает обыкновенно по сумме раз в шесть его покупки британских товаров. Таким путем за последние десять лет Советами было выкачано и вывезено из Англии более ста миллионов фунтов стерлингов. Значительная часть этих денег пошла на советские платежи в других странах и во многих случаях на поддержку конкурентов Англии. Это предложение г. Анструзера было поддержано по существу и представителями других партий и в особенности известным "селедочным магнатом" г. Бутби⁶.

Он, между прочим, настаивал на возложении на советское правительство обязательства покупать больше шотландских сельдей, для которых довоенная Россия была главным рынком. Характерно, что ни одного принципиального возражения против торговли с большевиками сделано не было. Было упомянуто вскользь о невыясненности кредитоспособности Советов. Один из депутатов сказал, что советская коммунистическая пропаганда хотя и продолжается, но едва ли может нанести теперь реальный вред интересам Британской империи. Большинство высказалось против того, чтобы дело "Лена-Голдфилдс"⁷ служило бы задержкой к заключению нового

¹ Гриф секретности проставлен здесь и далее в НКВД СССР.

² *Саблин Евгений Васильевич*, родился в 1875 г. в г. Новочеркаске в семье дворян. В 1898 г. окончил Императорский Александровский лицей и был принят на дипломатическую службу в МИД России. В 1899 г. получил назначение на работу в миссии России в Белграде, в которой в 1903 г. становится вторым секретарем. В 1905–1908 гг. – секретарь генерального консульства России в Танжере (Марокко); в 1908–1915 гг. – первый секретарь миссии России в Тегеране. В 1915 г. был назначен первым секретарем миссии России в Лондоне, которую некоторое время возглавлял после Октябрьской революции. В 30-х годах активно участвовал в деятельности российской эмиграции.

³ *Маклаков Василий Алексеевич* (22.5.1869–15.7.1957) – известный российский общественный, политический и государственный деятель. В 1896 г. окончил юридический факультет Московского университета, был знаменитым адвокатом. С 1906 г. – член ЦК партии кадетов, депутат 2–4-й Государственных Дум. 7 ноября 1917 г. прибыл в Париж в качестве российского посла, но аккредитацию не получил из-за революционной смены власти в России. После Октябрьской революции – один из самых активных деятелей российской эмиграции. В 1930–1940 гг. возглавлял "Совет послов", созданный ранее в Париже российскими дипломатами, оказавшимися в эмиграции. Имел обширные связи в правительственных кругах и в дипломатическом корпусе Франции и других стран. В 1959 г. в Париже вышла книга Г. Адамовича. "В.А. Маклаков. Политик, юрист, человек". В США изданы мемуары В.А. Маклакова "Из воспоминаний".

⁴ *Милюков П.Н.* (1859–1943) – известный российский общественный, политический и государственный деятель. Выпускник Московского университета, автор большого числа публикаций по истории русской культуры, а также по вопросам революционных изменений в России в 1917 г. Был одним из главных идеологов и лидеров партии кадетов, активным участником Февральской революции 1917 г.; во Временном правительстве в марте – мае 1917 г. занимал пост министра иностранных дел. После Октябрьской революции активно участвовал в организации и деятельности белого движения, а затем – российской эмиграции. См. *П.Н. Милюков. Воспоминания*. М., 1991.

⁵ *Анструзер-Грей* – член Консервативной партии, депутат парламента Великобритании.

⁶ *Бутби Р.* – член Консервативной партии, возглавлявший с 1934 г. Шотландскую сельскохозяйственную палату. Выступал за развитие отношений Великобритании с СССР, в частности, призывал к заключению англо-советского торгового соглашения.

⁷ "Лена-Голдфилдс" – акционерное общество, которое в 1908 г. было создано в Великобритании для

соглашения, ибо общие интересы всей страны не должны связываться с интересами акционерной компании, которая состояла преимущественно из "космополитических финансистов". Представитель правительства г. Колвилл⁸ успокоил палату, заверил ее, что главной заботой правительства является именно уравнивание международного расчетного баланса Англии и что в этом направлении достигнуты уже крупные результаты по отношению ко многим странам и Россия не составит в этом отношении исключения. Если бы британское правительство не настаивало на своих требованиях, то соглашение могло бы быть давно уже заключено. Но такое соглашение едва ли могло бы оказаться в интересах Англии. Вы, вероятно, знаете, что, строго говоря, переговоры о новом торговом соглашении ведутся ныне не в Лондоне, а в Москве, при посредстве великобританского посла в названном городе. Сделано это было для ускорения всех связанных с переговорами процедур, а главным образом потому, что здешние советские представители, не беря ничего на свою ответственность, запрашивали указаний Москвы по самому ничтожному вопросу и таким образом затягивали переговоры. Резолюция Анструзера была принята большинством.

Как все это ни прискорбно для нас, но приходится еще раз признать, что англичане руководствуются ныне исключительно деловыми соображениями и в общем далеко уже не так недовольны Советами. Невзирая на разные инциденты, которые в конце концов так или иначе улаживаются, англичане ведут свою линию, думая лишь о материальной стороне проблемы. Одной из причин такого отношения британских политических и деловых кругов является отсутствие иной альтернативы в России. Советский строй представляется им довольно прочным, а также реальных сил в нашем отечестве, которые могли бы заменить Советы, пока не видно. С другой стороны, торговля с Советами не составляет исключения, кроме лишь вопроса о нарушении равновесия в расчетном балансе. Если этот вопрос удастся разрешить в нашему пользу для Англии, то положение Советов здесь может только укрепиться. Это, конечно, совершенно не означает, что Англия не приветствовала бы иного правительства в России, если бы оно образовалось и проявило бы жизнеспособность...

Мой знакомый канадец вернулся на прошлой неделе из России, куда он ездил в сопровождении своего секретаря, в то же время опытного кинооператора: Он привез несколько тысяч метров фильма и показал их мне вчера в студии Кодака. Снимки изумительны по своей художественности. Я видел Петербург, видел улицы, по которым когда-то ходил, видел Москву, Киев, Харьков, Тифлис, Владикавказ, Военно-грузинскую дорогу... и должен сказать – был поражен ужасным состоянием городов, зданий, мостовых и т.п. На что стала похожа набережная... Невский печален до боли... Гостиный двор заколочен... движение на улицах минимальное... одежда населения прямо нищенская. Поразил меня вид кавказских жителей. Никаких черкесов и, конечно, никаких кинжалов, кое-где ободранные бешметы и рваные папахи. Военно-грузинская дорога, которую я хорошо знаю, в отчаянном состоянии. Видны обвалы и размытые водой дорожные сооружения, и всюду вопиющая бедность. Меня поразил тощий вид скота, в особенности страшно было стадо коров. Какой-то всадник в кубанской папахе сел на коня, и нужно было видеть, как несчастный конь сел на задние ноги и начал метаться в обе стороны от очевидной слабости. При демонстрации этого фильма присутствовали кодаковские служащие и они не скрывали своего изумления перед горестным зрелищем...

Ваш Саблин.

Архив СВР России, д. 16872, т. 1, л. 5–7.

разработки золотых запасов в России на реке Лена. На этих приисках в 1912 г. бастующие рабочие были расстреляны царскими войсками. В 1925 г. общество заключило с советской стороной концессионный договор о разработке полезных ископаемых на Урале, в Сибири, на Алтае. Этот договор в 1934 г. был расторгнут советской стороной, которая согласилась уплатить обществу 3 млн. ф.ст. в течение 20 лет. Платежи были приостановлены в связи с началом второй мировой войны. В 1968 г. стороны подписали новое соглашение об урегулировании взаимных претензий.

⁸ Колвилл Д.Д. – промышленник Великобритании, член Консервативной партии, занимал ряд высоких должностей в аппарате британского правительства.

2. Е.В. САБЛИН – В.А. МАКЛАКОВУ

Лондон, 12 марта 1934 г.

Дорогой Василий Алексеевич,

В здешней официозной "Торгово-промышленной газете" появилось характерное предупреждение, предназначенное для британских граждан, намеревающихся ехать в Россию на службу по заключенным с советскими властями контрактам. Предупреждение гласит: "В связи с вопросом, связанным со службой британских подданных в СССР, сообщается для всеобщего сведения о случае, когда советские правила об экспорте иностранной валюты были применены к двум британским механикам таким образом, что это лишило их большей части их сбережений. Механики были наняты советской организацией в качестве монтеров к 1931 г. и разменяли при въезде небольшие суммы фунтов и германских марок на советские деньги. Согласно контракту они должны были получить половину своего жалованья в британской валюте и половину в советской. При обратном выезде из СССР им предоставлялось право разменять все ненужные им более советские рубли на британские фунты по установленному курсу. Между тем, когда они покидали СССР, в 1932 г., им не только было отказано в обратном размене на фунты тех рублей, которые они приобрели при выезде в Россию, но у них были отобраны квитанции, выданные им в свое время при совершении разменной операции, а сверх этого были отобраны и наличные советские деньги, сбереженные ими за время службы в СССР".

Вследствие представлений со стороны британского правительства советские власти согласились ныне выдать механикам в британской валюте эквивалент [ввезенной] ими в свое время в СССР иностранной валюты, однако власти категорически отказываются разрешить вывоз из СССР иностранной валюты, составляющий эквивалент советских денег, прикопленных механиками за время их службы у Советов.

"Каждый британский подданный, говорится в конце сообщения, собирающийся получить службу в СССР, должен иметь в виду, что право обмена советских рублей на иностранную валюту, даже в тех случаях, когда оно предусмотрено в контрактах с иностранными служащими, отнюдь не включает в себя права вывозить иностранную валюту за границу, если это право не оговорено особо в каждом контракте".

Ваш Саблин.

Архив СВР России, д. 16872, т. 1, л. 57–58.

З. Е.П. ДЕМИДОВ⁹ – В.А. МАКЛАКОВУ

14 марта 1934 г.

Многоуважаемый Василий Алексеевич,

Не успели высохнуть чернила подписавших Балканский пакт¹⁰, как на здешнем политическом небосклоне появились тучи, а всеобщее удовлетворение уже начинает уступать место разочарованиям.

Я Вам кажется писал о двусмысленном отношении Венизелоса¹¹ к Балканскому соглашению. По возвращении с Крита он принял по этому вопросу положения резко отрицательные. На совещании лидеров партии, созванном министром иностранных дел в целях предстоящей ратификации договора парламентом, он определил свою точку зрения на пакт. До совещания он посетил некоторых посланников, между прочим, и итальянского и даже советского, но не зашел к югославскому. Мнение его сводится к тому, что соглашение само по себе, как орудие мира, приемлемо. Однако оно недостаточно обеспечивает Грецию от небалканской военной угрозы. Ее средиземноморское положение повелительно требует, чтобы она сохраняла неизблемыми установившиеся дружеские отношения с могучей соседкой – Италией. После нескольких бурных заседаний между правительством и оппозицией состоялось соглашение, по которому в палате сделано будет г. Максимосом¹² объяснительное заявление (*declaration interpretative* – фр.), приблизительно гласящее, что ни в коем случае Греция не может оказаться вовлеченной из-за пакта в военные действия какой бы то ни было небалканской державы. Вызвав за сим к себе трех посланников государств подписавших с ним пакт, министр иностранных дел поставил их в известность о состоявшемся решении и попытался их убедить, что помянутая оговорка нисколько не противоречит букве или духу Балканского пакта. Не следует при этом терять из виду, что Венизелос со своей оппозицией представляет крупную величину в палате и что сенат с его либеральным большинством у него всецело в руках. Правительству пришлось волей-неволей пойти с ним на компромисс.

Обстоятельство это (предположенная оговорка) в высшей степени взволновало посланников, в особенности югославского, усмотревшего в нем не только внушение Италии, но и значительное умаление обязательств, принятых на себя Грецией. Все дело, конечно, вертится вокруг предположения войны между Югославией и Италией при более или менее вероятном вмешательстве Болгарии в сообщничестве с последней. Вопрос, однако, не так прост, как он может показаться с первого взгляда

⁹ *Демидов Елим Павлович* (князь Сан-Донато), родился в 1868 г. в Вене в российской дворянской семье. В 1880 г. окончил Императорский Александровский лицей и был назначен на дипломатическую службу в МИД России. В 1894 г. приступил к работе в российском посольстве в Лондоне, где в 1897 г. становится вторым секретарем. В 1902–1903 гг. – первый секретарь посольства России в Мадриде, а в 1905–1908 гг. – в той же должности служил в посольстве России в Вене. В последующем стал чиновником особых поручений при министре иностранных дел. В 1912 г. направляется советником посольства России в Париже; в 1912–1917 гг. – чрезвычайный посланник России в Афинах. После Октябрьской революции некоторое время находился на дипломатической службе в Югославии, в частности, в 1920 г. был назначен югославским посланником в Афины. Активно следил за развитием ситуации на Балканах.

¹⁰ *Балканский пакт*, известный также как Средиземноморский пакт и Балканская антанта, – союз Греции, Румынии, Турции, Югославии, заключенный 9 февраля 1934 г. в Белграде. Участники союза обязались способствовать укреплению мира на Балканах и обеспечить взаимную гарантию безопасности своих границ. В секретном протоколе, подписанном в дополнение к пакту, предусматривалось, что в случае нападения на одного из его участников, другие союзники окажут ему помощь. Турецкая сторона в специальной декларации заявила, что участие Турции в пакте не противоречит ее договорным отношениям с СССР. В июле 1938 г. Болгария подписала с участниками пакта Салоникское соглашение. В связи с началом второй мировой войны Балканская антанта прекратила свое существование.

¹¹ *Венизелос Элефтерий* (1864–1936) – политический и государственный деятель Греции, многократно возглавлявший ее правительство, в частности, в 1910–1915, 1917–1920, 1922–1932 гг.

¹² *Максимос Д.* – министр иностранных дел Греции в 1933–1935 гг.

и, судя беспристрастно, возражения Вензелоса не лишены некоторого основания. Дело в том, что наряду с обнародованным пактом, по содержанию своему безвредным и вдохновенным исключительно чувствами миролюбия, имеются секретные протоколы, с которыми Вензелосу пришлось ознакомиться. Эти протоколы предусматривают, между прочим, заключение в 6-ти месячный срок конвенций между договорившимися сторонами. Помимо этого, Греция обязуется, по моим сведениям, не воспротивиться пропуску военного материала в Югославию через Салоники. После шума, возбужденного Вензелосом вокруг пакта, Греция едва ли сможет заключить намеченную военную конвенцию. С другой стороны, не подлежит сомнению, что Италия пригрозит Греции разрывом, если она допустит свободное снабжение Югославии. По слухам, достойным внимания, Вензелос будто заверил Максимоса, что Италия расположена сама гарантировать греческие территориальные границы в случае конфликта. Но значение Салоник настолько жизненно для Югославии, что она ни перед чем не остановится, чтобы обеспечить себе полное распоряжение этим выходом к морю. Намеченное "объяснительное заявление" к пакту, как видите, в форме нарушает выговоренные в протоколах условия и преимущества.

Греческое "двуличие" возбуждает в настоящую минуту самые невыгодные толки, а Вензелос, считавшийся некогда другом короля Александра и Югославии, теперь превратился в зяядлого противника. Возможно, что и греко-турецкие отношения несколько охладятся. Во всяком случае, недочеты с Грецией побудят Югославию усердно пересмотреть свои отношения к Болгарии в духе сближения с последней, хотя бы ценой некоторых уступок. Итальянская политика обхватывает Югославию со всех сторон кольцом недоброжелательно настроенных соседей, к числу которых склонны отчасти приобщить и Грецию. Рассчитанный на отстранение внебалканских влияний пакт на первых порах показал свою непрочность и сразу же поддался итальянским проискам, а рождающаяся было солидарность балканцев уже запятнана недоверием.

Впрочем, на днях состоится ратификация пакта в греческом парламенте и выработанная в согласии с оппозицией формула греческого сдвига покажет, насколько Греция намерена придерживаться своих обязательств. Но я не думаю, чтобы смысл этой ограничительной формулы многим отличался от того, на который я указываю в начале моего письма. С пактом или без пакта, с оговорками или без них, если паче чаяния дело дойдет до вооруженного конфликта, Греция не может оставаться нейтральной и ей придется волей-неволей выбрать между воюющими, либо выказать свой балканский патриотизм, либо склониться перед велениями Италии.

Примите, многоуважаемый Василий Алексеевич, уверения в отменном моем почтении и преданности. Демидов.

Р.С. О получении настоящего письма прошу меня уведомить в свое время.

Архив СВР России, д. 16872, т. 1, л. 59–61.

Сов. секретно

4. Е.В. САБЛИН – В.А. МАКЛАКОВУ

Лондон, 31 марта 1934 г.

Дорогой Василий Алексеевич!

Я препроводил Вам несколько дней тому назад пересказ статьи г. Маггериджа¹³ под заглавием "Германия, Россия и Япония". Статья эта вызвала здесь живой интерес, и я попытался переговорить на ее тему с целым рядом лиц. Здесь думают, что он обнаружил довольно правильное политическое чутье, когда разбирал стремления Японии, Германии и Польши, а также отношения к их проблемам других стран Западной

¹³ Маггеридж Малкольм – английский писатель, публицист, политолог.

Европы. Однако против этого отмечают, что в практической политике трудно быть пророком, в особенности в периоды, подобные нашему, когда постоянно возникают неожиданности, и стремления отдельных народов, даже самым жизненным, приходится претворяться в нечто иное, соответственно внешним условиям. Прежде всего отмечают тот факт, что экономическое положение всех стран все еще чрезвычайно затруднительно и что едва ли можно ожидать в скором времени новой большой войны. В некоторых странах, начиная с Советской России, ведется, правда, в этом направлении "истеричная агитация", как выразился г. Маггеридж, но ответственные государственные люди во всех странах прекрасно понимают, что всякая крупная война, начатая без надлежащего материального обеспечения, может только вызвать новые революционные вспышки, а на худой конец может повести к торжеству коммунистов в других странах, на что Москва возлагает все свои расчеты. Финансисты всех стран потерпели громадные убытки, а то и совсем разорились вследствие приостановки платежей со стороны многих дебиторов прошлой войны. Поэтому финансировать новую войну оказалось бы теперь едва ли возможным. Сделать это можно было бы лишь на очень короткое время, и то лишь путем неумеренной инфляции, которая окончательно подорвала бы существующие денежные системы. Это вновь обострило бы всеобщий кризис, начавший было смягчаться, и сильно облегчило бы работу всяким разрушительным элементам. (Эти соображения мне высказал младший партнер банка "Братья Беринг"¹⁴, женатый на дочери полк. Ан. Ник. Фен).

Небезынтересные соображения пришлось мне выслушать от одного японца-социалиста: "Наша страна заняла страну, превышающую в 15 раз собственную национальную территорию, с инородным населением, превышающим по численности половину населения самой Японии. Это является, несомненно, фактом беспримерным в истории и объясняется лишь временным бессилием Китая и России, а также тяжелым внутренним положением других держав, не имеющих возможности оказать действительное влияние на развитие дел на Дальнем Востоке. Все нынешние успехи моей страны требовали от нее до сих пор лишь ничтожных, сравнительно, усилий и затрат. Главные же трудности начнутся лишь тогда, когда Япония приступит к прочному усвоению ее легких завоеваний. Не думаю, чтобы моя страна "отважилась" на занятие чисто русских территорий..."

Что касается Германии, то многие политические деятели здесь действительно приходят все более к убеждению, что дело едва ли может обойтись, в конце концов, лишь предоставлением Германии каких-либо выходов для излишков ее населения и товаров. Однако здесь не верят, чтобы это могло вылиться в завоевательную германо-польскую кампанию против России. Какое-либо сотрудничество Польши с Германией в этом направлении прежде всего должно было бы повлечь за собой установление германского преобладания в Польше и [привести] ее к экономическому подчинению. (В этом, мне думается, есть доля истины, ведь даже в бывшей конгрессовой Польше российской финансы, торговля и промышленность находились в значительной мере в руках немцев и евреев. Вельможные паны мало интересовались делами и предоставляли это иностранцам и инородцам. Сами они либо жили в своих имениях, либо состояли на императорской коронной службе. Польское же простонародье всегда относилось довольно-таки безразлично к политическим вопросам и едва ли могло бы оказать достаточный противовес проникновению германских интересов, хотя бы только экономических для начала.) Здесь думают, что великой Польше будет далеко не так легко решиться на союз с Германией против России, который может окончиться тяжким ущербом для самой Польши. Что касается отношения некоторых западных держав к проблемам России и Германии, то здесь думают, что г. Маггеридж, пожалуй, прав, когда утверждает, что им, державам, ради обеспечения своего собственного будущего придется примириться с устремлением

¹⁴ Банк "Братья Беринг и К^о", действовавший в Лондоне, был до второй мировой войны одним из всемирно известных финансовых учреждений.

германской поступательной энергии на Восток, лишь бы этим было ослаблено напряженное состояние в Западной Европе. Однако с этим далеко еще не связывают вероятности занятия Германией в союзе с Польшей значительных частей российской территории. Думают, что самые близкие и естественные выходы для германской экономической энергии и предприимчивости находятся в самой Польше, а потом, быть может, и в Румынии, но опять-таки думают, что процесс этот будет протекать мирно и постепенно...

Значение и практический удельный вес Российской империи далеко не так низко расценивается ответственными англичанами, как то иногда предполагают некоторые наши любезные соотечественники. Бессилием советского правительства здесь, правда, многие пользуются насколько возможно, но ведь никто же не верит, чтобы "подобное состояние" могло продлиться особенно долго. В глазах думающих англичан Российская империя все еще остается океаном земли с громадным трудолюбивым населением и с такими колоссальными природными богатствами и возможностями, как ни в одной другой стране в мире... От англичан нельзя, конечно, ожидать, чтобы они приняли на себя инициативу по активному вмешательству во внутренние дела России (они предоставляют это сделать добрейшему А.О. Гукасову¹⁵, который рекомендовал на днях, "собрать силы в кулак, потому что распыленными пальцами ничего не достигнешь"). Однако столь же мало вероятно, чтобы Англия осталась в роли безучастного зрителя, если с чьей-либо стороны были сделаны серьезные попытки к дальнейшему ее расчленению...

Что касается слов Маггериджа относительно российской проблемы с точки зрения русских патриотов за границей, то он едва ли не погрешил тут в сторону излишнего пессимизма, не оправдываемого обстоятельствами... Правда, проблема наша трудна и сложна, правда, что при настоящем положении русские эмигранты могут лишь в слабой мере оказать влияние на ее развитие; однако обескураживаться этим не приходится... Многое, что невозможно сегодня, может стать возможным завтра. И готовиться к этому нужно уже теперь. Но, конечно, я не вижу особой пользы для русского дела ни от того, что А.О. Гукасов "соберет свои распыленные пальцы в кулак", ни от нового таланта ген. Спиридовича¹⁶ в качестве капельмейстера при исполнении русского гимна членами нового общества императорской России, ни от тех статей, которые я прочел сегодня в "Царском Вестнике"... Народная мощь России, хотя и сильно подточенная, все же составляет громадную силу, и никто не может предвидеть, куда эта сила повернет, когда наступит неизбежный после всякой революции [спад]... Столь же трудно предсказать, каких союзников может найти себе новая Россия, когда начнется стихийный сдвиг, и какие элементы в ней восторжествуют... Нашим козырем в этом отношении является жизненная необходимость для многих других держав создать и поддерживать достаточный противовес против поступательного движения Японии и Германии и против чрезмерного их усиления. В этом интересы этих держав всецело совпадают с интересами России, и это мы будем в состоянии использовать. Мы видим, какие усилия прилагаются теперь к созданию противовеса против Германии на юге Европы. Если бы эти усилия привели к желанным результатам, то значение России в этом деле, быть может, несколько и уменьшилось бы... Однако интересы западных держав, включая и Малую антанту¹⁷, настолько противоречивы, что им трудно будет

¹⁵ Гукасов *Абрам Осипович* (1858 г.р.) – бакинский нефтепромышленник. В 1906–1912 гг. – член Государственного совета от торгово-промышленной курии, с 1916 г. – председатель совета Русского торгпробанка. После Октябрьской революции эмигрировал, в 20-е годы активно участвовал в деятельности безэмигрантской организации Торгпром, находившейся в Париже.

¹⁶ *Спиридович Александр Иванович* (1873–1952) – генерал-майор, бывший глава царской секретной полиции в Киеве. После Октябрьской революции оказался в эмиграции, жил во Франции, написал и издал книги мемуарного характера: "История большевизма. 1883–1917 гг." (Париж, 1922), "Великая война и террор революции" (Нью-Йорк, 1960).

¹⁷ *Малая Антанта* – один из элементов послеверсальской системы международных отношений в Европе. В 1920–1921 гг. она сложилась в виде организации, включавшей Чехословакию, Румынию и Югославию. Позднее, вместе с присоединившейся к ней Польшей, вошла в состав внешнеполитических союзов Франции,

согласиться на общем плане и провести его в жизнь... Если же Германия поглотила бы в конце концов Австрию либо распространила свое преобладание на Польшу или Румынию, тогда единственным надежным противовесом против нее останется одна Россия...

Многие британские деятели предвидят уже возможность такого исхода и начинают все более интересоваться будущим России...

Благодарю Вас за присылку мне интересного осведомления из Белграда. Хотя должен откровенно сознаться, что меня гораздо больше интересует содержание Вашего письма Штрандтману¹⁸ от 21 декабря.

Заходил, как это часто делаю, во французское посольство. Меня спросили там, почему русская эмиграция так заинтересована "припутать" к убийству судьи Пренса советских агентов... Я ответил, что ничего подобного не слышал и что единственное, на что намекали наши газеты, это на аналогию дела убийства Пренса с делом исчезновения генерала Кутепова.

Я был бы Вам очень признателен за несколько строк о съезде национальных организаций в Париже. Младороссы, по-видимому, в этом съезде не участвуют.

Могу сообщить Вам, что великобританское министерство иностранных дел не встретило препятствий к тому, чтобы в мае 1935 года в Лондоне состоялась выставка русского искусства в пользу нашего здешнего отделения Красного Креста. Вопрос и в высочайшем патронаже обсуждается. Выставка состоится под покровительством британского Красного Креста. Это новое достижение нашего здешнего Красного Креста можно лишь приветствовать. Для сведения милейшего Жуковского¹⁹ могу сообщить, что мы думаем привлечь и современное русское зарубежное искусство. За это время мы убедились, какая масса русского добра очутилась за границей в частных руках. Одно лицо из Ревеля пришлет нам 160 первоклассных картин русских художников 19 века. Имеется чудная коллекция императорского фарфора. Здесь имеются чудеснейшие шпалеры. У королевы – первоклассная коллекция предметов Фаберже. Но перед нами труднейший вопрос найти гарантов... На перевозку экспонатов, и в особенности на их страховку, потребуются очень значительные суммы.

Всего Вам лучшего к праздникам.

Ваш Саблин.

Архив СВР России, д. 16872, т. 1, л. 92–97.

Ее участники в феврале 1933 г. подписали Организационный пакт, создали Постоянный совет по вопросам внешней политики и Экономический совет. В январе 1934 г. сессия Постоянного совета Малой Антанты приняла решение о нормализации отношений с СССР и выступила за принятие СССР в Лигу Наций. После мюнхенского сговора и расчленения Чехословакии Германией она распалась.

¹⁸ *Штрандтман Василий Николаевич*, родился в 1877 г. в г. По (на юге Франции) в семье российских дворян. В 1897 г. окончил Пажеский корпус, в 1901 г. поступил на службу в МИД России. Работал в дипломатических миссиях России в Дармштадте (Гессен), Софии, Константинополе, Цетинье (Черногория). В 1911–1915 гг. – первый секретарь российской миссии в Белграде (Сербия); в 1915 г. в той же должности был переведен в миссию России в Риме, в 1917 г. получил назначение на пост советника миссии России в Афинах. После Октябрьской революции оказался в эмиграции. В апреле 1919 г. правительство Колчака назначило его своим представителем в Королевстве сербов, хорватов, словенцев. В 30–40 гг. участвовал в деятельности российской эмиграции в Белграде, занимался, в частности, вопросами беженцев.

¹⁹ *Жуковский* – по-видимому, один из помощников Маклакова.

5. Е.П. ДЕМИДОВ – В.А. МАКЛАКОВУ

10 апреля 1934 г.

Многоуважаемый Василий Алексеевич!

После состоявшегося между правительством и оппозицией сговора не оставалось сомнения, что Балканский пакт пройдет в общих палатах. Действительно, он был принят единогласно. Пояснительное заявление, на котором настоял Венизелос, гласит, что "Греция не считает себя обязанной принять участие в войне при нападении великой державы на одну из договорившихся сторон в сообщничестве с балканским государством, не подписавшим пакта". Предусмотрен, очевидно, случай нападения Италии на Югославию в союзе с Болгарией или Албанией. По моим сведениям, Турция себя обеспечила от другой, менее вероятной, возможности – нападения Советов на Румынию с участием той же Болгарии, – в каком случае она сохранит нейтралитет в согласии со своими обязательствами перед СССР.

В греческом парламенте заседания по ратификации соглашения ознаменовались краткостью возражений и отсутствием обычной партийной критики. Двое депутатов высказали в комиссиях иностранных дел пожелание ознакомиться с секретными протоколами, в чем правительством им было отказано. Другое пожелание, выдвинутое в Сенате, касалось присоединения Греции к Лондонской конвенции об определении понятия нападающей стороны. Министр иностранных дел ответил, что предложение это принимается им к сведению. В выступлениях своих г. Максимос подробно изложил обстоятельства, приведшие к заключению четверного пакта, особенно напирая на чисто миролюбивый его характер и на желательность, чтобы Болгария к нему примкнула. Восстановилось нарушенное было Венизелосом единство греческой внешней политики. Глава либералов даже сам не присутствовал вовсе на заседаниях палаты (он все еще опасается вторичного на него покушения), а дело свое он наладил раньше. Весь вопрос теперь в том, удастся ли Болгарию привлечь в лоно новой балканской семьи. Одновременно Югославии предстоит закрепить узы с Турцией, относящейся, хотя в меньшей мере, но с недоверием к чересчур предприимчивой деятельности дуче.

Не подлежит сомнению, что если балканские государства решились бы все действовать дружно и заодно, угроза миру в этих краях значительно бы сократилась. Мне довелось узнать, что на недавнем свидании в Берлине между царем Борисом и канцлером Гитлером последний горячо посоветовал королю приложить усилия к тому, чтобы Болгария примкнула к пакту. Знаменательно это в том отношении, что оно указывает на несогласованность германских взглядов с итальянскими. Глубокая рознь, разделяющая великие державы, неудачные попытки английского посредничества по разоружению, умаление авторитета Лиги наций – все эти явления отражаются на успешной работе балканцев. Всюду сказывается современная зависимость между народами. Не будь франко-итальянского соревнования, едва ли Болгария решилась бы отстраниться от своих соседей. В еще большей степени влиянию франко-германские отношения. Вот уже более столетия как ими отравлена жизнь Европы. С каждым днем становится яснее, что многие условия Версальского трактата неосуществимы. Не предпочтительно ли, казалось, вовремя уступить за известные гарантии спокойствия то, что все равно придется рано или поздно отдать под давлением событий, а быть может и силы? Я уже не говорю об огромном значении франко-германского сближения для обороны социального строя от разрушительных влияний Кремля.

Недоверие между странами наряду с тяжкими ударами, нанесенными престижу Лиги наций, роковым образом приводят обратно к старым довоенным приемам, к образованию новых группировок и политических сочетаний под личиной экономического оздоровления, к заключению союзов, тайных договоров и военных конвенций. Пакты

о дружбе теряют всякий смысл, вроде итало-югославского 1924 года²⁰, о котором смешно и упоминать. Дальнейшее попустительство становится чуть ли не преступным. Если условия Версальского мира нарушаются Германией (а в этом сомнения мало), Франции остается либо ультимативно потребовать восстановления потерянных своих прав, либо пойти на мировую, пока не поздно, и на долгое время урегулировать взаимоотношения. Второй путь мне представляется и более разумным, и менее рискованным.

По внутренним делам греческое правительство намеревается внести законопроект об увеличении избирательных округов и за сим приступить к законодательным выборам, сохраняя систему большинства. Оппозиция же склоняется к пропорциональному представительству. Г. Цалдарис²¹ имеет, очевидно, в виду положить конец постоянному сопротивлению венизелистского сената. Ему предстоит, однако, крупные затруднения.

Греческий национальный праздник 25-го марта был особенно торжественно отпразднован. Правительство пожелало подчеркнуть свою преданность республиканскому строю по случаю десятилетней его годовщины, тем более что преданность эта многими заподозрена.

Полпред в Афинах, Яков Давтян²², переведен в Варшаву. Трехлетняя его деятельность не ознаменовалась особыми успехами коммунизма в Греции. Его заместители еще неизвестны.

Искренне преданный Вам: Демидов.

Архив СВР России, д. 16872, т. 1, л. 232–235.

Сов. секретно

6. Е.В. САБЛИН – В.А. МАКЛАКОВУ

Лондон, 22 апреля 1934 г.

Дорогой Василий Алексеевич!

Здесьние политические и деловые круги уделяют за последнее время много внимания развитию событий на Дальнем Востоке и в особенности несколько загадочному поведению Японии. Последние заявления одного из чинов японского министерства иностранных дел, приглашающее другие державы воздерживаться от всякого вмешательства в дела Китая и от всякого рода помощи его правительству, произвело здесь значительное впечатление. Слышатся уже разговоры о том, что Япония, по-видимому, намеревается занять по отношению к другим державам такую же неприязненную и агрессивную позицию, какую занимала до войны Германия. Между правительствами Великобритании и САСШ²³ сразу же начался обмен мнений по этому поводу, но пока еще не известно, какие практические шаги могут быть предприняты. Нет уверенности и в том, должно ли упомянутое заявление быть принято как исходящее от самого японского правительства или оно является лишь пробным шагом. Здесь высказывается мнение, что трудно будет избежать серьезного конфликта, если бы Япония, как сказал упомянутый японский дипломат, решила "силой препятствовать всяким попыткам других держав или Лиге наций оказывать Китаю какую-либо поддержку в политическом, техническом, финансовом или военном смысле"...

²⁰ *Итало-югославский договор о дружбе*, подписанный в Риме 27 января 1924 г., был дополнен протоколом, в котором специально оговаривалось, что этот договор не противоречит соглашениям Югославии с другими членами Малой антанты (Чехословакией и Румынией).

²¹ *Цалдарис Константин* (р. 1884) – греческий политический деятель, дипломат, в 1936 г. был назначен заместителем министра иностранных дел Греции.

²² *Давтян Яков Христофорович* (1888–1938) – советский дипломат, полномочный представитель СССР в Литве (1922), Туве (1924), Иране (1927–1930), Греции (1932–1934), Польше (1934–1937).

²³ *САСШ* – Северо-Американские Соединенные Штаты.

Подобные соображения не замедлили уже отозваться на отношении здешнего общественного мнения к роли России на Дальнем Востоке. Еще недавно в здешних политических кругах относились довольно безразлично к развитию поступательного движения Японии в Маньчжурии и в Монголии. Японские военные операции в области Шанхая и долины Янцзыцзяна вызвали, однако, в свое время серьезные опасения, и Японии были преподаны дружественные советы умеренности. Возможное занятие Японией нашего Дальневосточного побережья с Владивостоком также далеко не устраивало бы ни Америку, ни Англию, для которых лозунг "Азия для азиатов" является малопримлемым. Здесь понимают, что современный мировой кризис вызван в значительной мере громадным сокращением покупательной силы Китая, Индии и России, и англичане вряд ли допустили бы, чтобы Китай превратился в исключительный объект японской эксплуатации. Отношение британских политических, а в особенности военных и колониальных кругов к Российской империи, как к державе-конкурентке с Англией во всех почти странах Востока всегда было мало благоприятным.

Несомненно, что в некоторых здешних кругах наши политические и военно-морские неудачи вызывали чувства некоторого удовлетворения. Открытая агрессивность императора Вильгельма²⁴ побудила, правда, Англию на союз с нами для разгрома Германии, но после того Англия ничего не сделала, дабы помочь серьезно русскому народу преодолеть свою революцию и восстановить у себя более или менее культурный человеческий строй. Большинство англичан как будто считало предпочтительной Россию ослабленную до минимума в политическом, финансовом и военно-морском отношениях; Россию, не способную противостоять британскому поступательному движению в восточных и южных странах; Россию, могущую стать объектом беспрепятственной деловой эксплуатации со стороны британской предприимчивости и капитала. Правда, что советское правительство далеко не в полной мере оправдало такие расчеты. Вывоз британских товаров в Россию не достигал и 50% довоенного, помещение британских капиталов в российскую торговлю и промышленность оказалось совершенно невозможным, а несколько сот британских техников, получивших было выгодную службу в России, начинают уже подвергаться там разным неудобствам и вынуждены возвращаться в Англию. В политическом отношении англичане были скорее довольны большевиками. Они получили большую свободу действий в Персии, в Турции, и им удалось разными косвенными, но корректными путями вытеснить оттуда всякое русское влияние и торговую деятельность.

За истекший год, однако, многое переменилось в этом отношении. Во-первых, большевики начали энергично продвигаться в китайскую провинцию Синьцзян, более известную под именем китайского Туркестана. Они прочно уже расположились в Кашгаре, Яркенде и Хотане, иначе говоря, в самом преддверии британской Северной Индии, как они сами говорят. Они действуют в этом направлении довольно искусно и удачно, не выступая от своего имени, но возбуждая недовольство местного мусульманского населения – дунган против китайских властей и порядков. Вместо коммунизма они проповедают там национализм и посылают туда преимущественно мусульманских агентов и мусульманские военные части из русского Туркестана, которые служат под видом охраны многочисленных советских консульств и разных торговых агентов, а также связующих их путей сообщения. Многолюдные советские учреждения прочно обосновались теперь в Кульдже, Урумчи и Турфане, а их "охранные отряды" фактически занимают все большие караванные дороги. Местные мусульмане-дунгане охотно служат в таких отрядах, которые начинают все более приобретать характер местных национальных войск, весьма неприязненно относящихся как к китайским властям, так и к англичанам, которых там, впрочем, немного. Сведения обо всем этом весьма мало проникали в английскую печать, и лишь недавнее покушение

²⁴ Вильгельм II (1859–1941) – император Германии, король Пруссии, свергнутый революцией 9 ноября 1918 г., отрешенный от престола 28 ноября 1918 г.

на убийство британского консула в Кашгаре и всей его семьи пробудило, наконец, общественное мнение.

Недавно в Лондон приехали несколько русских представителей крупных пушных фирм в китайском Туркестане. Они не особенно интеллигентны и политически малограмотны, но все же от них можно было услышать небезытересные вещи. О том, что в свое время мне рассказывал Н.И. Батуев – ученый-китаист, занимающийся ныне торговлей и вернувшийся обратно в Китай, – я Вам писал. Приехавшие меховщики сообщили, что советские агенты и их отряды фактически монополизировали в своих руках покупку и отправку в Европу всех пушных товаров китайского Туркестана и что все караваны, идущие без советской охраны, неизменно подвергаются в пути ограблению со стороны местных банд. В течение нескольких лет упомянутые русские фирмы сами продавали свои товары советским агентам и все шло довольно гладко. Однако год тому назад эти агенты установили минимальные, убыточные цены на товары и, кроме того, стали плохо платить по своим обязательствам. В руках русских и мусульманских фирм скопились большие залежи, и это побудило купцов искать непосредственные рынки сбыта в Англии и Америке. Для первого опыта им удалось отправить крупные партии караванным путем через британскую Индию, через Читрал–Равальпинди²⁵ для погрузки на пароход в Карачи. Пока еще неизвестно, как им удастся сбыть эти партии на Западе, но, во всяком случае, знаменательна попытка избавиться от советской эксплуатации. Русские купцы высказывают при этом убеждение, что между Советами и Японией состоялось частное секретное соглашение, предоставляющее первым свободу действий в Китайском Туркестане, а также в северо-западной Монголии с торговыми центрами Кобдо и Улясутай за отказ Советов от их до сих пор преобладающего положения в северо-восточной Монголии с большим путем Кяхта–Маймачен–Урга–Сайрусу–Шара–Мурен и Калган. Основательность подобного предложения мне, конечно, не удалось пока проверить, но едва ли можно сомневаться в том, что между Советами и Японией ведутся какие-то переговоры относительно мирного размежевания обоюдных сфер влияния в тех частях Китая, где центральная китайская власть достаточно ослаблена.

Интересно при этом отметить, что, по мнению упомянутых купцов, несомненно знающих весь Дальний Восток, очень трудно ожидать "настоящей", как они выражаются, войны между Японией и Советами. До сих пор японцы достигали громадных успехов мирными и полумирными путями с незначительными жертвами и расходами. Для них и теперь представляется более верным и выгодным размежевать свои сферы путем соглашений, чем подвергаться риску большой войны, насчет вероятного исхода которой высказываются на Востоке самые противоречивые мнения. Все признают качественное превосходство японских сил и японского снабжения и оборудования. Однако указывают на то, что японским войскам придется действовать на территории, населенной коренными китайцами, которые гораздо лучше относятся к русским, как красным, так и белым, чем к японцам, на которых смотрят как на завоевателей и поработителей. Советская пропаганда в этом отношении ведется весьма широко и искусно, и если бы Советам удалось выступить в роли борцов за китайский национализм, то результаты могли бы получиться неожиданные.

Русские пользуются довольно большим влиянием в Северной Маньчжурии, Северной Монголии и китайском Туркестане; по словам упомянутых купцов, в их руках сосредоточена значительная часть крупной торговли. Однако среди них нет единства в политическом отношении. Часть сочувствует японцам и выражает надежду, что на случай войны с Советами они одержат победу и окажут активное содействие к свержению центральной советской власти и к освобождению России от ига коммунистов. Другая часть, состоящая преимущественно из старожилов и деловых людей, высказывают убеждение, что для Японии не было бы никакого практического смысла стремиться к этому. Московского коммунизма они более не боятся и всеми

²⁵ Города в теперешнем Пакистане.

своими легкими успехами они обязаны исключительно слабости коммунистического правительства и ненадежности его военных сил. Внутреннее экономическое положение Японии весьма тяжелое, и ее отношения к Америке и Англии едва ли могут давать надежду на получение из этих стран финансовой поддержки. Поэтому вернее ожидать, говорили мне купцы, что Япония ограничится продолжением своей настоящей осторожной политики. С одной стороны, она будет стараться захватывать под шумок все, что возможно, а с другой стороны, она не будет вызывать на конфликт ни Москву, ни другие державы. Япония, по словам меховщиков, является и естественным противником и соперником России, а неорганизованные и бесформенные китайские и монгольские массы являются самым благоприятным элементом для интересов России, если только уметь с ними "обходиться".

Японцы отлично учитывают эти различные настроения среди русских. Они допускают сочувствующих им русских на службу в войсках и учреждениях нового маньчжурского государства, однако и там их держат лишь на низших ступенях. По отношению к русским в Маньчжурии, кажущимся им недостаточно надежными, принимаются систематические меры. Русские, занимающие сколь-нибудь выдающееся положение в Маньчжурии, а также крупные торговцы, более или менее независимые люди из интеллигенции вытесняются из Маньчжурии и Восточной Монголии под разными благовидными предложениями и вынуждаются перебираться в города Китая, где их встречают в общем довольно сочувственно. Можно ожидать, добавил один из меховщиков, что на случай крупного военного столкновения между Японией и Советами часть русских будет "сражаться" за Японию, а другая часть хотя и не будет сражаться за Советы, но будет все же ориентироваться на китайцев и стараться поддерживать среди них брожение против Японии...

Трудно, конечно, поручиться за то, насколько картина положения, нарисованная русскими купцами, прошедшими всю свою жизнь в Китае и на его окраинах, отвечает действительному положению. Купцы эти – их четверо – довольно серые люди, хотя в смысле деловом и ловкие. Двое из них русские – сибиряки, один татарин и один сарт. Но многое, что они говорят на довольно своеобразном русском языке, звучит как будто бы правдоподобно. С одной стороны, все это указывает на слабую обоснованность надежд некоторых русских на возможное принятие на себя Японией инициативы по свержению московского правительства, в общем весьма выгодные для японских интересов. С другой стороны, это подает надежду, что при создающихся условиях Японии едва ли удастся нанести крупный территориальный ущерб российской империи. До сих пор им, правда, удавалось успешно вытеснять русское влияние на Маньчжурии и Восточной Монголии. Им может еще удастся присвоить себе тем или иным путем и нашу трансманьчжурскую железную дорогу. Но это будет, вероятно, максимумом их достижений...

Ваш Е. Саблин.

Архив СВР России, д. 16872, т. 1, л. 144–150.

Сов. секретно

7. В.А. МАКЛАКОВ – Е.В. САБЛИНУ

Париж, 27 апреля 1934 г.

Дорогой Евгений Васильевич!

Благодарю Вас за очень интересные последние сообщения. Хотел бы Вам, для Вашего сведения передать одну информацию. По-видимому, большевики будут приняты в Лигу наций осенью, и хотя они ломаются, но они хотят этого сами, а французы будут за них хлопотать. А большевики хотят туда поступить не столько из-за желания взорвать Лигу наций, сколько из-за помощи; они меньше боятся японской опас-

ности, чем польско-германской. На Дальнем Востоке они не одни, и у них есть защитники, которых может испугаться Япония. В Европе же у них защитников нет, а сговор Польши с Германией для них очень страшен. Они понимают, что реальной помощи они ни от кого не получают и что Франция из-за Украины воевать не станет, и им приходится рассчитывать, что защиту себе против нападений они могут все-таки получить из Лиги наций и что Польша не решится бросить всем вызов, если бы даже ответом на это было одно моральное осуждение.

Архив СВР России, д. 16872, т. 1, л. 151.

Сов. секретно

8. В.А. МАКЛАКОВ – Е.В. САБЛИНУ

Париж, 19 мая 1934 г.

Дорогой Евгений Васильевич,

Я с большим вниманием прочел Ваше письмо от 12 мая и хочу ответить на него несколько слов.

В общем, "vous precher en converti"; я очень давно, гораздо раньше Вас и многих других стою на тех позициях, на которых стоит и Кускова²⁶ и Чернавина, поскольку ее можно понять.

Я только в одном коренным образом не согласен с Вами. Это в Вашем взгляде на роль эмиграции в русских событиях. Вы все-таки думаете, что от нее могут пойти лозунги для России, что она может пропихивать туда свои идеи; даже дать ей вождей. Вы соблазнительно упоминаете имена Муссолини, Пилсудского, Гитлера. Здесь я не делю Вашего оптимизма.

Те лозунги, которые для нас кажутся чем-то новым, ибо ознаменовывают преодоление над нашими предрассудками, в России давно и прекрасно известны и всеми усвоены. Вообще странно думать, что лозунги можем дать мы из-за границы; мы можем сказать либо вещи давно известные или, напротив, непонятные.

Еще менее верю я в то, что мы можем дать вождей. В России есть достаточно и ненависти и сильных людей и, конечно, более понимания положения, чем у нас, но пока действовать они не могут. Чернавина отлично показала почему; куда это положение не изменилось, не могут действовать, конечно, и приезжие эмигранты. А когда положение изменится, то это заметят раньше в России, чем здесь, и раньше начнут действовать; и мы сами пойдем, что положение изменилось, главным образом потому, что там начнутся действия. Не забудьте, что ведь и теперешние большевистские вожди раньше в России попадали только в тюрьмы и ссылки. Этого не избежал и сам Ленин. Обстоятельства сильнее даже таких крупных индивидуальностей; и пока этого сдвига не сделалось, смешно нам предполагать его достигнуть отсюда.

И главное – нам еще долго до того, чтобы установить взаимное понимание, мы все-таки говорим на разных языках. Мы не без некоторого самодовольствия и высокомерия стали здесь патриотами и клеймим тех, кто желает добиться падения большевиков путем расчленения России. Я на этой позиции не стою, как и Вы; однако бесспорно, что многие в России об этом мечтают; если мы им и будем говорить о патриотизме, об целостности России и о других хороших понятиях, то они вправе прийти на нас в негодование за эти непрошенные советы издалека. Так самые элементарные понятия воспринимаются иначе здесь и там; где же нам их учить.

У эмиграции был свой час, когда были белые движения и некоторое сочувствие иностранцев; тогда мы работали над насильственным освобождением России от большевиков и были в этом побеждены, но это была работа, которая имела свое оп-

²⁶ Кускова Е.Д. – жена Прокоповича С.Н., бывшего министра Временного правительства, была выслана вместе с мужем из СССР в 1922 г., разделяла взгляды социалистов правого толка.

равдание; теперь же, когда ее нет, то в сущности нет ничего. Люди, которые теперь за границей, остаются здесь, чтобы спасти свою жизнь – и только; и нечего нам удивляться, что мы не делаем больше. Это благочестивый самообман, но все же самообман; я его оправдываю, потому что он необходим, чтобы не дать людям пасть духом, им нужно какое-то утешение, когда они здесь служат лакеями и шоферами. И то, что я говорю Вам, я публично никогда не скажу, но это все-таки самообман, и нам нужно стать ближе к реальности.

А реальность очень простая: единственно, что мы можем сделать для России, для будущей и настоящей России, это чтобы ее здесь не срамить, чтобы не работать невольно на прославление и оправдание большевиков. В общем это мы и делаем, эмиграция ведет себя хорошо; мелкие дефекты ее больше видим мы, чем иностранцы; есть примеры и высокого героизма и высокой порядочности, не говоря о талантности: все это прекрасно, и я этому радуюсь. Но к области того же самого я отношу то, что Вы называете дипломатической работой, т.е. влияние нас на иностранцев.

Я здесь тоже большой пессимист: влиять мы не можем; Кускова прекрасно сказала сегодня, что иностранцы отлично знают то, что им нужно знать; все мы со своими информацией допускаемся, только поскольку говорим то, что от нас хочется слушать. Мы переубедить никого не можем, но нам очень важно сохранить доброе имя за старой Россией. Прискорбно, когда мы даем впечатление людей, которые не могут простить своей родине своих личных потерь, лишены чувства патриотизма или, как говорит та же Кускова, радуемся несчастьям России. Я совершенно согласен с Вами в той отрицательной оценке, которую Вы даете "Возрождению"; но именно потому, что его активность только убеждает иностранцев, что эмиграция, т.е. старая Россия, не имеет ни разума, ни патриотизма, ни даже простого приличия. Наша задача, и единственная – это не только сохранить эмиграцию от падения, нашу молодежь от разрыва с Россией, но и сохранить в иностранцах уважение и симпатию к этой стране, а может быть, и к будущей России. Вашу дипломатическую работу я ценю постольку, поскольку она оставляет это впечатление. В этом и только в этом мерило ее пользы; и потому-то я многие выходки Милюкова считаю не менее вредными, чем и Гукасова; не только потому, что он подчеркивает, размазывает и раздувает гукасовские увлечения, но потому, что он поддерживает ту свору среди эмиграции, которая нашего доброго имени не подымает, но потому, что в своей партийности он бьет часто по тому, по чему сейчас бить не полагается, и хорошего впечатления это не производит.

Я хочу Вам сказать как в заключение: на судьбы России влиять мы сейчас не можем; что будет с ней, предсказывать не берусь, она может окончательно развалиться и надолго, может появиться в ней и здоровое течение таким же сюрпризом, как появились 1905 и 1917 годы, и я не исключаю, что этому может дать толчок даже внешнее поражение. Вот почему сейчас я считаю нетактичным милюковские выступления.

И я нисколько не отрицаю, что могут быть отдельные люди, которые могут приносить какую-либо пользу тем подпольным здоровым течениям, которые существуют в России; словом, не отрицаю активизма. Я отрицаю две вещи: активизм словесный и демонстративный, который о себе говорит или шлет инструкции в Россию, как это делала когда-то дурацкая "Борьба за Россию"; и не отрицаю даже то, что это могут делать не отдельные лица, а эмиграция как целое, как таковая, что это полезно делать от ее имени. Мне смешны эмигрантская политическая дисциплина, решение вопросов съездами и большинством. Эмиграция, как целое, не есть политический фактор. Мы, как евреи в рассеянии, которым нужно только одно – прошлого не забыть и себя не потерять. И претензии отсюда чем-то управлять, в какой бы форме эти претензии ни выражались, значит забыть, что в течение 17-ти лет мы все время катимся вниз со ступеньки на ступеньку.

9. Е.В. САБЛИН – В.А. МАКЛАКОВУ

Лондон, 1 января 1935 г.

Дорогой Василий Алексеевич,

Разрешите начать нашу переписку в 1935 году пожеланием Вам всего самого лучшего в 1935 году.

Ежегодно 31-го декабря газета "Таймс", празднующая, между прочим, сегодня пятидесятилетнюю годовщину своего существования, посвящает особые статьи положению дел в разных государствах за истекший год. В отделе, посвященном России ("Таймс" не именует более наше отечество СССР), мы читаем следующее, в дословном переводе: "Россия занимала выдающееся положение в международном общении в течение всего 1934 года. Самым важным событием явилось вступление ее в Лигу наций с получением постоянного места в Совете. Ее отношения с Англией постепенно выправлялись после заключения торгового соглашения от 16-го февраля, предусматривающего увеличение британского экспорта в Россию. Признание Советов САСШ в 1933 году не имело последствием всех коммерческих выгод, ожидавшихся Москвой. Весь год тянулись переговоры о признании прежней задолженности России САСШ, предварительно новых авансов и кредитов, но результаты не были достигнуты.

К концу декабря стало намечаться, по-видимому, какое-то соглашение. Сотрудничество с Францией было оформлено в более или менее определенное соглашение для совместной обороны и усиленной торговли. Советское правительство предпринимало усилия, чтобы вовлечь Германию и Польшу в некоторого рода Восточное Локарно путем заключения договора о безопасности, который должен был быть подписан Россией, Германией, Польшей, балтийскими государствами и Чехословакией. Это предложение сильно поддерживалось Францией и не оставлено и теперь, невзирая на отрицательное отношение Германии и Польши. Из стран Малой Антанты – Румыния и Чехословакия признали советское правительство в мае, а Югославия воздержалась. Состояние напряженности между Россией и Японией продолжалось, но было несколько ослаблено осенью соглашением относительно главных условий продажи Маньчжоу-Го Восточно-Китайской железной дороги. Многие частности остались, однако, неразрешенными, и отношения между Москвой и Токио не могут почитаться дружественными к концу года.

Внутреннее положение в России стало несколько более устойчивым в течение большей части 1934 года. Это был год скорее ассимиляции и постепенного прогресса, чем год дальнейшей индустриализации и коллективизации. Сельское хозяйство жестоко пострадало вследствие засухи, но несколько оправилось потом вследствие вторичного засева пострадавших местностей, когда выпали дожди. Тем не менее, общий урожай представляется ниже нормального и нужда среди крестьян неизбежна. Сбор хлебов правительством для армии и для городов прошел как будто благополучно. Добыча угля и металлов повысилась и более приблизилась к плановым заданиям, чем в предыдущие года. Легкая промышленность не сделала успехов в доставлении предметов первой необходимости. Железная дорога осталась слабым местом советской системы, и затруднения транспорта все еще составляют главную проблему Советского Союза. Цены и вопросы питания населения занимали внимание правительства в течение всего года.

В декабре правительство возвестило о большой перемене, имеющей произойти первого января 1935 года. Должна быть оставлена карточная система и рационирование пищевых припасов. Это должно уничтожить главное преимущество привилегированных классов по получению небольших количеств пищи по удешевленным ценам. Начиная с нового года все будут вынуждены делать свои покупки в открытых казенных лавках по ценам, назначенным для всех одинаково. Коммерческие цены значительно понижены против цен вольного рынка, но все же они значительно выше

цен в прежних закрытых распределителях. Чтобы компенсировать рабочие массы за повышенную стоимость жизни, правительство предпринимает всеобщее повышение содержаний. Коммунистическое правительство предприняло с июля месяца "патриотическое" движение, дабы развить в гражданах "любовь к родине", и продолжает это всеми средствами советской пропаганды. Обзор заканчивается сообщением о последних событиях в связи с убийством Кирова".

* * *

Во вчерашней воскресной газете – весьма крупной за подписью небезызвестного ирландского маркиза Донегелла²⁷ я прочел следующие строки: "Я люблю встречать Керенского²⁸, ибо узнаю от него всегда что-нибудь новое и полезное, чтобы знать".

Оказывается, что большевики свергли совсем не реакционное царское правительство, а наиболее демократическое правительство в мире, членом которого был Керенский и другие либералы. Оказывается также, что рабство в России было уничтожено едва ли не сто лет тому назад. В России были прекраснейшие суды... Две трети земель к моменту революции принадлежали крестьянам... И маркиз, оканчивает свою заметку возгласом, что "мы всегда узнаем что-нибудь новое о России и от русских"... Каково...

Ваш Саблин.

Архив СВР России, д. 16872, т. 2, л. 47–50.

Сов. секретно

10. В.А. МАКЛАКОВ – Д.И. АБРИКОСОВУ²⁹

Париж, 17 июня 1936 г.

Многоуважаемый Дмитрий Иванович,

Благодарю Вас за Ваше последнее письмо, равно как и за все предыдущие. У нас здесь в Европе большой интерес к Дальнему Востоку; теперь, пожалуй, больше, чем когда бы то ни было, но в то же самое время малое значение того, что там происходит. Обо многом Вам может быть писать и неудобно; я пойму с полунамеков.

Но вот что мне все-таки хочется знать, не как объективную, а просто как субъективную истину. Как Вы не раз замечали, обе стороны войны не хотят, но понемногу к ней идут; с другой стороны, становится все яснее, что Европа, как фактор, который мог бы что-либо задержать и чему-нибудь помочь, со сцены сходит; никакого участия, по крайней мере непосредственного, Европа ни в каком Дальне-Восточном столкновении не примет. Здесь было очень много самых разнообразных мнений на случай столкновения двух стран: говорили, будто советские аэропланы смогут сразу поставить

²⁷ *Донеголл Эдвард* (1903–1975) – английский аристократ, военный корреспондент во время второй мировой войны.

²⁸ *Керенский Александр Федорович* (р. 1881) – активный деятель партии эсеров, после Февральской революции 1917 г. первоначально занимал ряд министерских постов во Временном правительстве, а потом и возглавил его. После Октябрьской революции пытался с генералами Красновым (на Севере) и Калединым (на юге) организовать вооруженное сопротивление большевикам, но потерпел поражение и в 1918 г. эмигрировал.

²⁹ *Абрикосов Дмитрий Ильич*, родился в 1876 г. в Москве. В 1899 г. окончил юридический факультет Московского университета и в 1900 г. был принят на службу в МИД России. В 1908 г. получил назначение вторым секретарем российской миссии в Пекине, а в 1912 г. – в той же должности был переведен в посольство России в Токио; в 1917 г. – первый секретарь этого посольства и позднее, в том же году, – советник российской миссии в Пекине. В 1919 г. снова переводится в Токио первым секретарем российского посольства, которым некоторое время управлял с ноября 1921 г. В последующем находился в эмиграции, активно следил за развитием ситуации на Дальнем Востоке.

на колени Японию, говорили и обратное. И вот мне хотелось бы знать, какое мнение насчет относительной силы обоих противников в случае столкновения на Дальнем Востоке имеют ответственные люди Японии. Война бывает нежелательна даже при победе, но является ли победа обеспеченной; может ли Япония считать себя настолько сильнее России на Дальнем Востоке, насколько она была в 1904 году? А потом, как во всей этой комбинации учитывается роль Америки.

Сов. секретно

11. Д.И. АБРИКОСОВ – В.А. МАКЛАКОВУ

Токио, 8 июля 1936 г.

Многоуважаемый Василий Алексеевич,

Письмо Ваше от 17 июня получил. С полной определенностью ответить на Ваш запрос затруднительно, так как главный фактор в общем положении вещей, а именно мощь советской армии, мне совершенно неизвестна. С моей личной антисоветской точки зрения, раз советская власть довела страну до полной дезорганизации и раз население эту власть ненавидит, то сосредоточить на Дальнем Востоке сильную армию, снабжать ее всем необходимым в течение длительного времени она не может. Однако эта точка зрения не разделяется ни здешними иностранцами, ни самими японцами. Иностранные военные агенты считают, что советское правительство сосредоточило на Дальнем Востоке весьма серьезные силы, что эта армия прекрасно вооружена, что вся пограничная полоса покрыта рядом солидных укреплений и что с точки зрения авиации советская армия имеет значительное преимущество перед японцами. Судя по газетным статьям и парламентским речам японских ответственных лиц, этот взгляд на советскую армию разделяется японцами, что косвенно подтверждается лихорадочной работой по механизации японской армии, все растущими расходами на вооружение, поглощающими чуть ли не половину бюджета, и постоянно производящимися упражнениями по защите населения от набега аэропланов. Таким образом, здесь, по-видимому, отдают себе отчет в серьезных последствиях такого столкновения и стараются его избежать. В этом отношении никакой аналогии с 1904 годом, когда японцы, благодаря нашей беспечности, были отлично осведомлены о нашей слабости и искали столкновения с нами, нет. Кроме того, в 1904 Япония была как бы баловнем Европы и Америки: все симпатии были на ее стороне и главное – тогда даже соседний Китай приветствовал победы Японии, видя в ней избавительницу от русского засилья. Ничего подобного теперь нет. Тот прогресс, который Япония достигла за последние годы, самостоятельность ее внешней политики, стремящейся к достижению доминирующего положения на Дальнем Востоке, а главное, успешность японской конкуренции в мировой торговле, – все это имело своим результатом то, что ныне Япония окружена недоброжелателями, в числе коих чуть ли не на первом месте стоит Китай. Эта враждебная к Японии атмосфера дает широкий простор для советских интриг, и при том цинизме, которым отмечена политика многих держав, совершенно не исключено, что как в 1904 г. на Японию смотрели как на противовес мощи России, так и теперь на Советскую Россию смотрят как на силу, которая призвана обуздать Японию. Все это, я думаю, здесь прекрасно учитывается, почему за последнее время политика Японии в отношении к Советской России отмечена большой осторожностью и столкновение с ней, если не произойдет чего-либо исключительного, как, например, явно агрессивного выступления советского правительства, что весьма мало вероятно, или наступление особо благоприятных условий для Японии, вроде создания общего блока против советского восстания внутри России, в настоящее время является крайне неправдоподобным, как бы оно в теории казалось бы неизбежным в будущем. Ведь в конце концов, если верно все то, что говорят о со-

ветской армии иностранцы, то в указанной выше общей обстановке такое столкновение связано для Японии с известным риском и даже победа Японии не разрешит всех ее затруднений. Напротив, как при каждой войне в настоящее время, победа эта будет связана с таким напряжением, вызовет такое расстройство и без того не блестящего финансового положения Японии, что даже после успешной войны Япония может оказаться в менее благоприятном положении для достижения господствующего положения на Дальнем Востоке, чем теперь, чем, конечно, не преминут воспользоваться многочисленные недоброжелатели Японии. Поэтому тот факт, что, как Вы пишете, в настоящее время положение в Европе настолько остро, что ни одна держава не будет в состоянии принять участие в дальневосточном конфликте, сам по себе не является решающим фактором для возникновения такого конфликта. Этот факт, конечно, является крайне благоприятным для достижения Японией цели, которая ныне здесь поставлена в первую очередь, а именно укрепление ее позиции в Китае, едва ли изменят нынешнюю позицию Японии в отношении к советскому правительству, которое в конце концов открыто палок в японские колеса не ставит, если не считать его заявления о защите советскими войсками Внешней Монголии, такой вопрос не принадлежит еще к вопросам актуальной политики, и красной пропаганды в Китае, которая настолько спутана с общим хаосом, царствующим в Китае, что тоже не дает прямого повода для возлагания всей ответственности на советское правительство. Что же касается до роли Америки в случае возникновения здесь конфликта, то лица, которые с такой легкостью говорят о возможности и чуть ли неизбежности войны Соединенных Штатов с Японией, по-видимому, не учитывают того огромного водного пространства, которое разделяет эти две державы и которое во многом делает неуязвимым друг от друга. Ведь ни Соединенные Штаты не пошлют своего флота к японским берегам, где он, на таком огромном расстоянии от своих баз, может быть легко истреблен японским флотом, ни Япония никогда не рискнет послать свой флот к американским берегам. Поэтому лично я думаю, что даже в случае возникновения конфликта на Дальнем Востоке Соединенные Штаты останутся в стороне от него, в ожидании, что конфликт этот ослабит участвующие в нем державы и даст таким образом Америке возможность более энергично выступать в их излюбленной роли охранителя территориальной независимости Китая. Словом, читая европейские газеты и наблюдая здешние события, я прихожу к убеждению, что при нынешнем соотношении сил на Дальнем Востоке, когда советское правительство лишь грозит издали, европейские державы заняты у себя дома, а Соединенные Штаты не могут послать своего флота без риска его уничтожения к японским берегам, и, следовательно, Япония не стеснена в проведении своей политики по обеспечению господствующего положения на Дальнем Востоке, мир на Дальнем Востоке является более обеспеченным, чем в Европе.

Искренне преданный Дм. АБРИКОСОВ.

P.S. Очень прошу не адресовать писем мне – в Токио Клуб. Как я писал, я вышел из Клуба около года тому назад, когда туда вступил членом советский представитель, и там не бываю, так что адресуемые туда письма могут легко затеряться или попасть туда, куда не следует.

Мой адрес: Ханокичо 10, Акасака. Токио.

Д.А.

Архив СВР России, л. 16872, т. 3, л. 188–192.

12. Е.В. САБЛИН – В.А. МАКЛАКОВУ

Лондон, 12 апреля 1937 г.

Дорогой Василий Алексеевич,

Неожиданно много говорят здесь о примирении Людендорфа³⁰ с Гитлером... Говорят, что шаг этот был предпринят под давлением армейских кругов и ввиду запутавшегося положения в Испании... Людендорф всегда считался сторонником дружественного соглашения с Россией, а за последнее время и другие члены германского генерального штаба примкнули к нему ввиду усиления боевой мощи российской армии. Правда, пишет одна газета, по инициативе Людендорфа был переправлен в Россию Ленин. Это, быть может, был поступок не рыцарский, но по соображениям военного времени он оказался целесообразным. Ныне в германском генеральном штабе напряженно следят за тем, как проявили себя германские, русские, французские и итальянские предметы технического вооружения на испанском фронте. Русские были признаны удивительными, а относительно германских было признано, что они были не на должной высоте. Людендорф всегда настаивал на том, что не следует придавать преувеличенного значения итальянской армии как фактору в возможной европейской войне. Она якобы, по его мнению, была достаточна против полуголых и плохо вооруженных абиссинцев, но в Испании оказалась ниже испанских правительственных войск, составленных к тому же большей частью из плохо обученных добровольцев. Людендорф думает поэтому, что Германии следует искать сближения с Россией, какова бы она ни была в настоящий момент, а затем постараться склонить ее к дальнейшей "нормализации" ее строя. Мнение это будто бы разделяется и германским генеральным штабом, который всегда стоял за сближение с Россией, оказывал ей содействие в поставке боевых материалов и посылке инструкторов и старался сдерживать выпады Гитлера против России. Влиянию генерального штаба приписывается и последнее заявление Гитлера, когда он, разразившись филиппикой против большевиков, все же сказал: "Следует делать разницу между коммунизмом, как доктриной и режимом, и всей Россией, как страной и национальной державой... Договорные отношения Германии с коммунистической властью не имели бы никакой ценности, но положение в России быстро меняется и Германия должна быть готовой к возможным переменам". До того правящие круги Германии были склонны отождествлять большевистский строй в России со всем русским народом. Но теперь эти круги констатируют большие сдвиги в народных настроениях и нарастание национального и патриотического чувства. Устойчивость коммунистического строя в России [не] вызывает уже сомнения. Германия должна считаться с тем, что время работает в пользу России, что период русской слабости близится к концу и что скоро в международной жизни властно прозвучит голос новой России, как и голос новой Германии... Ни в коем случае не следует доводить до прямого конфликта между германским и русским национализмом, а приложить все усилия, дабы найти пути соглашения. Новое военное столкновение могло бы уничтожить все плоды четырехлетней работы по возрождению Германии и отбросить ее опять назад ко временам Версальского мира³¹. Бисмарк³²,

³⁰ Людендорф Эрих (1865–1937) – германский политический и государственный деятель, поборник милитаризма. В 1923 г. вместе с Гитлером руководил фашистским путчем в Мюнхене, в 1924–1928 гг. – депутат рейхстага от нацистской партии. Выступал за развязывание второй мировой войны, автор концепции "тотальной войны".

³¹ Версальский мирный договор, подписанный 28 июня 1919 г. и вступивший в силу 10.01.1920 г., подвел итоги первой мировой войны, определил послевоенное политическое устройство в Европе. Одной из его составных частей был статут (устав) Лиги наций.

³² Бисмарк Отто Эдуард Леопольд фон Шёнхаузен (1815–1898) – известный германский политик, государственный деятель, дипломат. В 1859–1862 гг. – посол Пруссии в России. В 1862–1867 гг., будучи министром-президентом (премьер-министром) и министром иностранных дел Пруссии, завершил объединение Германии и после создания Северогерманского Союза (1867–1871) стал его бундесканцлером, а затем – рейхсканцлером Германской империи, каковым являлся до увольнения в отставку в 1890 г.

мол, всегда придерживался этой точки зрения. Его преемник Гитлер также должен усвоить себе его политику по отношению к России, если хочет добра для Германии... Вот размышления, которые появляются теперь в английской печати, почерпнутые из различных германских источников. Небезынтересно при этом отметить некоторые мысли, высказанные здесь сэром Джошуа Стампом³³, одним из крупнейших авторитетов по экономическим вопросам. Он сказал, что в мировых хозяйственных отношениях приближается поворотный пункт. Большинство стран пришли уже к сознанию, что необходимо приступить к восстановлению принципа свободы торговли и к постепенному устранению всех искусственных таможенных преград, выдвинутых во времена кризиса и всеобщего хозяйственного расстройств. Он отметил, между прочим, успех России в добыче золота. Теперь, по его мнению, Россия может отказаться от форсированного экспорта своих товаров, экспорта, подрывавшего мировые цены, и приступить к оплате нужных ей заграничных материалов и товаров наличным золотом. Что касается Германии, сказал он, то нужно сказать, что положение ее в иностранном товарообмене было в высшей степени искусственным и часто даже непонятным. Вся экономическая жизнь Германии была в корне неестественна и нездорова. Долго так продолжаться не может, и следует ожидать, что в скором времени в Германии должна быть произведена реконструкция всей хозяйственной системы или дело кончится катастрофой.

Это мнение британского экономиста как будто подтверждает предположение, что Германии придется искать сближения именно с Россией, ибо ни одна другая страна не будет в состоянии предоставить ей так много экономических выгод, в особенности в поставке сырых материалов и предметов продовольствия. Тут говорят, что Германия якобы уже выработала основы экономического и торгового согласия с Россией, но Москва будто бы отказалась его принять на том основании, что было бы бесполезно заключать экономическое соглашение, не заключив одновременно политического договора о дружбе вообще.

Передают также, что генерал Рейхенау³⁴, бывший начальник штаба при фельдмаршале Бломберге³⁵, а ныне офицер связи между германским правительством и армией, вернувшийся недавно из официальной поездки по странам Дальнего Востока, также высказывал мысли в пользу установления близкого сотрудничества с Россией, Китаем и Японией, как с самыми естественными и обещающими сотрудниками Германии...

Трудно сказать, насколько такие гигантские планы осуществимы, но осуществление их провело бы грань между народами Востока и Запада и объединило бы приблизительно семьсот миллионов душ, что было внушительным противовесом Британской империи.

Ваш Саблин.

³³ *Стамп Джошуа Чарльз* (р. 1880) – английский экономист, банкир, промышленник.

³⁴ *Рейхенау Вальтер* (1884–1942) – германский военачальник, участник первой и второй мировых войн.

³⁵ *Бломберг Вернер фон* (1878–1946) – германский военачальник, в 1933–1938 гг. – военный министр и главнокомандующий вооруженными силами Германии.

13. Е.В. САБЛИН – В.А. МАКЛАКОВУ

Лондон, 9 ноября 1937 г.

Дорогой Василий Алексеевич,

Откровенно говоря, подписанный на днях тремя "динамическими" державами пакт³⁶ против Коминтерна³⁷ оставляет меня холодным. От всех этих элукубраций, в особенности если вспомнить сравнительно недавние выступления против коммунизма г. Гитлера в Нюрнберге, пахнет, я бы сказал, Возрожденским "активизмом"³⁸. До настоящих действий еще очень далеко, да и приступить-то к ним будет не так просто. В таких случаях гораздо легче, с позволения сказать, "лаять". В чем, строго говоря, суть дела. Подписанные тремя державами антикоммунистического соглашения приобретает Италию к германо-японскому договору, заключенному в Берлине 25-го ноября прошлого года и направленного против Коминтерна. Подписавшие его Державы согласились осведомлять друг друга о деятельности Третьего Интернационала, совещаться об общих превентивных мерах и содействовать друг другу в применении их на практике. Договор, таким образом, имел характер полицейской меры и является одним из эпизодов в идеологической борьбе с Коминтерном и как таковой, в сущности говоря, не представлял непосредственной угрозы западным демократиям, и без него, конечно, бывшим в состоянии оградить себя от коммунистической опасности. Как и всегда при заключении подобного рода международных договоров, любопытные люди спрашивали себя, не имеется ли при сем пакете каких-нибудь секретных статей военного значения. Опровержения и из Берлина, и из Токио тотчас же последовали. Ныне присоединение Италии к германо-японскому соглашению вызывает подозрения в более острой форме. Война в Китае, война в Испании, тревожное положение в Центральной Европе – все это дает, конечно, повод некоторым странам придавать новому трехстороннему договору некий угрожающий характер.

Здесь, судя по газетам и по тому, что приходится слышать вообще, новое германо-японо-итальянское соглашение не встретило ни особых опасений, ни одобрения. Англия пока что стоит на своей старой точке зрения – на нежелании связывать себя с идеологическими устремлениями. Против коммунизма у себя она борется реформами и полицейскими мерами. В чужие дела она не намерена вмешиваться, и посему здесь недоумевают, как можно осуществить постановление той статьи соглашения в Риме, которая гласит: "Высокие договаривающиеся стороны будут принимать строгие меры против тех, кто ДОМА или За границей принимают прямое или косвенное участие, находясь в действиях, на службе Коммунистического Интернационала, в целях разрушительной деятельности".

"Таймс" в передовой статье выражает мнение, что пока ничего не случилось, что потребовало бы изменения линии британской политики. В течение двадцати лет, продолжает "Таймс", Великобритания, подобно многим другим странам, боролась с коммунистическим "нонсенсом" конструктивными и домашними мерами. Великобритания не отступит от этих методов борьбы, тем более что она не намерена диктовать каких бы то ни было способов борьбы с коммунизмом иным государствам.

От внимания здешнего общественного мнения не ускользнула, конечно, роль,

³⁶ Имеется в виду "антикоминтерновский пакт", начало которому положил подписанный 25 ноября 1936 г. германо-японский договор; 6 ноября 1937 г. к нему присоединилась Италия.

³⁷ *Коминтерн* (Коммунистический Интернационал, Третий Интернационал) – международная организация, объединявшая коммунистические партии различных стран, действовала в 1919–1943 гг. Исполком (главный исполнительный орган Коминтерна) находился в Москве.

³⁸ "*Возрождение*" – газета российской эмиграции, издававшаяся в Париже в 1925–1940 гг. сторонниками "активизма", выступавшими за "прямую и активную" борьбу против советского строя с использованием "всех путей и средств".

которую в этих переговорах [играл] здешний Германский Посол г. Риббентроп³⁹. Дипломат сей с первых шагов своей деятельности здесь не был персона грата⁴⁰, и первое его появление во Дворце, когда он, приветствуя Короля, щелкнул каблуками и протянул руку по-гитлеровски, сразу же наложило на него печать чего-то смешного и во всяком случае неприемлемого для англичан. Постоянные его отсутствия из Лондона также не способствовали его популярности, а тот факт, что он принял столь деятельное участие в выработке и подписании Тройственного Акта в Риме, акта, который англичанам несимпатичен по своим идеологическим соображениям, легшим в его основу, окончательно подорвал положение Риббентропа здесь. Уйдет ли он отсюда – неизвестно, но ходят слухи, что он будет переведен в Рим. Лондон не может еще привыкнуть к дипломатам новой формации, и тут пропорсионгардэ г. Майский имеет здесь более благоприятную прессу, чем названный Германский агент.

Прочел в "Последних Новостях" обзор французской печати в связи с подписанным в Риме трехсторонним соглашением на предмет борьбы с коммунизмом. Французы, судя по Вашим газетам, определяют антикоммунистический "Крестовый поход" как некую ширму, за которой скрываются иные планы и намерения. Боюсь, что это преувеличено. Хотя, с другой стороны, комментарии к этому соглашению, сделанные г. Гитлером вчера в Мюнхене за кружкой пива со своими первоначальными соратниками, и могут навести на некоторые размышления, которые могут до известной степени оправдать французское беспокойство. "Берлино-римская ось, сказал Фюрер, превращается отныне в треугольник всемирно-политического значения". "Три державы готовы отныне защищать свои права и жизненные интересы". По адресу Англии, где часто раздаются голоса приглашения Германии выйти из своей изоляции, Фюрер произнес следующие слова: Германия не изолирована. Мы приобрели новые связи, которые хотя и не рассматриваются некоторыми благоприятными в смысле принципов Лиги наций⁴¹, но которые вполне нас удовлетворяют и отвечают нашим интересам. В то же время они отвечают и интересам тех держав, которые вступили с нами в соглашение. Одним словом, все довольно. И здесь спрашиваю себя, не собирается ли вот эта новая "Лига наций" попытаться разрешить те проблемы, которые не смогла разрешить Женевская Лига. Что касается Германии, то вопрос сводится к пересмотру трактатов и так называемого "Лебенсraum"⁴², и, по мнению немцев, все эти вопросы можно будет разрешить гораздо проще, если удастся исключить Россию из концерта Держав, предоставить Японии роль противовеса на Дальнем Востоке. Во всяком случае, здесь думают, что Гитлер окончательно и бесповоротно установил свою точку зрения: никакое Европейское "устройство" невозможно, пока Россия имеет право голоса. Но если это так, то почему же и Гитлер, и Муссолини, и Япония продолжают свои "дружественные отношения" с Россией.

И разве при наличии создающейся конъюнктуры не своевременно выступление Блюма⁴³, указывающего на необходимость возобновления Тройственного соглашения 1914 года⁴⁴. Характерно также указание его на необходимость покровительства

³⁹ *Риббентроп Иоахим* (1893–1946) – политический и государственный деятель фашистской Германии. С 1934 г. – начальник внешнеполитического отдела нацистской партии. В 1936–1938 гг. – посол Германии в Великобритании, в 1938–1945 гг. – министр иностранных дел Германии, член гитлеровского тайного кабинета. Нюрнбергским трибуналом был осужден как один из главных военных преступников и приговорен к смертной казни.

⁴⁰ *Персона грата* – желательное лицо (лат.).

⁴¹ *Лига наций* – международная межправительственная организация, являющаяся в определенном смысле предшественницей ООН. Была учреждена в 1920 г., распущена – в 1946 г., ее штаб-квартира находилась в Женеве.

⁴² *Лебенсraum* – жизненное пространство (нем.).

⁴³ *Блюм Леон* (1872–1950) – политический и государственный деятель Франции, журналист, лидер французской социалистической партии; в 1936–1937 гг. и марте–апреле 1938 г. возглавлял правительство своей страны.

⁴⁴ *Тройственное соглашение* – политический блок, сформировавшийся в 1904–1907 гг. в составе Великобритании, Франции и России, в годы первой мировой войны включал более 20 государств, противостоявших германской коалиции. Назывался также "антантой", "сердечным соглашением".

установления духа доверия между Советским правительством и Великобританией. События как будто бы идут именно в эту сторону, в сторону международной обстановки, которая создалась к моменту открытия военных действий в августе 1914 года. Лишь бы наши "господа хорошие" не испортили всей намечающейся конъюнктуры. И с этой точки зрения, не возражая против воплей в Москве против фашизма, я не могу не пожалеть о появлении Манифеста Третьего Интернационала и о заключительной фразе "Да здравствует мировая революция!". Чего смотрит товарищ Сталин, и не пора ли ему вернуть в Болгарию или туда, откуда нет возврата, г. Димитрова⁴⁵.

Архив СВР России, д. 16872, т. 4, л. 76–78.

Сов. секретно

14. Е.В. САБЛИН – В.А. МАКЛАКОВУ

Лондон, 29 сентября 1938 г.

Дорогой Василий Алексеевич,

Подобно Вам, мы здесь также переживали весьма тревожные дни. Я несколько раз порывался писать Вам, но все время меня отрывали так называемые текущие дела. Приходилось отвечать на многочисленные письма наших соотечественников, большей частью евреев из Германии и Австрии. За последний месяц таких просьб о помощи перебраться сюда было – 157. Некоторые письма были столь трагическими по своему содержанию, что отписываться на них ссылками на британские власти, не желающие дальнейшего переполнения Лондона всевозможными беженцами, в особенности ввиду возможности вступления Англии в войну, было просто нечестно. Приходилось поэтому проводить часы в МВД, просить, убеждать и т.д. Были такие случаи, когда английские власти в результате моих усердных просьб соглашались на допущение тех или иных лиц сюда, им это сообщалось через мое посредство, но затем получались письма, из которых явствовало, что заинтересованные лица не могут использовать виз за неимением средств. Начинались просьбы о том, чтобы я нашел каких-нибудь богатых и добрых англичан, которые согласились бы помочь и т.д. Я вступил посему в контакт со здешними еврейскими организациями, которым я говорю, что в некоторых случаях я имею возможность устраивать соотечественникам иудейского вероисповедания разрешения на въезд, но не на постоянное жительство, но что финансировать их я абсолютно не в состоянии, и посему возлагаю эту заботу на еврейские лондонские организации. Что из этого выйдет – пока сказать не могу. Не во всех такого рода организациях, еврейских, я встречал сочувствие, что подтверждает мою всегдашнюю мысль, что не так-то уж сплочены евреи... Пришлось заниматься и нашими местными русскими делами в связи с наступлением тревожного положения. Наши соотечественники очень часто не понимают самых простых вещей. Мне телефонируют и говорят: а как Вы намерены поступить с нашими детьми на случай того и того-то?.. Намереваетесь ли Вы организовать какие-либо убежища вне Лондона и т.д. Я отвечаю: если Ваши дети находятся в английских школах, предоставьте заботу о них их школьному английскому начальству. Если дети Ваши находятся у Вас дома, то постарайтесь войти в контакт с Вашими английскими соседями, имеющими детей дома, и поступайте соответственно. Никаких убежищ вне города устраивать я не могу за неимением средств и т.д. Со своей стороны я счел уместным написать письмо министру внутренних дел и заверить его, что все русские беженцы, пользующиеся гостеприимством английской нации, готовы быть полезными, если наши услуги в чем бы то ни было потребовались бы. Думаю этим ограничиться, призывая

⁴⁵ Димитров Георгий Михайлович (1882–1949) – известный деятель болгарского и международного рабочего движения, в 1935–1943 гг. являлся генеральным секретарем Исполкома Коминтерна.

все время соотечественников к спокойствию и к равеннию на англичан. Последние проявляют большую выдержку, и все эти дни жизнь в Лондоне ничем не отличалась от обыкновенной. Показались лишь хвосты за антигазовыми масками, да в Королевских парках стали рыть траншеи... Третьего дня жена и я получили свои маски, аппараты весьма неудобные, а для лиц, страдающих сердцем, – прямо-таки опасные. В нашем квартале раздача этих масок происходила в одной из церквей, что было совсем удобно, ибо мы не стояли в хвосте, а сидели и церковный органист услаждал нас баховскими мелодиями. Должен сказать, что в этой обстановке *моменто мори*⁴⁶ чувствовалось несомненно, в особенности когда, просидев три часа в церкви и, с позволения сказать, совершенно обалдев от органной музыки, нам пришлось спуститься в подвальное помещение, очевидно, покойницкую, в обыкновенное время, чтобы примерить маски. Выйти затем на воздух было в высшей степени приятно. Но это приятное настроение опять портилось, когда нам пришлось проходить мимо кансингтонских очаровательных садов, окружающих кансингтонский дворец, в котором родилась королева Виктория⁴⁷, и газоны которых немилосердно портит ныне лопата рабочих, роющих траншеи. До чего мы дожили! До порчи вот этих самых знаменитых английских вековых газонов, на которых еще несколько дней тому назад резвились английские дети и собаки. А ныне все это место напоминает какое-то кладбище, а сами траншеи выглядят как какие-то братские могилы... Ужасно созерцать все это!.. Герой дня, конечно, Чемберлен⁴⁸. Есть, конечно, люди, которые его критикуют, упрекают его в приемах фашистских, обвиняют в превышении власти, говорят, что предварительно своей исторической поездки к Гитлеру ему надлежало созвать парламент и осведомиться о мнении страны. Но ведь времени для этого не было, да и в парламенте могли возникнуть такие прения и трения, которые в конечном результате оказались бы лишь на пользу Германии. Приходилось поэтому брать на себя феноменальную ответственность, что Чемберлен и сделал, съездив к Гитлеру два раза в течение одной недели. Я думаю, что девяносто девять процентов англичан за Чемберлена. Ибо никто здесь войны не хочет по самым обыкновенным человеческим и обывательским соображениям. Но вот это самое нежелание войны англичане переживают в высшей степени тяжело, ибо в то же самое время они сознают свое бессилие, явившееся в результате пацифистской политики целого ряда лет. Правда, за последнее время вооружения шли громадным темпом, но, очевидно, осилить все то, что было необходимо сделать в течение кратчайшего времени, оказалось не под силу самому большому напряжению и неограниченным денежным средствам.

В отношении Нюрнбергской речи Гитлера здесь делались всевозможные спекуляции. В результате ее Чемберлен решил лететь в Берхтсгаден⁴⁹. На его поездку, как говорят, повлияли и сведения из Франции. Сведения эти сводились к тому, что, во-первых, по мнению французов, расчеты на Россию весьма проблематичны, а, во-вторых, в самой Франции возобладали якобы пораженческие настроения. Здешняя пресса скрывала эти настроения, и лишь провинциальная, но влиятельная "Йоркшир Пост"⁵⁰, печатала весьма определенные на сей счет сведения из Парижа, которые комментировал в названной газете г. Иден⁵¹. Газета принадлежит его тестю. [...] к поездке Чемберлена к Гитлеру здесь отнеслись с восторгом. Все нашли в этом жесте громадное гражданское мужество и несомненную красоту. И в то же время все,

⁴⁶ *Моменто мори* – помни о смерти (лат.).

⁴⁷ *Виктория* – королева Великобритании (1819–1901).

⁴⁸ *Чемберлен Невилл* (1869–1940) – политический и государственный деятель Великобритании, один из лидеров британской консервативной партии; в 1937–1940 гг. – премьер-министр правительства этой страны.

⁴⁹ *Берхтсгаден* – резиденция Гитлера в Баварских Альпах.

⁵⁰ "Йоркшир Пост" – одна из наиболее влиятельных провинциальных газет, издающихся в Великобритании.

⁵¹ *Иден Роберт Антони* (1897–1977) – британский политический и государственный деятель, дипломат; в 1935–1938 гг. – министр иностранных дел Великобритании, в 1939–1940 гг. – министр по делам доминионов.

все, начиная с лордов и кончая молочниками, говорили: все это хорошо и, конечно, наш добрый старик поступает по-христиански и т.д., но все же обидно... сознавать, что наш премьер едет к этому маньяку, вместо того чтобы совместно с другими союзниками ударить кулаком по столу и сказать: довольно... Возникает, конечно, вопрос, который дебатруется и по сей час – можно ли было действительно сказать Гитлеру – довольно. Многие говорят, что да. Ссылаются на неудовлетворительное положение дел в Германии. Говорят, в случае опященного такого "довольно" военное начальство в Германии могло бы даже посягнуть на свободу Гитлера и его ближайших коллег, если бы они не вняли окрику союзников и свергли бы страну в военную авантюру. Кто это может знать?.. Возник затем вопрос о так называемом предательстве. Слово это усиленно произносилось даже в среде кабинета одновременно с выражениями убеждения, что престиж Англии бесповоротно потерян со всеми вытекающими отсюда последствиями. Тем временем в самом населении начали проявляться так называемые пораженческие настроения. При виде хвостов, стоящих, чтобы получить маски, при виде траншей, при виде вообще всего того, что стало наблюдаться в Лондоне в смысле приготовления к войне, широкая публика, обыкновенные обыватели почувствовали, что если война действительно наступит, то она будет во много раз хуже последней, главным образом ввиду той роли, которую в современных войнах играет ныне авиация. Вот этот обыватель начал прятать свою британскую гордость в самый дальний карман и определенно першел на сторону Чемберлена, но повторяю: все без исключения переживали эти поездки британского премьера к Гитлеру определенно тяжело. Сложность чувств была все время налицо. Но чем дальше, тем больше обыкновенные люди начинали не столько бояться войны, сколько определенно ее не желать. Многие говорили мне: конечно, хорошо было бы избежать войны, ибо она будет ужасной и может стать просто фатальной для всего мира, но если придется воевать... жест моих собеседников был совершенно ясен. Англичане пошли бы драться едва ли не с большим озлоблением, чем они это сделали в прошлую войну. Но опять-таки параллельно с этими настроениями шли толки о том, что Англия не подготовлена, что у нее не имеется настоящего полководца, что армии, строго говоря, не имеется, и т.п. Создавалось некое гигантское коловращение умов. Тем временем Чемберлен продолжал свои усилия. Громадную активность проявлял здесь здешний новый американский посол Кеннеди⁵², который чуть ли не участвовал в заседаниях кабинета, до такой степени часты были его появления на Даунинг-стрит⁵³. Выступления Рузвельта несомненно были подсказаны ему послом здесь, человеком в высшей степени талантливым и деятельным. Возвращение Премьера из Годесберга⁵⁴ было тяжелым испытанием для всех, и все казалось потерянным.

Кстати, чтобы не забыть об американцах: какую-то роль во всем этом сыграл небезызвестный американский летчик полк[овник] Линдберг⁵⁵. Он проживает в английской провинции уже года три. О нем мало было слышно, как вдруг обнаружилось, что он полетел в Москву. Он побывал затем и в Праге. По возвращении сюда в газетах появились его интервью, в которых говорилось, что он якобы в восторге от советской авиации и т.д. Между тем позднее стало обнаруживаться, что в этих интервью не было ни слова правды и что, наоборот, Линдберг чрезвычайно критически отнесся к советской авиации. Обнаружилось также, судя по его словам, что никаких советских бомбовозов в Чехословакии не оказалось и что затея эта просто невозможна ввиду неподготовленности Советов к такого рода сложной операции. В общем стало

⁵² Кеннеди Джозеф Патрик (1888–1969) – крупный американский предприниматель и банкир, отец президента США Джона Кеннеди; член Демократической партии США, в 1938–1940 гг. – посол США в Великобритании.

⁵³ Даунинг-стрит – резиденция премьер-министра Великобритании в Лондоне.

⁵⁴ Годесберг – резиденция Гитлера в Баварии.

⁵⁵ Линдберг Чарльз Огастес (1902–1974) – американский летчик, который в мае 1927 г. первым в мире пересек Атлантический океан в одноместном самолете, пролетев по маршруту Нью-Йорк – Париж.

выясняется, что на содействие в возможном конфликте Советской России надеяться не следует. Мне припоминается, что я писал Вам, что при одном из последних моих посещений французского посольства советник посольства Камбон сказал мне с большой горечью: "О, если бы Россия была нормальным государством!..". Вернувшийся сюда лорд Ренсиман⁵⁶ в доверительных беседах высказывал категорическое мнение, что сожительство чехов с немцами совершенно невозможно и что драстические меры в этом смысле необходимы. Небезынтересно, однако, отметить, что глава судетских немцев Генлейн⁵⁷ в 1935 году, читая доклад в здешнем институте международных дел, категорически отмежевывался от политики Рейха⁵⁸ и критиковал в самых недвусмысленных выражениях гитлеровский пангерманизм. Против отчуждения судетских областей от Чехословакии он определенно высказывался. Все это имеется в протоколе заседания. Как он затем изменил свой взгляд – всем известно?

Из газет Вам известно, что произошло в результате поездки Чемберлена в Мюнхен. Член парламента г. Гарольд Никольсон⁵⁹, сын бывшего посла в Петербурге, и один из наиболее выдающихся ныне в Англии писателей и публицистов, описывая то, что происходило в парламенте, когда премьер произносил свою речь и когда сэр Джон Саймон⁶⁰, дернув его за фалду, передал ему приглашение Гитлера собраться на конференцию в Мюнхене, использовал выражение "массовая истерика"... По-видимому, это так и было. Все парламентские манеры были позабыты, и овации по адресу Чемберлена приняли характер какой-то неистовости. Многие даже плакали, поощряемые к этому вдовствующей королевой. Обыкновенно сдержанный лорд Галифакс⁶¹ буквально вопил, потрясая молитвенником, который он всегда с собой носит. Что творилось среди публики на галерее – не поддается описанию. Старожилы говорят, что по правилам палаты общин надлежало вывести всех нарушителей тишины, но и сторожа приняли участие в манифестации, и получилось действительно нечто истерическое. Социалисты вначале вели себя сдержанно, но и они в конце концов приняли участие в манифестациях, заразивших общим настроением. За все время кризиса позиция их была неопределенной. "Чтобы добиться продолжительного мира, не следует сдаваться угрозам". Следовательно, нужно воевать? Но воевать в самом деле никто здесь не хочет. За последнее время англичане научились разбираться в чехословацкой проблеме и им стало ясно, что в своей внутренней политике чехи упустили многие возможности. Что вина не только на стороне немцев. И что, наконец, правильно ли препятствовать немцам войти в состав Рейха? И т.д. и т.д. Мне думается посему, что Чемберлен ныне очень тверд. Тверд, ибо он даровал англичанам мир, тогда как предложения и соображения оппозиции неясны. Говорят о новых выборах. Сомневаюсь, чтобы к этому была необходимость, оппозиция их не выиграет. По всей вероятности, никаких дальнейших потрясений здесь не произойдет. Поговорят еще, напишут ряд статей, а затем примутся за работу. Англичане не любят быть выбитыми из колеи. Возможность начать работать и зарабатывать – при мирной перспективе весьма улыбается англичанам. Биржа поправилась. Многие,

⁵⁶ *Рансимен Уолтер* – английский бизнесмен и политик, член британского парламента в разные годы, в т.ч. в 1924–1937 гг.; занимал также высокие правительственные посты, в августе–сентябре 1938 г. возглавлял английскую "посредническую" миссию в Чехословакии.

⁵⁷ *Генлейн Конрад* (1898–1945) – лидер нацистской партии в Судетской области Чехословакии, во время второй мировой войны был гауляйтером этой области, в мае 1945 г. покончил с собой в лагере военнопленных.

⁵⁸ *Рейх* – империя, государство (нем.); Третий рейх – название германского государства, которое было принято гитлеровским режимом.

⁵⁹ *Никольсон Гарольд (Джордж)* – английский историк, публицист, дипломат, участвовавший в работе Лиги наций; в 1935–1945 гг. – член британского парламента.

⁶⁰ *Саймон Джон Олсбрук* (1873–1954) – английский политический и государственный деятель, юрист; в 1931–1935 гг. – министр иностранных дел Великобритании, в 1935–1937 гг. – министр внутренних дел, в 1937–1940 гг. – министр финансов.

⁶¹ *Галифакс Эдуард Фредерик* (1881–1959) – английский политический и государственный деятель, дипломат; в 1938–1940 гг. – министр иностранных дел Великобритании.

вероятно, хорошо заработали. Вооружение будет продолжаться, так же как и приготовление к защите от воздушных нападений. Я убежден, что в настроениях англичан рытье траншей и газовые маски сыграли громадную роль. Траншеи эти и по сей час роятся в самых центральных местах города. Их даже усовершенствуют и стараются сделать более комфортабельными. Народ останавливается перед ними, смотрит в эти ямы и думает, что при всем их "комфорте" бежать в них в нижнем белье и тащить туда своих детей – перспектива более чем неприятная. Достаточно только прочитать те брошюры, которые рассылает МВД и в которых рассказывается, что нужно делать, чтобы обезопасить себя от разных газов, бомб, и проч., чтобы сделаться пацифистом, чтобы не сказать – поддаться обыкновенному чувству страха. Все мы люди, и все человеки...

Вчера я целый час гулял с одним чешским журналистом, которого зовут доктор Миша Папирник. Странные у чехов фамилии!.. Он говорил мне: Бенеш⁶² должен уйти, здешний чешский посланник Масарик⁶³ также должен уйти. Нам нужно начинать новую жизнь. Затруднений масса. Что делать с массой беженцев, германских социал-демократов, евреев? Что делать с громадной армией, с высококвалифицированными офицерами? Сколь ни грустно, но придется, вероятно, подумать об установлении более близких отношений с немцами. Ничего не поделаешь... Боюсь, что как вполне самостоятельное государство мы более существовать не можем. Преданные союзниками, окруженные немцами и государствами, которые естественно войдут в германскую орбиту, нам ничего другого не остается, как сблизиться с немцами. Озлобление против Франции колоссальное, говорил мне г. Папирник. Ультиматум мы получили ведь не от Гитлера, а от французов и англичан. И в какой форме все это было проделано. А теперь англичане бросают нам в виде утешения десять миллионов фунтов стерлингов, в то время как по настоянию тех же англичан и французов мы истратили 30 миллионов фунтов на укрепления. Г-н Папирник говорил с большим огорчением.

Тот факт, что представитель России отсутствовал на конференции в Мюнхене, объясняется здесь тем соображением, что на собрание это было совершенно невозможно пригласить советского... кого? Литвинова?.. Сталина?.. Калинина?.. Ни Гитлер, ни Муссолини с этими деятелями за один стол не сели бы. Но помимо этого в отношениях между Майским⁶⁴ и здешним министерством иностранных дел обнаружился какой-то холодок: Майский вернулся сюда два месяца тому назад, и за все это время он видел лорда Галифакса всего лишь ОДИН РАЗ. Это официально, и это в такой ответственный период времени?

Искренне Ваш
САБЛИН.

За нач МН ОТДУ отдела ГУКС НКВД
ст. лейтенант госбезопасности
(Гудин)

Архив СВР России, д. 16872, т. 4. л. 535–546.

⁶² Бенеш Эдуард (1884–1948) – чехословацкий политический и государственный деятель, дипломат; в 1935–1938 гг. – президент Чехословакии.

⁶³ Масарик Ян (1886–1948) – чехословацкий политический и государственный деятель, дипломат; в 1925–1938 гг. – посланник Чехословакии в Великобритании.

⁶⁴ Майский Иван Михайлович (1884–1975) – советский дипломат; в 1932–1943 гг. – полномочный представитель (с 1941 – посол) СССР в Великобритании.

15. В.А. МАКЛАКОВ – Е.В. САБЛИНУ

Париж, 10 октября 1938 г.

Дорогой Евгений Васильевич,

Спасибо Вам за Ваше письмо, на которое отвечу только несколько слов по недосугу.

Я думаю, что все то, что переживали в Англии, мы переживали здесь в гораздо большей степени, в случае войны Англия меньше была угрожаема, а может быть, была бы и более готова. Но главное дело не в этом. Я боялся войны, и не только потому, что она влекла за собой совершенно неисчислимые жертвы и опасности, а потому, что главной опасностью я считал то, чего нет в Англии – последствия большевистской тактики, перевод внешней войны в гражданскую. Нисколько не сомневаюсь, что большевикам никакого дела не было до Чехословакии, а что для большевизации Европы им представлялся такой же редкий шанс, каким была и великая война 14 года. И выдержать одновременно две войны – внутреннюю и внешнюю – Франции было слишком трудно. Вот этой крайности у Вас, насколько я понимаю, в Англии бы не было.

Но у нас, к несчастью, и другая крайность, которой, думаю, что у Вас тоже не было, а именно ставка на Гитлера. Чтобы сейчас ни начинало писать проклятое "Возрождение", но их позиция вначале была совершенно ясна; так как Гитлер противник большевиков, то он наш герой; победа его над Чехословакией есть победа над большевизмом. Вовлечение других стран в орбиту Германии – есть тоже победа над большевизмом, а если она в результате с помощью русской Украины пойдет на Россию, то это тоже будет избавление России. Конечно, ясно этого говорить не смели, но, к сожалению, это настроение так распространено, что оно меня приводило в положительный ужас. Вот Вы могли написать министру внутренних дел и заверить его, что все русские беженцы готовы Англию поддержать; я не мог бы этого сделать от имени всех. Не хочу Вам рассказывать подробностей, но в этом мне пришлось на практике убедиться. А затем сейчас перед Россией открываются такие опасности, против которых я защиты уже не вижу. Но это все показывает, в каком безвыходном положении были мы. Ясно и последовательно могли быть только два фланга: те, которые забыли Россию из ненависти к большевизму, и те, которые хотели взрыва всей Европы. Люди направления Миллюкова, которые толкали к войне, бессознательно играли на руку большевизму. А мы, которые радовались миру, хотя бы ценой и полной гитлеровской победы, мы тоже бессознательно и пассивно лили воду на мельницу наших гитлерян. Во всем этом и была наша настоящая трагедия. Сейчас ясно одно: все старые связи не только ничего не стоят, но, пожалуй, будут минусом; ясно, что Чехия хотя она во многом сама виновата, но может предпочесть дружбу с Гитлером, чем с Англией и Францией. Теперь наступает момент заключения нового мира, как было в 19 году; тогда мы этого не сумели, испортили мир излишеством требований, сумеем ли мы его теперь заключить и не повторят ли тоталитарные страны нашей ошибки, предсказать не может никто.

Позвольте мне указать на Вашей 6 стр. в конце, что перемена позиции Генлейна нисколько меня не удивляет; в 35 году проповедь самоопределения, а тем более отчуждения считалась простой изменой; ничего мудреного нет, что он высказываться так не посмел, даже если и тогда так думал. Вообще не забывайте, что на слово людям верить нельзя и что политика основана на лжи. Но всегда можно разобрать, с какого момента человек начинает или перестает лгать.

России угрожает от Германии и близкий, и далекий удар. Близкий – это удар на Украину, в союзе с Польшей; а далекий – это германизация того, что осталось от Турции и окружение России немецким кольцом; конечно, слопать Россию им не удастся, но лишить ее всякого великодержавного значения – вовсе не трудно.

АРХИВ СВР России, д. 16872, т. 4, л. 531–533.

16. Е.В. САБЛИН – В.А. МАКЛАКОВУ

Лондон, 17 апреля 1939 г.

Дорогой Василий Алексеевич,

Когда президент Рузвельт вопрошает г.г. Гитлера и Муссолини, готовы ли они обещать не нападать на тридцать государств, президентом упоминаемых⁶⁵, то остается лишь воскликнуть: о темпора, о морес... В самом деле, до чего мы дожили... Документ президента задуман хитроумно, и, как мне передавали из весьма осведомленного источника, соображения, в нем заключающиеся, подсказаны были г. Рузвельту его здешним послом г. Кеннеди, который, как я уже Вам неоднократно писал, играет здесь очень большую роль. Его посещения лорда Галифакса и премьера у всех здесь на виду. Небезынтересно отметить, что конец недели, совпавший с выступлением г. Рузвельта, ознаменовался приглашением г. Кеннеди к королю и королеве в Виндзор, откуда вместе с г. Чемберленом суверены и американский посол ездили осматривать новые бомбовозы и приспособления против воздушных нападений. Одним словом, отношения между Соединенными Штатами и Великобританией не оставляют желать лучшего. Другой вопрос – что получится в результате выступления президента? Об этом мы узнаем через несколько томительных дней. Судя по отзывам германской печати, ничего доброго пока предвидеть нельзя. Тон этой печати дерзок и полон самых непоправимых передержек. Но это в порядке вещей. Но фюреру и дуче придется все же призадуматься, ибо ответственность их в случае неудовлетворительного ответа Рузвельту окажется весьма значительной. На это и рассчитывал президент, составляя свое историческое послание.

Тем временем здесь напрягают все усилия к тому, чтобы договориться с Советами. Вчера ко мне зашел Бернард Иванович Пэрс⁶⁶ и сообщил, что правительстве обратилось к нему с просьбой сделать сообщение по радио на тему "Безопасность и Россия". Сообщение это будет сделано сегодня вечером в 9.25. Пэрс подтвердил мне, что здешние власти во что бы то ни стало желают добиться каких-то договорных отношений с Россией. Он указал мне, между прочим, на те сведения, которые заключаются о военной мощи России в только что опубликованной брошюре неизвестного, но в высшей степени компетентного автора, который изучает вооруженные силы европейских государств. По мнению автора, Россия в настоящий момент является наиболее могущественным военным государством в мире. Непобедимость и действительность русских армий якобы не подлежат никакому сомнению. Численность русских вооруженных сил феноменальна и такова же "индустриальная база", т.е. снабжение. Россия, согласно брошюре, обладает десятью тысячами танков. Ее воздушный флот достигает цифры в 17 000 аэропланов. Этим пренебрегать невозможно, говорил Пэрс. Я заметил ему, что все это кажется мне сильно преувеличенным, что я не отрицаю большой численности человеческого материала, но что меня беспокоит вопрос оборудования, снабжения и т.п., имея в виду советское головоотяпство. Он уверил меня, что головоотяпство действительно процветает во многих отраслях советского хозяйства, но что в армии его нет. Таково якобы мнение экспертов. Мне осталось либо сказать, что, конечно, английские эксперты должны быть лучше осведомлены нас, беженцев, но что я все же боюсь сюрпризов. Посмотрим, что будет говорить сегодня Пэрс.

⁶⁵ 14 апреля 1939 г. президент США Ф. Рузвельт обратился к Гитлеру и Муссолини с призывом, чтобы они дали гарантии не нападать на 30 европейских государств, главам которых были направлены копии этого призыва. Гитлер, в свою очередь, запросил указанные государства, чувствуют ли они угрозу нападения со стороны Германии, и предложил им заключить договоры о ненападении. Большинство государств ответили, что они такой угрозы не чувствуют.

⁶⁶ Пэрс Бернард (1867–1949) – английский историк и филолог, профессор русского языка, литературы и истории, автор книги "Падение русской монархии", изданной в Лондоне в 1939 г.

Вчера у нас пил чай Владимир Кириллович⁶⁷... Должен Вам сознаться, что он произвел на меня очень хорошее впечатление. Он вернулся вчера вечером на свой завод после одной недели пасхальных каникул в Сан-Бриаке⁶⁸. Подробно рассказывал про свою жизнь на заводе. Живет в скромной английской семье, в одной комнате. Встает в шестом часу утра. Работает восемь с половиной часов в день. По рукам видно, что работа нелегкая. Говорит, что вполне счастлив. Что рабочие – очень милый народ, по вечерам играет в клубе в разные игры. Одному присутствовавшему при разговоре лицу сказал: "Я думаю, что в общем интереснее работать на этом заводе, чем вращаться в кругу тех, которых Вы именуете зубрами"... Так-с... Выглядит он отлично. Немного похудел и похорошел. Думает пробыть на заводе с год. На вопрос: "Ну, а затем..." ответил: "А затем могу очутиться на другом заводе, мало ли здесь заводов". Никаких политических вопросов не касался, да они, по-видимому, его и не интересуют. Если сравнить его жизнь в английской провинции с жизнью прочих Романовых – сыновей Ксении Александровны⁶⁹, – жизнью беспутной, то нельзя не почувствовать к Владимиру Кирилловичу чувств не только симпатии, но и уважения. Ибо в самом деле то, что он ныне делает – это подвиг. Он ни на что не жаловался. Наоборот. Находил свою нынешнюю среду чрезвычайно симпатичной. Доволен отвратительной английской кухней и холодной спальней с бумажными простынями вместо полотняных. А вот Дмитрий Павлович⁷⁰ не одобряет этого завода. "Дурак, Владимир, – сказал мне Дмитрий Павлович (так и сказал), – если он думает, что ему пригодятся эти "вонючие" винты моторов..." Почему прежде всего должны быть "вонючими" винты моторов? И во вчерашнем письме ко мне тот же Дмитрий Павлович пишет: "Продолжает меня смущать вопрос о Владимире Кирилловиче, и если когда-либо и как-нибудь Вам представится возможность превратить его из студента-механика в студента политических наук и познаний, не премините употребить к этому все Ваши усилия..." И далее, касаясь последнего манифеста Владимира Кирилловича, по поводу которого я послал прилагаемую при сем телеграмму Андрею Владимировичу⁷¹, Дмитрий Павлович написал так: "Уши вянут, голова болит от нового усилия г. Графа⁷²... пасхальное обращение главы императорского дома. И откуда оно, с... Ламанша... Благодарю Вас, я уже смеялся..." Да, обращение вышло неудачным, и тут Владимир Кириллович ни при чем. Это Граф все состряпал, а молодой принц подмахнул. И посему продолжаю думать, что по нынешним временам уединение для Владимира Кирилловича – наилучшая политика. И он также думает. Тем лучше.

Ваш Е. Саблин.

Сов. секретно

17. В.А. МАКЛАКОВ – Е.В. САБЛИНУ

Париж, 9 января 1940 г.

Дорогой Евгений Васильевич,
Вам Я.Л. Р[убинштейн]⁷³ говорил уже про мою записку; посылая ее Вам, исключительно для Вашей информации и не столько русского вопроса, в котором мне учить Вас нечему, сколько для информации о здешних настроениях, в которых я вижу большую опасность. Настроения эти не столько правительственные, сколько общест-

⁶⁷ Владимир Кириллович (1917–1992) – сын Кирилла Владимировича, двоюродного брата царя Николая II; претендовал на роль главы российского императорского рода.

⁶⁸ Сан-Бриак – резиденция Кирилла Владимировича во Франции.

⁶⁹ Ксения Александровна (1875–1960) – великая княгиня, сестра царя Николая II.

⁷⁰ Дмитрий Павлович (1891–1942) – великий князь, двоюродный брат царя Николая II.

⁷¹ Андрей Владимирович (1879–1956) – великий князь, двоюродный брат царя Николая II.

⁷² Граф Г.К. – адмирал, придворный великого князя Владимира Кирилловича.

⁷³ Рубинштейн Я.Л. – адвокат, член Административного совета Нансеновского комитета, заместитель представителя эмиграции в совещательном комитете по беженцам при Лиге наций.

венные и выражаются в прессе, до сих пор они на правительство не повлияли. Лучшее доказательство, что правительство не разорвано с Советами. Лично я этому очень радуюсь, но должен признаться, что "патриотическая" часть эмиграции смотрит на это иначе. Там думают, что это было бы шагом для свержения Советов. Я лично считаю вне всякой реальности предположение о войне с Россией для низвержения советской власти и восстановления прежней России, если такая война будет, то фактически поведут ее те, кто хочет еще чем-нибудь от России поживиться. Будет война не с Советами, а с Россией. А эти перспективы сделают то, что СТАЛИН может совершенно сойтись с Германией и, что еще хуже, Германия покажется защитницей национальных интересов России против союзников. И будет эта ложь горче первой. Говорю это затем, чтобы объяснить Вам смысл этой записки, которая писалась не только с легкомысленной надеждой кого-то переразубедить, но просто как моральный долг. Но у меня к Вам большая просьба. Не делайте этой записке никакой публицити, я не хочу, чтобы здесь знали, что они получили распространение. Если хотите – можете высказывать эти мысли, но никак не от меня. Я пока еще связан джентльменским соглашением эту записку не "пуссе".

Поздравляю с Новым годом и Вас и Надежду Ивановну, но хорошего от этого года не жду.

Верно:
Зам нач 5 отдела ГУГБ НКВД
(СУДОПЛАТОВ)

Архив СВР России, д. 22848, т. 2. л. 1–2.

Сов. секретно

18. В.А. МАКЛАКОВ – Е.В. САБЛИНУ

Париж, 14 февраля 1940 г.

Дорогой Евгений Васильевич,

Мне очень досадно на Вас, что, несмотря на все мои понуждения и устные и письменные, Вы мне ничего не писали. После двухнедельной температуры я чувствую себя очень ослабленным, но не хочу откладывать ответа, тем более что Ваше письмо обнаруживает много взаимного непонимания.

Я не предназначал своей записки для англичан, о чем, кажется, Вам писал. Она просто информационная для Вас. Но если бы французы мне задали те вопросы, которые Вы ждете от своих англичан, я бы знал, что им ответить.

Да, французы недалеко от того, чтобы оказывать "моральную поддержку" СТАЛИНУ, когда, как и в прошлом, они опять не отвергают мысли о расчленении России ради "восстановления" Польши и, обличая русский "империализм", заигрывая с нашими сепаратистами, грозят России "независимостью" Украины, Кавказа, Прибалтийских губерний и т.п. Эта политика, хотя бы словесная, есть моральная помощь СТАЛИНУ, оправдание его сближения с Германией. Пусть это делает не правительство, а политические деятели и пресса – эта атмосфера русофобства, которую мы переживаем здесь, есть помощь СТАЛИНУ.

И это первое, что я им говорю и ради чего я писал записку. Я рад, что Министерство иностранных дел эти намерения отрицает, и, думаю, искренне, и в этом я хочу его укрепить и считаю, что это наш долг.

Теперь какой "практический" совет им дать, какой "конструктивный" план? Смешно спрашивать об этом эмиграцию, и эмиграция была бы смешна, если бы стала на такие вопросы отвечать. Но, конечно, она никогда не дала бы тех советов, которых от нее у Вас как будто ждут. Тут я с Вами согласен и только дивлюсь, что, прочтя мою записку, Вы этого не увидели.

Конечно, я против войны с Советами, ибо это война с Россией, и против разрыва дипломатических сношений с ними, ибо это ход к войне. Надо было быть младенцем, чтобы заподозрить, что союзники пойдут воевать с Россией, чтобы сбросить Советы – крестовый поход против Советов. В такой войне смогут участвовать только враги России, а не Советов, и потому мы с ними не пойдём. И если я говорю, что для успокоения Европы должна сгнуться не Россия, а Сталинская Россия, то это и значит, что я не хочу войны Европы с Россией: низвержение СТАЛИНА есть дело самой России. Необходимо только одно, чтобы союзники морально его не поддержали в России, сделав его и ГИТЛЕРА защитниками национальных интересов России против союзников.

И я только рад, что в здешнем Министерстве Иностранных Дел положительно утверждают, что ни о войне с Советами, ни о разрыве с ними нет помышлений. Но зато Ваше долгое молчание порождает всякие сплетни; мне говорили, будто у Вас в форейн-оффис есть план участия русских в войне с Россией под начальством Туркула⁷⁴ и будто Вы сторонник этого плана? Рад, что это не вяжется с Вашим письмом.

Моего несочувствия войне с Россией и я не скрываю, но по секрету скажу Вам другое.

Да, не будет порядка, пока будет советская власть, свержение ее – дело русских, не иностранцев. Даже едва ли эмиграции; никаких планов для этого нет. Если свержение произойдет, то изнутри. Теоретически я этого не отрицаю, однако вовсе не вижу, как это произойдет и кто будет избавителем. И пока я этого не вижу, я и не тороплюсь с падением власти Советов. Ибо, если она только падет и наступит анархия, то и произойдет то, что я считаю главной опасностью, разделение России на части. Ибо смешно думать, что появится в эмиграции какой-то Национальный Комитет, который создаст правительство и т.д. Вот почему я против всяких авантюр этого рода, всякой суеты и форсирования событий.

Конечно, я не могу спорить с теми англичанами, кто ненавидит Россию и хотели бы ее раздробить как Австрийскую Империю или Турцию. Но таким любителям я привожу один аргумент, который считаю правильным. Всякое расчленение России в последнем счете пойдет на пользу Германии, куски России она подберет. Ну тогда Германия будет настолько сильна, что вся Европа станет германской. Если англичане этого хотят – это дело их вкуса.

Вот смысл моей записки для французов. Это не обвинительный акт против прошлого. Они прошлое повторяют. И поскольку они его повторяют, ненависть к России, мои аргументы относятся и к настоящему.

Но у меня закружилась голова. Всего хорошего. Не молчите.

П.С. Моя слабость не позволяет мне развить мою мысль об опасности преждевременного падения Советов. Ее легко принять за большевизанство. Потому я Вас прошу пока оставить ее между нами. Она более всего направлена против создания здесь беспочвенных правительств и комитетов. Таким легкомыслием мы можем лишь компрометировать свое дело.

(подп.) В. МАКЛАКОВ.

Зам нач 5 Отдела ГУГБ НКВД
(СУДОПЛАТОВ).

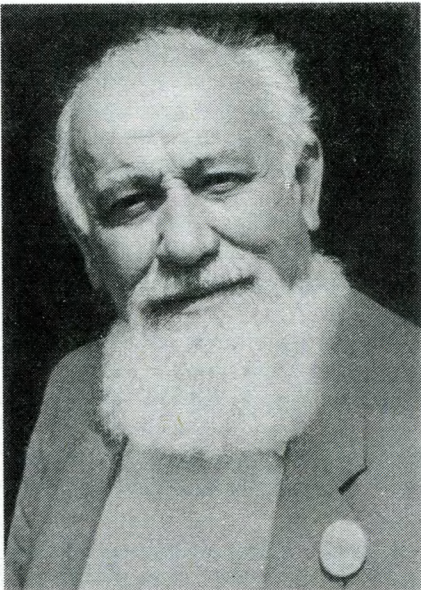
Архив СВР России, д. 22848, т. 2. л. 43–46.

⁷⁴ Туркул А.В. – офицер царской армии; в 1920 г. – генерал-майор Русской армии, с остатками которой эмигрировал в Турцию; в эмиграции участвовал в деятельности РОА.

© 1997 г.

Я. С. ДРАБКИН

ПАМЯТИ ЛЬВА КОПЕЛЕВА (1912–1997)

Суета сует, сказал Екклесиаст...
Всему свое время,
и время всякой вещи под небом.
Время родиться и время
умирать.
(Еккл. 1:2; 3:1,2)

Тяжелое известие пришло из Кёльна: 18 июня 1997 г. окончил свой жизненный путь большой ученый, всемирно известный мыслитель-гуманист, литературовед, историк и культуролог, писатель и публицист, неутомимый пламенный воитель за искреннее взаимопонимание между народами. Остановилось сердце человека огромного ума и многогранного таланта, чье слово в последние годы было весомо для всех, кто хоть однажды его слышал и видел, чьи глаза излучали мудрость и доброту¹.

На соратников и друзей Льва Копелева ложится гигантской трудности задача: осмыслить масштаб понесенной утраты, попытаться достойно оценить огромность его вклада в сокровищницу мировой культуры, а – самое главное – сохранить и в меру сил продолжить хотя бы некоторые дела его жизни, оставшиеся незавершенными. Он успел сделать чрезвычайно много, ибо жил, горя и зажигая. Круг его общения у нас и за рубежом, особенно в Германии, был колоссален, его благотворное воздействие на окружающих было поразительным. Жгучий вопрос ныне заключается в том, как и что

¹ В статье частично использовано мое "Слово о Копелеве". См.: Копелевские чтения 1995 г. Россия и Германия: диалог культур. Липецк, 1996, с. 14–26.

можно сделать, чтобы этот широкий круг людей, знавших живого Копелева, не рассыпался на атомы, а соединенными усилиями помог осуществить его великий замысел. Ядро его, если я правильно понимаю, заключалось в том, чтобы собрать некий литературный (и не только) тезаурус накопленной веками народной мудрости россиян и немцев, дабы он действительно служил вечно живому и животворному диалогу двух культур. Речь идет прежде всего о грандиозном "Вуппертальском проекте".

Замечу, однако, сразу, что Льва Копелева, которому обеспечено место в ряду великих гуманистов нашего бурного столетия, волновало прошлое и будущее, разумеется, не только этих двух народов, противоречиво связанных причудами исторических судеб. Его интересы и чаяния были поистине мировыми, вселенскими. Но так уж сложилась его личная юдоль, что он жил и умер гражданином двух государств – России и Германии. И именно они прежде всего обязаны хранить его память и обеспечить продолжение его дела.

Так называемый "Вуппертальский проект" – это многоплановое исследование, уже 15 лет осуществляемое в Бергском университете в Вуппертале. Посвящено оно "западно-восточным отражениям", иначе говоря, тысячелетним российско-германским духовным и культурным связям. В центре внимания – образование у обоих народов "образа чужого" и осознанная ныне многими необходимость преодоления связанных с этим предрассудков, и особенно "образов врага". Состоит издание из двух серий книг: (А) "Русские и Россия глазами немцев", (Б) "Немцы и Германия глазами русских". Вышли уже шесть больших, великолепно изданных, богато иллюстрированных томов; еще четыре находятся в работе.

Эпиграфом к изданию Копелев поставил глубокую мысль Гёте: "Мы повторяем, что не может быть и речи о том, чтобы нации думали одинаково; они должны только, сознавая себя, видеть одна другую, и, если они не могут взаимно любить друг друга, то по меньшей мере должны учиться быть терпимыми"².

Лев Копелев, живя в Кёльне, все эти годы вдохновлял и сплывал собранный им немецко-русский коллектив авторов, внося в его работу гигантский личный творческий вклад. "Наша задача, – написал он во введении к первому тому в 1988 г., – скромна: мы хотим познать и познанное объективно описать; мы хотим объяснить, чтобы просвещать. Наша цель проста: разбудить понимание человека человеком и народа народом. Эта цель всегда достигалась лишь временно, в благоприятный миг истории.

² West-östliche Spiegelungen. Herausgegeben von Lew Kopelew. Russen und Rußland aus deutscher Sicht und Deutsche und Deutschland aus russischer Sicht von den Anfängen bis zum 20. Jahrhundert. Wuppertaler Projekt zur Erforschung der Geschichte deutsch-russischer Fremdenbilder unter der Leitung von Lew Kopelew. Reihe A. Bd. 1: 9–17. Jahrhundert. Hrsg. Mechthild Keller. München, 1986, S. 14;

Reihe A. Bd. 2. Russen und Rußland aus deutscher Sicht. 18. Jahrhundert: Aufklärung. Hrsg. Mechthild Keller. München, 1987;

Reihe B. Bd. 1. Deutsche und Deutschland aus russischer Sicht. 11–17. Jahrhundert. Hrsg. Dagmar Herrmann. München, 1988;

Reihe B. Sonderband: Deutsche und Deutschland in der russischen Lyrik des frühen 20. Jahrhunderts. Hrsg. Dagmar Herrmann, Johanne Peters. München, 1988. Этот изданный в удешевленном оформлении специальный том был посвящен русской лирической поэзии начала XX века и имел целью привлечь внимание немецкой общественности к Вуппертальской серии. Л. Копелев в предисловии аттестовал русских поэтов как свидетелей своего времени, а в предисловии отметил, что эпиграфом к их творчеству могло бы служить признание Пушкина:

Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я свободу
И милость к падшим призывал.

В сборник вошли, кроме вступительных статей Л. Копелева, Е. Эткинда и немецких авторов, стихотворения на русском языке (и их немецкие переводы) Анны Ахматовой, Эдуарда Багрицкого, Андрея Белого, Владислава Ходасевича, Владимира Набокова, Николая Эляшова, Александра Блока, Валерия Брюсова, Саши Черного, Марины Цветаевой, Николая Гумилева, Владимира Маяковского, Сергея Третьякова, Семена Кирсанова, Осипа Мандельштама, Бориса Пастернака, Максимилиана Волошина;

Reihe B. Bd. 2. Deutsche und Deutschland aus russischer Sicht. 18. Jahrhundert: Aufklärung. Hrsg. Dagmar Herrmann, Karl-Heinz Korn. München, 1992;

Reihe A. Bd. 3. Russen und Rußland aus deutscher Sicht. 19. Jahrhundert: Von der Jahrhundertwende bis zur Reichsgründung (1800–1871). Hrsg. Mechthild Keller. München, 1992.

На каждое поколение ложится забота всякий раз снова стремиться к взаимопониманию и добиваться его длительности"³. Как же пришел Копелев к такому неординарному замыслу?

ГОДЫ УЧЕНИЧЕСТВА

Биография Льва Зиновьевича Копелева довольно типична для его времени. Родился он 9 апреля 1912 года в Киеве в семье земского агронома. Учился в школе в Киеве, затем в Харькове. В 16 лет началась с самых низов его трудовая жизнь. Он был разнорабочим, учеником токаря, а потом им на всю жизнь завладела страсть к культуре. Он и здесь шел снизу: преподавал в школе малограмотных, был сотрудником редакции заводской многотиражки Харьковского паровозостроительного завода. В 1933 году он уже студент философского факультета Харьковского государственного университета, а через два года в Москве, куда переехал с родителями и женой Надеждой Колчинской, – студент немецкого факультета Московского педагогического института иностранных языков.

В предвоенные годы Лев Копелев – аспирант и преподаватель Московского института истории, философии и литературы (МИФЛИ имени Чернышевского), из которого вышли многие талантливые писатели, поэты, литературоведы. Накануне войны, в мае 1941 года, он защитил кандидатскую диссертацию на примечательную тему: "Драматургия Шиллера и проблемы буржуазной революции". Едва началась Великая Отечественная война, он устремился на фронт. Великолепное знание им языка, истории, культуры Германии было востребовано неожиданным для него образом и сделало Копелева оптимально подготовленным к совершенно новой деятельности – фронтовой работе среди войск противника.

СТРАДА ВОЕННАЯ И ПОСЛЕВОЕННАЯ

В августе 1941 года судьба свела нас в Новгороде в штабе Северо-Западного фронта, и пути наши не раз сплетались. Помню, первым разочарованием было для Копелева то, что он собирался воевать, "бить немца", а его засадили перебирать и писать "бумажки". Вторым – то, что ему, как беспартийному, присвоили воинское звание не командное, не политработника, а... интенданта. Впрочем, вскоре он стал "нормальным" майором. Работа, как говорили тогда, по "разложению войск противника" была делом сложным и первое время совсем неблагодарным. Она требовала не только знания языка и литературы, но также понимания чуждой психологии немцев, умения вести с военнопленными разговор о войне и жизни. Задача была и в том, чтобы идейно перевоспитать тех, кто способен был воспринять доводы разума. Еще важнее и труднее было систематически убеждать противника по ту сторону линии фронта, что ему надо не воевать, а сложить оружие и сдаться в плен.

Надо сказать, что в начале войны мы всего этого не умели, наша пропаганда была примитивна и не доходчива. Так, где-то вблизи границы были выставлены плакаты: "Немецкий солдат! Остановись, ты вступишь на землю рабочих и крестьян. Свергай Гитлера, переходи к нам". Мы действительно не представляли себе, насколько оболванила нацистская идеология некогда культурный немецкий народ, или, вернее, тот идеализированный народ, о котором мы читали в школе и судили по произведениям классиков литературы и искусства. А немецкий солдат шел завоевывать себе "жизненное пространство на Востоке". Он презирал живущих в бедности "неполноценных", как ему внушили, "недочеловеков" и без угрызений совести разрушал, убивал, насиловал... В дальнейшем многое изменилось: мы стали осмотрительнее и умнее, наша пропаганда – доходчивее. С другой стороны, и немцы, натолкнувшись на жесткий отпор, испытав тяжкие поражения, неся все большие потери, становились "понятливей".

³ Wuppertaler Projekt zur Erforschung der Geschichte deutsch-russischer Fremdenbilder unter der Leitung von Lew Kopelew. Reihe A. Bd. 1, S. 34.

Именно на этом поприще развернулся присущий Копелеву талант литератора, агитатора и неистощимого выдумщика. Фронтные листовки, написанные им, собраны в приложении к книге, содержащей телевизионный диалог Копелева и немецкого писателя Генриха Бёлля⁴. Они дают представление о специфике этой работы. Это, пожалуй, лучшие из тех листовок, которые распространялись нами среди немецких солдат через линию фронта. Отличались они тем, что были конкретными, опирались на факты, ставшие нам известными из допросов военнопленных, в них использовались трофейные материалы, попавшие в наши руки, обращались они непосредственно к солдатам тех воинских частей, которые противостояли нам на данном участке фронта. Некоторые Копелев писал немецкими стихами, а художник Иван Харкевич иллюстрировал рисунками.

Приведу один лишь эпизод, характеризующий Копелева той поры. Тогда у него, разумеется, не было большой белой бороды, как на снимках последних лет. То был рослый приветливый брюнет в лихо сдвинутой набекрень пилотке с неотразимыми для женщин черными усами. У немецких военнопленных он получил прозвище "der schwarze Major" – "черный майор", которым гордился и с которым вошел в историю. В начале 1942 года на фронте севернее Новгорода разведчики вдруг обнаружили появление испанской "голубой дивизии". Это генерал Франко решил помочь Гитлеру и прислал ее на советско-германский фронт. Срочно нужно было обратиться к ее солдатам. Но кто мог немедленно написать обращение на испанском языке для передачи через мощную громкоговорящую установку (кстати, называвшуюся по первым буквам МГУ)? Конечно же Лев Копелев. Он все знал, все умел, несколько лет назад мечтал отправиться воевать в Испанию. И он быстро сочинил текст, сам прочитал его на переднем крае в микрофон. Самое любопытное, что через день пришел на нашу сторону перебежчик-испанец. Его спросили: слышал ли он звукопередачу? Он ответил: "Да-да, но только выступавший почему-то говорил по-португальски. Слов мы не поняли, но что нужно сдаваться в плен, до нас дошло..." Примечательно, что десятки лет спустя Копелев смог назвать мне фамилию перебежчика... И такое бывало.

Боевой путь Копелева характеризовался, конечно, не только такими эпизодами. Находясь на протяжении трех с половиной лет неотлучно в действующей армии, он прошел с войсками Северо-Западного, а затем 2-го Белорусского фронта тысячи километров, участвовал во многих крупных военных операциях, не только сочиняя листовки и проводя звукопередачи, но и организуя посылку парламентариев в окруженные немецкие гарнизоны, что спасло немало жизней и наших и немецких солдат. Он проводил засылку освобождаемых военнопленных в немецкие тылы для ведения агитации за сдачу в плен. Когда политуправлением фронта была создана специальная антифашистская школа, в которой "переучивали" пленных солдат и офицеров вермахта, веселый и остроумный Копелев стал здесь любимым преподавателем.

Так продолжалось до тех пор, пока наши войска не вступили в Восточную Пруссию. При работе на передовой под огнем осажденного в Грауденце противника Копелев был в марте 1945 года контужен, отправлен в госпиталь. Но не это было самым худшим. Случилось нечто совершенно неожиданное: его арестовали. Копелев, человек откровенный, искренний, горячий, всегда возмущавшийся любой несправедливостью, увидел, как наши красноармейцы, не все конечно, но кое-кто, стали на немецкой земле мародерствовать, грабить, насиловать женщин. Потрясенный этим, он написал гневную докладную записку командованию, в которой говорилось, что так не может, не должна себя вести наша Красная Армия, армия-освободительница, армия, несущая на своих знаменах социализм.

А результат этого "крика души" был таков: в политуправлении фронта состоялось закрытое партийное разбирательство, на Копелева было заведено "персональное дело" и тотчас отправлено в "Особый отдел" – СМЕРШ. На этом "основании" он и был 5 апреля 1945 года в госпитале арестован, обвинен в "клевете на командование

⁴ Böll H., *Kopelow L. Warum haben wir aufeinander geschossen?* Bornheim-Merten, 1981.

Красной Армии" и "в подрыве морально-политического духа советских войск (?)". Ему приписали "систематические антисоветские высказывания, выразившиеся в защите немцев, в клевете на союзников, клевете на советскую печать и на советского писателя Эренбурга", а главное – "в пропаганде буржуазного гуманизма и жалости к противнику". Вот с такой формулировкой он был удален с фронта, с него сорвали погоны, долго таскали по тюрьмам. Московский военный трибунал приговорил его к трем годам заключения по статье 58-10. Затем было решение: "оправдать за полным отсутствием состава преступления. Из-под стражи освободить". Но потом оказалось, что освобождение – лишь "интермедия", и в октябре 1947 года ему по той же статье "дали десятку". Обо всем этом он сам подробно рассказал позднее в большой книге "Хранить вечно", вышедшей за рубежом в 1975 году, а в Москве лишь 15 лет спустя, в 1990 году⁵.

В ГУЛАГе Копелев повстречал и Солженицына, который в известной мере с него нарисовал портрет Цезаря в повести "Один день Ивана Денисовича", а потом изобразил его под именем Рубина в шарашке (пьеса "В круге первом"). Таким оказался третий период жизни Копелева, продолжавшийся почти 9 лет. Освобожденный в 1954 году, он был реабилитирован и восстановлен в КПСС только в сентябре 1956 года. За несколько месяцев до этого он женился на Раисе Давыдовне Орловой, крупном знатоке американской художественной литературы, переводчице и многолетнем редакторе журнала "Иностранная литература". Их семейное и творческое содружество оказалось исключительно благотворным.

"МЫ ЖИЛИ В МОСКВЕ"

Когда мы встретились после длительной разлуки, Копелев уже снова включился в педагогическую и литературную деятельность, преподавал на редакторском факультете Московского полиграфического института, читал курс истории зарубежной прессы, стал членом Союза писателей СССР, затем старшим научным сотрудником Института истории искусств, где занимался историей немецкоязычного театра и театроведением. Так как он не мог не сражаться за честь и совесть человека, он все активнее участвовал в идейной борьбе послесталинских лет.

Первая книга, которую он в это время написал, она увидела свет в 1962 году, была работа о "Фаусте" Гёте. Вводя читателя в многоликий мир бессмертных образов и мыслей великого поэта-мыслителя, Копелев раскрывал мир, где было право на сомнение и поиски, на ошибки и срывы, на свободную мысль и свободную страсть⁶. Я получил книгу с надписью: "Как первый сигнал возрождения старой дружбы. В надежде, что будем видеться чаще, и с самыми лучшими пожеланиями". В 1966 году в серии "Жизнь замечательных людей" вышла другая книга Копелева, на этот раз о нашем современнике – "Брехт"⁷. Он надписал мне: "Как напоминание о нестареющем фронтовом товариществе с искренней сердечной приязнью". А в постскриптуме добавил: "И чтоб прочел!". Для театра на Таганке Копелев перевел брехтовского "Галлилея". Вскоре он въехал в новую квартиру в кооперативе литераторов. В коридоре висел плакат: "Дом, который построил Брехт". Здесь всегда толпилось великое множество людей, которые говорили и громко спорили обо всем на свете.

И вот настал 1968 год. Год надежд на "социализм с человеческим лицом", навеванных событиями в Чехословакии, и год жгучего стыда за военную интервенцию, год начала новой волны репрессий. И снова Копелев в первых рядах. Он всем своим существом выражал негодование травлей интеллигенции, продолжал выступать за дружбу и взаимопонимание между народами, в том числе и с немцами, против которых в свое время воевал. Его исключили из КПСС и уволили из института, обвинив "в

⁵ Копелев Л.З. Хранить вечно. М., 1990. Эта книга вышла в Анн Арборе (США) в издательстве "Ардис" и в других странах на восьми иностранных языках в 1975 г.

⁶ Копелев Л. "Фауст" Гёте. М., 1962.

⁷ Копелев Л. Брехт. М., 1966.

соучастии в идеологических диверсиях". Фактически его преследовали как "подписанта" писем протеста против преследований инакомыслящих, в частности в защиту арестованных писателей Андрея Синявского и Юлия Даниэля, с которыми он был едва знаком. Еще через какое-то время Копелева исключили из Союза писателей, окончательно лишили возможности печататься, читать лекции, преподавать.

Его и Раису Орлову неоднократно приглашали приехать за рубеж читать лекции их друзья, известные писатели Генрих Бёлль, Лилян Хеллман, Марион Дёнхоф, университеты ФРГ и США. Но они отказывались, опасаясь, что их таким способом "выдворят" из страны. В начале 1980 года, после того как они оба подписали письмо протеста против высылки в Горький академика Андрея Сахарова, Орлову исключили из партии и Союза писателей. Назрела необходимость принять важное решение.

"МЫ ЖИЛИ В КЁЛЬНЕ"

В конце 1980 года в жизни Копелева началась новая полоса. Он принял предложение Генриха Бёлля приехать к нему в Кёльн на год для чтения лекций. Получив заверения на высшем уровне, что не будет препятствий для возвращения, Копелев с женой 12 ноября 1980 года вылетели в Германию, имея обратные билеты на 12 ноября 1981 года. Но ровно два месяца спустя Брежнев лично подписал указ о лишении обоих советского гражданства, притом с издевательски-лживой формулировкой: "за действия, порочащие высокое звание советского гражданина". Германские власти повели себя иначе, и вскоре Копелев и Орлова стали гражданами ФРГ.

За 17 лет пребывания в Германии Копелев выполнил поистине титаническую работу, целиком посвятив себя разнообразной литературной, исследовательской, общественно-политической деятельности, направленной на благородную цель преодоления враждебности и непонимания между двумя нашими народами, пробуждения и воспитания взаимного интереса и дружбы. Он стал здесь высокопочитаемым человеком, мнением которого равно дорожили и общественность и высшие государственные деятели.

Графиня Марион Дёнхоф, издатель журнала "Цайт", написала в своей книге "Личности нашего времени" статью "Высшая мера свободы", в которой говорилось: "Меня все снова восхищает у Льва его свобода. Может быть, лучше сказать свобода, которую он сам себе создает каким-то чародейством из ничего... Для меня Лев Копелев – авторитет как в области литературы, так и в сфере морали"⁸. Поразительно широк стал круг его знакомых и друзей, среди которых много мировых знаменитостей. Постоянный гость на телевидении, он живо откликнулся едва ли не на все, что происходило на свете, особенно же в нашей стране. Профессор Бергского университета, он получил звание почетного доктора философии Кёльнского университета, а также школы социальных исследований в Нью-Йорке, был награжден премией Мира немецких издателей и книготорговцев, многочисленными литературными премиями, в том числе имени Эриха Мариа Ремарка, а недавно также премией имени Александра Меня.

Копелев выпустил по-немецки и много меньше – по-русски не одну дюжину книг и сборников. Назову прежде всего замечательный том Орловой и Копелева "Мы жили в Москве. 1956–1980"⁹. Только что вышло по-немецки его не менее интересное продолжение: "Мы жили в Кёльне. Записки и воспоминания" о десятилетии 1980–1989¹⁰. Обе книги основаны на дневниках, письмах и документах. Эти размышления и рассказы очень личные и откровенные. Как и вся жизнь самих авторов, они органично вписаны в среду их обитания, населены сотнями людей с их разными судьбами и заботами. Среди них множество знаменитостей – Генрих Бёлль и Андрей Сахаров, Вилли Брандт и Булат Окуджава, Марион Дёнхоф и Анна Зегерс, Рихард фон

⁸ *Dönhoff M.* Gestalten unserer Zeit. Politische Porträts. Der höchste Grad der Freiheit: Lew Kopelew. Stuttgart, 1990, S. 269, 271.

⁹ *Орлова Р., Копелев Л.* Мы жили в Москве. Анн Арбор, 1988. В Москве эта книга вышла в 1990 г.

¹⁰ *Orlowa R., Kopelew L.* Wir lebten in Köln. Aufzeichnungen und Erinnerungen. Hamburg, 1996.

Вайцеккер и Александр Солженицын, но также ближайшие сотрудники по "Вуппертальскому проекту", которых Копелев называл "мое политбюро", русские и немецкие друзья разных лет, дети, внуки, правнуки. Здесь и описания путешествий по Европе и Америке, и раздумья об истории и всех сколь-нибудь значимых событиях современности, особенно в России и Германии, здесь и следы активного участия авторов едва ли не во всех мыслимых международных гуманитарных акциях.

Думаю, что не будет натянутым и преувеличенным, если у читателей возникнет параллель с творением "Былое и думы" российского изгнанника XIX века Александра Герцена. Тем более что Раиса Орлова, буквально накануне своей кончины, написала работу: "Когда умолк Колокол. Последний год жизни Александра Герцена".

Но об этом еще будет написано немало, а я вернусь к одной из упомянутых уже мною книг. К сделанной журналистом Клаусом Беднарцем записи знаменательного телевизионного диалога Генриха Бёлля и Льва Копелева, начатого в 1979 году в Москве и продолженного в Германии в 1981 году: "Почему мы стреляли друг в друга?"¹¹. В этом диалоге с поразительной откровенностью и глубиной была раскрыта сложная картина мыслей и чувств русского и немца, оказавшихся не по своей воле разделенными линией фронта в небывало жестокой войне, где борьба шла не на жизнь, а на смерть. Бёлль пошел на фронт добровольцем не из ненависти к русским, а потому, что хотел посмотреть на войну собственными глазами, побывать там, где происходило испытание немецкого характера. К счастью, рассказывает Бёлль, ему не пришлось стрелять в русских. Копелев смог сказать и о себе, что ему тоже повезло и не пришлось убивать немцев. Хотя, если бы пришлось, он, разумеется, как любой из нас, это бы сделал. Здесь остро поставлены вопросы, кому нужна была война, зачем и за что воевали и русские и немцы.

Состоялась и вторая серия подобных телепередач, посвященная антикоммунизму. Я получил новую книжку "Антикоммунизм на Востоке и Западе"¹² с такой надписью автора, обращенной ко мне и моей жене: "Не судите слишком строго, если что-либо в этом тексте вам не понравится". Он был прав, ибо в то время, в 1982 г., мы еще не пошли так далеко, как он, оценивавший происходившее у нас, исходя из собственного опыта диссидентства и наблюдений "с другого берега". Притом он всегда был предельно честен перед собой и другими, и если позже говорил не то, что раньше, то объяснял, почему изменил свое мнение.

Самое общее представление о широте и глубине творческого охвата им всемирных проблем, в центре которых неизменно стояло русско-немецкое "родство духа и душ" (Wahlverwandschaft), может дать даже простое перечисление некоторых его книг, опубликованных за рубежом, но не дошедших до русского читателя: "Запретить запреты. Поиски правды в Москве", "И сотворил себе кумира", "Утоли моя печали", "Поэт пришел с берегов Рейна. Генрих Гейне", "Сыны и пасынки революции. Непридуманные рассказы", "В поисках правды", "Слова становятся мостами", "Ветер дует, куда хочешь", "И все же — надеяться. Тексты немецких лет", "Лаудации" — приветствия русским и немецким друзьям, "Россия — трудная родина". Особняком стоит сердцем продиктованная книжка "Святой доктор Федор Петрович" о немецком враче-гуманисте Фридрихе Йозефе Гаазе, оставившем свой чудесный родной городок Бад Мюнстерайфель (где Копелев два века спустя стал почетным гражданином) ради призрения больных российских каторжников¹³. Не счесть статей в различных сборниках и периодике.

¹¹ Böll H., Kopelew L. Op. cit.

¹² Böll H., Kopelew L., Vormweg H. Antikommunismus in Ost und West. Zwei Gespräche. Köln, 1982.

¹³ Kopelew L. Verboten die Verbote! In Moskau auf der Suche der Wahrheit. Hamburg, 1977; *idem*. Und schuf mir einen Götzen. Hamburg, 1979; *idem*. Tröste meine Trauer. Hamburg, 1981. На русском языке: *Копелев Л.* Утоли моя печали. Анн Арбор, 1981 г.; *idem*. Ein Dichter kam vom Rhein. Heinrich Heine. Berlin, 1981; *idem*. Kinder und Stiefkinder der Revolution. München, 1983; *idem*. Der heilige Doktor Fjodor Petrowitsch. Hamburg, 1984. Русские издания книги "Святой доктор Федор Петрович" вышли в Лондоне в 1985 г., в Санкт-Петербурге в 1993 г.; *idem*. Worte werden Brücken. Hamburg, 1985; *idem*. Der Wind weht, wo er will. Hamburg, 1988; *idem*. Dennoch hoffen. Hamburg, 1991; *idem*. Laudationes. Göttingen, 1993; *idem*. Rußland — eine schwierige Heimat. Göttingen, 1995.

Небольшая книжка Копелева, вышедшая в Москве в 1995 году, озаглавлена: "Будущее уже начинается"¹⁴. Работал он над ней много лет, в Москве – Кёльне – Анн Арборе, снова в Кёльне в 1979–1981–1994 годах. Это попытка на свой манер осмыслить уроки российской истории. Автор рассуждал о нации и государстве, считая необходимым различать эти понятия, рассматривал, что осталось в 1917 г. на развалинах монархии, писал о восстановлении "единой и неделимой", о "побежденных победителях", считая, что мировая война все еще продолжается. Такие реминисценции характерны для человека творчески мыслящего, живого. Многие в книжке способны вызвать возражения, но Копелев спорить любил и умел. Вот, например, одно из ключевых его рассуждений: "До конца столетия остается всего несколько лет. Сорок лет тому назад (т.е. после освобождения из сталинских лагерей. – Я.Д.), считая себя марксистом-ленинцем, я был убежден, что ясно представляю себе, какую будет через полвека счастливая коммунистическая Россия. Тридцать лет тому назад, полагая себя еще марксистом, но уже свободным от ленинской узко-догматической нетерпимости, я пытался приближенно, в самых общих чертах, предугадать развитие России в направлении к настоящему, т.е. демократическому и гуманному социализму, основанному на свободе и многообразии хозяйственной, общественной и духовной жизни... Раньше я был убежден, что возможно разумное, научное предвидение будущего народов. Сегодня я могу только верить и надеяться"¹⁵.

Таков весьма грустный для глубокого мыслителя, гуманиста, правдолюбца и ученого-обществоведа итог раздумий. Итог несомненно искренний. И все же не в нем суть. Самым существенным в жизни и творчестве Льва Копелева мне представляется именно его устремленность к будущему, ориентация на будущее. Он был, говоря словами поэта, подлинный "будетлянин" – футурист. Копелеву, насколько я его помню и знаю, всегда было свойственно не просто глядеть в будущее, а даже вторгаться в него, притом иногда впереди событий. А это сказывалось подчас роковым образом на его судьбе. О самом главном трагическом событии я уже рассказал. Были и другие эпизоды. Мне всегда вспоминается в этой связи афоризм польского сатирика Станислава Ежи Леца из его "непричесанных мыслей": "Человек, который далеко опережает свое время, часто вынужден дожидаться прихода этого будущего в местах, для того не слишком благоустроенных". Но Копелев, и пережив трагедию, остался верен себе. До последнего вздоха он жил будущим.

Так, в недавно изданном им в Германии сборнике он снова написал, что "будущее начинается сегодня". Сборник этот назван необычно: "Форум XXI. Жить с чужим?" Его подзаголовок: "Познания, мечты, надежды на XXI-й век"¹⁶. Это должен был быть первый том альманаха или серии сборников, в котором представлены эссе, стихотворения и истории, а также рисунки известных авторов самых разных стран и континентов на общую для всех тему: "образы чужих". Это примерно такие же образы, какие проходят сквозь тома "Вуппертальского проекта", но только обращены они не в прошлое, а в грядущее, в следующий век. Это – проникновенное воззвание к просвещению и терпимости, к взаимопониманию и мирному будущему. Копелев, конечно, понимал, что вряд ли увидит этот век воочию, но страстно хотел заглянуть в него, а еще больше – подготовить наилучший его вариант.

"Форум XXI" не намерен, писал его издатель, провозглашать спасительные учения или агитировать за какие-либо идеологические и политические программы. "Мы отвержены простым принципам, которые считаем важнейшими уроками прошлого: не надо создавать себе образов врага; нельзя видеть в другом врага только потому, что он другой – иного происхождения, говорит на другом языке, иначе верует, иначе мыс-

¹⁴ Копелев Л. Будущее уже начинается. М., 1995.

¹⁵ Там же, с 227

¹⁶ Forum XXI. Mit dem Fremden leben? Erkenntnisse, Träume, Hoffnungen zum 21. Jahrhundert. Bd. 1, Köln, 1994.

лит или еще в чем-то не таков, как мы"¹⁷. Чужой это уже не "свой", но еще не враг. Слово "чужак" – это еще один дальнейший шаг на пути к врагу. Проблеме этой, противоречивой по самой сути своей, видимо, суждено долго занимать умы людей на Земле.

Русскую книжку Копелева о будущем, которую он сам называл "своим credo", завершает глава о "Русской идее третьего тысячелетия". Он считал эту идею не столько "национально-государственной", сколько вселенской идеей спасения страны и человечества, спасения всей жизни на Земле, ибо к исходу "столетия войн и революций", столетия Хиросимы и Чернобыля стало реально возможным полное истребление всех людей и всего живого на планете.

"Русская идея XXI века" – это, по Копелеву, "духовное завещание Андрея Сахарова, и возникла она не как внезапное откровение. Глубокие корни и ранние завязи этой идеи прослеживаются в давнем и недавнем прошлом: в учении Лао Цзы, в Заповедях Библии, в Нагорной проповеди Иисуса Христа, в заветах Будды, в трудах Дидро, Канта, Чаадаева, Герцена, Владимира Соловьева, Льва Толстого, в "Пушкинской речи" Достоевского. Призывы и мысли великих человеколюбцев ободряли подвижников, утешали страдальцев, помогали жить многим людям разных эпох, разных народов. Но "трезвые" политики, ученые и предприниматели не позволяли себе увлекаться прекрасными, однако несбыточными мечтами. Сегодня эти мечты – последняя надежда человечества"¹⁸.

Полагаю, что не все безоговорочно согласятся с этим рассуждением Копелева, начиная с самого заголовка. Но широта и нестандартность подхода мыслителя, космополита и гуманиста, побуждают к критическим раздумьям, звучат призывом к диалогу, дискуссии, спору. А что может быть для истинного интеллигента важнее этого?

Не нужно только думать, что Копелев был беззубым проповедником этакого всепрощения. В его выступлениях всегда звенели гнев и страсть, когда он ратовал против расизма и национализма, тоталитаризма, экстремизма и терроризма. Он обличал "заносчивое невежество", мифы о покорности русских "кресту и кнуту", их якобы "вечной войне с исламом", или о Москве как "третьем Риме".

К счастью, богатый внутренний мир Льва Копелева в последнее время стал находить отклик на его родине, отрадно, что и в среде молодежи. Стараниями историка Александра Борозняка, педагогов Веры Царьковой, Ефима Пассова и других 85-летие великого Мастера стало поводом для проведения в апреле 1997 года в Липецком пединституте и центре иноязычного образования уже вторых Копелевских чтений с выступлениями российских и немецких ученых, студентов и школьников¹⁹. Копелев заочно участвовал в нем видеоприветствием.

ЕЩЕ РАЗ О "ВУППЕРТАЛЬСКОМ ПРОЕКТЕ"

Никак не следует считать, что Копелеву все легко давалось. Его очень огорчало, например, что "Форум" не нашел продолжения, а издание "Вуппертальского проекта" продвигалось медленнее, чем предполагалось. Еще более глубокое сожаление и тревогу должно у всех нас вызвать то, что собранное в нем огромное культурное богатство поныне остается, увы, совсем недоступным тому, кто в нем более всего нуждается, а именно *российскому читателю*.

Годы стараний не принесли успеха, и пока не удалось издать по-русски даже небольшой дайджест. Ныне издательство "Памятники исторической мысли" готово выпустить такую книгу, но настоятельно необходима финансовая поддержка. Очевидно, нужно создать некий российско-германский консорциум, который смог бы содействовать решению той великой задачи культурно-духовного узнавания и сближения наших народов, которой без остатка отдал всю свою большую и яркую жизнь наш дорогой незабвенный друг.

¹⁷ Ibid., S. 16.

¹⁸ Копелев Л. Будущее уже начинается, с 221–222.

¹⁹ О первых Копелевских чтениях, состоявшихся в сентябре 1995 г. в Липецке, см.: Борозняк А.И., Воробьева О.В. Россия и Германия: диалог культур. – Новая и новейшая история, 1996, № 3, с. 238–239.

© 1997 г.

О.А. Р Ж Е Ш Е В С К И Й

**ВИЗИТ В.М. МОЛОТОВА В ЛОНДОН В МАЕ 1942 г.
ПЕРЕГОВОРЫ С У. ЧЕРЧИЛЛЕМ, А. ИДЕНОМ
И ПЕРЕПИСКА С И.В. СТАЛИНЫМ**

Вечером 19 мая 1942 г. с подмосковного аэродрома стартовал самолет-бомбардировщик ТБ-7 (Пе-8)¹, пилотируемый майором Э.К. Пусепом². Экипажу и пассажирам предстояло пересечь линию фронта, совершить посадку в Великобритании, затем в Исландии, Канаде, наконец, в США и вернуться обратно. Не простой и по сегодняшним меркам маршрут – около 20 тыс. км – был в те годы беспрецедентным и рискованным, а задание ответственным. На борту самолета находился заместитель председателя Совета Народных Комиссаров и народный комиссар иностранных дел В.М. Молотов, направлявшийся в Лондон и Вашингтон для переговоров с премьер-министром Великобритании У. Черчиллем и президентом США Ф. Рузвельтом по важнейшим вопросам совместной борьбы трех ведущих держав антигитлеровской коалиции против нашествия агрессоров. Предложения западных союзников использовать для трансатлантического перелета их самолет И.В. Сталин отклонил.

Южнее Старой Руссы советский самолет незамеченным миновал линию фронта, взял курс на Швецию, затем к берегам Шотландии и утром 20 мая, ведомый британскими радионавигационными службами, приземлился на аэродроме Тилинг, том самом, где Э.К. Пусеп в роли второго пилота незадолго до этого побывал вместе с трагически погибшим командиром корабля капитаном С. Асямовым.

К полету в Великобританию и США готовились два самолета Пе-8, командирами экипажей которых были Асямов и Пусеп. Этой подготовкой, проводившейся в глубокой тайне и по личным указаниям Сталина, непосредственно руководил командующий авиацией дальнего действия генерал-лейтенант А.Е. Голованов, впоследствии главный маршал авиации. В конце апреля 1942 г. было принято решение направить в Великобританию для практической подготовки предстоящих переговоров и "обкатки" маршрута делегацию во главе с помощником наркома иностранных дел В.Н. Павловым, переводчиком Сталина и Молотова на многих встречах с высшими государственными и военными деятелями западных стран. Самолет пилотировал капитан Асямов, вторым пилотом был Пусеп. Перелет на Британские острова прошел удачно. В Лондоне с британской стороны было высказано пожелание ознакомиться с советским самолетом. Группа британских инженеров и советских представителей вылетела для этой цели из Лондона в Тилинг.

Демонстрировать самолет по жребью предстояло Асямову. Жребий оказался

¹ ТБ-7 – серийный самолет-бомбардировщик, советская "летающая крепость". Создан в 1936 г. конструктором В.М. Петляковым, после гибели которого в авиакатастрофе в 1942 г. самолет был переименован в Пе-8. Экипаж 8–12 человек, четыре мотора по 1850 л.с., скорость до 440 км/ч, дальность полета 4,7 тыс. км, бомбовая нагрузка свыше 2 т. По ряду показателей превосходил американский дальний бомбардировщик Б-17 (1935) и американский "Либерейтор" (1940), но уступал американской сверхкрепости Б-29 (1942). В годы войны было построено 79 бомбардировщиков Пе-8.

² Э.К. Пусеп – Герой Советского Союза, эстонец по национальности, живет в Таллине.

роковым. Английский самолет разбился, и все находившиеся на его борту погибли. В Москве возникли подозрения в виновности в этом британской стороны. На обратном пути в Москву самолет пилотировал Пусеп. Полет проходил на высоте 3 тыс. метров. В районе линии фронта самолет подвергся атаке немецкого истребителя. Отстреливаясь из пушек, экипаж не допустил немецкий самолет на близкую дистанцию, с которой можно было вести достаточно точный огонь. Тем не менее один из немецких снарядов достиг цели, повредив антенну радиолокатора, но не взорвался, и самолет благополучно приземлился на подмосковном аэродроме.

Из Тилинга нарком и сопровождавшие его лица поездом направились в Лондон. В тот же день Молотов послал в Москву первое сообщение.

№ 1

Телеграмма из Лондона
Получена в Москве 21 мая 1942 г.

1. Самолет благополучно приземлился в Тилинге в 8 часов по московскому времени. Перелет занял 10 часов 15 минут. Приходилось обходить грозовые облака.

2. Поездом прибыли на станцию Брунман-Парк под Лондоном, где были встречены Иденом.

3. Принял предложение английского правительства и остановился в Чекерсе (под Лондоном), в загородной резиденции премьера, где останавливался Гопкинс и другие.

4. При встрече с Иденом условились начать с утра 21 мая переговоры в кабинете Черчилля, из разговоров заключаю, что с самого начала Черчилль вступит в переговоры.

5. Не обошлось без почетных караулов в Тилинге и Чекерсе. Были и киносъёмки. Но обещали не допускать публикации раньше времени.

6. Сегодня же свяжусь с Литвиновым о подготовке перелета в США предположительно через 3–4 дня.

7. Придется за это время проверить состояние моторов на нашем самолете, так как за полтора часа до посадки один мотор дал течь и эта течь продолжалась и при посадке.

20.05.1942

Молотов

Положение на фронтах второй мировой войны для СССР, Великобритании и США, еще не закрепивших свой союз соответствующими соглашениями, оставалось крайне сложным. Агрессоры достигли максимальных успехов в войне.

В Советском Союзе противник захватил огромную территорию, где проживало более 70 млн. человек. Контрнаступление под Москвой 5 декабря 1941 г. – 7 января 1942 г. потрясло вермахт. В ходе дальнейшего зимнего наступления в январе–апреле 1942 г. перед Красной Армией была поставлена задача окружить и полностью разгромить группу армий "Центр", командующим которого был генерал-фельдмаршал Х. Клюге. Ее выполнению должно было способствовать наступление на севере под Тихвином и на юге в направлении Ростова-на-Дону. Однако принятое решение не обеспечивалось необходимыми силами, особенно подвижными соединениями, что привело лишь к частичному успеху. Тем не менее войска Западного фронта под командованием генерала армии Г.К. Жукова, Калининского под командованием генерал-полковника И.С. Конева и Брянского под командованием генерал-полковника Я.Т. Черевиченко в конечном счете отбросили противника от Москвы на расстояние до 350 км. К концу марта 1942 г. в 16 немецких танковых дивизиях, действовавших на Восточном фронте, оставалось 140 боеспособных машин. Для усиления своих группировок германскому командованию пришлось перебросить на восток до 30 новых дивизий.

Но уже в мае обстановка на советско-германском фронте снова стала меняться в пользу вермахта. Предвестником грозного поворота событий, в результате которых стратегическая инициатива вновь оказалась на стороне противника, явилось поражение Красной Армии под Керчью и Харьковом. Новому успеху вермахта способствовали достигнутая внезапность наступления и умелое им руководство; просчеты советского командования и лично Сталина, которые считали, что главной целью летнего наступления вермахта вновь будет Москва; недооценка сил противника со стороны главнокомандующего юго-западным направлением и командующего Юго-Западным фронтом С.К. Тимошенко и члена Военного Совета Н.С. Хрущева, упорно настаивавших на проведении наступления в районе Харькова; отсутствие второго фронта в Европе и ряд других факторов.

Потеря Керчи и Керченского полуострова, окружение советских войск под Харьковом создали условия для начала общего стратегического наступления противника на всем южном крыле фронта, прорыва немецких войск на Кавказ и к Сталинграду.

В первые месяцы 1942 г. заметно ухудшилось положение в заморских территориях Великобритании. Наступление 8-й британской армии в Африке, начатое в конце 1941 г., вынудило немецко-итальянские войска под командованием генерал-фельдмаршала (1942 г.) Э. Роммеля отступить от границ с Египтом, но разгромить их не удалось, и уже в январе 1942 г. они перешли в контрнаступление и едва не достигли Александрии. В Восточной Азии, на Тихом океане Великобритания фактически лишилась всех своих имперских владений. Особенно болезненной была капитуляция войск в Британской Малайе и падение 15 февраля 1942 г. Сингапура, главной военно-морской базы Великобритании в этом регионе. Потери британских войск при этом составляли 140 тыс. человек, японских – 10 тыс. Нарастала непосредственная угроза Цейлону и Индии, лишенным вследствие поражения британского флота защиты с моря. В борьбе за морские коммуникации в Атлантике, жизненно важные для обороны Великобритании, верх брали "волчьи стаи" немецкого подводного флота. За декабрь 1941 г. и четыре месяца 1942 г. они потопили 340 судов западных союзников, а их производство не восполняло потерь.

США в результате внезапного нападения Японии на главную военно-морскую базу американского флота на Тихом океане Пёрл-Харбор и последующего японского наступления утратили совместно с Великобританией и Голландией стратегические позиции в центральной части Тихого океана и Восточной Азии. Япония с декабря 1941 по май 1942 г. оккупировала огромную территорию – свыше 6 млн. кв. км с населением более 150 млн. человек, включая Гонконг, Малайю, Голландскую Индию (Индонезию), Бирму, Сиам, Филиппины, Соломоновы острова и другие территории с богатыми запасами стратегического сырья. Оборона Филиппинских островов под командованием генерала Д. Макартура длилась более четырех месяцев. 7 мая 1942 г. японские войска захватили последний очаг сопротивления армии США на этих островах – крепость Коррехидор, взяв в плен 12 тыс. солдат и офицеров. Японцы расширили оккупацию Китая, вышли на подступы к Индии, Австралии и Аляске. Германские подводные лодки все активнее действовали в водах американского побережья. В апреле 1942 г. у берегов США находились 28 германских подводных лодок, в мае – 35, в июне – 40. За первые шесть с половиной месяцев 1942 г. немецкие подводники потопили у берегов США 360 судов общим водоизмещением 2,25 млн. тонн, потеряв при этом 8 подводных лодок. Однако расчеты на то, что после достижения таких впечатляющих успехов удастся сломить волю США к сопротивлению, не оправдались. Япония, как и ранее Германия, стремившаяся за несколько месяцев вывести из войны Великобританию, столкнулась с необходимостью вести длительную войну с коалицией государств, во много раз превосходившей ее по экономическому и военному потенциалу.

До прибытия Молотова в Великобританию между Москвой и Лондоном велись интенсивные переговоры через советского полпреда И.М. Майского и путем прямого

обмена письмами между Сталиным и Черчиллем. В центре внимания находились вопросы взаимодействия двух сторон, поставок в Советский Союз вооружения и боевой техники, заключения союзного договора между СССР и Великобританией, который не удалось подписать во время приезда Идена в Москву в декабре 1941 г. Советское руководство придерживалось при этом в основном тех же позиций, что и при переговорах Идена в Москве³.

В трудах историков и мемуаристов визиту Молотова уделено немалое внимание⁴. Ныне доступные документы Архива Президента Российской Федерации (АП РФ, ф. 45, оп. 1, д. 231) и Архива внешней политики РФ (АВП РФ) дают возможность более достоверно рассмотреть и оценить дипломатическую миссию советского наркома, которая проходила в крайне сложный период Великой Отечественной и второй мировой войны.

На следующий день после прилета Молотова в Великобританию состоялась его первая встреча с Черчиллем.

№ 2

Запись беседы с Черчиллем 21 мая 1942 г.

Присутствовали: Эттли⁵, Иден, Кадоган⁶, Сарджент⁷, Файэрбрэс⁸, Майский, Павлов.

Черчилль приветствует тов. Молотова и его советников и выражает свое удовлетворение по поводу его приезда в Лондон. Черчилль спрашивает тов. Молотова, как прошел перелет.

Молотов благодарит и отвечает, что перелет прошел благополучно.

Черчилль выражает Молотову сожаление по поводу катастрофы с английским самолетом, в которой погибли сотрудники военного атташе советского посольства в Лондоне.

Молотов отвечает, что это очень печальный факт, но происшествия в авиации всегда возможны.

Молотов говорит, что он хотел бы сказать несколько слов в связи со своим приездом в Лондон. Он говорит, что он уполномочен [своим] правительством вести переговоры с английским правительством и высказать мнение советского правительства по двум основным вопросам, для обсуждения которых он приехал в Англию. Затем по второму из этих вопросов он, Молотов, направляется в Соединенные Штаты Америки.

Первый вопрос касается двух договоров, протокола, а также письма по польскому вопросу, проекты которых обсуждались во время переговоров в декабре в Москве между Иденом, тов. Сталиным и им.

Второй вопрос – это вопрос об открытии второго фронта на Западе.

³ См. Новая и новейшая история, 1994, № 2, 3.

⁴ *Израэлян В.Л.* Антигитлеровская коалиция. М., 1964, с. 139–143; *Трухановский В.Г.* Внешняя политика Англии в период второй мировой войны (1938–1945). М., 1965, с. 303–327; *Сиполс В.Я.* На пути к великой победе. Советская дипломатия в 1941–1945 гг. М., 1985, с. 119–120; *Поздеева Л.В.* Советский Союз: Геополитическая дипломатия. – В кн.: Союзники в войне. 1941–1945. М., 1995, с. 373–376. Ряд связанных с переговорами в Лондоне документов опубликован в сб. Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны. Документы и материалы в 2-х т., т. 1. 1941–1943. М., 1983, с. 219–242. Среди зарубежных источников следует назвать следующие труды и приводимые в них документы: *Черчилль У.* Вторая мировая война, кн. 2. М., 1991, с. 457–466; *Churchill and Roosevelt. The Complete Correspondence.* Ed. with a comm. by W.F. Kimball, v. 1. London, 1984, p. 490–491; *Gilbert M.* Winston S. Churchill, v. VII. Road to Victory 1941–1945. London, 1986, p. 110–112. Автор выражает признательность научному сотруднику АП РФ С.А. Мельчину и научным сотрудникам АВП РФ И.А. Сидорову и Н.А. Абрамову за большую помощь в поиске необходимых документов.

⁵ К. Эттли – лидер лейбористской партии, заместитель премьер-министра.

⁶ А. Кадоган – постоянный заместитель министра иностранных дел.

⁷ О. Сарджент – помощник заместителя министра иностранных дел.

⁸ Р. Файэрбрэс – военный атташе Великобритании в СССР.

Вот два основных вопроса, по которым он, Молотов, уполномочен доложить мнение советского правительства в Лондоне. Упомянутые вопросы не исключают, что могут быть обсуждены и другие вопросы, которые сочтут нужным поставить английское и советское правительства, поскольку это будет необходимо в интересах дела.

Молотов говорит, что сначала он хочет изложить мнение советского правительства по первому вопросу, а именно – о договорах, касающихся сотрудничества Англии и СССР как в военное, так и в послевоенное время. Эти вопросы мы не сумели закончить в декабре месяце прошлого года. Не переходя к существу договоров, он, Молотов, выражает надежду и желание советского правительства закончить эту работу в ближайшие дни. Молотов говорит, что он готов приступить к обсуждению деталей и существа этих договоров, как только Черчилль и Иден будут к этому готовы.

Молотов указывает, что он готов признать важность первого вопроса и готов уделить ему все необходимое внимание, но он должен заявить, что советское правительство считает особо важным вопрос о втором фронте на Западе. Инициатива постановки вопроса о втором фронте исходит не от советского правительства. Этот вопрос поставил на рассмотрение в самом срочном порядке Президент США Рузвельт. В своем послании на имя тов. Сталина Рузвельт заявил, что ввиду невозможности осуществить в ближайшее время его встречу с тов. Сталиным он считает желательным мой приезд в Америку. Так как советское правительство не сомневается, что вопрос о втором фронте особенно касается СССР и Великобритании, то советское правительство, дав согласие на его, Молотова, поездку в США, вместе с тем признало необходимым, чтобы он, Молотов, мог обсудить этот вопрос с Черчиллем и Иденом в Лондоне перед отъездом в США. Молотов напоминает о том, что сегодня исполняется 11 месяцев, т.е. почти год, с начала исключительно напряженной советско-германской войны, что подчеркивает важность вопроса, поставленного Рузвельтом. Мы признаем важность этого вопроса не только с точки зрения СССР, но и с точки зрения Англии и Америки. Он, Молотов, понимает, что вопрос о втором фронте – это вопрос военный. В связи с этим вместе с ним приехал генерал-майор Исаев⁹, который достаточно посвящен в детали этого вопроса. Но он хотел бы подчеркнуть, что вопрос о втором фронте – это в первую очередь политический вопрос, и ему, Молотову, кажется, что рассмотрение этого вопроса как здесь, в Англии, так и в США должно получить именно такой характер.

Молотов просит извинения за длинное вступление о целях своего приезда. Он считает, что можно перейти к существу упомянутых вопросов или к тем вопросам, которые будут поставлены английским правительством. Какие вопросы обсуждать сначала – он предоставляет решить премьер-министру.

Черчилль заявляет, что английское правительство весьма удовлетворено тем, что Молотов желает обсудить вопрос о втором фронте как в Англии, так и в США. Но он хотел бы предварительно договориться с Молотовым относительно публичности его пребывания в Англии. Черчилль спрашивает Молотова, не считал ли бы он более целесообразным опубликовать [сообщение] о его пребывании в Англии. Ему, Черчиллю, представляется весьма невероятным, что пребывание Молотова в Англии не станет известным. Английское правительство может не допустить опубликования сообщений о приезде Молотова в английской печати, но в Лондоне много нейтральных посольств, и они могут сообщить своим правительствам о его приезде в Лондон. Кроме того, факт его приезда может стать известным в США, где нет газетной цензуры.

Молотов в своем ответе Черчиллю заявляет, что он должен сказать, что советское правительство обратилось с просьбой к правительствам США и Англии не публиковать никаких сообщений о его визите до возвращения в Москву. В этом

⁹ Ф.М. Исаев – член советской делегации, начальник управления Генерального штаба РККА, генерал-майор.

вопросе мы придерживаемся того же самого метода, который был применен во время пребывания Идена в Москве. Он, Молотов, повторяет просьбу советского правительства к английскому правительству воздержаться от публикации о его приезде в Лондон до возвращения в Москву. Молотов указывает, что, конечно, возможно проникновение тех или иных сведений о его приезде, в том числе и в Германию, но совсем другое дело, когда эти сведения получают подтверждение со стороны английского и советского правительств. Молотов просит, чтобы английское правительство сделало все, что оно может, чтобы не допустить публикации о его приезде.

Черчилль отвечает, что английское правительство, конечно, сделает все, что возможно, для выполнения просьбы советского правительства.

Молотов предлагает перейти к обсуждению интересующих обе стороны вопросов.

Черчилль заявляет, что он предложил бы начать с общего обсуждения проектов договоров и затем продолжить обсуждение договоров сегодня вечером во время встречи Молотова с Иденом.

Относительно обсуждения вопроса о втором фронте Черчилль предлагает ограничиться на данном совещании общими замечаниями по этому поводу и затем встретиться завтра утром для более подробного рассмотрения вопроса на заседании, на котором он будет присутствовать и на котором будут присутствовать начальники британских штабов. Он будет рад, если Молотов пригласит на это совещание советских генералов.

Молотов не возражает против предложения Черчилля, но снова подчеркивает, что вопрос о втором фронте – это прежде всего вопрос политический, а не военный.

Черчилль предлагает приступить к общему обсуждению проектов договоров.

Молотов заявляет, что советское правительство знакомо с проектами британского правительства, а британское правительство знакомо с проектами советского правительства. Проект договора, представленный Иденом через нашего посла в Лондоне, сильно отличается от проекта договора, который обсуждался в декабре месяце прошлого года в Москве¹⁰. Последний английский проект содержит даже совершенно новые статьи. Поскольку наши проекты как договоров, так и дополнительного протокола известны английскому правительству, он, Молотов, просил бы разъяснить в краткой форме, почему английское правительство не может принять советских предложений.

Черчилль в своем ответе заявляет, что советские проекты договоров наталкиваются на большие политические трудности в Англии, так как они противоречат принципам Атлантической декларации. С другой стороны, он, Черчилль, знает, что и Рузвельт неодобрительно относится к обсуждаемым проектам договоров. Поэтому он полагает, что заключение этих договоров вызвало бы сильное беспокойство общественного мнения как в Англии, так и в Америке, которое нанесло бы ущерб нашим общим усилиям. Черчилль подчеркивает, что английское правительство имеет сильное желание сотрудничать с СССР не только во время войны, но и в послевоенный период в интересах безопасности СССР и Англии, в целях уничтожения нацизма и неповторения войны. Желание английского правительства продемонстрировать этот факт настолько велико, что оно готово подписать с Советским Союзом договор на основе последних английских предложений. Английское правительство обязано дать отчет парламенту о своих действиях и обеспечить себе поддержку большинства парламента и английского общественного мнения. Если это условие не будет выполнено, то заключение договоров не будет полезным и может нанести ущерб англо-советским отношениям. В заключение Черчилль предлагает детально обсудить вопрос о заключении советско-английских договоров с Иденом.

¹⁰ Обсуждавшиеся в ходе этой и последующих бесед с Иденом варианты проектов договора в архиве И.В. Сталина автором не обнаружены.

Молотов заявляет, что он для того и приехал в Лондон, чтобы обсудить все вопросы, касающиеся наших договоров, и готов это сделать в соответствии с предложением Черчилля. Советское правительство считает своим долгом обсудить как договор о военном союзе, так и договор о послевоенном сотрудничестве, прежде всего с британским правительством, с которым оно начало обсуждение этих вопросов, с которым оно выразило желание найти общий язык и договориться. Молотов говорит, что он не сомневается в том, что обе стороны будут считаться с мнением американского правительства, но он должен сказать, что надо говорить о договорах, приемлемых не только для английского общественного мнения, но также и приемлемых для советского правительства и советского общественного мнения. Если мы не сможем подписать договоров, приемлемых как для советского, так и для английского общественного мнения, то придется отложить решение этого вопроса. Можно прожить еще некоторое время и без договоров, но лучше, конечно, если они будут заключены.

Молотов говорит, что он должен высказать откровенное мнение советского правительства по поводу договоров. Теперь, на исходе года советско-германской войны, вопрос о договорах стоит серьезнее, чем в прошлом году, с точки зрения настроений и общественного мнения в СССР. Нашей стране пришлось пережить немало трудностей и принести немало жертв. Он, Молотов, должен сказать, что у нас, в СССР, никто не согласится с договорами, в которых не будет минимальных условий, оправдывающих жертвы, принесенные Советским Союзом в советско-германской войне, и в которых не будет известных минимальных условий, обеспечивающих безопасность СССР на будущее время. В наших проектах договоров мы остановились на указанном минимуме условий, понятных советскому общественному мнению, дальше которых нам трудно идти.

Молотов далее заявляет, что советские проекты не противоречат Атлантической декларации. Но когда нам говорят, что надо считаться с мнением когда-то существовавших правительств Литвы, Латвии, Эстонии, которые уже давно потеряли почву под ногами, то он, Молотов, должен сказать, что это требование не имеет под собой никаких оснований. Что касается Польши, то он должен сказать, что по наиболее сложному вопросу – о советско-польской границе, несмотря на трудности, которые имели и имеют место в советско-польских отношениях, советское правительство надеется и готово полюбовно договориться с польским правительством. Но мы готовы это сделать при учете наших минимальных интересов. Молотов заявляет, что он надеется, что эта точка зрения советского правительства будет полностью понята британским правительством.

Молотов говорит, что он хотел бы добавить несколько слов по вопросу о минимальных условиях, которые должны войти в советско-английский договор. Для нас минимальным условием является восстановление границ СССР, нарушенных Гитлером в войне против СССР. Мы не можем уступить в этом вопросе. Никто в СССР после понесенных жертв не одобрит советское правительство, если оно отступит от требования восстановления того, что было нарушено Гитлером. С другой стороны, именно ввиду того, что нам навязана эта тяжелая война, восстановления нарушенных границ недостаточно. Мы хотим, чтобы безопасность СССР на северо-западе и на юго-западе от его границ была бы минимально гарантирована на будущее время. Договоры, не содержащие этих минимальных условий, будут встречены в СССР отрицательно и не получат одобрения. Если мы сможем договориться с британским правительством в этих рамках, то будет хорошо. Если это невозможно, то лучше отложить подписание договоров.

Что касается самого деликатного вопроса – о советско-польской границе, то советское правительство заявляет, что оно все сделает, чтобы договориться с польским правительством полюбовно и на основе взаимности. Все остальное решить не трудно.

Черчилль в своем ответе указывает, что имеются два проекта договоров. Различие этих проектов можно обсудить вечером с Иденом. Сейчас он хотел бы, чтобы Молотов был уверен в целях британского правительства. Британское правительство уверено, что возможно выиграть войну и что после войны британское, советское и американское правительства будут нести полную ответственность за устройство мира. Британское правительство желает работать совместно с СССР в интересах обеих стран. Но невозможно подписать документы, которые подчеркивают разногласия между СССР и Великобританией. Цель английской политики – это дружба с СССР. Если мы осуществим эту цель, то все остальное приложится.

Переходя к вопросу о втором фронте, Черчилль говорит, что он хотел бы сделать следующее замечание. Как Великобритания, так и США готовы вторгнуться на Европейский континент самыми большими силами. Английское правительство рассматривает в настоящее время вопрос о создании в Европе второго фронта, о поднятии (raise) народов, находящихся под нацистской тиранией, и освобождении этих народов. Английское правительство все сделает, чтобы осуществить эту задачу. В связи с этим вопросы, которые надо обсудить, – это вопросы технического и тактического порядка: проблема транспорта, тоннажа, десантных средств, воздушной обороны противника и т.д. В настоящее время все эти вопросы изучаются английскими военными специалистами. Он, Черчилль, хотел бы сообщить о том, что во время встречи с Рузвельтом в августе прошлого года он обсуждал эти вопросы с Рузвельтом и еще тогда просил его принять меры к созданию необходимых количеств десантных средств. Он еще раз просил Рузвельта об этом во время своей последней встречи с ним в январе этого года. Рузвельт обещал принять соответствующие меры с целью создания необходимого количества десантных средств. Англия также работает над разрешением этой проблемы и готовится к вторжению с максимальной энергией. Мы, говорит Черчилль, готовы серьезно рисковать, если имеется обоснованная надежда на успех наших операций.

Черчилль заявляет, что завтра на совещании Молотов ознакомится с физическими возможностями английского правительства. Второй фронт в Западной Европе будет создан, как только появятся соответствующие условия для вторжения. Но в настоящее время английское правительство связано в своих возможностях.

Молотов в своем ответе Черчиллю заявляет, что он разделяет его мнение, что дружба наших стран вытекает из исторических условий и соответствует глубоким интересам обеих стран. Поскольку наши страны нашли общий язык и поскольку теперь будут уточнены интересующие их вопросы, то он, Молотов, полагает, что дружба даст свои результаты и в послевоенное время. Что касается второго фронта, то Молотов заявляет, что он понимает соображения, изложенные Черчиллем, но он надеется, что вопрос о втором фронте может быть решен положительно в смысле ближайшего срока.

Черчилль заявляет, что он понимает срочность вопроса о создании второго фронта. Каждому ясно, что трудности вторжения могут увеличиться. Но он хотел бы, чтобы Молотов ознакомился с возможностями реализации в настоящее время этого желания обоим правительствам.

Черчилль спрашивает, согласен ли Молотов на встречу советских генералов с британскими генералами для обсуждения вопроса о возможностях организации второго фронта в настоящее время.

Молотов говорит, что он не возражает против этой встречи, но прежде всего он хотел бы выяснить политическую сторону вопроса о втором фронте. Он говорит, что при всей важности военной стороны этого вопроса он все же носит сугубо политический характер и он должен решаться не только с военной, но прежде всего с политической точки зрения.

Запись беседы с Иденом
21 мая 1942 года

1. В начале беседы Молотов и Иден констатировали отсутствие разногласий по договору о военном союзе. Поэтому было решено приступить к обсуждению советского и английского проектов договора о послевоенном устройстве.

2. В статье 1-й советского проекта этого договора ("Договор между Великобританией и СССР о разрешении послевоенных вопросов и об их совместных действиях для обеспечения безопасности в Европе после окончания войны с Германией и ее союзниками в Европе") Иден предложил дополнить фразу "Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются при разрешении послевоенных вопросов, связанных с организацией мира и безопасности в Европе, действовать по взаимному согласию" словами "и с учетом других заинтересованных государств". Иден заявил, что эти слова надо вставить для американцев. Он считает это необходимым сделать в интересах наших взаимоотношений с Америкой.

Молотов ответил, что если это полезно и целесообразно с точки зрения наших взаимоотношений с Америкой, то я согласен с этой поправкой.

3. Статья 2-я Иденом принимается в нашей редакции. Он просил только вместо слова "и" во фразе "... со стороны Германии и государств, связанных с ней в осуществлении актов агрессии в Европе" поставить "или", на что Молотов дал согласие.

4. При обсуждении статьи 3-й английского проекта Молотов заявил, что его удивляет редакция этой статьи в английском проекте. У него и у тов. Сталина сложилось впечатление, что Иден во время пребывания в Москве не возражал против предложения тов. Сталина в письме сов[етского] пра[вительства] Идену о том, что вопрос о советско-польской границе будет разрешен по взаимному согласию между СССР и Польшей, как между союзными и дружественными государствами. Мы считали, что по этому поводу у нас нет разногласий с брит[анским] пра[вительством]. Последняя же английская редакция этой статьи ставит этот вопрос иначе, чем было условлено между СССР и Польшей при заключении советско-польского соглашения от 30 июля 1941 г.¹¹, когда вопрос о границах СССР с Польшей был оставлен открытым. Мы считаем, что заключение нашего договора на этой основе не связывает Англию никакими обязательствами, так как вопрос о советско-польской границе остается открытым. Исходя из этого, тов. Сталин в декабре сделал предложение в письме, и это предложение, как нам казалось, в Москве [на переговорах Идена в декабре 1941 г.] не встречало возражений.

Иден ответил, что англ[ийское] пра[вительство] связано обязательствами по отношению к полякам по англо-польскому договору¹², что нашло свое отражение в заявлении, которое сделало англ[ийское] пра[вительство] польскому правительству

¹¹ 30 июля 1941 г. в присутствии Черчилля и Идена было подписано советско-польское соглашение, по которому стороны обязались оказывать друг другу всякого рода помощь и поддержку в войне против гитлеровской Германии. Достижению соглашения во многом способствовало правительство Великобритании. Территориальному вопросу был посвящен первый пункт соглашения, его решение оставалось открытым. "Правительство СССР, – говорилось в соглашении, – признает советско-германские договоры 1939 г. касательно территориальных перемен в Польше утратившими силу. Польское правительство заявляет, что Польша не связана никаким соглашением с какой-либо третьей стороной, направленным против Советского Союза" (Документы и материалы по истории советско-польских отношений, т. 7. М., 1973, с. 208). При подписании соглашения британская и польская стороны обменялись нотами. Вечером 30 июля 1941 г. Иден, выступая в палате общин с сообщением о советско-польском соглашении, заявил, что британское правительство не принимает на себя каких-либо гарантий границ в Восточной Европе. Это, по-видимому, было расценено советской стороной как косвенное непризнание границ СССР 1941 г., что и повлекло за собой дискуссии.

¹² 25 августа 1939 г., в обстановке нарастающей угрозы германской агрессии, Великобритания и Польша подписали договор о взаимопомощи.

Лондон. Май 1942 г. Слева направо: В.М. Молотов, И.М. Майский, У. Черчилль, А. Иден

при подписании советско-польского соглашения от 30 июля 1941 г. В связи с этим он, Иден, хотел бы указать в статье третьей, что эта позиция английского правительства остается в силе. Это поможет рассеять возможные сомнения поляков относительно советско-польской границы. Если советское правительство предпочитает обмен письмами по этому вопросу, то он не возражает против этого.

Молотов ответил, что мы готовы подписать с поляками договор о границе на основе линии Керзона с некоторыми небольшими изменениями этой линии в пользу СССР. Мы готовы принять это старое английское предложение о советско-польской границе. Если это неприемлемо для англ[ийского] пра[вительства], то сов[етское] пра[вительство] предлагает ограничиться советским письмом на имя брит[анского] пра[вительства] о том, что вопрос о советско-польской границе подлежит урегулированию между польским правительством и СССР.

Иден ответил, что, когда он был в Москве, он не имел полномочий решать вопрос о Прибалтике. Теперь этот вопрос согласован. Английское правительство готово принять советскую редакцию статьи 3-й относительно восстановления границ СССР. Но вопрос о советско-польской границе вызовет оппозицию со стороны поляков. Цель, которую преследует английская редакция проекта этой статьи, состоит в том, чтобы избежать этой оппозиции. Поэтому если советское правительство предлагает обменяться письмами по вопросу о советско-польской границе, то он, Иден, ответит на мое письмо [Молотова] в духе второго абзаца статьи 3-й английского проекта.

Молотов ответил, что это было бы большим затруднением. Вопрос о границах СССР невозможно ставить под сомнение. Касаясь существа вопроса о советско-польской границе, Молотов заявил, что сов[етское] пра[вительство] считает нужным удовлетворить поляков, как это известно Идену из переговоров в Москве в декабре прошлого года, за счет Восточной Пруссии. Вполне законно, что Германия должна принести жертвы за войну против СССР, Англии, Польши и других стран. Мы не считаем возможным предрешать вопрос о советско-польской границе в договоре с Англией или

чтобы Англия односторонне в пользу Польши сейчас поддерживала разрешение вопроса, подлежащего урегулированию между польским и советским правительствами. Смысл предложения Идена – это односторонняя поддержка поль[ского] пра[витель-ства]. Рассматривая обсуждаемый Договор о послевоенном устройстве между Великобританией и СССР как базу для дальнейшего развития отношений, мы, конечно, имеем в виду решение отдельных вопросов послевоенного времени с Великобританией и другими странами в последующее время. Мы не хотели бы, однако, чтобы английское правительство в спорном пока советско-польском вопросе оказывало одностороннюю поддержку Польше, сохраняя свою позицию 1941 г. Это было бы направлено против СССР. Поэтому мы считаем необходимым предоставить разрешение этого вопроса советскому и польскому правительствам. Возможны два предложения – решить вопрос о советско-польской границе по существу на основе линии Керзона или отложить разрешение этого вопроса. Советское правительство предлагает компромисс, оставив пока вопрос о советско-польской границе открытым. Если компромиссы вообще полезны, то польза предлагаемого нами компромиссного решения для Англии несомненна. При этом мы идем даже на то, что оставляем пока открытым вопрос о самой большой части западной границы СССР в Договоре с Англией, и письмом обещаем в будущем урегулировать с Польшей этот вопрос в дружественном порядке. Это – большая уступка со стороны СССР. Уступка же Англии в этом вопросе должна состоять в том, что английское правительство не повторяет своего заявления полякам от 30 июля 1941 г. и оставляет этот вопрос для урегулирования между польским и советским правительствами.

Иден заявляет, что это очень трудно осуществить. Мы пошли СССР навстречу в вопросе о Прибалтике, остался открытым лишь вопрос о советско-польской границе. Англ[ийское] пра[вительство] связано обязательствами по отношению к полякам, принятыми им еще до начала войны. Он, Иден, считает предлагаемую советским правительством компенсацию Польше за счет Восточной Пруссии реалистичной и разумной. Он согласен с тем, что нет надобности устанавливать советско-польскую границу в настоящее время. Это можно сделать впоследствии. В данный момент он, Иден, стремится обеспечить от нападок поляков позицию английского правительства, выраженную в его письме, направленном полякам при подписании советско-польского соглашения. Если не подтвердить этой позиции в настоящее время, то поляки обвинят английское правительство в нарушении обещания.

Майский подал реплику, что англо-польский договор 1939 года не гарантирует границ Польши.

Молотов указывает, что Майский прав, когда говорит, что англо-польский договор, заключенный до войны, не гарантирует границ Польши. Но даже не в этом дело. Советское правительство предлагает решить вопрос о советско-польской границе или теперь же по существу (линия Керзона), или оставить вопрос о советско-польской границе открытым, не предрешая его ни в ту, ни в другую сторону. Советское правительство не может пойти на дальнейшие уступки в этом вопросе. Мы делаем уступку Польше, учитывая позицию Великобритании. В заявлениях, которые были сделаны тов. Сталиным как главой советского правительства и как народным комиссаром обороны, сказано, что мы боремся в войне с Германией за восстановление границ СССР, нарушенных гитлеровской агрессией. Мы не можем отказаться от этой позиции, в особенности после жертв, принесенных нашей страной. В отступление от этой позиции, желая пойти навстречу Великобритании, мы готовы заявить, что берем на себя обязательство договориться с Польшей полюбовно и предлагаем Великобритании также сделать уступку – не повторять своего заявления полякам от 30.VII.41 г. Разумный компромисс должен быть построен на уступках с обеих сторон. Если компромисс в польском вопросе окажется приемлемым, то он может послужить базой развития отношений не только между Великобританией и СССР, но и между СССР и Польшей.

Иден говорит, что английское правительство не имеет трудностей в принятии

позиции, изложенной Молотовым. Эта позиция пригодна для английского правительства в отношении СССР. Но позиция Великобритании в отношении Польши определяется обязательствами английского правительства перед Польшей. Когда он, Иден, был в Москве, советское правительство просило о согласии Великобритании в отношении советских границ в Прибалтике. Английское правительство согласилось впоследствии на восстановление границ СССР в Прибалтике. Вопрос о советско-польской границе было решено оставить открытым до урегулирования его между СССР и Польшей. Он, Иден, хотел бы в настоящих переговорах с советским правительством подчеркнуть, что английское правительство не отступает от своей позиции по отношению к полякам от 30 июля 1941 г.

Молотов заявляет, что компромисса не получается. Мы делаем уступки, а британское правительство не делает уступок.

Иден говорит, что английское правительство сделало уступку в вопросе о Прибалтике.

Молотов заявляет, что балтийские государства в течение сотен лет входили в состав России. Что же касается Польши, то мы не претендуем на всю Польшу. Мы готовы пойти навстречу английскому правительству, оставив вопрос о наиболее значительной части западной советской границы открытым. Однако английское правительство остается на старой позиции и компромисса не получается.

Иден спрашивает, какого мнения придерживается советское правительство в настоящее время о советско-польском договоре от 30.VII.41 г.

Молотов отвечает, что советское правительство придерживается того же самого положительного мнения об этом договоре, как и раньше. Но мы никаких обязательств полякам о границе не давали. Наоборот, мы полагаем, что граница СССР, нарушенная Гитлером, должна быть восстановлена. Польшу можно было бы, по мнению сов[етского] пра[вительства], удовлетворить, как это известно Идену из переговоров в Москве, за счет Германии, а не за счет СССР. Мы еще не давали самим полякам обещания о компенсации Польши за счет Германии. Но это предложение может служить базой для урегулирования советско-польского вопроса, заключающего в себе немало трудностей. Эти трудности, как мы думаем, могут быть преодолены, когда поляки узнают о существовании советского предложения о серьезной компенсации Польши за счет Германии.

Иден говорит, что когда он был в Москве, то Сталин и Молотов согласились оставить вопрос о советско-польской границе открытым, Сталин и Молотов просили тогда английское правительство о признании границ СССР в Прибалтике. Английское правительство сделало уступку и согласилось с советским правительством в отношении Прибалтики. В настоящее время ему, Идену, непонятно, какую уступку должно сделать английское правительство в вопросе о советско-польской границе. Ему, Идену, представляется сейчас необходимым попытаться найти форму ответного письма Идена на письмо Молотова по этому вопросу.

Молотов говорит, что в своем письме Иден мог бы сообщить, что принимает к сведению письмо советского правительства. Это не будет означать, что английское правительство переходит на позицию советского правительства, а означает, что английское правительство делает уступку по сравнению с занятой им в июле 1941 года позицией.

Иден говорит, что в своем ответном письме он мог бы сказать, что принимает к сведению письмо Молотова и высказывает удовлетворение, что советское правительство готово урегулировать вопрос о советско-польской границе в дружественном духе. Затем он хотел бы сослаться на то, что английское правительство в этом вопросе стоит на позиции, изложенной в письме польскому правительству от 30.VII.41 г.

Молотов заявляет, что это означало бы одностороннюю поддержку Польши в ущерб интересам СССР. В английском ответе можно было бы не повторять прежнего английского заявления полякам.

Иден отвечает, что английское правительство не имеет намерения оказывать одностороннюю поддержку Польше. В качестве доказательства того, что Англия не гарантировала никаких границ Польши, Иден привел свое заявление в палате общин от 30.VII.41 г. в связи с письменным заявлением польскому правительству от того же числа. В этом заявлении определенно указывается, что Англия не взяла на себя никаких обязательств в отношении гарантирования каких-либо границ в Восточной Европе.

Иден говорит, что надо попытаться найти форму ответа английского правительства и еще раз посмотреть заявление английского правительства полякам от 30.VII.41 г.

5. Переходя к другим замечаниям по статье третьей, Иден заявляет, что английское правительство считало бы необходимым исключить слова: "а также интересов Великобритании в деле возвращения занятых вражескими силами британских территорий в Европе" и слова "в Европе" и "Европы", чтобы не вызывать кривотолков в вопросе о невмешательстве во внутренние дела других народов и не создать впечатления, что мы признаем этот принцип только в отношении Европы.

Молотов ответил, что он не возражает против предложения Идена исключить из договора указанные слова.

6. **Иден** говорит, нельзя ли сохранить в договоре статью о федерациях в духе ее редакции, принятой в декабре прошлого года в Москве.

Молотов отвечает, что Иден, конечно, имеет право поставить этот вопрос, как обсуждавшийся еще в декабре. Но он, Молотов, должен объяснить причины, по которым эта статья была исключена из договора. Дело в том, что по некоторым материалам, имеющимся в распоряжении советского правительства, делаются попытки направить некоторые федерации против СССР. Это нас насторожило. Ввиду наличия таких попыток, а также поскольку этот вопрос подлежит детальному обсуждению и урегулированию между СССР и Великобританией, советское правительство решило воздержаться от заявления заранее поддерживать всякие федерации и посчитало возможным не касаться этого вопроса в договоре. Мы надеемся, что когда вопрос о федерациях будет решаться, то он будет разрешен в дружественном духе в отношении СССР и Англии.

Иден ответил, что Великобритания никогда не будет участвовать в соглашениях, направленных против СССР. Он говорит, что включение статьи о федерациях крайне желательно, и обещает подыскать подходящую формулировку этой статьи.

На беседе присутствовали: с советской стороны тт. Майский, Соболев¹³ и Павлов. С английской стороны – Кадоган, Сарджент и Файэрбрэс¹⁴.

№ 4

Запись беседы с Иденом
22 мая 1942 года

Присутствовали: Иден, Кадоган, Сарджент, Файэрбрэс, тт. Молотов, Майский, Соболев, Павлов.

1. **Молотов** предлагает начать обсуждение письма по польскому вопросу.

Иден заявляет, что его трудности заключаются в том, что английское правительство связано определенными обязательствами по отношению к полякам. Его письмо по польскому вопросу имеет своей задачей подтвердить в переговорах с советским правительством позицию британского правительства, которую оно заняло в

¹³ А.А. Соболев – член советской делегации. Генеральный секретарь НКВД СССР, впоследствии советник посольства СССР в Великобритании.

¹⁴ По итогам двух первых заседаний Молотов отправил Сталину телеграмму (см. Советско-английские отношения..., т. 1, с. 221–223). На следующий день состоялась беседа у Идена и совещание у Черчилля (протокол совещания см. там же, с. 223–230).

августе 1939 г. в отношении поляков. Эта позиция определяется обязательствами английского правительства. Это не означает, конечно, что английское правительство не стало бы приветствовать урегулирование польского вопроса в переговорах непосредственно между польским и советским правительствами.

Молотов говорит, что во всяком случае позиция может быть улучшена.

Иден спрашивает, что надо понимать под улучшением.

Молотов отвечает, что он предлагал бы договориться по польскому вопросу по существу, приняв за основу линию Керзона. Он, Молотов, ничего не предлагает, кроме старой позиции английского правительства.

Иден замечает, что, когда он был в Москве, вопрос о советско-польской границе было решено оставить открытым.

Молотов заявляет, что этот вопрос можно оставить открытым. Но если подтвердить вновь прежнюю позицию британского правительства, то получится, что английское правительство оказывает одностороннюю поддержку полякам во вред СССР. Молотов предлагает оставить вопрос о советско-польской границе открытым.

Иден говорит, что его письмо по польскому вопросу не исключает решения польского вопроса на основе линии Керзона или другой базе. Его письмо заверяет поляков в том, что позиция английского правительства, выраженная им во время заключения советско-польского договора, остается неизменной. Он затрудняется найти другую редакцию своего письма, которая бы говорила о меньшем.

Молотов заявляет, что он хочет привести некоторые конкретные данные. Иден говорил, что британское правительство согласно с решением вопроса о советской границе в Прибалтике, но возражает в вопросе о советской границе с Польшей. Вот данные. Граница СССР с Прибалтийскими республиками составляет 400 км, а с Польшей – 800 км, то есть в два раза больше. Спрашивается, как мы можем говорить в договоре об учете интересов СССР в деле восстановления границ, когда $\frac{2}{3}$ всей этой границы СССР остаются спорным вопросом и, более того, английское правительство еще снова заявляет, что оно не признает изменения границ 1939 года. Если англичане поддерживают позицию Польши в отношении $\frac{2}{3}$ границы СССР на Западе, то спрашивается, что остается от статьи 3 Договора?

Иден заявляет, что советское предложение состояло в том, чтобы оставить вопрос о советско-польской границе открытым. Его, Идена, письмо не решает вопроса о границах и не гарантирует никакой границы. Английское правительство не предлагает гарантии границ и не оказывает поддержку какой-либо стране. Оно только лишь подтверждает свою позицию в отношении поляков от 30.VII.41 г. Это означает, что оно остается на базе своего договора с поляками, не гарантирующего Польше определенных границ.

Молотов говорит, что это означает игнорирование сложившихся фактов. Мы предлагали в декабре и теперь предлагаем не принимать никакого решения в отношении Польши. Мы считаем нужным решать вопрос об удовлетворении интересов Польши не за счет территорий, которые населены украинцами и белорусами, вошедших в состав СССР, а за счет общего врага СССР и Польши – Германии. Мы не хотим ссориться с Польшей. Мы предлагаем Польше больше, чем дала бы ей линия Керзона, и мы готовы идти на это. Мы считаемся с желанием Англии поднять значение Польши, но не за счет украинцев и белорусов, а за счет общего врага Великобритании, Польши и СССР – за счет Германии. Если мы можем договориться на этой основе, то это действительно могло бы дать базу для дружественного развития англо-советских отношений. В 1939 году тогдашняя Польша помешала сближению Англии и СССР, и теперь польский вопрос снова создает затруднения без достаточных оснований к этому.

Иден говорит, что в предлагаемом им проекте ответного письма советскому правительству нет ничего, не согласующегося с его письмом полякам от 30.VII.41 г. Позиция английского правительства состоит в том, чтобы вопрос о советско-польской

границе оставить открытым до решения его между советским и польским правительствами. Его, Идена, письмо от 30.VII.41 г. касается не границ, а определяет общую позицию британского правительства в отношении поляков.

Молотов заявляет, что, если бы Иден написал в своем письме то, что он говорит, или то, что он заявил в парламенте 30.VII.41 г., мы могли бы тогда это обсудить. Молотов предлагает Идену заявить в своем письме, что вопрос о польской границе остается открытым.

Иден отвечает, что именно такова позиция британского правительства. Но он полагает, что вряд ли будет возможным отразить в его письме заявление в парламенте. Иден говорит, что по существу проект его письма мало отличается от советско-польского договора.

Молотов заявляет, что наш договор с поляками оставляет вопрос о советско-польской границе открытым. Заявление же Идена в его письме является явно односторонним, односторонне пропольским. Молотов замечает, что в прошлый раз Иден обещал подыскать формулировку для компромисса. Однако вместо новой формулировки Иден повторяет свою старую формулировку.

Иден улыбается и выражает сомнение в возможности успешно разрешить этот вопрос.

Молотов говорит, что если ничего не выходит с письмом по польскому вопросу, тогда не стоит тратить время. Видимо, с третьей статьёй не выходит.

Иден говорит, что он согласен с этим.

Молотов предлагает перейти к рассмотрению других статей договора.

Иден отвечает согласием.

2. **Молотов** говорит, что если мы договоримся по другим вопросам, то в пункте о федерациях можно было бы принять за основу декабрьскую формулировку. Молотов говорит, что если взять старую декабрьскую формулировку статьи о федерациях, то пункт а) этой статьи гласил: "Обеспечение и укрепление экономической и политической независимости всех европейских стран, будут ли они федерированы или существовать как отдельные государственные единицы". Можно было бы в этот текст внести поправку и принять его в следующем виде: "Обеспечение и укрепление экономической и политической независимости всех европейских стран **на дружественных основах в отношении СССР и Великобритании**, будут ли они федерированы или существовать как отдельные государственные единицы".

Иден говорит, что он предложил бы принять старую, с небольшим изменением формулировку этого пункта, а именно в следующем виде: "Обеспечение и укрепление экономической, военной и политической независимости всех европейских стран и поощрение региональных соглашений и конфедераций в подходящих случаях".

Молотов поясняет, что его поправка вызвана тем, что есть факты, которые заставили насторожиться советское правительство. Иден уже заявил вчера, что он также против того, чтобы федерации были направлены против СССР, – поэтому, должно быть, предложенная (Молотовым) поправка будет приемлема для Идена. Молотов добавляет, что он готов продумать и новую формулировку Идена п. а ст. 3.

3. **Иден** говорит, что редакция ст.ст. 4, 5, 6 советского проекта совпадает с соответствующими статьями английского проекта и, следовательно, статьи 4, 5, 6 можно считать согласованными. Остается, таким образом, один трудный вопрос, а именно – вопрос о статье 4 английского проекта. Эта статья, как объяснил вчера Черчилль, была включена в договор по просьбе Рузвельта. Было бы очень полезным оставить эту статью в той или иной форме в договоре, учитывая, что в общем американскому правительству не нравится этот договор. Он, Иден, хотел бы разъяснить смысл этой статьи. Предположим, что мы договоримся о включении Восточной Пруссии в состав Польши. Тогда эта статья будет означать, что мы

желаем принять меры для переселения германского населения из Восточной Пруссии.

Молотов говорит, что в случае с Восточной Пруссией не будет разногласий. Молотов спрашивает, нельзя ли обсудить прежде вопрос о протоколе, который составляет неразрывную часть договора об обеспечении безопасности СССР на северо-западе и на юго-западе, а также о безопасности Великобритании в районе Бельгии и Голландии. Молотов спрашивает, каково отношение Идена к этому протоколу, точное содержание которого уже известно Идену от Майского.

Иден заявляет, что до обсуждения протокола он хотел бы услышать от Молотова, принимает ли советское правительство включение в договор статьи 4.

Молотов говорит, что это новый вопрос для советского правительства. Принятие статьи 4 английского проекта связано с большими трудностями, которые можно уяснить на следующем примере. Согласно этой статье, мы, признавая в договоре включение Эстонии в состав СССР, заявляем, что все желающие переселиться могут выехать из Эстонии. Мы тем самым будоражим население Эстонии и самим договором ведем пропаганду среди недовольных, а следовательно, искусственно создаем внутренние трудности для СССР. Договор, с одной стороны, признает включение Эстонии в СССР, а с другой стороны, развивает нежелательную пропаганду, толкая недовольные элементы среди населения к предъявлению всякого рода претензий к советскому правительству. Поэтому советское правительство не желало бы включать статью 4 в договор.

Переходя к вопросу о протоколе, Молотов говорит, что он хотел бы объяснить причины, по которым возник вопрос о необходимости подобного протокола. Молотов говорит, что СССР считает необходимым, чтобы при заключении англо-советского договора были предусмотрены минимальные условия для обеспечения безопасности СССР в тех районах, из которых соучастники Гитлера – Финляндия и Румыния – предприняли агрессию против СССР. Мы хотим на будущее предупредить будущие комбинации этих двух участников теперешней гитлеровской агрессии с Германией против СССР путем заключения между этими странами и СССР пактов о взаимопомощи с гарантией их независимости со стороны СССР. Мы считаем, что Великобритания могла бы пойти по тому же пути с целью обеспечения на будущее своей безопасности в районах Бельгии и Голландии, имея в виду, что именно территории этих стран Германия использовала для агрессии против Великобритании.

Иден говорит, что ему не ясно, какую форму примут эти статьи. Английское правительство не намерено заключать договоров с Бельгией и Голландией о взаимопомощи. Ему, Идену, не совсем ясно, что требуется от британского правительства при подписании подобного протокола.

Молотов говорит, что смысл подписания подобного протокола состоит в том, что мы признаем желательным заключение пактов взаимопомощи Советским Союзом и отдельно Великобританией со странами, которые были очагами военной опасности для СССР и соответственно Великобритании. В отношении Финляндии и Румынии СССР и Великобритания должны договориться о необходимости восстановления действия соглашений этих стран с СССР, т.е. мирного договора от 12.III.1940 г. с Финляндией и советско-румынского соглашения от 27–28 июня 1940 года, а также заключения договоров о взаимопомощи с гарантией для Финляндии и Румынии их независимости. Особым пунктом следовало бы предусмотреть условия по обеспечению безопасности Великобритании в районе Бельгии и Голландии, территория которых, как известно, используется теперь Германией против Англии. Конечно, заключение договоров между Англией и этими странами (поскольку территория этих стран может быть использована Германией против Англии и в будущем) является всецело делом Англии.

Иден повторяет, что ему все еще не ясно содержание предлагаемого протокола. Иден просит Молотова вручить ему сегодня к вечеру проект предлагаемого протокола с тем, чтобы он мог его рассмотреть со своими коллегами.

Молотов говорит, что он может представить проект протокола, но он хотел бы знать отношение Идена к подобному протоколу, а также желал бы слышать от Идена о том, какие вопросы требуют разъяснения.

Иден говорит, что для этого он хотел бы получить проект протокола в письменной форме.

Молотов обещает представить Идену проект протокола сегодня вечером.

№ 5

Министерство иностранных дел
22 мая 1942 года

Уважаемый Посол [Майский],

В соответствии с договоренностью во время беседы вчера вечером я посылаю Вам проект письма, которое г-н Иден мог бы направить г. Молотову по вопросу о польской границе в ответ на предложенный г. Молотовым проект письма, которое г. Молотов предложил бы адресовать г. Идену по подписании Политического договора. Совершенно ясно, что обмен этими письмами должен произойти в день подписания договора и что этот обмен будет иметь одинаковую с договором силу.

В советском проекте письма содержится ссылка на "договоренность, состоявшуюся некоторое время тому назад, между Председателем Совета Народных Комиссаров И.В. Сталиным и Премьер-Министром Польской Республики генералом В. Сикорским". Нам не совсем ясно, к какой договоренности относится эта ссылка, и Вы, наверное, согласитесь с тем, что мы должны ознакомиться с этой договоренностью, прежде чем мы сможем дать ответ на советский проект письма. Поэтому, когда мы ближе ознакомимся с указанной договоренностью, для нас может оказаться необходимым соответственно изменить проект ответа, который я Вам посылаю сегодня.

Есть еще один небольшой вопрос, в который нужно внести ясность. Последняя фраза советского письма гласит:

"При этом Советское Правительство выражает уверенность, что этот вопрос будет разрешен по взаимному соглашению между дружественными и союзными отношениями двух стран".

Вы согласитесь, что в этой фразе имеется какая-то ошибка в последних семи словах, т.к. они не имеют смысла. Не могли ли Вы препроводить нам правильный текст?

В отношении постановления статьи 5-й английского проекта по вопросу о конфедерациях г-н Иден весьма озабочен тем, чтобы эти конфедерации не были бы направлены против Советского Союза. Нам кажется, что этому можно было бы эффективно противодействовать, дополнив существующий текст статьи словами "против агрессии или проникновения со стороны Германии и Италии". Тогда полный текст этой статьи будет следующий:

"Статья 5.

.....

а) Поощрение региональных соглашений и конфедераций среди государств Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы, где такие соглашения или конфедерации являются желательными в целях обеспечения и укрепления политической, военной и экономической безопасности этих государств против агрессии со стороны Германии и Италии".

Верьте мне

искренне Ваш

О. Сарджент.

№ 6

Советский проект письма т. Молотова Идену по польскому вопросу

Господин министр, подписывая сего числа договор между СССР и Великобританией о разрешении послевоенных вопросов и об их совместных действиях для обеспечения безопасности в Европе после окончания войны с Германией и ее союзниками в Европе, я уполномочен правительством СССР заявить следующее:

Советское правительство считает само собой разумеющимся, что вопрос о послевоенных границах между Советским Союзом и Польской республикой составит предмет особого соглашения между правительством Польши и СССР, как об этом было в свое время условлено между председателем Совета Народных Комиссаров СССР И.В. Сталиным и премьер-министром Польской республики генералом Сикорским.

При этом Советское правительство выражает уверенность, что этот вопрос будет разрешен по взаимному согласию названных правительств в духе существующих между обеими странами дружественных, союзных отношений.

Примите и прочее.

Министру иностранных дел Великобритании г. А. Идену.

№ 7

Английский проект ответного письма Идена [Молотову] по польскому вопросу

Сэр,

Имею честь подтвердить получение Вашего письма от сегодняшнего числа в связи с подписанием договора, касающегося послевоенного сотрудничества между нашими обеими странами.

Принимая к сведению содержащееся в Вашем письме заявление относительно границ между СССР и Польской Республикой, имею честь информировать Вас о следующем:

В понимании Правительства Его Величества в Соединенном Королевстве упоминание о границах в статье 3 договора не относится к границам Польши. Позиция Правительства Его Величества в этом отношении остается такой же, как она была охарактеризована в сообщении, сделанном поль[скому] пра[вительству] 30.VII.41 г. в связи с подписанием соглашения, заключенного в тот день между Советским Союзом и Польшей.

№ 8

Запись беседы с Черчиллем и Иденом 22 мая 1942 года

22 мая вечером Черчилль и Иден приехали в Чекерс. После обеда, около 10 часов вечера, Черчилль и Иден пригласили тт. Молотова и Майского в отдельную комнату, где находился, между прочим, большой подвижной глобус мира, и здесь произошла длинная беседа, продолжавшаяся в течение трех часов. Переводил тов. Майский.

1. **Военное положение.** Львиную долю времени заняло подробное сообщение Черчилля о военном положении. Много в этом сообщении было такого, что всем известно из газет, однако были и такие вещи, которые имеют секретный характер. Свой доклад (ибо сообщение Черчилля очень походило на доклад) премьер делал, стоя у глобуса, с сигарой в зубах и то и дело отхлебывая из стакана с виски. Сообщение Черчилля в основном сводилось к следующему:

- а) **Дальний Восток.** Черчилль, с усмешкой заявляя "я – японец", мысленно старался поставить себя в положение японского главного военного командования и предугадать, чего можно ожидать от японцев в течение ближайших месяцев. По мнению Черчилля, японцы сильно растянули свою коммуникационную линию, сильно разбросали свои силы по различным территориям, островам и полуостровам, захваченным ими в последние полгода, и потому в состоянии проводить в каждый данный момент только одну, максимум две крупные операции. Исходя из данной предпосылки, Черчилль задавался вопросом: куда же пойдет Япония? Перед Японией, говорил Черчилль, имеется несколько возможных направлений. Начнем с севера. Пойдет ли она против СССР? Сомнительно, по крайней мере в ближайшие месяцы. Сомнительно, по мнению Черчилля, потому, что здесь Японии пришлось бы атаковать очень могущественные советские силы. С чем? По английским сведениям, японцы сейчас имеют в Маньчжурии 23 дивизии, в самой Японии 7, в районе южных морей 29 и примерно 10–12 дивизий в Китае. Общая же численность японской армии определяется 72 дивизиями. С 23 дивизиями атаковать СССР на Дальнем Востоке нельзя, а дополнительные силы взять пока неоткуда. К тому же война с СССР означала бы величайшую опасность для Японии с воздуха, против которой она плохо защищена. В итоге Черчилль приходил к выводу, что наступление Японии в северном направлении маловероятно. Япония могла бы рискнуть на такое наступление лишь в том случае, если бы дела СССР на западном фронте пошли для него плохо, но этого Черчилль не ожидает.
- б) Может ли Япония пойти на Австралию? Тоже маловероятно. Ибо Австралия слишком удалена от японских баз, а белое население Австралии очень энергично и воинственно. К тому же здесь имеются американцы. Атака Австралии означала бы дальнейшее растяжение коммуникационных линий и дальнейшее разбрасывание японских сил. Поэтому Черчиллю кажется маловероятным австралийское направление японской агрессии. Пойдет ли Япония на Индию? Это не исключается, однако и тут Япония мало выигрывает с точки зрения военно-стратегической. Индия – огромная страна с сотнями миллионов населения. В ней легко завязнуть и утонуть. Черчиллю поэтому кажется сомнительным, чтобы Япония сделала главным объектом своего наступления Индию. Возможно, что она атакует район Калькутты, но, скорее всего, лишь для целей военной демонстрации и отвлечения внимания англичан в другую сторону. Пойдет ли Япония в Китай? Это направление кажется Черчиллю более всего вероятным. Захватив Бирму и начало Бирманской дороги, японцы, скорее всего, двинутся по этой дороге в глубь Китая с надеждой окончательно его отрезать от Англии и США и нанести смертельный удар правительству Чан Кайши. Такое направление выгодно для японцев еще и в том отношении, что оно будет вести не к растяжению, а к сокращению линии фронта. Оно может обещать Японии также некоторые более постоянные результаты – консолидацию японских завоеваний в Китае. Тов. Молотов заметил в этом месте, что хотя японцы и могут иметь такие расчеты, однако завоевание Чунцина и ликвидация правительства Чан Кайши представляли бы очень трудную операцию, которая, пожалуй, оказалась бы для Японии непосильной.
- в) Охарактеризовав таким образом военную ситуацию на Дальнем Востоке, Черчилль перешел к изложению мероприятий, принимаемых и намечаемых Англией в этом районе. В Индии расположены 7 дивизий (4 дивизии было потеряно во время боев последних месяцев на Дальнем Востоке. Упомянув в этой связи о Сингапуре, Черчилль, сильно покраснев, воскликнул: "Сингапур – это позорное имя! Мы стыдимся того, что там произошло!"). В Индию подбрасываются английские и американские воздушные силы. Идея состоит в том, чтобы базировать их на западном берегу Бенгальского залива и оттуда бить по японскому флоту и японским базам на восточном берегу Бенгальского залива, в Малайе, в Голландской Индии. Большое внимание уделяется укреплению Цейлона, который сейчас, после потери Сингапура, является главной морской базой в Индийском океане, и Мадагаскару,

оккупированному англичанами (т. Молотов тут выразил удовлетворение по поводу данного шага британского правительства). Одновременно идет консолидация морских сил в Индийском океане, и к середине июля Черчилль рассчитывает иметь там очень солидный флот (8 линкоров, 3 авиаматки, большое количество крейсеров, эсминцев и т.д.). В итоге Черчилль приходит к выводу, что, хотя положение для Англии на Дальнем Востоке сейчас и трудное, но для пессимизма оснований нет.

- г) Далее Черчилль перешел к Среднему и Ближнему Востоку, включая сюда и Северную Африку. Он дал довольно подробный исторический обзор событиям в этих районах на протяжении последних двух лет и затем коснулся современности. Британских войск здесь имеется 16 дивизий (с крупными пополнениями). Общая стратегическая линия состоит в том, чтобы разбить Роммеля или по крайней мере вытеснить его из Киренаики и вновь занять Бенгази. Это важно, в особенности для сохранения Мальты. Защита Мальты была и остается героической, но сейчас, после того как немцы значительные воздушные силы перебросили из Сицилии на советский фронт, проблема Мальты является не столько проблемой боевой защиты, сколько проблемой продовольствия. Население Мальты достигает 300 тыс. человек. Его надо кормить. На Мальте имеются известные запасы продуктов, но нужен подвоз. Сейчас забросить на Мальту конвой – очень трудная операция благодаря господству немцев в воздухе в районе Мальты. Если Бенгази будет в руках англичан, положение изменится. Из Бенгази они будут в состоянии прикрывать конвой с воздуха вплоть до Мальты. Имеются симптомы, что в ближайшие дни в Ливии начнется боевое оживление. Роммель готовится к наступлению. Английский главнокомандующий Охинлек¹⁵ по различным соображениям считает, что ему будет выгоднее, если атакуют немцы. Силы на Ливийском фронте (особенно механизированные силы) обеих сторон приблизительно одинаковы, но у англичан больше резервов. В других районах Ближнего Востока положение, по мнению Черчилля, достаточно прочно. В Иране англо-советская кооперация функционирует неплохо. Трансиранская дорога быстро увеличивает свою пропускную способность. Растет также грузовой транспорт. Черчилль считает, что пути через Иран принадлежат большое будущее. В Ираке, Сирии, Египте, Аравии положение в общем благоприятное для Англии. Турция также держится удовлетворительно, и Черчилль не думает, чтобы она пошла на поводу у Германии. К концу года англичане и американцы рассчитывают подбросить Турции значительное количество современного вооружения, и это должно будет еще больше связать Турцию с союзниками. В итоге общая ситуация в этом районе не располагает Черчилля к пессимизму. Наоборот, он смотрит на будущее с бодростью.
- д) Наконец, Англия. В самой Англии имеется в настоящее время около 40 дивизий, из которых 20 обучены и вооружены, а 20 еще не могут считаться вполне готовыми к бою. 50 тысяч человек ежемесячно отправляются из Англии на Ближний и Дальний Восток. Воздушные силы Англии сильно возросли и, по мнению Черчилля, сейчас равняются примерно германским, особенно в бомбардировщиках. Беда лишь в том, что значительная часть их должна все время посылаться за пределы Англии, на другие фронты. Британское правительство серьезно думает о создании второго фронта в Европе, но было бы неразумно идти на какие-либо авантюры, которые неизбежно должны кончиться провалом. В прежние войны десант не представлял из себя трудной операции для державы, господствующей на море. Сейчас положение изменилось – благодаря авиации. Сейчас десант возможен только там и только тогда, где и когда высадка может быть прикрыта с воздуха авиацией. Под этим углом зрения англичанам приходится подходить к вопросу о втором фронте на континенте. Английский десант может иметь воздушное прикрытие только на сравнительно узкой зоне французского берега (от Дюнкерка до Шербурга). Это

¹⁵ Охинлек К. – командующий британскими войсками на Ближнем Востоке, фельдмаршал (1946 г.).

прекрасно известно и немцам. Вот почему немцы заранее являются готовыми к возможности десанта на континенте и даже знают, где он может произойти. Стало быть, для успешности операции англичане должны иметь на соответствующем участке колоссальное превосходство воздушных сил. А если бы при начале десанта им удалось разбить германские воздушные силы, оказывающие сопротивление, то дальнейшая высадка войск на французском берегу стала бы значительно легче – не только в указанной зоне, но и в других более отдаленных от Великобритании частях. Исходя из указанных соображений, англичане разрабатывают свои планы, и, может быть, не так уж далек тот день, когда они сделают попытку их реализации. Второй фронт на континенте мыслится англичанами как совместная англо-американская операция. Об этом было договорено в апреле месяце на совещании Черчилля с Гопкинсом и генералом Маршаллом. Черчилль полагает, что тов. Молотову во время его пребывания в США было бы очень полезно по вопросу о втором фронте иметь серьезную беседу с Рузвельтом и всеми его ближайшими советниками.

Во время этого сообщения Черчилля тов. Молотов задавал отдельные вопросы для уточнения информации, но не вступал в дискуссию и не солидаризировался с Черчиллем, за некоторыми исключениями, отмеченными выше.

2. **Договора.** После того как "доклад" Черчилля о военном положении был закончен, разговор перешел на вопрос о договорах. Черчилль еще раз подробно остановился на мотивах, заставляющих его относиться с большой опаской к включению вопроса о границах в текст договора. Моя основная цель – говорил Черчилль – это создание тесного сотрудничества между СССР, Великобританией и США сейчас и после войны. С этой точки зрения надо стремиться устранить с дороги все те моменты, которые могут разделить эти державы, и, наоборот, подчеркивать те моменты, которые могут их объединить. Вопрос о границах, по мнению Черчилля, – несомненно такой вопрос, который способствует созданию различного рода недоразумений и разногласий между Соединенными Штатами, с одной стороны, и Англией и СССР – с другой. Вот почему Черчилль считал бы гораздо более выгодным с точки зрения общего дела, если бы в англо-советских договорах можно было избежать всех тех моментов, которые могли бы вызвать недоразумения и недопонимание в США. После этого вступления Черчилль предоставил слово Идену – последний сообщил, что он разработал проект нового договора (одного, а не двух), который, по его мнению, способен был бы вывести нас из создавшихся затруднений. Этот новый договор исключает все спорные моменты, но зато создает прочный план для сотрудничества СССР и Великобритании сейчас и после войны. Новый договор предусматривает не только военную взаимопомощь между обоими государствами, но также и взаимопомощь после войны на срок в 20 лет. Иден обещал вручить текст нового договора завтра, 23 мая. Заканчивая, Иден прибавил, что он очень надеется на готовность тов. Молотова положить в основу переговоров именно этот новый проект. Тов. Молотов ответил, что, не видя текста нового договора, он, разумеется, не может высказать о нем никакого суждения. Однако полагает, что было бы гораздо целесообразнее не начинать нового дела, а, наоборот, закончить то дело, над которым обе стороны работали с декабря прошлого года. Иден с этим не соглашался и вместе с тем дал понять, что если тов. Молотов будет настаивать на заключении старого договора, то его подписание придется отложить до возвращения тов. Молотова из Америки.

3. **Операции бомбардировщиков.** В одном месте доклада Черчилля о военном положении тов. Молотов, превравши его, спросил, не было ли бы возможности для советских бомбардировщиков, сбрасывающих бомбы на Берлин, вместо возвращения назад в СССР пролетать дальше на запад – в Англию, здесь отдохнуть и заправиться и отсюда с новым грузом бомб делать обратный рейс Лондон – Берлин – СССР? Черчилль отнесся положительно к этой мысли и заявил: "Да, конечно, это было бы очень хорошо".

4. Тов. Молотов спросил также Черчилль, не согласился ли бы он дать советским военным английский прибор на самолетах, точно определяющий в воздухе расстояние и местонахождение вражеского самолета. Черчилль, указав на то, что Англия дает нам важный военный прибор для зенитной стрельбы по самолетам, решительно отказался дать этот прибор, сказав, что Англия не разрешает применять этот прибор за пределами своей страны, чтобы прибор не попал к немцам. Черчилль отказался сделать это и в обмен на какой-либо интересующий Англию военный секрет СССР, заявив, что он не может торговаться в таком деле.

Во время беседы затрагивались и некоторые другие вопросы (например, о судебном процессе в Анкаре), но это делалось между прочим, без особого обсуждения.

№ 9

Телеграмма из Лондона
Получена в Москве 23 мая 1942 г.

По предварительной информации неисправности мотора устранены и самолет готов к дальнейшему полету. Неисправность была следующая: в четвертом моторе выбивало масло из регулятора шага винта.

На аэродром для более надежной проверки самолета к вылету 21 мая командированы авиационные инженеры Борисенко и Богомолов.

Необходимые карты маршрута для дальнейшего полета получены у англичан.

22/V-42

Молотов

№ 10

Телеграмма из Лондона
Получена в Москве 23 мая 1942 г.

Сталину

22 мая на заседании у Идена продолжалось обсуждение вопроса о договорах.

1. Иден настаивал на статье 4 английского проекта о праве переселения. Я защищал наш проект.

2. По протоколу Иден заявил, что пункт о Бельгии и Голландии должен быть исключен, поскольку для Британского правительства пока вопрос неясен. Что касается пунктов о Румынии и Финляндии, то по представлению нашего текста он обсудит их с кабинетом.

3. По пункту о федерациях я предложил известную поправку к декабрьскому проекту.

Вообще со стороны англичан не видно желания пойти нам навстречу.

23.V.42 г.

Молотов

№ 11

Телеграмма из Москвы
Лондон. Молотову

Обе твои шифровки получил. На фронте пока нет больших изменений. В районе Барвенково и Изюма идут большие бои. У немцев в этом районе шесть танковых дивизий. Изюм в наших руках. Барвенково у немцев. В районе Харькова наше наступление приостановлено. Керченский полуостров пришлось очистить. На других

фронтах пока все по-старому, идет накопление сил, подтягивание наших резервов. Нам очень нужны истребители, танки. Поставьте перед англичанами вопрос об усилении поставки истребителей, танков, особенно Валентина.

Сталин

23.V.42 г.

№ 12

Телеграмма из Лондона
Получена в Москве 23 мая 1942 г.

Сталину

Иден согласился не упоминать в договоре о подтверждении его заявления от 30 июля 1941 года на имя Сикорского и предложил вместо этого следующий текст его письма в ответ на мое письмо по польскому вопросу:

"Имею честь подтвердить получение Вашего письма от сегодняшнего числа в связи с подписанием договора, касающегося послевоенного сотрудничества между нашими обеими странами. Принимая к сведению содержащееся в Вашем письме заявление относительно границ между СССР и Польской республикой, имею честь информировать Вас о следующем: в понимании правительства Его Величества в Соединенном королевстве, упоминание о границах в статье 4 договора не относится к границам Польши. Позиция правительства Его Величества в этом вопросе остается такой же, как она была охарактеризована в связи с подписанием соглашения между Советским Союзом и Польшей от 30.VII.41 г. в сообщении польскому правительству".

Я предлагаю согласиться с текстом этого письма Идена при условии добавления в конце письма следующей фразы (поставив в конце вышеприведенного текста вместо точки запятую) "а также в заявлении, сделанном мной от имени правительства в палате общин в тот же день, что правительство Его Величества не гарантировало никаких границ в Восточной Европе".

Жду ответа.

23.V.42 г.

Молотов

№ 13

Телеграмма из Лондона
Получена в Москве 23 мая 1942 г.

Сталину

Проявляя специальное личное внимание ко мне (завтрак, обед, длительная личная беседа до поздней ночи в Чекерсе), Черчилль по существу двух основных вопросов ведет себя явно несочувственно нам. В последней беседе он дал понять, что лучше отложить подписание обоих договоров, так как трудно договориться, не обидев США.

На назначенном 23 мая третьем обсуждении у Идена проекта договоров я сделаю попытку договориться с использованием последних указаний в Москве. Кроме того, буду ждать согласия и на мое предложение о тексте ответного письма Идену с моей поправкой (жду быстрого ответа из Москвы).

Тем не менее не имею уверенности, что договорюсь. Иден заявил, что 23 мая вместо прежнего проекта договора о послевоенных проблемах он даст какой-то новый проект, как можно было понять, с упором на экономическую взаимопомощь после войны.

Черчилль и Иден настаивают также на том, чтобы после США я снова заехал в Англию и, с учетом результатов моих бесед с Рузвельтом, еще раз обсудил с ними интересующие обе стороны вопросы, что об этом Черчилль хочет просить Сталина. Я ответил на это, что планом моей поездки предусмотрено, что из США я лечу прямо в СССР, что изменить это может только Москва.

Выводы:

1. Все последние беседы создают у меня впечатление, что Черчилль выжидает событий на нашем фронте и сейчас не торопится договариваться с нами.

2. Возвращение после США в Англию считаю нецелесообразным, так как нет перспектив на улучшение дел от этого.

3. Видимо, и в США благоприятных перспектив для моей поездки нет, но обещание приехать придется выполнить.

Вылет в США намеряю на 25 мая, если погода будет благоприятная. Самолет в порядке.

23 мая пошлю проект коммюнике.

23.V.42 г.

*Молотов*¹⁶

№ 14

Телеграмма из Лондона
Получена в Москве 23 мая 1942 г.

Сталину

22 мая утреннее заседание, на котором с английской стороны присутствовали Черчилль, Эттли, Иден и начальники штабов, посвящено вопросу о втором фронте.

Я сделал заявление, в котором обосновал важность создания второго фронта в Европе в течение ближайших недель и ближайших месяцев тем, что летом должны развернуться крупнейшие бои на советско-германском фронте, что не исключено наличие некоторого превышения сил у немцев по сравнению с нашими, что в этих условиях оттяжка на Западный фронт хотя бы 40 германских дивизий могла бы сыграть решающую роль и наверняка обеспечила бы разгром или по крайней мере предпрещение разгрома Гитлера еще в 1942 году. В отчет Черчилль ясно дал понять, что второй фронт возможен только в 1943 году или, может быть, в конце 1942 года. В ответ на мой вопрос он заявил также, что Рузвельт в вопросе о сроках второго фронта стоит на его позиции. Главное препятствие, по утверждению Черчилля, состоит в том, что у англичан и американцев нет достаточного количества судов, специально приспособленных к десантным операциям, но зато в 1943 году Черчилль грозит атаковать Европейский континент в 5–6 местах с помощью 1–1,5 миллиона англо-американских войск.

После нескольких уточняющих вопросов пришлось признать, что английское правительство не признает возможным организацию второго фронта в желательный нам короткий срок.

23.V.42 г.

Молотов

¹⁶ Содержание телеграммы существенно расходится с опубликованным ранее текстом, см. Советско-английские отношения..., т. 1, с. 230–231.

Телеграмма из Москвы

Молотову

1. Мы не возражаем против твоего добавления к тексту ответного письма Идена о советско-польской границе.

2. Предлагаем сразу перенести дело на второй район¹⁷ по всем пунктам, а нашего текста протокола о Финляндии и Румынии не предъявлять Идену.

3. Советуем согласиться на то, чтобы на обратном пути остановиться в Лондоне.

4. Передай Черчиллю мой ответ на его послание:

"Я получил переданное в Куйбышеве 20 мая Ваше послание, в котором Вы сообщаете, что в настоящее время тридцать пять пароходов с военными грузами для СССР находятся на пути в советские порты. Благодарю Вас за сообщение и предпринятые Вами меры по отправке пароходов. Со своей стороны наши воздушные и морские силы предпримут все возможное в целях охраны этого транспорта на том участке пути, о котором Вы сообщили мне в своем послании от 9 мая сего года".

5. Дела у Тимошенко пошли хуже. Он надеется выправить положение.

23.V.1942 г.

Сталин

Окончание следует

¹⁷ Вероятно, "на второй фронт".

© 1997 г.

Б.М. Т У П О Л Е В

ФРИДРИХ II, РОССИЯ И ПЕРВЫЙ РАЗДЕЛ ПОЛЬШИ

**СОЗДАНИЕ БАРСКОЙ КОНФЕДЕРАЦИИ
И НАЧАЛО РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ.
ВТОРОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗАВЕЩАНИЕ ФРИДРИХА II**

Возводя Станислава Понятовского на польский престол, Екатерина II рассчитывала сделать его безропотным проводником своей политики в Речи Посполитой. И на это у нее были веские основания. Еще во время пребывания при саксонско-польском дворе английский посланник Чарльз Вильямс находился в тесной дружбе с польскими магнатами Чарторыйскими и, отправившись в Петербург, взял с собой в качестве секретаря посольства их 23-летнего племянника графа Понятовского, являвшегося, по отзывам современников, одним из самых блестящих молодых людей Европы. Появившись в высшем петербургском свете, секретарь английского посольства тотчас же привлек к себе внимание великой княгини Екатерины. Он завоевал благосклонность и великого князя Петра тем, что насмеялся над польским королем Августом и его министром графом Брюлем, которых Петр ненавидел как врагов Фридриха II¹.

Вскоре Понятовский стал постоянным посетителем "молодого двора" и фаворитом Екатерины, приходя к ней на свидания в нахлобученном на лицо белокуром парике. Если его останавливала стража, на ее вопрос "кто идет?" он отвечал: "Музыкант великого князя"². "Я часто приезжал в Ораниенбаум, – писал Понятовский позднее, – приходил вечером по потайной лестнице в покои великой княгини и находил там великого князя с его любовницей; мы ужинали вместе, затем великий князь уводил свою любовницу, говоря нам: "Итак, мои дети, теперь я вам больше не нужен", – и я оставался, сколько хотел"³.

Почувствовав твердую почву под ногами, Понятовский принялся энергично отстаивать при петербургском дворе интересы своих дядей Чарторыйских в ущерб королю Польши и поддерживать политическую линию своего друга Вильямса в пользу прусского короля. Когда же раздраженный этим Брюль отозвал Понятовского из северной столицы, Екатерина настояла на том, чтобы он был назначен польско-саксонским посланником при петербургском дворе. Через три месяца он вернулся с официальным титулом министра польского короля⁴. Своему посланнику в Варшаве Екатерина II, отдавая распоряжение решительно поддержать кандидатуру будущего польского короля, писала в 1763 г. с известной долей цинизма, что Понятовский "во время своего пребывания в Петербурге оказал своему отечеству более услуг, чем какой-либо министр республики". В 1765 г. в Европе даже широко распространился слух о предполагаемом браке Екатерины с вновь избранным королем Польши, чтобы таким образом объединить оба государства. Однако императрица поспешила успокоить своих соседей, приказав российским представителям в Варшаве добиться того,

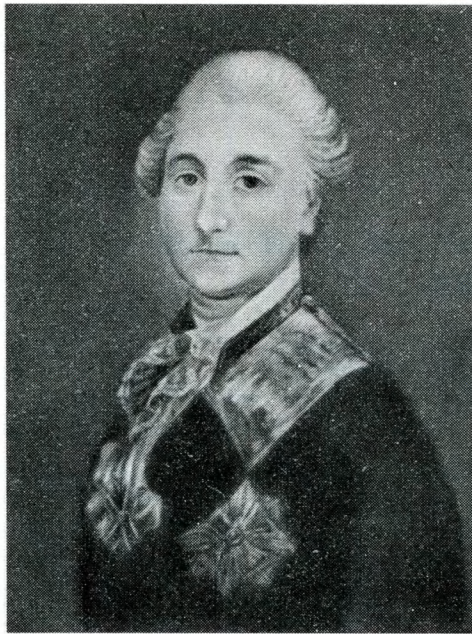
Окончание. Начало см. № 5 нашего журнала за 1997 г.

¹ Соловьев С.М. Сочинения, кн. XII. История России с древнейших времен, т. 24. М., 1993, с. 333.¹

² Валишевский К. Роман одной императрицы. М., 1989, с. 58.

³ Цит. по: Валишевский К. Указ. соч., с. 51.

⁴ Соловьев С.М. Указ. соч., с. 333; Валишевский К. Указ. соч., с. 46.

Станислав II Август Понятовский (1732–1798),
король Речи Посполитой (1764–1795 гг.)

чтобы, став королем, Понятовский женился на польке или хотя бы заявил о таком намерении⁵.

Когда Станислав II Август, отказавшись быть безвольным орудием в руках царицы, избрал политический курс, ставший опасным для интересов как России, так и Пруссии, и попытался устранить губительное для Польского государства "либерум вето", Екатерина II при поддержке прусского короля бросила среди политических группировок в Польше яблоко раздора "свободы вероисповедания" для некаатолических конфессий⁶. Здесь с особой силой проявилось практическое значение союзного трактата 1764 г., когда в апреле 1767 г. между Россией и Пруссией была заключена секретная конвенция по вопросу о конфессиональных меньшинствах, диссидентах, в которой предусматривалось оказание Пруссией военной помощи России в случае вмешательства Австрии в Польше в пользу католиков. Пруссия могла также оказать России не только денежную, но и военную поддержку, если бы Османская империя произвела "некоторые диверсии своими войсками в Польше... и если бы она объявила Е.В. Императрице Всероссийской войну, так что Ее Величество нашла себя чрез то вынужденною сделать сильную диверсию... во владениях самой Турции"⁷.

Не позднее 1765 г. Екатерина II стала предпринимать попытки, в том числе и с помощью вооруженного вмешательства, навязать Польше договор о союзе, а по существу о протекторате, призванный создать правовые основы для дальнейшего укрепления позиций России в этой стране. Такой договор был заключен 24 февраля (6 марта) 1768 г. Австрийский канцлер Кауниц считал, что этот союзный договор открывает перед царицей возможность распоряжаться всеми делами Польши и действительно сделать из нее провинцию России. Угрозы, подкуп, аресты политических

⁵ Валишевский К. Указ. соч., с. 52–53.

⁶ Ritter G. Friedrich der Grosse. Ein historisches Profil. Heidelberg, 1954, S. 230.

⁷ Собрание Трактатов и Конвенций, заключенных Россиею с иностранными державами. По поручению МИД составил Ф. Маргенс, т. VI. Трактаты с Германиею. 1762–1808. СПб., 1883, с. 47. См. также с. 43–48.

вождей и депортация в Россию участников сейма, оказывавших сопротивление российским требованиям, привели к тому, что так называемый "безмолвный сейм" принял постановление о сохранении старой "анархической" конституции. Добившись формального равноправия некатолических конфессий, Екатерина II одновременно подтвердила "вечные и неизменные основные права" польского дворянства⁸.

И все же оказалось, что наступательный образ действий России в Польше в 1767–1768 гг., направленный на то, чтобы управлять республикой путем неприкрытого вмешательства и манипулирования польскими политическими группировками, принял явно затяжной характер. Еще до окончания сейма, в феврале 1768 г., для защиты "веры и свободы" в городке Бар в Подолии, на польской Украине, вблизи от турецкой границы, была провозглашена так называемая Барская конфедерация, – объединение польской шляхты, выступавшей против короля Станислава Августа и поддерживающей его России. Конфедератам покровительствовали Франция и Османская империя. Участие в Барской конфедерации части патриотически настроенного дворянства не меняло ее реакционной сущности. Враждебная реформам и королю католическая дворянская оппозиция была готова все поставить на карту во имя "католицизма и привилегий", решительно выступала против равноправия православных белорусов и украинцев, составлявших значительную часть населения Речи Посполитой. Борьбу за реакционные внутривнутриполитические цели Барская конфедерация связывала с сопротивлением российскому вмешательству⁹.

Фридрих II, внимательно следивший за развитием событий в Речи Посполитой, 22 августа 1768 г. прибыл с инспекционной поездкой в г. Грюнберг (Зелена-Гура) в Силезии, на границе с Польшей. Из окна кареты он задал несколько вопросов членам магистрата о хозяйственных проблемах города, а затем, как говорилось в отчете городского директора Кауфмана силезскому министру Шлабрендорфу, "спросил, перейдя на мягкий тон, нет ли здесь людей, которые ведут торговлю с Польшей?" и, имея в виду действия Барской конфедерации, поинтересовался, "что они говорят, какое там положение?" В ответ ему сказали, что данцигские торговцы сукном самыми первыми вернулись три дня тому назад и сообщили что в Данциге скоро ожидают прибытия короля Польши и говорят, что конфедерация "скоро, вероятно, станет всеобщей". Так как вокруг Варшавы еще сохранялось относительное спокойствие, король Станислав II Август собирался воспользоваться этим для отъезда в Данциг. В том же 1768 г. Фридрих II отдал приказ прусскому легационному советнику в Варшаве Бенуа собрать сведения о том, сколько лет потребуется Польше, чтобы она вновь смогла заняться основанием фабрик и мануфактур¹⁰.

Однако беспорядки в Польше привели к значительно более серьезным последствиям, чем предполагал тогда Фридрих II. Жестокие действия конфедератов в отношении православной церкви и населения встретили при поддержке России решительный отпор со стороны украинцев – безземельных крестьян и казаков, выступивших за свою "веру и свободу" против шляхты и католической церкви. Польский король не мог справиться с гражданской войной, и Россия в соответствии с договором, навязанным Польше, использовала вооруженные силы для восстановления в стране порядка и "защиты" ее конституции. Когда бои привели к нарушениям границ Османской империи, Порты стала настаивать на эвакуации русских войск из Подолии. После ареста русского посланника в Константинополе А.М. Обрезкова дело дошло до открытого разрыва. 23 сентября 1768 г. Турция объявила России войну. Французские

⁸ *Zernack K.* Friedrich, Russland und Polen. – Preussens Grosser König. Leben und Werk Friedrichs des Grossen. Eine Ploetz-Biographie. Freiburg – Würzburg, 1986, S. 204; *Mittenzwei I.* Friedrich II. von Preussen. Eine Biographie. Köln, 1980, S. 169; *Ritter G.* Op. cit., S. 230.

⁹ *Müller M.G.* Die Teilungen Polens 1772–1793–1795. München, 1984, S. 33; *Michalski J.* Schyłk konfederacji barskiej. Wrocław–Warszawa–Kraków, 1970.

¹⁰ Nach dem Bericht des Stadtdirektors Kauffmann an den schlesischen Provinzialminister von Schlabrendorff. Grünberg, 22. August 1768. – Nachrichten aus Polen. – Der allgegenwärtige König Friedrich der Grosse im Kabinett und auf Inspektionsreisen. Berlin, 1942, S. 273–274.

интриги против дальнейшего возрастания влияния России в Польше и происки французской дипломатии в Константинополе сыграли существенную роль в подталкивании Османской империи к этой войне¹¹.

Именно в такой критической ситуации 7 ноября 1768 г. Фридрих II подписал в Сан-Суси свое второе Политическое завещание, в котором дал оценку основным участником развернувшихся драматических событий и сформулировал свои внешнеполитические цели. В отличие от первого завещания 1752 г., написанного после двух победоносных Силезских войн, во втором завещании, составленном под воздействием тяжелого опыта Семилетней войны, Фридрих отделяет великие державы от государств второго и третьего разряда. При этом, называя среди великих держав, наряду с Англией и Францией, также Австрию и Россию, он уже не причисляет к ним Пруссию, Голландию и Испанию. Он считал, что в Семилетней войне Пруссия не выдержала пробы сил европейских государств и вышла из нее "неурезанной" не благодаря собственной мощи, а только из-за распада враждебной коалиции¹².

Фридрих II не исключал, что прошлое в любой момент может повториться, когда возникнет новый антипруссский альянс, натиск которого Пруссия едва ли сможет выдержать еще раз. "Ввиду положения наших провинций, – писал он в завещании, – Вам понятно, как необходима нам сильная армия. Вспомните о силе Австрии, России и Франции, добавьте сюда шведов и, если угодно, также и имперские войска (вооруженные силы немецких княжеств, входивших в Священную Римскую империю во главе с австрийским монархом в качестве императора. – *Б.Т.*). Вероятно, они не набросятся на нас все скопом, как это было в последней войне... Но требование благоразумия состоит в том, чтобы загодя зорко следить за всеми возможными вариантами и заранее готовиться к этому"¹³.

Несмотря на наличие оборонительного союза с Россией, прусский король постоянно испытывал страх перед ней. В своем втором Политическом завещании он отмечал, что Россия, имея за плечами войну, где сыграла решающую роль в своей коалиции, является теперь крупнейшей империей мира, и речь идет не только о территории, но и – в первую очередь – о численности населения в 9 млн. человек (записанных в российском подушном окладе. – *Б.Т.*). По мере роста населения Россия должна стать "самой опасной державой для Европы, если со временем приведет часть своих невозделанных земель в культурное состояние". Неприступность границ России "внушает ей большую гордость и отвагу", а вечный раздор Пруссии с Австрийским домом мешает заключению "честного союза во имя совместного противодействия предприятиям этого народа". Россия, по мнению Фридриха, пользовалась этими ошибками. "Благодаря нашей слабости она сильна и таким образом притязает на силу и могущество, которым впоследствии лишь с трудом можно будет поставить пределы"¹⁴.

Фридрих II живо интересовался всем, что происходило в России, распорядившись сообщать ему об интригах, скандалах и любовных связях при петербургском дворе. Для подкупа российских сановников и чиновников и вербовки шпионов он отправлял своим посланникам крупные денежные суммы и ордена. Отношение Фридриха к Российскому государству временами претерпевало весьма резкие изменения. Его высказывания о русских, как о всем народе, так и об отдельных людях, определялись главным образом внешнеполитическим положением Пруссии, дипломатическими и пропагандистскими целями и казались то случайными, брошенными вскользь, замеча-

¹¹ Соловьев С.М. Сочинения, кн. XIV, т. 27. М., 1994, с. 231, 241–243; Там же, т. 28, с. 267–268; Friedrich der Grosse. Die Politischen Testamente. Übersetzt von Friedrich von Oppeln-Bronikowski. Berlin, 1922, S. 208; Zernack K. Negative Polenpolitik als Grundlage deutsch-russischer Diplomatie in der Mächtepolitik des 18. Jahrhunderts. – Zernack K. Preussen – Deutschland – Polen. Aufsätze zur Geschichte der deutsch-polnischen Beziehungen. Berlin, 1991, S. 237.

¹² Friedrich der Grosse. Die Politischen Testamente, S. 219; Zernack K. Negative Polenpolitik als Grundlage deutsch-russischer Diplomatie in der Mächtepolitik des 18. Jahrhunderts, S. 237.

¹³ Friedrich der Grosse. Die Politischen Testamente, S. 205.

¹⁴ Ibid., S. 206–207.

ниями, то спокойно обдуманно, то эмоционально преувеличенными суждениями¹⁵.

В "Истории моего времени" 1775 г. он писал о французах, англичанах и немцах как о наиболее развитых европейских нациях и утверждал, что Польша и Россия отстали от них в своем культурном развитии на сто лет. Страх перед гигантской Российской империей и недоверие к русским государственным деятелям и императрице сохранялись у него до конца жизни. Его пренебрежительные оценки русских служили как бы противовесом и одновременно мотивацией этого недоверия и страха. По существу он никогда не был расположен к России, нередко был плохо информирован о ситуации в этой стране, несправедливо отзывался о русских, но всегда был убежден в том, что Россия является "самым естественным союзником" Пруссии. Несмотря на сильное влияние стереотипов и предубеждений в отношении России и ее населения, передававшихся из поколения в поколение, Фридрих был заинтересован в получении о них объективной информации для принятия более обоснованных внешнеполитических решений¹⁶.

Относя Пруссию вместе со Швецией, Данией и Польшей к союзникам России, Фридрих II тем не менее не оставлял без внимания возможные варианты военных действий против этой державы. В первую очередь он отмечал крайне уязвимое положение Восточной Пруссии, которая была отрезана Вислой и Западной Пруссией от остальных провинций Прусского государства. Восточная Пруссия, писал он, "непригодна для обороны, если Россия захочет с нами воевать, поскольку [мы] совершенно не уверены в позиции венского двора". Однако, если произойдет нечто невероятное и Австрия не выступит против Пруссии, "то можно было бы защищать Восточную Пруссию, выставив у Тильзита армию в 70 тыс. человек и заняв Данциг и Торн", чтобы контролировать участок Вислы, иметь обеспеченный тыл и гарантированные связи с провинциями, составляющими ядро государства. Однако всего вероятнее, отмечал он, русские атакуют Восточную Пруссию в союзе с Австрией. В этом случае Восточную Пруссию придется оставить, как можно дольше держать оборону на Висле, а затем отступить на Нетце и Варту и занять укрепленный лагерь у Кольберга¹⁷.

Для наступательных действий против России, границы которой защищали ее от всех прусских предприятий, следовало располагать превосходством сил на море. Фридрих считал, "что единственным планом, обещающим успех, было следовать вдоль побережья Балтийского моря при постоянном сопровождении флота, чтобы не страдать от нехватки провизии, и через Ригу, Ревель и Эстляндию продвигаться до Петербурга". Но и при этом пришлось бы претерпеть множество трудностей, "чтобы захватить столько укрепленных пунктов и сохранить боеготовность армии в условиях этого сурового, варварского климата", и все это для того, чтобы всего лишь "прогнать этот дикий народ обратно к его прежнему пристанищу"¹⁸.

Фридрих II возлагал большие надежды на борьбу политических группировок в правящих кругах Российской империи. К этому времени Ивана Антоновича уже не было в живых. В 1764 г. он был задушен охранниками в каземате при попытке освободить его. Прусский король явно преувеличивал значение грядущего совершеннолетия сына Екатерины, великого князя Павла, о котором было официально объявлено 1 октября 1772 г., считая этот момент критическим для императрицы. Фридрих не оставил без внимания и соперничество между партиями фаворита императрицы Григория Орлова и главы коллегии иностранных дел Никиты Панина¹⁹.

Не претендуя на роль пророка, Фридрих II считал вместе с тем, что из всех

¹⁵ Kopelew L. "Unser natürlichster Verbündeter". Friedrich der Grosse über Russland. – Russen und Russland aus deutscher Sicht. 18. Jahrhundert: Aufklärung. München, 1987, S. 280, 290, 294.

¹⁶ Ibid., S. 278, 288, 291, 292, 281.

¹⁷ Friedrich der Grosse. Die Politischen Testamente, S. 203–204, 219.

¹⁸ Ibid., S. 223.

¹⁹ Ibid., S. 207, 231.

событий, которые могли бы произойти в России, наилучшим для Пруссии было бы, "если бы две партии поднялись друг против друга и разделили гигантскую империю". Соперничество двух новых государственных образований помешало бы им вмешиваться в дела Европы²⁰. В любом случае Россия, по его мнению, представляла все возрастающую угрозу для своих соседей. "Сколь безумна и слепа Европа, – писал Фридрих, – что содействует подъему народа, который однажды может сыграть в ее судьбе роковую роль"²¹. Прусский король не исключал даже, что "неслыханное увеличение России принудит со временем Пруссию и Австрию к тесному союзу, чтобы совместно противиться опасному честолюбию этой гигантской империи"²².

Тем не менее у короля были "веские основания" пойти на союз с этой державой. После заключения Губертусбургского мира "мы не могли найти никакого другого союзника, кроме России", писал он. Вместе с тем он признавал, что существуют серьезные аргументы против этого альянса, и ему пришлось "закрыть глаза на неурядицы, которые она [Екатерина II. – Б.Т.] вызвала в Польше, когда взялась защищать диссидентов и расширять полномочия короля"²³. При этом Фридрих II делает принципиально важное признание, что Россия могла бы достичь своих целей в Польше и в союзе с Австрией и что без "одоления" со стороны Пруссии он "не получил бы никакого союза" с Российской империей²⁴.

По сути, Фридрих II не осуждал Россию за ее действия в Речи Посполитой, оказывая всемерную поддержку Екатерине II. Другое дело, что для прусского короля явно предпочтительнее был раздел Польши, тогда как российская императрица все еще рассчитывала на безраздельное господство в этой стране. Идея раздела обосновывалась во втором завещании Фридриха ссылкой на развал Речи Посполитой. "Польшу вряд ли стоит относить к европейским державам, – писал он. – Страна слабо заселена, поскольку землевладельцы обращаются со своими подданными как с рабами. В этом состоит слабость республики". В общем "это просто государство анархии. Без взаимной ревности ее соседей... Польша уже давно была бы покорена". До тех пор, пока сохраняется ее нынешнее государственное устройство, Речь Посполитая представляет слабую угрозу для врагов и является обузой для союзников. "Дворянство в удаче надменно и дерзко, в несчастье малодушно, алчно до взяток, столь же неспособно к смелым решениям, как и к их исполнению. Короче говоря, – подытоживал король, – по моему мнению, среди народов Европы она (Речь Посполитая. – Б.Т.) находится на самом низком уровне"²⁵.

В военном отношении Фридрих II вообще не считал Польшу серьезным противником хотя бы потому, что она была наполовину окружена прусскими территориями. "Тот, кто владеет течением Вислы и Данцигом, в большей степени является господином страны, чем король, который ею правит"²⁶, – писал он. "Вслед за Саксонией Польская Пруссия и Данциг были бы самыми выгодными приобретениями для нас, поскольку, укрепив несколько пунктов на Висле, можно было бы защищать Восточную Пруссию от русских предприятий"²⁷. В разделе завещания "Мечты и химерические планы" Фридрих II высказал предположение, что против приобретения Польской Пруссии выступит в первую очередь именно Россия, а потому лучше поглощать эту страну путем не завоевания, а переговоров ("как артишок, лист за листом", – процитировал он высказывание Виктора Амадея Савойского о Ломбардии)²⁸.

Прусский король рассчитывал в ситуации, когда России настоятельно потребуется

²⁰ Ibid., S. 231.

²¹ Ibid., S. 232.

²² Ibid., S. 233.

²³ Ibid., S. 219.

²⁴ Ibid., S. 220.

²⁵ Ibid., S. 209.

²⁶ Ibid., S. 223.

²⁷ Ibid., S. 225.

²⁸ Ibid., S. 229.

его помощь, добиться от Екатерины II согласия на передачу Пруссии Торна и Эльбинга с прилегающими землями, благодаря чему была бы восстановлена связь между Померанией и Вислой. "В следующий раз можно было бы взять другой кусок, – писал Фридрих II. – Данциг следует оставить напоследок"²⁹. Таким образом, ключ к реализации экспансионистских замыслов прусского короля в Польше хранился в Петербурге.

Фридрих II не предполагал встретить серьезное сопротивление самой Речи Посполитой, а что касается соседей, то каждый из них, по его мнению, "втайне мечтал проглотить ее и завидовал конкуренту и той доле, которую тот хотел бы иметь". "Польская анархия", отмечал он, едва ли продлится долго, а потому не вызывает сомнений, "что могущественные соседи в конце концов договорятся о добыче. Возможно, – полагал он, – уменьшившееся польское государство продолжит существование внутри границ трех разделивших его держав – России, Пруссии и Австрии", и даже "Турция, может быть, получит при этом свою долю, как собаке бросают кусок хлеба, чтобы она не лаяла"³⁰.

ПРОДЛЕНИЕ СОЮЗНОГО ДОГОВОРА МЕЖДУ РОССИЕЙ И ПРУССИЕЙ. ОТНОШЕНИЕ В ПЕТЕРБУРГЕ, БЕРЛИНЕ И ВЕНЕ К ПЛАНУ РАЗДЕЛА ПОЛЬШИ

С начала в 1768 г. войны между Россией и Османской империей берлинский двор стал проявлять все большее беспокойство за сохранение союзнических отношений с Россией. Фридрих II опасался, что российская императрица в своем стремлении разбить турок и завладеть Крымским полуостровом объединится с Австрией, помощь которой имела бы для нее очень большое значение. Прусский посланник в Петербурге Сольмс в послании Екатерине II, стараясь поднять в ее глазах значение союза с Берлином, писал, что Пруссия обязалась не только уплачивать России указанную в договоре субсидию, но и "удерживать Австрию и цесаря вмешиваться в польские замешательства, то есть освободить Россию от врага, который может выставить в поле 160 тыс. человек"³¹.

В ноябре 1768 г., за четыре года до окончания срока действия оборонительного трактата с Россией, Фридрих II предложил Екатерине II возобновить прусско-русский альянс и в течение 1769 г. упорно настаивал на завершении проходивших в Петербурге переговоров по этому вопросу. Сольмс представил проект договора, основное отличие которого от трактата 1764 г. состояло в том, что он должен был действовать в течение десяти лет, отчет которых прусская сторона рассчитывала начать не ранее 31 марта 1772 г.³²

12(23) октября 1769 г. прусско-русский союзный договор был, начиная с 31 марта 1772 г., продлен на следующие 8 лет (а не на 10 лет, чего добивалась Пруссия) и содержал российскую гарантию прусского наследования Ансбаха и Байройта³³.

Как свидетельствует второе завещание Фридриха, приобретение Польской Пруссии и епископства Эрmland оставалось важной составной частью планов постепенного, шаг за шагом, "округления" государства. Прусский король ожидал подходящего момента, чтобы воспользоваться войной России с Османской империей и экспансионистскими устремлениями Австрии для достижения намеченных целей. "Всегда крепко помните, – наставлял Фридрих II своих преемников, – что каждый великий государь имеет желание расширить свое господство... Государственный разум требует, чтобы

²⁹ Ibidem.

³⁰ Ibid., S. 232.

³¹ Собрание Трактатов и Конвенций. т. VI, с. 49.

³² Там же, с. 49–50.

³³ Там же, с. 51.

эти намерения оставались скрытыми непроницаемым покровом и их исполнение откладывалось, пока отсутствуют средства сделать это с успехом"³⁴.

На рубеже 1768–1769 гг. как в Вене, так и в Потсдаме стали активно обсуждаться планы раздела Польши. В Вене русско-турецкая война оживила надежды вновь завладеть Силезией или получить за нее территориальную компенсацию. В декабре 1768 г. австрийский государственный канцлер Кауниц выдвинул проект направленного против России военного союза Австрии с Пруссией и Османской империей, целью которого было оторвать Пруссию от союза с Россией и побудить ее возратить Габсбургам Силезию. За это Вена должна была оказать Пруссии содействие в территориальных приобретениях в Польской Пруссии и Курляндии. Роль инициатора в этом деле отводилась Константинополю, а Фридриха намеревались убедить даже... с помощью денег! План потерпел фиаско не столько по причине несогласия германской императрицы австрийской эрцгерцогини Марии Терезии, сколько из-за убежденности ее сына и соправителя Иосифа II, что он не будет принят Фридрихом и вообще является нереальным³⁵.

С прусской стороны проекту Кауница был противопоставлен так называемый план Линара, который в действительности, как сообщает Фридрих II в своих "Мемуарах от Губертусбургского мира до конца польского раздела" (1779 г.), принадлежал ему самому. Имя отставного датского дипломата графа Рохуса Фридриха фон Линара было хорошо известно в Петербурге и, по мнению прусского короля, там не могло вызвать удивления, что он имеет собственные взгляды на сложившуюся кризисную ситуацию. В феврале 1769 г. Фридрих II поручил Сольмсу сообщить петербургскому двору об идее, якобы принадлежавшей Линару, побывавшему в Берлине с частным визитом. В "проекте Линара" предусматривалось вступление Австрии в русско-турецкую войну на стороне России. Австрии вместе с ее союзниками предлагалось путем "взвешенных" аннексий территории Польши возместить военные издержки. В соответствии с планом Австрия должна была получить округ Ципс и Лемберг (Львов) с областью, Пруссия – Западную Пруссию, епископство Эрmland и протекторат над Данцигом; России же предоставлялась возможность компенсировать военные расходы любой другой частью территории Речи Посполитой³⁶.

Сольмс, воспользовавшись удобным случаем, изложил эти идеи Панину, ни словом не обмолвившись о том, что о "плане Линара" он узнал от самого короля. Панин, со своей стороны, согласился с тем, что приобретение округа Ципс было бы крайне выгодно для Австрии, однако выразил свое удивление в связи с упоминанием в этой же связи Лемберга, расположенного далеко от австрийских границ. Панин пояснил, что Россия хотела бы объединить свои усилия с Пруссией и Австрией, чтобы изгнать турок из Европы, и не имел ничего против того, чтобы Пруссия получила в Польше возмещение своих расходов, но считал, что Австрия должна была это сделать за счет Османской империи. Что касается России, то она и так занимает огромную территорию, а потому не нуждается в какой-либо компенсации, кроме, может быть, нескольких приграничных крепостей³⁷.

Получив сообщение Сольмса о состоявшейся беседе, Фридрих выразил уверенность, что позиция Панина не найдет в Вене понимания, и если в этом году Австрия еще сохранит спокойствие, то неизвестно, как она поведет себя в будущем. Больше "план Линара" в Петербурге не обсуждался. Екатерина II еще не была готова делить с другими свою добычу, да и такие планы в значительной мере еще представлялись "химическими" даже самим их авторам. В последующей переписке Фридриха II с

³⁴ *Friedrich der Grosse. Die Politischen Testamente*, S. 210.

³⁵ *Müller M.G. Die Teilungen Polens...*, S. 34–35; *Scharf C. Katharina II., Deutschland und die Deutschen*. Mainz, 1995, S. 391–392.

³⁶ *Beer A. Die erste Theilung Polens*, Bd. 2. Wien, 1873, S. 39; *Mittenzwei I. Op. cit.*, S. 170; *Kaplan H.H. The First Partition of Poland*. New York – London, 1962, p. 112–114.

³⁷ *Beer A. Op. cit.*, Bd. 2, S. 39–40; *Schieder Th. Friedrich der Grosse. Ein Königtum der Widersprüche*. Frankfurt a.M. – Berlin – Wien, 1983, S. 245.

Сольмсом "план Линара" не упоминался, однако в европейских столицах продолжали циркулировать слухи о якобы достигнутых между Фридрихом и Екатериной соглашениях в отношении Польши³⁸.

Враги Панина при петербургском дворе обвиняли его в том, что излишне тесные союзно-политические связи с Пруссией не позволяли России в войне с Османской империей рассчитывать на своего "естественного союзника" Австрию. Хотя ценность союза с Пруссией во время русско-турецкой войны для России даже возросла, ситуация на Юге настоятельно требовала урегулирования русско-австрийских отношений, и это признавал сам Панин. Учредив Императорский совет, с января 1769 г. обсуждавший развитие военных действий и вопросы российской внешней политики, в котором участвовали и недоброжелатели Панина, Екатерина II значительно ограничила его руководящую роль в коллегии иностранных дел. Только успешный для России ход военных действий в Северном Причерноморье и в районе греческого архипелага помог Панину сохранить доверие императрицы и свои посты³⁹.

Пруссия и Австрия считали чрезвычайно опасным одновременное втягивание России в конституционный конфликт в Швеции, гражданскую войну в Польше и "регулярную" войну с Османской империей. Обе немецкие державы внимательно следили за развитием тесно взаимосвязанных "польского" и "восточного" кризисов, не испытывая, впрочем, доверия друг к другу. В Берлине считали, что русско-турецкая война может вновь соединить Россию с Австрией. Венский же двор опасался, что Пруссия для облегчения положения своего союзника России будет активно участвовать в умиротворении Польши и воспользуется этим, чтобы осуществить свои территориальные притязания. На этот случай в Вене рассчитывали выдвинуть свои компенсационные требования за вынужденный отказ от Силезии и утрату с 1764 г. влияния в Польше. Между тем занятие русскими войсками Молдовы и Валахии крайне встревожило Вену, усмотревшую в этом стремление России установить свое господство на Балканах. Монархия Габсбургов стала угрожать вмешательством для восстановления в регионе статус-кво⁴⁰.

Военные успехи России во все возрастающей степени беспокоили не только Австрию, но и Пруссию, полагавшую, что они приведут к коренному изменению в соотношении сил в Европе, противоречащему ее интересам. Выдвинутые Россией условия мира с Османской империей встретили самое энергичное противодействие со стороны Австрии и Франции. Венский двор выступил не только против присоединения Молдовы и Валахии к России, но и против приобретения Дунайскими княжествами политической независимости. Кауницу, поборнику территориальной целостности Османской империи, удалось убедить Марию Терезию в необходимости войны с Россией в том случае, если она отберет у Турции Молдову и Валахию⁴¹.

Фридрих II, крайне озабоченный опасностью быть вовлеченным Россией в новую войну против Австрии, в то же время всячески добивался улучшения своего положения в альянсе с Петербургом. Соблюдая союзнические обязательства, он ежегодно выплачивал России по 400 тыс. рублей на ведение боевых действий с Османской империей, а в крайнем случае готов был даже оказать России военную помощь.

Чем большее беспокойство вызывали в Вене военные успехи России на северном побережье Черного моря и в районе Дуная, тем большее внимание проявляли там к прусскому королю. Фридрих II и Иосиф II после длительного прощупывания позиций друг друга пришли к выводу, что настало время смягчить австро-прусское соперничество в Священной Римской империи и сделать его более предсказуемым для них⁴².

³⁸ Соловьев С.М. Сочинения, кн. XIV, т. 28, с. 373–374; Beer A. Op. cit., Bd. 2, S. 40–41; Ritter G. Op. cit., S. 231; Scharf C. Op. cit., S. 390.

³⁹ Scharf C. Op. cit., S. 387.

⁴⁰ Ibid., S. 387–388.

⁴¹ Собрание Трактатов и Конвенций, т. VI, с. 65.

⁴² Scharf C. Op. cit., S. 388–389; Ritter G. Op. cit., S. 231; Müller M.G. Die Teilungen Polens..., S. 35–36.

Сближение с Веней прусский король использовал для того, чтобы оказывать давление на Россию. С 25 по 28 августа 1769 г. в силезском городе Нейсе состоялась первая встреча Фридриха II с Иосифом II, во время которой кайзер попытался добиться от прусского короля обещания при всех возможных конфликтах в Восточной Европе соблюдать нейтралитет. Такое обязательство полностью противоречило бы прусско-русскому оборонительному трактату, предусматривавшему возможность участия Берлина в войне против Австрии, и Фридрих отказался принять это предложение. Вместе с тем прусский король пытался настраивать австрийских гостей против России. "Он хочет научить нас бояться русских", – отмечал Иосиф II в записках о встрече монархов в Нейсе. – "Он постоянно пытается вызвать у нас беспокойство в отношении русских, стремящихся взять Азов и проявляющих предупредительность к диссидентам". Тем самым Фридрих II хотел подготовить Австрию к возможности совместного выступления против России, угрожающей, по его мнению, спокойствию всей Европы. Кауниц, однако, не без основания полагал, что прусский король страшится не столько России, сколько того, что венский двор "сманит" у него союзника. Несмотря на тайный – с австрийской стороны – характер встречи, о ней вскоре стало известно, что произвело сенсацию в Европе⁴³. Россия не могла не реагировать на очевидные признаки сближения между Берлином и Веней, и одним из проявлений этого стало продление в октябре того же года прусско-русского союзного договора.

НАЧАЛО ФАКТИЧЕСКОГО РАЗДЕЛА РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ АВСТРИЕЙ И ПРУССИЕЙ

Между тем фактический раздел Польши уже начался. Прецедент создала Австрия, аннексировав в 1769–1770 гг. в несколько этапов заложённое Польше Венгрией в 1412 г. графство Ципс и другие небольшие прикарпатские округа.

После просьбы Станислава II Августа защитить Ципс от польских конфедератов Вена заявила о необходимости прикрыть границу, чтобы не допустить распространения боев на австрийскую территорию. Под этим предлогом она отгородила военным кордоном от Польши полосу галицийско-польской земли графства Ципс. В мае 1770 г. венский двор посоветовал прусскому королю также приступить к аннексиям в Польше, а в июле отделенная австрийским военным кордоном территория Речи Посполитой была значительно расширена. Австрия заняла часть Прикарпатья с городами Ноймаркт и Ной-Зандец. Осенью 1770 г. Фридрих отдал распоряжение прусским войскам установить в глубине польской территории, сначала возле Эльбинга, а затем через всю Западную Пруссию и южнее ее "санитарный кордон" – якобы против распространения свирепствовавшей в Польше чумы, в действительности же для обеспечения прямой сухопутной связи Берлина с Восточной Пруссией. Все эти действия Австрии и Пруссии носили вызывающий в отношении России характер⁴⁴.

Со всех концов Речи Посполитой шли жалобы на притеснения прусских войск, вступивших на польскую территорию. Французский представитель писал своему двору из Варшавы: "Прусские войска вошли в Польшу и возбудили своим поведением жалобы гораздо сильнее тех, которые раздавались против русских и конфедератов. Русские также недовольны поведением пруссаков, потому что последние захватывают припасы, приготовленные для русских войск, ничто не ускользает от прусского хищничества". Французский поверенный в делах в Данциге писал в Версаль: "Верно, что прусский король с некоторого времени делает полякам зла более, чем русские сделали

⁴³ *Schieder Th. Op. cit., S. 245–247; Mittenzwei I. Op. cit., S. 170; Der König Friedrich der Grosse in Briefen..., Berichten, Anekdoten. Mit lebensgeschichtlichen Verbindungen. Ebenhausen bei München, 1941, S. 377–378.*

⁴⁴ *Müller M.G. Die Teilungen Polens..., S. 35, 38; Schieder Th. Op. cit., S. 248; Mittenzwei I. Op. cit., S. 171; Hubatsch W. Deutschland zwischen dem Dreißigjährigen Krieg und der Französischen Revolution. Frankfurt a.M. – Berlin – Wien, 1974, S. 173–174.*

в четыре года". Российский посланник в Польше Каспар фон Сальдерн сообщал в Петербург, что Фридрих II батальоном пехоты и гусарским полком занял Познань, и его офицеры используют конфедератов для того, чтобы отбирать у друзей России все съестное. "Пруссаки забирают припасы в десяти милях от Варшавы", – писал Сальдерн⁴⁵.

Со времени встречи Фридриха II с Иосифом II в Нейсе обе немецкие державы все более открыто согласовывали между собой свою политику в отношении России. С 3 по 7 сентября 1770 г. прусский король нанес ответный визит императору в лагерь Нойштадт в Моравии, где состоялись переговоры по сложному комплексу польско-руско-турецких проблем⁴⁶. Участвовавший во встрече монархов Кауниц имел длительные приватные беседы с прусским королем. В своих воспоминаниях Фридрих II отмечал, что австрийский канцлер "беспреданно подчеркивал необходимость сопротивляться честолюбивым намерениям России и заявил, что императрица-королева (Мария Терезия. – Б.Т.) никогда не согласится с тем, чтобы русские войска перешли Дунай или чтобы петербургский двор сделал приобретения, которые позволили бы ему стать соседом Венгрии". "Единение Пруссии и Австрии является единственной преградой, – сказал Кауниц, – которую можно противопоставить этому вышедшему из берегов потоку, угрожающему затопить всю Европу"⁴⁷. Характерно, что австрийский канцлер прибег к аргументации, использованной самим Фридрихом на встрече монархов в Нейсе, вероятно, в расчете на благоприятную реакцию у венценосного собеседника.

На следующий день в Нойштадт прибыл курьер из Константинополя с предложением венскому и берлинскому дворам взять на себя посредничество, чтобы добиться мирного урегулирования между Россией и Османской империей. В депеше недвусмысленно говорилось, что турки согласятся только с условиями, согласованными при участии Берлина и Вены. Иосиф II признал, что этим предложением он обязан исключительно активности прусских дипломатов в турецкой столице, и выразил Фридриху II за это свою благодарность⁴⁸. Прусский король, в свою очередь, обещал использовать свое влияние в Петербурге, чтобы убедить царицу пойти на более мягкие условия мира с Турцией и побудить ее принять посредничество Австрии и Пруссии с целью прекращения "восточных неурядиц"⁴⁹.

Сразу же после возвращения в Потсдам Фридрих II направил Екатерине II письмо, в котором осторожно советовал ей еще до заключения мира с Османской империей восстановить спокойствие в Польше. Он писал о том, что готов вместе с Австрией склонить конфедератов пойти на "умиротворение" при умеренных условиях⁵⁰. После того как в Петербурге был отвергнут "план Линара", король не очень верил в реальность немедленного осуществления раздела Польши.

Между тем успешные действия русских войск на турецком фронте в 1770 г. открыли перед Россией перспективу значительных территориальных приобретений. Это побудило правительство Австрии, проводя демонстративную мобилизацию своих войск, выдвинуть требования "локализации" этих приобретений или соответствующих компенсаций.

Упорство России в притязаниях на завоеванные ею Молдову и Валахию завело в конце года посреднические усилия Пруссии и Австрии в тупик. Вместе с тем Вена аннексией Ципса как бы указывала путь к выходу из положения, чреватого войной между Австрией и Россией. Так на рубеже 1770–1771 гг. преодоление взаимосвя-

⁴⁵ Соловьев С.М. Сочинения, кн. XIV, т. 28, с. 500–501.

⁴⁶ *Mittenzwei I.* Op. cit., S. 170; *Hubatsch W.* Op. cit., S. 173; *Scharf C.* Op. cit., S. 388.

⁴⁷ Der König in seinen Denkwürdigkeiten über seinen Gegenbesuch beim Kaiser Joseph II. am 3. September 1770. – Der König Friedrich der Grosse in Briefen..., S. 379.

⁴⁸ *Ibid.*, S. 379–380.

⁴⁹ Friedrich II. und von Swieten. Berichte über die zwischen Oesterreich und Preussen geführten Verhandlungen, die erste Theilung Polens betreffend. Hrsg. von Adolf Beer. Leipzig, 1874. Einleitung, S. 5.

⁵⁰ *Ibidem.*

занных "польского" и "восточного" кризисов оказалось без участия Австрии и Пруссии уже практически невозможным⁵¹.

В своей войне против Барской конфедерации Россия все еще была далека от военного или политического решения. После того как руководителю внешней политики Франции герцогу Шуазелю не удалось оторвать Пруссию от России и помешать Екатерине II возвести на польский престол Станислава Понятовского, Шуазель стал оказывать активную поддержку Барской конфедерации людьми и деньгами, имея главной целью истощение России. Этому же служило и подстрекательство Турции к войне с ней. Таким образом, во всех важнейших внешнеполитических вопросах Екатерина II сталкивалась с сопротивлением Шуазеля, которого ненавидела и называла "кучером Европы". В конце 1770 г. в результате дворцовых интриг Шуазель был отправлен в отставку и сослан, а Барская конфедерация лишилась реальной помощи со стороны Франции⁵². Все это стимулировало стремление Пруссии к разделу Польши и укрепило веру Фридриха II в то, что другие державы не окажут решительного противодействия возможным аннексионистским акциям в этой стране⁵³.

Как и прежде, Фридрих II связывал приобретение Польской Пруссии с ситуацией, когда Россия крайне нуждалась в его помощи, но теперь она должна была бы участвовать в разделе Польши вместе с Берлином. В условиях постоянно нарастающего давления Австрии вероятность преодоления международного кризиса с помощью раздела Польши представлялась в Петербурге все более приемлемой. Совпадение по времени этих тенденций воспринималось в Пруссии как возникновение реальных возможностей для достижения аннексионистских целей в Речи Посполитой. Как писал видный российский юрист и дипломат Ф.Ф. Мартенс, "честь почина в первом разделе Речи Посполитой принадлежит несомненным образом прусскому королю Фридриху II". Изучение материалов Главного московского архива МИД "уничтожает малейшее сомнение относительно такого происхождения этого дела"⁵⁴.

Наступила последняя фаза на пути к разделу Польши, инициатива в проведении которого исходила от Пруссии. Она ознаменовалась, с одной стороны, созданием прусского "санитарного кордона" на территории Польши, с другой – поездкой брата прусского короля принца Генриха в конце 1770 – начале 1771 г. в Петербург, осуществленной по приглашению Екатерины II. Генрих уже давно и настойчиво призывал Фридриха завладеть балтийским побережьем и, находясь в российской столице, стремился вовлечь Россию в дипломатические переговоры о разделе Польши. Однако у Фридриха II пока не было уверенности в том, что Россия захочет участвовать в таком разделе, поскольку Панин по-прежнему выступал против дальнейших аннексий Австрии в Речи Посполитой⁵⁵.

Между тем принц Генрих, являвшийся другом юности Екатерины, 8 января 1771 г. направил Фридриху II сообщение о своем визите к императрице. Екатерина II, сославшись на то, что австрийцы заняли в Польше два староства и установили "кайзеровский герб" на их границе, как бы в шутку спросила Генриха, почему бы и другим державам не приобрести каких-то польских территорий. "Я возразил, – писал Генрих, – что Вы, дорогой брат, хотя также установили в Польше войсковой кордон, однако не удерживаете двух староств". "Но, – смеясь продолжала императрица, – почему бы их не занять?" Подошедший в это время граф Чернышев конкретизировал ее предложение: "Но почему Вы не хотите взять епископство Эрmland? Ведь нужно же каждому что-то иметь". "Хотя эти заявления и были сделаны только в шутку, –

⁵¹ Müller M.G. Die Teilungen Polens..., S. 36.

⁵² Соловьев С.М. Сочинения, кн. XIV, т. 28, с. 553–554.

⁵³ Müller M.G. Die Teilungen Polens..., S. 37.

⁵⁴ Собрание Трактатов и Конвенций..., т. VI, с. 65; см.: Итоги и задачи изучения внешней политики России. Советская историография. М., 1981, с. 149.

⁵⁵ Собрание Трактатов и Конвенций..., т. VI, с. 67; Müller M.G. Die Teilungen Polens..., S. 38; Scharf C. Op. cit., S. 394; Schieder Th. Op. cit., S. 248; Easum Ch.V. Prinz Heinrich von Preussen, Bruder Friedrichs des Grossen. Göttingen – Berlin – Frankfurt a.M., 1958.

Екатерина II Алексеевна (1729–1796),
российская императрица (1762–1796 гг.)

отметил принц в заключение, – однако наверняка за этим что-то кроется, и я считаю весьма возможным, что Вы можете извлечь из этого пользу"⁵⁶.

Еще до получения этого письма из Петербурга Фридрих II, рассчитывая на скорое возвращение Генриха, поздравил брата с завершением поездки "к скифам и дичайшим варварам". "Самые ручные львы дают порой понять, – писал король, – что инстинкт их дикости неукротим, и с русскими, по моему мнению, дело обстоит таким же образом"⁵⁷. В ответ же на сообщение Генриха о беседе с Екатериной II Фридрих II писал ему 24 января 1771 г. из Потсдама, что "Эрmland не стоит... хотя бы только шесть су, чтобы его приобрести. Если австрийцы начнут войну с русскими, чего я очень боюсь, то между ними нужно будет урегулировать совсем другие вопросы, а не вопрос о пограничном кордоне в Польше, который они заняли; стало быть, я не буду спешить, а выждать, благоприятствуют ли события такому приобретению"⁵⁸.

Принц Генрих обсуждал в Петербурге и возможность создания тройственного альянса Пруссии, России и Австрии, что Панин считал "прекраснейшей и счастливейшей идеей", потому что в случае ее осуществления другие державы не осмелились бы препятствовать совместно принимаемым ими мерам.

Ведя переговоры, Генрих исходил из того, что, пока русско-турецкая война продолжается, существуют предпосылки для раздела Польши⁵⁹. Екатерина II также стала склоняться к мысли о разделе этой страны. Однако ее предложение о приобретении Пруссией Эрmlandа показалось Фридриху II слишком "скромным". "Что касается овладения герцогством Эрmland, – писал он Генриху, – то я воздержался от этого, потому что игра не стоит свеч. Отрезанный кусок пирога так тонок, что не возместит

⁵⁶ Prinz Heinrich von Preussen an den König. St. Petersburg, 8. Januar 1771. – Der König Friedrich der Grosse in Briefen..., S. 382.

⁵⁷ Der König an seinen Bruder Heinrich. Berlin, 23. Januar 1771. – Ibid., S. 382.

⁵⁸ Der König an seinen Bruder Heinrich. Potsdam, 24. Januar 1771. – Ibid., S. 383.

⁵⁹ Friedrich II. und van Swieten, S. 6–7.

вызванного им крика; конечно же, приобретение Польской Пруссии было бы выгодным даже и без Данцига, потому что тогда мы получили бы Вислу и свободное сообщение с королевством (Пруссией. – *Б.Т.*), что, разумеется, стало бы важной статьей [соглашения]"⁶⁰.

В январе 1771 г. Фридрих II написал брату, что австрийцы не откажутся от союза с Францией и несомненно предпочтут войну с Россией соседству с ней; турки же прибегнут к помощи Австрии, уступив ей Белград. Фридрих заметил, что не собирается вступать в новые соглашения с Россией, но готов и дальше придерживаться альянса с ней в "польском вопросе"⁶¹.

По возвращении 17 февраля 1771 г. из России Генрих имел продолжительные беседы с венценосным братом, о содержании которых ничего точно не известно. Однако известен результат: Фридрих II определенно предпочел союз с Россией возможному союзу с венским двором. 20 февраля Сольмсу была направлена депеша, в сочинении которой, как следует из письма Фридриха Финкенштайну, участвовал Генрих и которая представляла исходную позицию для прямых переговоров о разделе Польши⁶². Прусский король писал о необходимости "равного расширения для всех соседей Польши", хотя пока еще не было известно, согласны ли они с этой идеей вообще. Аннексионистские действия Австрии в Польше служили прусскому королю доказательством того, что это государство уже не может сохраниться в прежних границах. Теперь следовало позаботиться о том, чтобы раздел Польши не нанес ущерба равновесию между Пруссией и Австрией, "потому что его сохранение, – отмечал Фридрих II, – важно для меня и представляет большой интерес также и для русского двора". Поэтому "нет никакого другого средства обеспечить равновесие, как последовать примеру, данному мне венским двором"⁶³.

Принимая решение о разделе Польши, прусский король дал поручение двум министрам, ответственным за иностранные сношения Пруссии, графам Финкенштайну и Герцбергу, выяснить, какие претензии можно было бы предъявить Польше. В докладной записке, представленной ими в феврале 1771 г., министры дали предельно краткий ответ: подобные претензии не являются "ни важными, ни основательными", речь идет всего лишь об "очень полезном" для Пруссии приобретении⁶⁴.

ПРУССКО-РОССИЙСКИЕ КОНВЕНЦИИ О РАЗДЕЛЕ ПОЛЬШИ. ПРИВЛЕЧЕНИЕ АВСТРИИ К УЧАСТИЮ В РАЗДЕЛЕ

С начала 1771 г. Фридрих II оказывал постоянное давление на Россию, сознательно преувеличивая опасность военного вмешательства Австрии в пользу Османской империи. Невольную услугу прусской дипломатии оказал австрийский кабинет, заключив в июле 1771 г. союзную конвенцию с Константинополем. Конвенция так и не была ратифицирована и рассматривалась в Вене как орудие шантажа в отношении России, о чем в Пруссии стало известно не позднее сентября⁶⁵.

Перед Фридрихом II стояла задача побудить Россию к ограничению ее военных целей на юге за соответствующую компенсацию в Польше, которую там же должны были получить Австрия и Пруссия. Подходящий момент настал после неудачного исхода посреднической миссии Сальдерна в Польше. Летом 1771 г. Панин вынужден был признать невозможность полного восстановления российского протектората в этой стране⁶⁶. В письме Панина Сальдерну от 11 июня говорилось, что прусский король,

⁶⁰ Цит. по: *Mittenzwei I.* Op. cit., S. 171.

⁶¹ Friedrich II. und van Swieten, S. 13.

⁶² Ibid., S. 15.

⁶³ *Schieder Th.* Op. cit., S. 250–251.

⁶⁴ Ibid., S. 252–253.

⁶⁵ *Müller M.G.* Die Teilungen Polens..., S. 38.

⁶⁶ Ibidem.

настроенный весьма решительно, "через своего министра внушил, что собственный интерес союзников не позволяет им пренебречь случаем, быть может единственным, округлить свои границы со стороны Польши и твердо установить их, что они могут войти в соглашение для определения своих притязаний, причем он уверен, что исполнение этого не встретит больших препятствий со стороны венского двора". Принимая во внимание отрицательное отношение поляков к российским гарантиям польских владений, Екатерина II "постановила войти в соглашение, предложенное королем прусским"⁶⁷. Вскоре Сальдерн написал Панину, что "раздел Польши – дело решенное в Петербурге и Берлине!" Однако это дело может быть опасным, если не удастся достигнуть соглашения с венским двором⁶⁸.

В разговоре с австрийским посланником в Берлине ван Свитеном летом 1771 г. Фридрих II заявил, что царица не пойдет на уступки в отношении Молдовы и Валахии, и высказал идею, чтобы Россия передала эти провинции Австрии, которая могла бы возвратить их Османской империи, получив за это Белград. Кауниц воспринял предложение Фридриха как несерьезное, но имеющее целью разузнать истинные намерения венского двора⁶⁹.

Возможность войны Австрии с Россией витала в воздухе. Австрийские войска сосредоточивались в венгерской низменности. Фридрих все с большей тревогой смотрел в будущее, когда депеша прусского посланника в Вене от 7 сентября принесла ему проблеск надежды. В донесении сообщалось, что Мария Терезия так же настроена против войны, как и Фридрих II, и ожидает от него действий во имя сохранения мира. Императрица-королева ничего не имела бы против, если бы Россия удержала за собой часть своих завоеваний, но только не Молдову и Валахию. В своих расчетах Фридрих II мог исходить из наличия в Вене двух течений. Если Мария Терезия склонялась к миру, то Кауниц при известных обстоятельствах был за войну и с ним был солидарен Иосиф II⁷⁰.

Фридрих II настолько был заинтересован в разделе Польши, что в депеше Сольмсу от 25 сентября 1771 г. предложил довести до сведения петербургского двора план вторжения прусских войск в австрийские владения. Он считал, что Пруссия и Россия вообще должны договориться о совместных военных действиях против Австрии, если она не присоединится к разделу Польши. Однако король вновь просил Екатерину II отказаться от притязаний на Молдову и Валахию, чтобы предотвратить войну с Австрией⁷¹.

В октябре 1771 г. Кауниц сообщил российскому посланнику в Вене, что Австрия не будет противиться улаживанию восточного кризиса и разделу Польши⁷², а в ответе русского кабинета на демарш Сольмса, датированном 25 ноября 1771 г., содержался официальный отказ от Дунайских княжеств. Вместе с тем в нем говорилось, что занять территории Польши следует не ранее, чем выяснятся отношения Пруссии и России с Австрией и Турцией. Екатерина II не соглашалась также на присоединение Данцига к Пруссии, поскольку являлась гарантом независимости этого города. Такой ответ побудил прусского короля отказаться от выдвинутого им ранее предложения включить Дунайские княжества в состав Польши, отобрав у нее за это другие области. Фридрих отказался и от притязаний на Данциг, напомнив, что он уже сделал это в отношении г. Торн при условии, что ему оставят Эльбинг. В депеше от 8 декабря 1771 г. прусский король энергично выступил против предложения Екатерины отложить занятие территорий Речи Посполитой до прояснения отношений обеих союзных держав с Австрией, ссылаясь на то, что Кауниц всеми силами будет противодействовать реализации соответствующего прусско-российского соглашения. По-

⁶⁷ Цит. по: Соловьев С.М. Сочинения, кн. XIV, т. 28, с. 491–492.

⁶⁸ Там же, с. 490.

⁶⁹ Friedrich II. und van Swieten, S. 22.

⁷⁰ Ibid., S. 24–25.

⁷¹ Собрание Трактатов и Конвенций..., т. VI, с. 69.

⁷² Zernack K. Negative Polenpolitik..., S. 238.

лагая, что венский двор надо поставить перед свершившимся фактом, Фридрих II предложил подписать двустороннюю конвенцию и немедленно занять русскими и прусскими войсками согласованные между обоими дворами территории Польши⁷³.

Между тем Кауниц, ничего не имея против расширения Австрии, в этой связи принимал в расчет территорию Польши только в последнюю очередь. В качестве компенсации за предполагаемую аннексию Фридрихом II Западной Пруссии он рассматривал графство Глац и части Силезии, что для прусского короля было совершенно неприемлемо. Полное согласие планы раздела Польши встретили у Иосифа II, в то время как Мария Терезия не воспринимала политики, отходившей от принципов "права и справедливости". "Легче всего было бы, пожалуй, согласиться на предложенный нам раздел Польши, – говорила она. – Но по какому праву можно ограбить неповинного, желанием защитить и поддержать которого мы всегда хвалились?" Эта позиция противоречила взглядам прусского монарха, считавшего этику государственной пользы несовместимой с частной моралью, о чем, на его взгляд, свидетельствовала весь опыт политической действительности. Если императрица не была расположена воевать с Россией, то вступать в конфликт с Россией и Пруссией одновременно ей хотелось еще менее. К концу года Кауниц сменил воинственный тон на миролюбивый. Восточный вопрос стал отходить в Вене на задний план. Развертывалась активная дипломатическая игра вокруг судьбы Речи Посполитой⁷⁴.

В Вене было принято решение не противодействовать приобретению Россией и Пруссией территорий в Польше, если Австрия получит за это Сербию вместе с Белградом и часть Боснии (в случае отказа Фридриха II возратить ей Силезию и Глац). Со своей стороны прусский король не скрывал от австрийского посланника в Берлине ван Свитена, какие территории Польши предполагают занять Пруссия и Россия, и обещал поддержать в Петербурге притязания Габсбургов на Сербию с Белградом. Фридрих II мастерски воспользовался сложившейся ситуацией, отправляя депеши во всех направлениях, но главным образом – в Вену, Петербург и Константинополь⁷⁵.

В феврале 1772 г. Н. Панин и князь А. Голицын – с российской и граф Сольмс – с прусской стороны подписали в Петербурге две секретные конвенции о разделе Польши, датированные 4(15) января. Правомочность такого решения обосновывалась ссылкой "на всеобщие смуты, в которые поставлена Польская республика разъединением вельмож и испорченностью нравов всех граждан", а также на войну с Османской империей, "в которую вследствие событий в этой самой республике" оказалась вовлеченной российская императрица и в которой, согласно союзным трактатам, принимает участие прусский король. В связи с тем, что австрийская императрица-королева "повелела вступить корпусу своих войск в Польшу и приказала занять те округа, на которые предъявляет прежние права", монархи обеих стран решили "воспользоваться настоящими обстоятельствами, чтобы вытребовать себе те округа Польши, на которые они имеют древние права, а равным образом доставить себе некоторыми из владений Республики вознаграждение за те права, претензии и требования, которые они за нею имеют"⁷⁶.

После перечисления отходящих к России территорий, заселенных в основном белорусами, в конвенции говорилось о том, что прусский король вступает во владение "всею Помераниею (Западная Пруссия. – Б.Т.), за исключением города Данцига с его территориюю, а также округом Великой Польши по сю сторону Нетце, следуя по этой реке от вновь проложенной границы до Вислы близ Вордона и Солицы, так что Нетце составит границу владений Е.В. Короля Прусского и так что эта река будет принадлежать ему в целости". Не желая приводить в исполнение другие "справедливые"

⁷³ Собрание Трактатов и Конвенций..., т. VI, с. 69–70.

⁷⁴ Schieder Th. Op. cit., S. 251–252; Friedrich II. und van Swieten, S. 26–27; Meinecke F. Die Idee der Staatsräson in der neueren Geschichte. 3. Aufl. München, 1963.

⁷⁵ Friedrich II. und van Swieten, S. 29–30; Ibid., S. 58–66. Bericht van Swietens. Berlin, den 5. Februar 1772.

⁷⁶ Собрание Трактатов и Конвенций..., т. VI, № 223, с. 71–74.

требования "на многие другие округа Польши, пограничные с Силезиею и Пруссиею", и отказываясь от притязаний на Данциг, прусский король "примет в виде вознаграждения остальную часть Польской Пруссии, а именно воеводство Мариенбургское, включая сюда город Эльбинг с епископством Вармским и воеводство Кульмское, исключив из него только город Торн, который со всею его терририею сохранен будет во владении Польской республики"⁷⁷.

В конвенции было предусмотрено одновременное вступление русских и прусских войск в Польшу для занятия соответствующих местностей и округов. Официальное присоединение означенных территорий к России и Пруссии должно было состояться в июне, после чего обе стороны намеревались сообщить об этом венскому двору, предложив ему "приступить" к плану раздела, который будет осуществлен, даже если "против всякого ожидания" венский двор не присоединится к нему⁷⁸.

Серьезность ситуации становится очевидной из положений "Отдельной и особенно секретной статьи", посвященной мерам противодействия Австрии в случае ее сопротивления разделу Польши. В ней говорилось, что российская императрица и прусский король не могли не видеть зависти, с которой венский двор "взирает на союз и тесную дружбу двух монархий", и того пристрастия, с которым он вмешивается в процесс мирного урегулирования, осуществляемого Россией и Пруссией. Принимая во внимание, что "военные распоряжения этого двора и расположение его войск" разоблачают его двусмысленное отношение к России, оба монарха намеревались при угрожающем передвижении этих войск совместно объявить венскому двору, что "всякое неприязненное с его стороны действие против русских войск будет рассматриваемо Е.В. Королем Прусским как нападение лично на него сделанное и что он тотчас же примет сторону Е.В. Императрицы Всероссийской". В случае ввода австрийских войск в Польшу или в провинции Османской империи, завоеванные Россией, прусский король принимал обязательство направить в Польшу на помощь императрице по ее требованию армейский корпус в 20 тыс. человек, а Екатерина II должна была выставить в Речи Посполитой войско в 50 тыс. человек. Если же Австрия совершит нападение на владения прусского короля, то императрица "пошлет сначала корпус в шесть тысяч человек пехоты и четырех тысяч казаков для соединения с армиею Е.В. Короля Прусского и удвоит это вспоможение", как только это позволят ее дела⁷⁹. Условия содержания вспомогательных войск, предназначенных для отражения возможного вмешательства Австрии, были определены во второй конвенции.

Подписав конвенции, Россия и Пруссия приложили все усилия, чтобы заставить Австрию принять нужное для них решение по польскому вопросу. Монархия Габсбургов, хотя и медленно, следовала в этом направлении. У Вены не было никакой возможности побудить Россию к прямой сделке за счет Османской империи, защитницей целостности которой она к тому же выступала. Австрийский кабинет вынужден был отказаться от приобретения Сербии, продолжая еще некоторое время подумывать о Молдове и Валахии. Но так как осуществить эту идею было крайне трудно, он склонился к поиску территориальных компенсаций в Польше. В феврале 1772 г. окончательно потерпела неудачу попытка Вены привлечь Фридриха II к старому плану Кауница, когда взамен на возвращение части Силезии Пруссия должна была бы получить территории в Польше⁸⁰.

Хотя Фридрих и подозревал, что Вена вступила в сговор с Парижем, чтобы сорвать весь план раздела Польши, однако создание в Европе коалиции, направленной против России и Пруссии, было тогда невозможным. После уже начавшегося раздела Кауниц вряд ли отказался бы от возможности расширить владения монархии Габсбургов. К тому же он стремился рассеять в Париже впечатление, будто Австрия

⁷⁷ Там же, с. 75.

⁷⁸ Там же, с. 75–76.

⁷⁹ Там же, с. 77–80.

⁸⁰ Там же, с. 70; Friedrich II. und van Swieten, S. 30; Müller M.G. Die Teilungen Polens..., S. 39.

является третьим участником сговора, направленного на расчленение Речи Посполитой. Кауниц долгое время вообще держал австрийского посла во Франции Мерси д'Аржанто в неведении о польских делах, и тот с чистой совестью отвергал все обвинения в том, что Австрия получит свою долю в намеченном разделе. Австрийский канцлер утверждал, что венский двор знает о соглашениях между Пруссией и Россией не больше, чем прочие европейские державы, категорически опровергал участие в этом соглашении и ссылался на то, что недавно проявил готовность возратить Польше занятые Австрией округа, если Пруссия и Россия согласятся поступить таким же образом⁸¹.

Весной 1772 г. Кауниц заявил французскому послу в Вене, что его страна сделала все возможное, чтобы предотвратить опасное увеличение владений Пруссии и России. Австрия выдерживала непреклонный и даже угрожающий тон в общении с Петербургом, произвела передислокацию войск из Италии и Нидерландов, пойдя на большие расходы, выступала в Берлине с самыми серьезными представлениями и действительно готова была использовать оружие против России, если бы удалось убедить Фридриха II "сидеть смирно". Однако ни Франция, ни Англия не проявляли готовности энергично поддержать Австрию. Получалось, что у венского двора не было другого, не связанного с войной, выбора для сохранения европейского равновесия, как ввести армейский корпус на территорию Польши⁸².

Между тем и в Петербурге и в Берлине уже были известны австрийские территориальные притязания в Польше. Фридрих II решительно выступал за ограничение доли венского двора в разделе Речи Посполитой. 18 апреля 1772 г. он писал Сольмсу: "Доля из раздела, которую австрийцы предоставляют себе, вовсе не меньше польской Пруссии вместе с остальными приобретениями русскими и прусскими, кроме того, она заключает в себе соляные копи польского короля, которые одни приносят дохода миллион талеров... Я вам объяснил вред, который последует для моих собственных соляных промыслов, если австрийский двор получит польские промыслы"⁸³.

В переговорах с венским двором Фридрих II неоднократно выражал недовольство "хищническим аппетитом" Австрии, которая претендовала даже на Краков. "Черт возьми, Вы лакомого кусочка не упустите, у Вас хороший аппетит", – вскричал король, когда ван Свитен изложил ему требования своего кабинета, хотя австрийский посланник и пытался убедить его в том, что по существу доля Пруссии является значительно более ценной, чем доля Австрии⁸⁴.

В Петербурге было принято решение исключить из австрийской доли город Львов – потому якобы, что там хранились акты польского шляхетства, и соляные копи – из уважения к мнению прусского короля и с учетом того, что эти копи служили источником "главного дохода" польского короля. Однако из этого решения ничего не вышло. Австрия не собиралась отказываться ни от Львова, ни от соляных копей, которые тем временем уже были заняты австрийскими войсками⁸⁵.

Фридрих II попытался получить за это компенсацию – Данциг и Торн, постоянно взывая к Екатерине II и прося ее о защите его "законных" интересов. В депеше Сольмсу от 8 июля 1772 г. он доказывал, что если Россия согласится с требованиями Австрии, то та приобретет 900 тыс. новых подданных, а Пруссия только 500 тыс. Он-де уже отказался от своих притязаний на Данциг, зная, что этого не желает русская императрица. Теперь он хотел бы получить Торн ввиду предстоящего огромного увеличения владений Габсбургов.

Но время шло, а переговоры с Веной могли окончиться неудачей. Поэтому Фридрих стал просить Екатерину пойти на новые уступки Австрии, лишь бы поскорее завершить начатое дело. Хотя Панин также высказывал сомнения в обоснованности

⁸¹ Friedrich II. und van Swieten, S. 32–33.

⁸² Ibid., S. 33–34.

⁸³ Соловьев С.М. Сочинения, кн. XIV, т. 28, с. 539.

⁸⁴ Friedrich II. und van Swieten, S. 71. Bericht van Swietens. Berlin, den 21. April 1772.

⁸⁵ Соловьев С.М. Сочинения, кн. XIV, т. 28, с. 539.

размеров территориальных притязаний Габсбургов, Екатерину II вполне устраивали просьбы прусского короля как можно скорее уладить вопросы, связанные с разделом Польши, хотя бы потому, что она рассчитывала путем сближения с Веной облегчить достижение своих политических целей в отношении Османской империи⁸⁶.

СОГЛАШЕНИЕ ПРУССИИ, РОССИИ И АВСТРИИ О РАЗДЕЛЕ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ

25 июля (5 августа) 1772 г. три державы окончательно договорились о разделе Польши. В Петербурге были подписаны две секретные конвенции: одна между Россией и Пруссией и другая между Россией и Австрией. В них в основном повторялась аргументация прусско-русской конвенции, подписанной в феврале. Так, в новой прусско-русской конвенции говорилось, что анархия в Польше подрывает "всю власть законного правительства", возбуждает справедливые опасения, "что может наступить совершенное распадение государства, что интересы соседей Польши будут нарушены, нарушено будет доброе согласие, установившееся между ними, и возбуждена будет всеобщая война". В преамбуле даже утверждалось, что соседние с Польшей державы имеют по отношению к ней "требования и права столь же древние, как и законные", которые рискуют потерять "безвозвратно, если они не примут мер к их обезопасению и не приведут их сами в исполнение, совокупно с восстановлением спокойствия и порядка во внутренних делах Республики, определив ее политическое устройство, более согласное с интересами ее соседей"⁸⁷.

В результате осуществленного Пруссией, Россией и Австрией раздела Речи Посполитой в их руки перешло около трети ее территории и 40% населения. Пруссия получила епископство Эрmland (Вармию), Западную Пруссию – воеводства Мариенбург (Мальборк), Кульм (Хелмно) и Помереллия без городов Данциг (Гданьск) и Торн (Торунь), а также часть великопольской территории – Нетце-дистрикт. Это составило 36 тыс. кв. км с населением 580 тыс. человек. К России отошли Восточная Белоруссия и часть Ливонии с городами Дюнабург (Даугавпилс), Витебск, Мстиславль, Могилев, Гомель, всего около 93 тыс. кв. км с населением 1300 тыс. человек. Австрия, кроме уже занятых территорий, приобрела Восточную Галицию и Лодомерию с городами Лемберг (Львов), Пшемысль, Броды, Галич, но без Кракова – всего около 83 тыс. кв. км с населением 2650 тыс. человек⁸⁸.

Таким образом, размеры захваченных Пруссией территорий составляли только треть российских и менее половины австрийских аннексий в Польше. Однако Фридриху II без какого-либо риска, связанного с ведением военных действий, удалось приобрести польские области, чрезвычайно важные в стратегическом и экономическом отношении. Прусское государство получило сухопутный "мост" в Восточную Пруссию, контроль над Вислой, включая Данцигскую гавань, хотя и без самого города, и тем самым несомненно присвоило кусок территории, самый выгодный с точки зрения его положения как великой державы. Западная Пруссия значила для берлинского двора гораздо больше, чем для Австрии ее, как говорили, "львиная доля" – Галиция, расположенная по ту сторону Карпат. Венский двор, правда, утешался тем, что решение о разделе Польши как бы предоставило ему возможность "бережно" обойтись со своим турецким партнером⁸⁹.

В то время как Россия присоединила территории, заселенные преимущественно

⁸⁶ Собрание Трактатов и Конвенций..., т. VI, с. 70–71.

⁸⁷ Там же, т. VI, № 225, с. 85.

⁸⁸ *Mittenzwei I.* Op. cit., S. 171; *Hubatsch W.* Op. cit., S. 174; *Topolski J.* Reflections on the First Partition of Poland (1772). – *Acta Poloniae Historica*, t. 17, 1973; *Кондзеля Л., Цегельский Т.* "Концерт Трех Черных Орлов" (Споры о разделе Польши). – *Историки отвечают на вопросы*, вып. 2. М., 1990, с. 92; *Сковронек Е.* Удары с трех сторон. Разделы Польши как составная часть европейской истории (1772–1793–1795). – *Родина*, 1994, № 12, с. 38; *Дипломатический словарь*, т. II. М., 1985, с. 367.

⁸⁹ *Schieder Th.* Op. cit., S. 253–254.

белорусами, Пруссия оккупировала области с преобладающим польским и Австрия – с польским и украинским населением. Воссоединение с Россией части белорусских земель было справедливо, разумеется, не потому, что оно произошло в результате ее военных успехов, а потому, что белорусский народ издревле входил в состав Русского государства, которое лишь возвратило земли, ранее отторгнутые у него польско-литовским государством. Вместе с тем для России первый раздел Польши был сомнительным достижением, так как заключение трехстороннего соглашения могло поставить под вопрос ее протекторат над дворянской республикой. С другой стороны, совместное решение трех держав сделало взаимоотношения между ними более сбалансированными. Улучшились шансы активного воздействия России на поддержание равновесия сил в Священной Римской империи. Тяжелый удар был нанесен "барьерной политике" Франции, направленной против России⁹⁰.

Заключение конвенции о разделе Польши было встречено в Берлине с ликованием. "В самом деле, – писал Фридрих II Сольмсу 21 августа 1772 г., – чем более я об этом деле думаю, тем более нахожу в нем причин радоваться". На депеше прусскому посланнику в Петербурге от 24 сентября 1772 г. Фридрих II приписал собственноручно: "Вы скажете графу Панину, что он может уверить императрицу от моего имени: что сегодня, в день торжества для Пруссии, я уверяю, что... буду искать всякого случая, чтоб доказать ей и России мою благодарность не только в словах, но и на деле"⁹¹.

Не испытывая восторга от приобретения большого количества новых подданных – поляков, Фридрих II считал "самым надежным средством привить этим пребывающим в рабском состоянии людям лучшие понятия и нравы... – со временем смешать их с немцами, даже если вначале это может произойти только с двумя или тремя в каждой деревне"⁹². Возвратившись из инспекционной поездки в свои новые владения, Фридрих II писал своему брату Генриху 12 июня 1772 г.: "Я увидел эту Пруссию, которую в известной степени получил из Ваших рук. Это очень хорошее и очень выгодное приобретение, как в отношении политического положения государства, так и финансов. Однако, чтобы вызывать меньше зависти, я говорю каждому желающему об этом слышать, что я при своем посещении видел только песок, ели, пустоши и евреев"⁹³.

Так как Панин и Кауниц сами вызвались урегулировать практические вопросы, связанные с разделом, Фридрих II, для которого главным оставалось вступление во владение предназначенной ему территорией, предоставлял большей частью выполнение формальностей русскому посланнику в Варшаве, где прусский представитель просто должен был действовать с ним заодно. Хотя первый раздел Польши не означал полной ликвидации этого государства и даже как бы обосновывался попыткой его "спасения", Фридриха II всерьез занимала проблема будущего: как не допустить укрепления и консолидации сохранившейся части Речи Посполитой "в ущерб" Прусскому государству⁹⁴.

Между тем Екатерина II прекрасно понимала, что достигнутым тремя державами соглашением все сложности во взаимоотношениях между ними отнюдь не были преодолены. К тому же польская сторона "неожиданно" оказала решению Пруссии, России и Австрии энергичное сопротивление. Даже после занятия армиями трех государств соответствующих территорий Станислав II Август не желал признавать законности произведенных захватов и обязательности для Польши заключенных ими соглашений. Стараясь улаживать разногласия между партнерами по разделу, Екатерина считала задачей первостепенной важности добиться от Речи Посполитой

⁹⁰ См.: Бульгин И.А. Комментарии. – Соловьев С.М. Сочинения, кн. XIV, с. 607–608; Scharf C. Op. cit., S. 395; Mittenzwei I. Op. cit., S. 172.

⁹¹ Собрание Трактатов и Конвенций..., т. VI, с. 90.

⁹² Der König an den Oberpräsidenten von Domhardt. Potsdam, den 1. April 1772. – Der König Friedrich der Grosse in Briefen..., S. 384.

⁹³ Der König an seinen Bruder Heinrich. Potsdam, 12. Juni 1772. – Ibid., S. 386.

⁹⁴ Friedrich II. und van Swieten, S. 38–39.

безусловного признания принятого ими решения. В итоге польскому королю каждой из трех держав были направлены идентичные по своему содержанию декларации, носившие ультимативный характер⁹⁵.

Если вначале после получения официального сообщения о разделе страны Варшава выступила с решительным протестом, особенно против аннексии Пруссией и Австрией коренных польских земель, то в условиях присутствия иностранных войск собравшийся в апреле 1773 г. польский сейм под давлением совершивших раздел государств должен был подтвердить уступку им аннексированных территорий. 7(18) сентября 1773 г. делегация сейма подписала три договора с этими державами, по которым Польша отказывалась от каких-либо претензий к Пруссии, России и Австрии в отношении отторгнутых ими земель⁹⁶.

Первый раздел Польши не был единовременным актом. До 1776–1777 гг. Австрия и Пруссия пытались передвинуть свои границы с Польшей в глубь ее территории. Прусские войска заняли на 52 города и 1300 деревень больше, чем это было согласовано между участниками раздела и с Речью Посполитой. Только по настоянию России этому постоянному расширению аннексированной Пруссией и Австрией территории был положен конец⁹⁷.

Полностью оправдался расчет Фридриха II, что, несмотря на обращение польского правительства к Великобритании и Франции с просьбой о помощи, никакого вмешательства прочих европейских держав в пользу Речи Посполитой не произойдет, как не возникнет и никакой европейской войны из-за ее раздела. "Сладкая мина", с которой кабинеты Франции и Англии приняли сообщение об этом событии, писал Фридрих II своему министру Финкенштайну, ведавшему иностранными делами, его очень развеселила. Секретарь посольства Пруссии в Лондоне прислал в Берлин красочное описание того впечатления, которое произвело на статс-секретаря лорда Саффолка чтение официального уведомления о разделе Польши: "Он прочел его один и второй раз, испускал во время чтения вздохи и делал гримасы, стал красным и тер себе подбородок и затем, уже успокоившись, дал нам дословно следующий ответ: "Король, милостивые государи, глубоко убежденный, что Ваши три двора проникнуты законностью своих притязаний, не хочет вникать в дальнейшие мотивы их шагов"⁹⁸.

Сами главные участники раздела в той или иной степени допускали, что он является актом грубого насилия. Мария Терезия, резко противившаяся расчленению Польши, была не только возмущена, но и прямо-таки подавлена действиями своего сына, который, заняв приграничные территории Речи Посполитой, создал внешний повод для ее раздела. В конце концов – ради сохранения "равновесия" – она все же согласилась с разделом, на что Фридрих II желчно заметил: "Она плачет, но она берет"⁹⁹. В 1775 г. он прокомментировал раздел Польши следующим образом: "Мы не можем ручаться за законность наших прав, так же как и прав русских и еще меньше австрийских"¹⁰⁰. Здесь бросается в глаза разительное отличие оценки Фридрихом этого события от его отношения к притязаниям Пруссии на Силезию, которые он считал неоспоримыми. Прусский король в своих воспоминаниях признавал "иллюзорность" правовых обоснований, выдвинутых всеми участниками раздела. С другой стороны, он считал польскую дворянскую анархию "самым скверным правлением в Европе, за исключением Турции", и сравнивал состояние культуры в этой стране с культурным уровнем индейских племен в Америке. Это и послужило для него молчаливым оправданием расчленения Речи Посполитой¹⁰¹.

Первый раздел Польши стал несчастьем для польского народа, превратившегося в

⁹⁵ Собрание Трактатов и Конвенций..., т. VI, с. 90–91, 97.

⁹⁶ *Schieder Th. Op. cit., S. 253; Ritter G. Op. cit., S. 233.*

⁹⁷ *Mittenzwei I. Op. cit., S. 172.*

⁹⁸ *Hinrichs C. Friedrich der Grosse – Deutschland und die Westmächte. – Der allgegenwärtige König..., S. 31.*

⁹⁹ *Ritter G. Op. cit., S. 233.*

¹⁰⁰ Цит. по: *Zernack K. Friedrich, Russland und Polen..., S. 206.*

¹⁰¹ *Ritter G. Op. cit., S. 233–234.*

постоянный объект экспансионистских устремлений своих соседей. Они не смогли, да и не считали нужным, видеть в этой, ставшей недееспособной, дворянской "демократии" равноправного члена европейской системы государств, рассматривая Польшу всего лишь как объект для компенсаций, используемых для преодоления напряженности в отношениях и взаимного соперничества. Иосиф II, первым приступив к фактическому захвату территорий Речи Посполитой, создал прецедент. Екатерина II, рассчитывавшая сохранить свой контроль над всей территорией Речи Посполитой, не смогла добиться прочной и постоянной поддержки своих намерений и действий в Польше со стороны Станислава II Августа и в то же время должна была считаться с возрастающим противодействием Австрии и Пруссии ее территориальным приобретениям в войне с Турцией. Это побудило ее после известных колебаний принять проект раздела Польши, неоднократно и настойчиво предлагавшийся прусским королем.

В изменившейся после 1768 г. системе европейских государств альянс "трех черных орлов" вновь возродился на основе "негативной политики в отношении Польши". Фридрих II несомненно являлся инициатором плана раздела Речи Посполитой, а его брат Генрих сыграл главную роль в его реализации. В письме к Вольтеру от 9 октября 1773 г. Фридрих II писал: "Почти вся Европа верит, что раздел Польши является следствием коварной политики, которую приписывают мне, но в мире нет ничего более ошибочного, чем это. Тщетно предлагал я различные пути выхода из положения и в конце концов должен был прибегнуть к помощи этого раздела, поскольку он являлся единственным средством предотвратить всеобщую войну. Видимость обманчива, и все же публика судит только по ней"¹⁰². Однако в своих воспоминаниях прусский король откровенно и с нескрываемой гордостью описал свою истинную роль в этом деле. Он настолько был проникнут жадой к увеличению своего государства, до такой степени находился под влиянием феодально-династических ценностных представлений, что не считал нужным скрывать свои деяния от просвещенных современников и потомков¹⁰³.

"Историческая вина" за этот неприкрытый акт произвола в отношении государства, неспособного отстоять свою целостность, лежит на всех трех державах, совершивших его, но прежде всего – на Пруссии, которая в результате раздела Речи Посполитой укрепила свое положение великой европейской державы и усилила свое влияние внутри Священной Римской империи германской нации. После первого раздела Польши "король в Пруссии" Фридрих II принял титул "короля Пруссии", что подтверждает значение аннексии польских территорий для повышения международного статуса его государства¹⁰⁴. Присоединенные к Пруссии польские земли стали вторым после Силезии крупным территориальным приобретением прусского короля.

ЭПИЛОГ

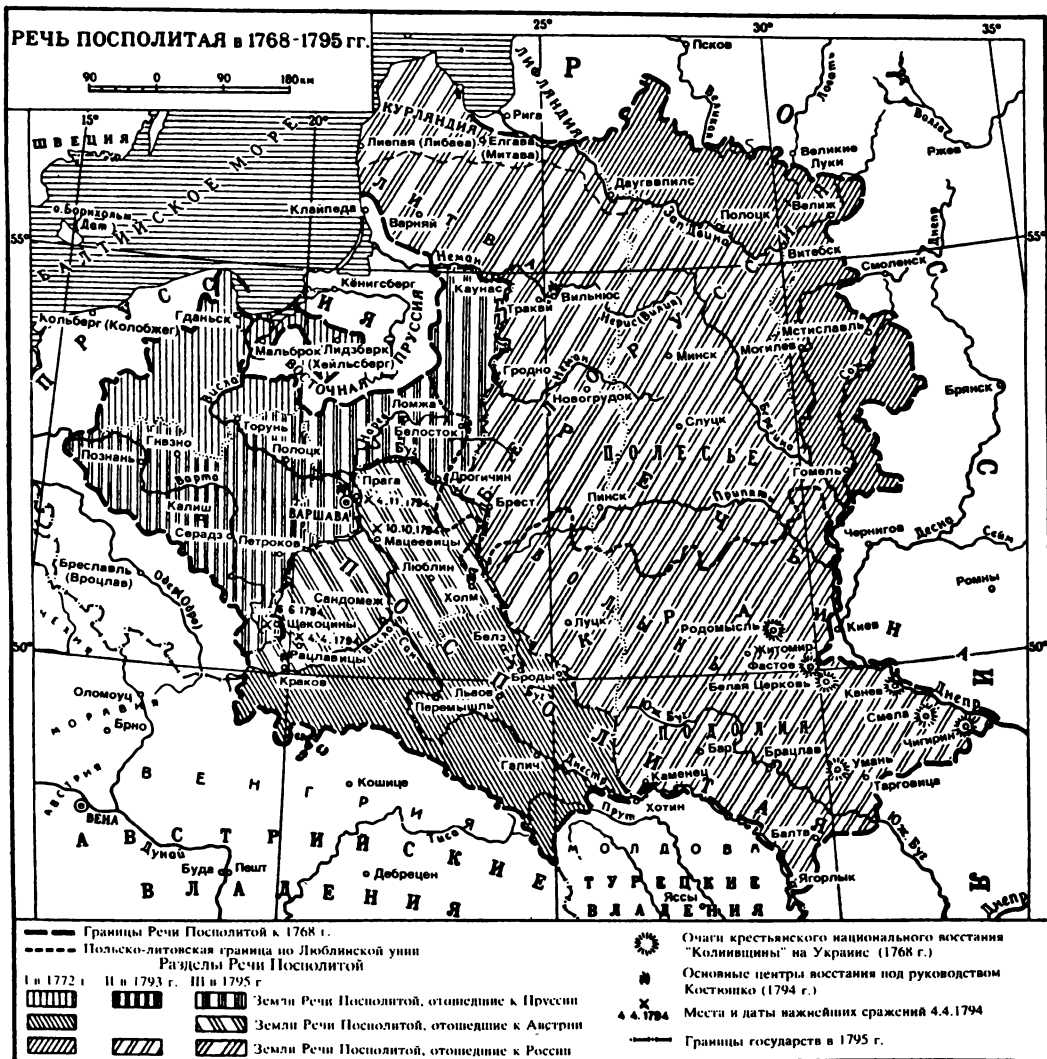
Первый раздел Речи Посполитой принес осуществившим его державам различные, но столь значительные государственно-политические, экономические и прочие выгоды и преимущества, что дальнейшее осуществление политики разделов Польши было всего лишь вопросом времени и благоприятного стечения обстоятельств, что и произошло двадцатью годами позже.

В результате первого и последующих разделов Россия завладела более чем половиной территории Польши – около 460 тыс. кв. км с шестью млн. жителей, менее развитой в экономическом и культурном отношении, преимущественно с белорусским и украинским населением. Государственная граница России была передвинута далеко на запад, что еще более укрепило ее доминирующее положение в Восточной Европе и усилило влияние в Центральной и Западной Европе.

¹⁰² Der König an Voltaire. Potsdam, 9. Oktober 1773. – Der König Friedrich der Grosse in Briefen..., S. 398.

¹⁰³ *Mittenzwei I.* Op. cit., S. 172–173.

¹⁰⁴ *Rosenberg H.* Bureaucracy, Aristocracy and Autocracy. The Prussian Experience 1660–1815. Cambridge (Mass.), 1958, p. 28.

Участвуя в двух разделах Польши, Австрия завладела наименьшей добычей – 132 тыс. кв. км с населением 3,9 млн. человек, большинство которого составляли поляки при значительной доле украинцев. Главным же инициатор и организатор разделов Польши, Пруссия, приобрела несколько большую территорию, чем Австрия, – 148 тыс. кв. км с населением 2,8 млн. человек. Серьезной проблемой, чреватой осложнениями в будущем, был тот факт, что после третьего раздела 1795 г. обширные исконно польские территории и бывшие польские подданные составили почти половину территории и населения Прусского государства. Берлинский двор, более всех заинтересованный в разделах Польши, постоянно и наиболее последовательно осуществлял антипольскую политику и всегда активно выступал против каких-либо проектов воссоздания польского государства, что могло бы привести к утрате Пруссией захваченных ею польских территорий, владение которыми гарантировало ей статус великой европейской державы¹⁰⁵.

¹⁰⁵ См.: Сковронек Е. Указ. соч., с. 38–39; Cegielski T., Kadziela L. *Rzbiory Polski 1772–1793–1795*. Warszawa, 1990; Konopczyński W. *Fryderyk Wielki a Polska*. Poznań, 1981; Müller M.G. *Die Teilungen Polens...*

Нельзя оставить без комментариев мнение польского историка Е. Скворонка, что Екатерина II получила территории, не только менее развитые в экономическом и культурном отношении, но и "весьма разнородные с этнической точки зрения и поэтому легче поддающиеся ассимиляции и малоспособные сопротивляться русификаторской политике"¹⁰⁶. Во-первых, с этнической точки зрения эти территории были, напротив, весьма однородными, ибо их компактно населяли белорусы, украинцы и литовцы. Во-вторых, ни о какой ассимиляции белорусов и украинцев речь не шла хотя бы потому, что их предки издавна входили в состав единого российского государства. И, в-третьих, имея за плечами опыт жестокого угнетения со стороны польской шляхты, религиозных гонений и преследований со стороны польских властей и католической церкви, они едва ли вообще собирались "сопротивляться", поскольку их никто в "русских" и не собирался превращать. Несомненно, что царские власти, оказывая поддержку православию, получившему привилегии господствующей религии, проводили политику притеснения греко-католической (униатской) и римско-католической церковей, однако это затрагивало лишь весьма незначительную часть населения западных районов присоединенных к России территорий.

Российский философ и публицист первой половины XIX в. П.Я. Чаадаев в статье "Несколько слов о польском вопросе", написанной вскоре после польского восстания 1830 года, отмечал, что к концу правления Ярослава Мудрого "пограничная линия, отделявшая тогда русских от их соседей – поляков, пролегла по равнинам, тянувшимся вдоль левого берега Немана, в местности, где мы находим города Агустово, Седлец, Люблин, Ярослав, и тянулась по течению реки Санн до подножия Карпатских гор. Это та самая линия, которая и в наши дни по сути дела размежевывает обе народности – русскую и польскую. Население к востоку от этой линии говорит на русском наречии и принадлежит к греческой церкви, население на запад от нее говорит по-польски и принадлежит к римскому исповеданию"¹⁰⁷.

Историческая граница, отделявшая Польшу от Древнерусского государства¹⁰⁸, обозначена Чаадаевым в общем правильно, хотя и сдвинута несколько на Запад. Белорусы и украинцы Чаадаевым, как и большинством его современников, воспринимались как часть русского народа. В областях, присоединенных к Российской империи в результате трех разделов Польши, поляки составляли лишь 1/50 часть всего населения. Поэтому Чаадаев писал, что остальные жители этих территорий "почти сплошь русские". Они "хранят еще свежую память о насилиях, выпавших на долю их отцов при польском владычестве, и питают к своим господам, живым осколкам прежнего строя, такую неумную ненависть, что спасением своим те отчасти обязаны покровительству русского правительства"¹⁰⁹. Западным же областям старой Польши, присоединенным к немецким государствам, "пришлось испытать иноземное воздействие в такой степени, что польское население оказалось там в меньшинстве и с каждым днем все больше растворяется в толще германского племени: так обстоит дело в Силезии, в Померании и в части великого княжества Познанского"¹¹⁰.

Между прочим, обозначенная Чаадаевым разграничительная линия между русскими и поляками почти в точности совпадает с восточной границей Польши, выработанной комиссией по территориальным вопросам и принятой на Парижской мирной конференции 1919–1920 гг. В ноте министра иностранных дел Великобритании лорда Керзона, направленной правительству РСФСР 11 июля 1920 г., в ходе польско-советской войны, содержалось предложение отвести войска воюющих стран по обе стороны от линии, которая "приблизительно проходит так: Гродно – Яловка – Немиров – Брест-Литовск – Дорогуск – Устилуг, восточнее Грубешова через Крылов, далее

¹⁰⁶ Скворонек Е. Указ. соч., с. 39.

¹⁰⁷ Чаадаев П.Я. Несколько слов о польском вопросе. – Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма, т. 1. М., 1991, с. 512.

¹⁰⁸ См.: Итоги и задачи изучения внешней политики России, с. 13.

¹⁰⁹ Чаадаев П.Я. Указ. соч., с. 514.

¹¹⁰ Там же, с. 513–514.

западнее Равы-Русской, восточнее Перемышля до Карпат". Однако в результате наступления польских войск государственная граница была установлена значительно восточнее "линии Керзона", включив в состав Польши Западную Украину и Западную Белоруссию. По решению Ялтинской конференции 1945 г. восточная государственная граница Польши была проведена по "линии Керзона" с небольшими отклонениями в ее пользу. Таким образом, этническая граница на востоке Польши является общепризнанной с точки зрения современного международного права.

Сам по себе раздел Речи Посполитой в последней трети XVIII в. был обусловлен как кризисом польской государственности, так и развитием общеевропейской внешнеполитической ситуации. Решающую роль в инициировании и осуществлении раздела сыграло стремление Бранденбургско-Прусского государства к стратегическому объединению в единых границах Восточной Пруссии и других прусских владений. Пруссия же получила и наибольший геополитический выигрыш от раздела Польши, хотя в абсолютных цифрах самые значительные территориальные и людские приобретения пришлось на долю России. Исконно польские земли были в основном поделены между Пруссией и Австрией, и только после 1815 г. Россия завладела территорией Царства Польского, а с ней приобрела и польскую проблему, надолго омрачившую отношения двух народов.

© 1997 г.

А.С. ОРЛОВ

"ЧЕЛНОЧНЫЕ ОПЕРАЦИИ" ВВС США С ТЕРРИТОРИИ СССР. 1944–1945 гг.

В апреле 1997 г. в Гармиш-Партенкирхене (ФРГ) проводилась международная научная конференция на тему: "Военное сотрудничество России и НАТО". Мое внимание как участника конференции привлек один из обсуждавшихся вопросов, а именно – проблема совместимости личного состава российской бригады и бригады вооруженных сил США, входящей в многонациональную дивизию "Север" войск НАТО в Европе при их взаимодействии в ходе миротворческих операций в Боснии и Герцеговине.

Дело в том, что в практической работе миротворческих частей в ряде случаев выявилось неодинаковое понимание некоторых, казалось бы, единых понятий, а отсюда разный подход в толковании различного рода приказов, распоряжений, военных штабных документов. Уточнение и выяснение возникавших разночтений и недоразумений требовало дополнительного времени и согласований в различных инстанциях. Причинами этого, по общему мнению, стали языковой барьер, особенности национальной ментальности и военного образования русских и американцев, традиций и обычаев народов России и США – словом, недостаточное знание товарищей по оружию. Было признано необходимым изучать опыт прошлого – миротворческих операций войск ООН, действий по урегулированию кризисов и конфликтов периода "холодной войны", а также опыт советско-американского сотрудничества в годы второй мировой войны.

А такой опыт был. И проблемы возникали схожие. В связи с этим, на мой взгляд, целесообразно ознакомить общественность с одной знаменательной, по-своему уникальной и малоизученной страницей истории советско-американского боевого (в отличие от ленд-лиза, военно-дипломатических контактов, конференций и встреч союзников) сотрудничества в 1944–1945 гг.

Речь идет об участии советских ВВС в "челночных" операциях американской стратегической авиации. В 1944 г. три советских аэродрома: Полтава, Миргород, Пирятин (Раковщина) использовались стратегическими бомбардировщиками Б-17 ("Летающая крепость") и истребителями сопровождения ВВС США, которые вылетали с авиабаз Италии и Великобритании, наносили бомбовые удары по военным объектам третьего рейха и оккупированных им стран и совершали посадку на Полтавском аэроузле (три указанных выше аэродрома)*. Здесь было создано "Восточное командование" ВВС США, которое совместно с командованием ВВС Красной Армии руководило операциями американских бомбардировщиков и истребителей, действовавших в июне–сентябре 1944 г. с территории СССР. Американцы бомбили авиабазы и заводы на вражеской территории, русские обслуживали аэродромы, обеспечивали их противовоздушную оборону, несли охрану американских объектов.

* Аэроузел – группа аэродромов, которые могут быть использованы для базирования авиационного соединения. – Советская военная энциклопедия, т. 1, 1976, с. 340.

В годы "холодной войны" в СССР почти ничего не писали об этом эпизоде второй мировой войны. В 90-х годах появилось несколько публикаций¹, в США были изданы в разные годы монографии, защищен ряд диссертаций².

НАЧАЛО

Президент США Ф. Рузвельт после вступления США во вторую мировую войну стремился к тому, чтобы американская стратегическая авиация действовала с территории советского Дальнего Востока по объектам на Японских островах, которые в то время были вне досягаемости бомбардировщиков ВВС США. В декабре 1942 г. Рузвельт попросил И.В. Сталина выделить несколько аэродромов в Сибири для размещения 100 тяжелых бомбардировщиков, которые могли бы действовать по Японии в случае ее нападения на СССР. В то время США помимо действий в Африке, а затем в Европе вели напряженную войну с Японией, и с аэродромов, расположенных на территории СССР, можно было бы наносить удары непосредственно по японской промышленности, ослабить ее военно-экономический потенциал, а бомбардировками городов воздействовать на глубокий тыл японской империи, подорвать волю ее народа к борьбе. Сталин не поддержал этой инициативы, поскольку СССР не мог позволить себе нарушать нейтралитет с Японией, втянуться в войну с ней в тяжелейших для него условиях 1942 г.

В сентябре 1943 г., когда на фронтах второй мировой войны уже завершился коренной перелом в пользу антигитлеровской коалиции, американцы решили еще раз поставить вопрос об использовании советских авиабаз, но уже на другом театре войны. Посол США в Москве А. Гарриман добился учреждения американской военной миссии в СССР во главе с генерал-майором Д. Дином для установления тесной координации военных усилий СССР и США.

Прибыв в СССР в октябре 1943 г., Дин на первой же встрече с ответственными советскими представителями во главе с наркомом иностранных дел В.М. Молотовым поставил вопрос об авиабазах. Через два дня Молотов сообщил, что эти предложения "в принципе" одобрены, однако дальше этого дело не пошло. Встреча Дина с заместителем Молотова А.Я. Вышинским и членом Государственного Комитета Обороны СССР К.Е. Ворошиловым, через которых он хотел ускорить решение вопроса, результата не дали.

В Вашингтоне нервничали, ждали вестей. "Ответа на вопрос необходимо ждать до тех пор, пока на него не ответит Сталин", докладывал Дин в Вашингтон, а "другие вопросы не рассматриваются, пока не решен первый". Затяжка объяснялась тем, что в Кремле были раздражены затягиванием союзниками решения главной проблемы: открытия второго фронта.

Тем временем американские ВВС в Европе несли немалые потери. Размещение американских авиабаз в СССР могло бы способствовать решению важных задач ВВС США в их "воздушном наступлении" против Германии, начатом весной 1943 г. (операция "Пойнтблэнк"). По мысли американского командования, бомбардировщики, действовавшие из России, могли с большим успехом поражать промышленные объек-

¹ *Никитин А.В.* "Челночные операции". – Военно-исторический журнал, 1975, № 11; *Орлов А.С.* Советско-американское боевое сотрудничество во второй мировой войне. Новый этап. – В кн.: Ялта. 1945. Проблемы войны и мира. М., 1992; *его же.* "Летающие крепости" стартовали в СССР. – *Modus Vivendi*, 1994, июнь, № 13; *его же.* На аэродромах Украины. – В кн.: Вторая мировая война. Актуальные проблемы. М., 1995; Под кодовым названием "Разъяренный". – Красная звезда, 3.IX.1994; *Любимский Л.* "Дело было в Полтаве". – Красная звезда, 28.XII.1994.

² *Julian Th.* "The Operation Frantic" and the Search for American-Soviet Military Cooperation, 1941–1944 (Ph.D.diss. Syracuse University, 1968); *Lukas R.* Eagles East. The Army Air Force and the Soviet Union 1941–1945. Talahassee, 1970; *Infield G.* The Poltava Affair: A Russian Warning – An American Tragedy. New York, 1973; *Bolger D.* Relucting Allies: The United States Army Air Force and the Soviet Air Force, 1941–1945 (Ph.D.diss. University of Chicago, 1985); *Julian Th.* Operations at the Margins: Soviet Bases and Shuttle-Bombing. – The Journal of Military History, 1993, Oct.

ты, перемещенные гитлеровцами в восточные районы Германии и страны Центральной и Юго-Восточной Европы. Это сокращало время полета бомбардировщиков над вражеской территорией и уменьшало потери в воздухе. Кроме того, воздушные налеты с Востока заставили бы немцев перебраться в эти районы значительную часть истребительной авиации и зенитной артиллерии, что ослабило бы их группировку на Западе. В условиях подготовки к вторжению во Францию это было весьма важно для завоевания союзниками господства в воздухе перед началом стратегической морской десантной операции "Оверлорд". И наконец, руководители США стремились сотрудничеством с ВВС СССР укрепить советско-американские отношения, принять непосредственное участие в войне на Восточном фронте. Переговоры о создании на территории СССР американской воздушной базы были продолжены на Тегеранской конференции³.

В Тегеране Сталин "в принципе" одобрил американское предложение, но заявил, что окончательный ответ сможет дать лишь после изучения представленных документов. Через три месяца были сделаны первые практические шаги по организации "челночных" операций. 2 февраля Гарриман был принят Сталиным и Молотовым. Сталин заявил, что он одобряет американский план и даст указания штабу ВВС совместно с американцами приступить к его осуществлению. 5 февраля Гарриман и Дин встретились с Молотовым, командующим ВВС Красной Армии главным маршалом авиации А.А. Новиковым, его заместителем генерал-полковником авиации А.В. Никитиным и начальником отдела спецзаданий Генштаба Красной Армии генерал-майором Н.В. Славиним. По американскому проекту предполагалось иметь шесть авиабаз, пригодных для размещения 360 тяжелых бомбардировщиков и 150–200 истребителей. Новиков посоветовал выделить аэродромы на Украине, так как там были наилучшие условия с точки зрения погоды, грунта и других показателей. Оборону 3 аэродромов взяло на себя советское командование.

28 февраля 1944 г. в Москве состоялась встреча генерал-полковника авиации А.В. Никитина с начальником американской военной миссии в СССР генерал-майором Д. Дином. На ней были затронуты многие вопросы, важные для дальнейшей совместной деятельности. Американская сторона просила осмотреть выделенные для ВВС США аэродромы, разрешить вопрос об отправке двух пароходов с авиагрузами, наладить регулярные рейсы одного транспортного самолета для перевозки необходимых запасных частей из Тегерана на указанные советской стороной аэродромы. Американцы также просили разрешения использовать аэродромы западнее Киева для посадки своих самолетов-разведчиков, на что Сталин разрешения не дал. Были подняты актуальные вопросы относительно порядка использования средств связи. Генерал Дин настаивал на том, чтобы штаб группы американских ВВС в СССР имел свою радиостанцию для связи с авиабазами в Италии и Англии в интересах обеспечения бомбардировочных операций. Для повышения оперативности оформления прилета в СССР экипажей американских бомбардировщиков предлагалось упростить эту процедуру, так как самолетные экипажи предполагалось менять в ходе операций, хотя организационно они должны были входить в одну и ту же часть. Предполагалось также, что в операциях будет участвовать до 120 самолетов. При этом основным типом стратегического бомбардировщика был выбран 4-моторный "Боинг-17" (Б-17). Кроме того, по предложению Дина, на советских аэродромах планировалось иметь 600–700 американских специалистов для обслуживания и ремонта самолетов⁴.

Первостепенным считался вопрос о связи. Генерал Никитин с одобрения начальника связи Красной Армии маршала связи И.Е. Пересыпкина просил советское правительство разрешить американцам иметь свою радиостанцию с обслуживающим

³ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1976, т. 2, с. 108.

⁴ Центральный архив Министерства обороны (далее – ЦАМО), Ф. 35, оп. 11250, д. 105, л. 121–122.

персоналом, но с участием советских связистов, а также выделить рабочие частоты и разработать правила радиообмена⁵.

На этой стадии сотрудничества на генерала Никитина легла основная ответственность за решение возникших проблем. Ему довелось на деле решать все вопросы организации базирования самолетов США. Для американской авиации выделили Полтавский аэроузел: аэродромы Полтава, Миргород и Пирятин; для их обслуживания сформировали 169-ю авиационную базу особого назначения (АБОН). Командиром базы был назначен генерал-майор авиации А.Р. Перминов, его заместителем по политчасти – подполковник И.И. Колесников, начальником штаба – полковник С.К. Ковалев. Все эти лица приняли участие в многогранной и сложной подготовительной работе, проявляя разумную инициативу, хорошие знания авиационной техники, большой такт при согласовании различных вопросов с американскими офицерами.

В основу работы эксплуатационно-технической части базы впервые был положен бригадный метод. Техническим составом база комплектовалась за счет выпускников советских авиационно-технических школ. При этом ту или иную бригаду специалистов формировали из одного классного отделения школы во главе с ведущим преподавателем по конкретному профилю (двигатель, планер, вооружение, электрооборудование).

В марте генерал Перминов со своими помощниками вылетел в Полтаву. Одновременно туда начали прибывать технические и административные кадры, а также поступать разнообразные грузы из Ирана, Мурманска и Архангельска. В Полтаву приехал с офицерами своего штаба бывший командир бомбардировочной авиагруппы 8-й воздушной армии ВВС США полковник А. Кесслер (впоследствии – бригадный генерал), назначенный американским командованием руководить военным персоналом США.

Выяснилось, что бетонные взлетно-посадочные полосы имелись только на аэродромах Полтавы и Миргорода. На аэродроме Пирятин требовалось уложить металлическую полосу для взлета и посадки и рулежные дорожки, а на аэродроме Миргород – удлинить бетонированную полосу. К середине апреля 1944 г. основные вопросы по организации авиабаз и взаимодействия с американцами по обслуживанию самолетов были полностью разрешены. Специалисты из США признали аэродромы Полтава, Миргород, Пирятин пригодными для использования. На них были перебазированы советские батальоны аэродромного обслуживания. Активно шел ремонт помещений и подготовка к приему первой группы американских авиаторов, которые начали прибывать 13–17 апреля. По распоряжению начальника тыла Красной Армии генерала армии А.В. Хрулева в Полтаву было отправлено специальными железнодорожными транспортом необходимым имуществом, включая новое обмундирование для полной экипировки личного состава советских частей, привлекаемых к обслуживанию.

12–14 апреля в Полтаву прибыл штаб Кесслера для подготовки к приему оборудования, которое было доставлено в Мурманск 5 апреля на пяти пароходах. Среди грузов были три металлические посадочные полосы для укладки на аэродромах, бензин (100 октан.) в бочках, бомбы, патроны, автомашины и другое оборудование. В Тегеран отправились советские штурманы и радисты для ознакомления с самолетом С-47 и его экипажем и сопровождения его в Полтаву с первой партией специалистов. В дальнейшем С-47 предполагалось использовать для регулярных рейсов между Тегераном и Полтавой. С 25 апреля развернулись работы по оборудованию лагеря, остановке радиостанций и т.д. Предполагалось приступить к боевым "челночным" операциям в конце мая – начале июня. Планировалось привлечь к каждой операции 120–130, а иногда до 150–160 самолетов "Летающая крепость". Рассчитывали в месяц проводить четыре операции⁶.

⁵ Там же, л. 128.

⁶ Там же, л. 134 об.

Для Кесслера, Перминова, Никитина и Дина начались горячие дни. Нужно было за несколько недель подготовить весь аэроузел к действию. Одной из проблем было размещение персонала. Фашисты перед отступлением разрушили центральную часть Полтавы, близ которой расположился основной аэродром ВВС США и штаб группы Кесслера. Поэтому сразу же возникли трудности в размещении большого количества личного состава. Решили использовать для этого советские международные спальные вагоны, разместив их на железнодорожных подъездах к аэродрому в Полтаве. С этой целью в г. Тебриз (Иран) в начале апреля был отправлен первый железнодорожный эшелон в составе 18 вагонов для перевозки первой партии в 375 человек американских специалистов из Тебриза в Полтаву. Готовился второй железнодорожный состав для перевозки остальных 375 американских специалистов.

Американцев продолжали беспокоить состояние связи между авиабазами в Италии, Англии и СССР, порядок радиообмена между аэродромами и военной миссией США в Москве. Медлительность советских властей раздражала представителей США. Американская сторона требовала ускорить решение этого вопроса и объясняла советским представителям необходимость для военной миссии США иметь в Москве постоянную и быструю связь со штабом Кесслера. Кроме того, в Англии находился штаб командующего стратегической авиацией США в Европе генерала К. Спаатса, который ежедневно посылал инструкции в Полтаву в отношении подготовки к намечавшимся "челночным" операциям. Нужна была также связь и с Италией для руководства операциями тяжелых бомбардировщиков. Этот канал связи, по мнению американцев, мог бы быть также использован для координации действий на Балканах ВВС США и советской авиации при условии наличия устойчивой радиосвязи между Москвой и Полтавой. Необходим был также канал связи между Полтавой и Тегераном. Все эти вопросы вскоре были разрешены. Времени было в обрез. И союзники и Красная Армия готовились к мощному летнему наступлению. Надо было думать и о боевом взаимодействии. Для использования американских ВВС в Полтаве требовалась директива Генерального штаба о начале операций с указанием войскам о принятии мер по оказанию помощи американским самолетам, совершившим вынужденную посадку на советской территории, их экипажам, охране самолетов, а также срочному сообщению вышестоящему командованию всех данных о самолете: его номер, место посадки, состояние экипажа и принятые меры помощи⁷.

К концу мая были срочно согласованы объекты планировавшихся ударов. В этом вопросе точки зрения советских и американских военных не совпадали. Американцы рассчитывали наносить удары из СССР прежде всего по районам сосредоточения авиационных заводов немцев, недостижимым для самолетов союзников с Запада. 25 мая в Англии состоялось совещание высшего командного состава ВВС США, на котором присутствовали посол США в СССР Гарриман, командующий стратегической авиацией США в Европе генерал Спаатс и генерал-майор Р. Уолш, формально назначенный командующим "Восточным командованием", как стали именоваться соединения ВВС США, базировавшиеся на Полтавском аэроузле⁸. Было решено действовать из СССР по заводам Хейнкеля в районе Рига, Милиек. Первый удар планировалось осуществить до начала операции "Оверлорд", чтобы заставить немцев перебросить часть сил ВВС и ПВО с Запада на Восточный фронт.

Однако советская сторона требовала, чтобы воздушные налеты проводились по объектам Румынии и Венгрии, в частности, по Бухаресту, Брашову, Дебрецену, Будапешту. Поскольку соглашением о "челночных" операциях предусматривалось выполнять в первую очередь советские заявки, американцы вынуждены были уступить.

Тем временем работы в Полтаве шли полным ходом. В начале мая из Ирана прибыли два эшелона с горючим и американским обслуживающим персоналом. В свя-

⁷ Там же, д. 106, л. 151, 166–167.

⁸ Кесслер стал заместителем Уолша, но фактически "Восточное командование" возглавлял он.

зи с ожидавшимся в ближайшие дни прилетом большой группы бомбардировщиков США много внимания уделялось противовоздушной обороне аэродромов: для личного состава отрыли щели и укрытия, на Полтавский аэроузел была перебазирована 310-я истребительная авиационная дивизия ПВО полковника А.Т. Костенко. Там же разместилась зенитно-артиллерийская часть 6-го корпуса ПВО.

Американское командование относилось к заботам генерала Перминова по укреплению противовоздушной обороны аэродрома с некоторой иронией и появления фашистских самолетов в 500 км от линии фронта не ожидало. Очевидно, такой оптимизм был основан на том, что на Западе при более близком расположении американской авиации от немецких войск (порядка 150–300 км) гитлеровская авиация ни разу не пыталась нанести удары по аэродромам 8-й и 15-й воздушных армий США.

15 мая с разрешения советского правительства в Полтаву прилетел заместитель командующего ВВС США на Европейском театре генерал Ф. Андерсон с группой сопровождавших его лиц, среди которых был полковник Элиот Рузвельт, сын президента США. Генерал Андерсон и руководящие офицеры его штаба с аэродрома направились в американский лагерь, где в палатке-столовой им был предложен обед. Обед прошел в весьма скромной обстановке без алкогольных напитков и состоял из обычных консервированных продуктов, выдававшихся американским военнослужащим. После обеда гости и сопровождавшие их лица совершили поездку на автомашинах по аэродрому и его объектам, ознакомились со строительством полос, радиостанции, посетили Полтаву, где осмотрели разрушения в центральной части города и памятник в честь Полтавской битвы 1709 г.⁹ Затем гости в сопровождении руководящих американских и советских офицеров Полтавского аэроузла вылетели на двух самолетах Б-17 и С-47 в Пирятин, где осмотрели взлетно-посадочные полосы (ВПП) и место будущего лагеря для размещения экипажей боевых самолетов. Из Пирятина делегация перелетела на аэродром Миргород. Там гости наблюдали за ходом строительства ВПП, осмотрели казармы для размещения американского обслуживающего персонала и беседовали с американскими солдатами и офицерами об организации их размещения и питания. После этого группа генерала Андерсона вылетела в Москву.

Ознакомившись с положением дел в Полтаве, генерал Андерсон обратился к советскому правительству с рядом вопросов. Американцы просили разрешения на предоставленных аэродромах производить посадку истребителей сопровождения в количестве от 60 до 70 самолетов, в зависимости от числа бомбардировщиков, принимавших участие в операции. Они готовы были также выполнять заявки советского командования на бомбардировки вражеских объектов в интересах советских войск. Этот вопрос разбирался уже в Генеральном штабе Вооруженных Сил СССР, и была достигнута определенная договоренность в отношении целей на территории Румынии и Венгрии. Но Андерсон ставил этот вопрос шире и дал согласие наносить удары по любой цели перед советско-германским фронтом. Американские летчики просили передать карту с аэродромной сетью советских ВВС между линией фронта и Полтавой, так как это намного облегчало им нахождение аэродрома в случае вынужденной посадки.

Андерсон и его коллеги просили передать им некоторые советские учебные кинофильмы по воздушному бою советских истребителей с фашистскими с целью использования этих фильмов для показа летному составу бомбардировщиков для изучения силуэтов самолетов ВВС СССР. В качестве подарка они передали советскому командованию кинофильмы об американских самолетах, которые должны были участвовать в бомбардировочных операциях с территории СССР. Кроме того, американцы просили пересылать им разведывательные данные о германской авиации, противовоздушной обороне и о других вражеских объектах, интересных с авиационной точки зрения. В свою очередь они передали советским ВВС заснятые 5 мая 1944 г. фотоснимки аэродромов, располагавшихся западнее Львова, данные о ближайших

⁹ ЦАМО, ф. 35, оп. 11250, д. 106, л. 130–131.

целях к линии советско-германского фронта и ряд других материалов, касавшихся авиации Германии. Они были заинтересованы в том, чтобы систематически получать данные радиоразведки Красной Армии о действиях и базировании немецкой авиации, протоколы или выдержки из протоколов допроса военнопленных относительно тактики действий авиации противника и также данные о различных военных и промышленных объектах. Находясь в Москве, генерал Андерсон обратился с просьбой посетить авиационную часть советских тяжелых бомбардировщиков¹⁰.

Следует отметить, что командование ВВС СССР охотно выполняло просьбы американцев. В свою очередь те подробно знакомили советских представителей с работой штаба, разработкой операций, с рядом других вопросов, касавшихся боевой работы американских бомбардировочных частей, базировавшихся в Англии и Италии.

Как свидетельствуют документы, генерал Андерсон остался доволен ходом подготовительных работ на аэродромах, размещением и питанием американских военнослужащих. Инспекцией генерала Андерсона завершился подготовительный этап "челночных" операций по маршрутам СССР – Англия, СССР – Италия. "Восточное командование" было готово к выполнению боевых задач, и американское руководство стратегической авиацией назначило на 2 июня проведение первой операции под кодовым наименованием "Фрэнтик".

Начало боевых действий стратегических бомбардировщиков США из Полтавы совпало по времени с подготовкой Красной Армией Белорусской стратегической операции. В связи с этим преждевременные активные действия авиации на центральном участке советско-германского фронта были не желательны: они могли настроить гитлеровцев. Поэтому советское командование рекомендовало американцам наметить цели в Юго-Восточной Европе.

Предстоявшая вскоре высадка союзных войск во Франции 6 июня 1944 г. заставляла торопиться. Надо было по возможности оттянуть часть сил фашистской истребительной авиации из Франции в районы Восточной Германии, Венгрии и Румынии на защиту объектов, которые планировалось подвергнуть ударам стратегической авиации США, действовавшей с советских авиабаз.

Для первой "челночной" операции были выделены четыре бомбардировочные (2, 97, 99 и 483-я) и одна истребительная (325-я) группы. Ее предполагалось провести под личным командованием генерала К. Икера, командующего 15-й воздушной армией. Бомбардировщики B-17 и истребители "Мустанг" должны были, вылетев с авиабаз в Италии, нанести удар по железнодорожному узлу в Дебрецене и совершить посадку в СССР. Перед вылетом личный состав был тщательно проинструктирован относительно того, как вести себя при встрече с русскими. В частности, несмотря на то, что соглашение предусматривало широко информировать русских об американском техническом оборудовании, находившемся на вооружении, Икер приказал предупредить всех летчиков, чтобы они при разговорах с русскими высоко отзывались о летно-технических характеристиках бомбардировщика B-24, так как некоторое количество этих самолетов предусматривалось передать СССР по ленд-лизу¹¹.

В те же дни решались и вопросы взаимодействия между советской авиацией, действовавшей на фронте, и американскими самолетами при пересечении ими линии советско-германского фронта. В частности, во избежание недоразумений, особенно на первых порах, генерал Спаатс предлагал, чтобы советские истребители прифронтовой зоны блокировали ближайшие к линии фронта немецкие аэродромы на высотах порядка 3000 м, не давая фашистам возможности подняться в воздух, а фронтовая авиация ВВС Красной Армии подвергала ударам немецкие аэродромы, располагавшиеся в районе воздушных ворот, через которые американские бомбардировщики следовали к объектам удара¹². Спаатс просил советские власти подтвердить свое

¹⁰ ЦАМО, ф. 35, оп. 11250, д. 106, л. 1–2.

¹¹ *Infield G.* Op. cit., p. 59.

¹² ЦАМО, ф. 35, оп. 11250, д. 106, л. 151.

согласие до 29 мая на нанесение удара американской авиацией по предлагавшимся объектам, в которые входили: главные аэродромы в районе Галац; аэродромы противника, предприятия авиационной промышленности и ремонтные центры в Милиек, приблизительно в 250 км западнее Львова; немецкий авиазавод в Риге; железнодорожные узлы во Львове, Брест-Литовске, Двинске, Каунасе и Вильно. Предлагалось подвергнуть бомбардировке еще раз аэродромы в районе Галац по пути на Полтавский аэроузел, а также атаковать Ригу и Милиек из Полтавы или железнодорожные узлы в пяти перечисленных пунктах (как замену) в случае, если погода не позволила бы совершить налеты на Ригу и Милиек. Спаатс ожидал получить указание советских властей об очередности, которую они хотели бы рекомендовать в связи с вышеуказанными объектами или предложить какие-либо другие объекты для удара. "Мы будем рады рассмотреть их, – подчеркивал он, – при условии, если они в наших возможностях"¹³.

Руководство военной миссии США в СССР придавало большое значение освещению в печати боевого сотрудничества советских и американских ВВС. При этом предусматривались меры по сохранению военной тайны.

Американская сторона предлагала: а) за два дня до прилета американских бомбардировщиков доставить в Полтаву советских, американских и британских корреспондентов и ознакомить их с совместной работой советских и американских специалистов по подготовке авиабазы и сделать некоторую киносъемку; б) корреспонденции и фильмы просмотреть советской цензурой в Полтаве и послать в Москву, где хранить до посадки американских самолетов в Полтаве, после чего дать разрешение на их публикацию; в) разрешить корреспондентам присутствовать при посадке американских самолетов в Полтаве и обратном их вылете. Корреспонденции и снимки просмотреть советской цензурой, после чего опубликовать; г) публикацию осуществлять так, чтобы не раскрыть секрет о местонахождении авиабазы¹⁴.

Советская сторона считала возможным предложить следующее: корреспондентов доставить в Полтаву накануне прилета американских самолетов в сопровождении представителей советской цензуры. Подбор нужных корреспондентов, в том числе и из кинохроники, произвести теперь же, так как время до операции ограничено. Первое сообщение о сквозных бомбардировках Германии сделать по радио в день прилета американских самолетов с военного задания, а на следующий день в печати. Сообщению придать нужное нам содержание, после чего разрешить публикацию материалов американских и английских корреспондентов¹⁵.

Наконец, настал день, когда началась операция "Фрэнтик". Утром 2 июня с аэродромов Италии взлетело до 750 самолетов 15-й воздушной армии США. Часть из них, выполнив военную задачу, возвратилась на свои базы. Другая часть (128 бомбардировщиков Б-17 "Летающая крепость" и 64 истребителя сопровождения П-51 "Мустанг") под руководством командующего 15-й воздушной армией генерал-лейтенанта К. Икера направилась на посадку в Полтаву¹⁶.

Погода в этот день на Украине была пасмурная. Моросил мелкий дождь. Тем не менее весь личный состав базы вышел встречать американских летчиков. В Полтаву прибыли посол США Гарриман, генерал Дин и генерал-майор Уолш.

Несмотря на сложные метеорологические условия и длительный полет над территорией противника, американские экипажи подошли к Полтаве точно в намеченный срок. Бомбардировщики приземлились в Полтаве, а истребители – в Миргороде и Пирятине. Только у одного самолета Б-17 подломился при посадке шасси вследствие поврежденной осколками зенитного снаряда. На аэродромах состоялась теплая встреча американских и советских авиаторов. Генерал Икер рассказал о выполнении первой "челночной" операции и вручил генералу Перминову личное письмо президента США

¹³ Там же, л. 161.

¹⁴ Там же, л. 93–94.

¹⁵ Там же, л. 112–113.

¹⁶ Там же, л. 211.

Ф. Рузвельта и орден "За заслуги". Летчиков накормили хорошим обедом. Американские бортиженеры и борттехники провели осмотр самолетов и дали заявки на различного рода ремонтные и профилактические работы. Бригады советских специалистов получили соответствующие задания и приступили к техническому обслуживанию материальной части. К стоянкам со складов доставлялись бомбы. Бензозаправщики подвозили топливо. За двое суток все самолеты были подготовлены к повторному вылету. Началось регулярное выполнение операции "Фрэнтик".

Первый успех окрылил: из состава группы, сделавшей посадку на советские аэродромы, был потерян один самолет "Летающая крепость", который взорвался в воздухе в районе цели. Пять истребителей "Мустанг" вернулись в Италию, судьба одного истребителя осталась неизвестна. Удары по железнодорожным узлам противника в районах Дебрецен, Деж, Клуж были успешными. Налаживалось боевое сотрудничество. Американцы, работая бок о бок с советскими военными на аэродромах и в штабах 169-й авиабазы и "Восточного командования" ВВС США, встречаясь с советскими офицерами и солдатами во внеслужебной обстановке, общаясь с местным населением в Полтаве, Миргороде, Пирятине, с головой окунулись в нелегкую жизнь советского тыла, своими глазами увидели следы сражений, которые лишь полгода назад прокатились по этим местам.

В свою очередь советские люди – и военные и гражданские – с любопытством наблюдали нравы и быт американцев, буквально с неба свалившихся на поля Полтавщины. Внешний вид американских военнослужащих, особенно офицерского состава, отличался своей безукоризненностью. Несколько комплектов обмундирования (два рабочего, не менее двух полевого, парадный) позволяли солдатам и офицерам своевременно стирать это обмундирование и по окончании работы быть опрятно одетыми. Но в то же время советский персонал замечал, что в палатках, как правило, грязно, вещи разбросаны. Бросалась в глаза присущая американцам деталь – доверие к окружающим, особенно к местному населению и людям, их обслуживающим. На месте стоянок самолетов после их вылета на боевое задание оставались обувь, обмундирование, оружие, ценные вещи. На предупреждение, что этого делать нельзя, американцы заявляли, что чувствуют себя у русских как дома.

Между тем приходилось сталкиваться с тем, что вещи или продукты, оставленные американцами без присмотра, разворовывались. Виновники из числа советских военнослужащих предавались суду Военного трибунала¹⁷. Были случаи и обратного порядка, когда американцы продавали населению краденое казенное имущество, спекулировали дефицитными лекарствами, валютой¹⁸.

Вызывали удивление служебные отношения американцев между собой. Так, при входе в палатки солдатского, сержантского, офицерского состава, в штаб высших по званию офицеров и даже генералов никто с кровати или стульев не вставал. Если в это время происходила игра в карты, то игра, смех, курение продолжались. При обращении офицера к одному из солдат в палатке или штабе тот даже не прекращал курить, если держал во рту сигарету.

Советских военнослужащих и граждан Полтавы поражали привычки американцев садиться где попало: на стол, стул, подоконник, на грязный пол, просто на землю, не обращая внимания на пыль. Вызывала удивление их страсть к сувенирам. Американские солдаты, офицеры выпрашивали или выменивали у красноармейцев, сержантов, советских офицеров пуговицы, звездочки с пилотов, фуражек, шевроны о ранениях, планки с лентами от орденов и медалей, производили обмен зажигалками, карандашами, ручками, подбирали немецкие каски и т.д. Среди американцев, начиная от генералов и кончая солдатами, наблюдалось стремление завязать крепкие дружественные связи с местным населением. Делалось это путем широкого посещения общественных мест, кинотеатров, гуляний, бесед с местным населением на улицах,

¹⁷ Там же, д. 107, л. 103–104.

¹⁸ Там же, д. 109, л. 183; оп. 11252, д. 29, л. 179.

поездками на автомашинах в близлежащие населенные пункты. Знакомство заводилось при помощи сигарет, конфет, шоколада, жевательной резинки. Этим американцы широко угощали всех, с кем встречались¹⁹.

Совместная работа и общение с американскими военнослужащими дали возможность советским гражданам и военнослужащим сделать некоторые выводы о их нормах поведения и настроении. Подавляющее большинство американцев относилось к советским людям хорошо, проявляло самые теплые чувства. Американцы старались завязать близкие знакомства с военнослужащими, живо интересовались их жизнью, законами Советского Союза. Они признавались, что до прибытия в СССР не имели правильного представления о России, советском народе и Красной Армии. Это особенно заметно было среди летчиков, прибывавших из Италии и Англии и через несколько дней улетающих обратно. Так, например, командир бомбардировщика Б-17 старший лейтенант Рэлли Сан заявил: "Я приятно удивлен, увидев, как вы тепло нас здесь встречаете. Некоторые наши знатные "джентльмены" в Америке и Англии говорили нам обратное, что русские злые, грубые люди, отстающие в культурном и в бытовом отношении, и рисовали нам совершенно другую картину. Я убедился, что англичанам, да и некоторым нашим, следует многое перенять у русских". В другом случае, отзываясь о русских, командир группы Б-17 полковник Фридрих перед выполнением задания сказал: "Все, с кем мы встречались, были очень любезны к нам, во многом пытались нам помочь. Мы очень сожалеем, что покидаем вас"²⁰.

Непосредственность и простота общения с советскими военнослужащими объяснялись тем, что боевой состав, прибывавший из Англии и Италии, составляли простые американцы – солдаты и офицеры, прошедшие сквозь огонь воздушных сражений и оценившие героизм народов СССР, также не щадивших своих жизней для победы над общим врагом. В то же время как профессионалы американские летчики-истребители держали себя с советскими летчиками-истребителями несколько высокомерно, считая, что в профессиональном отношении они превосходят советских летчиков.

Что касается американского командования и вообще офицеров, то они всегда старались письменно подчеркнуть свое особое расположение к России и ее народу, офицерскому составу. Так, генерал Уолш в официальном заявлении просил у советского командования разрешения вместе с командиром 169-й авиабазы особого назначения возложить венки на могилы погибших советских людей. При этом предлагалось церемонию возложения приурочить к ожидавшемуся визиту в Полтаву генерала К. Спаатса. Последний, правда, так и не приехал, но венки были возложены.

Многие американцы, оценивая работу советских авиаспециалистов, одобрительно отзывались об их добросовестном отношении к своему делу. Так, майор Файт, восхищаясь моральным состоянием советских людей, говорил: "Русские могут провоевать еще два года, ибо народ, страдающий экономически, идет на любые жертвы, не впадает в уныние и панику, а главным оружием – высоким моральным духом – может соперничать с народом любой страны мира"²¹.

Параллельно с боевым сотрудничеством шло освоение американской военной техники советскими специалистами, а также взаимный обмен военно-технической информацией, представлявшей интерес для обеих сторон. С первых дней знакомства с представителями советских ВВС американское командование в соответствии с договоренностями, достигнутыми в ходе предварительных переговоров, проявило готовность ознакомить советских летчиков и инженеров с устройством "летающих крепостей" и их оборудованием, поделиться опытом их боевого применения. Уже 7 марта генерал Никитин докладывал Молотову, что командующий американской бомбардировочной авиацией в Англии Спаатс предлагает командировать советского офицера связи для работы у него в штабе по вопросам, связанным с "челночными" операциями. По

¹⁹ Там же, оп. 11250, д. 107, л. 103–104.

²⁰ Там же.

²¹ Там же, л. 223.

просьбе советской стороны американцы передали ВВС РККА бомбардировочный прицел "Норден", установленный на самолете "Летающая крепость". Это был лучший бомбприцел в годы второй мировой войны. Прицел был передан после нескольких бомбометаний, осуществленных советскими штурманами. Американцы разрешили также советским авиаспециалистам осмотреть 4-моторный бомбардировщик Б-17, который широко использовался для боевых действий днем по объектам Германии.

С течением времени военно-техническое сотрудничество между ВВС СССР и США расширилось. Американцы предложили для изучения американского опыта авиафоторазведывательной службы и техники аэрофоторазведки послать двух советских офицеров в американские фоторазведывательные авиационные части, расположенные в Англии, а также принять участие в бомбардировочных операциях американской авиации двум-трем офицерам советских ВВС, которые должны были вылететь из Полтавы через Германию или Румынию с посадкой в Италии. Предполагалось, что они ознакомятся с организацией и проведением американской авиацией воздушных бомбардировочных операций и с американскими базами в Италии и с последующей операцией возвратятся в Полтаву. Советской стороной эти предложения были признаны целесообразными и приняты с благодарностью. Соответствующие специалисты (летчики-бомбардировщики и штурманы) были направлены в Англию. Ознакомление советских специалистов с авиационной техникой США и опытом ведения воздушных операций не было односторонним актом. Советский Союз также оказывал военно-техническую помощь американским ВВС в тех случаях, когда это было необходимо. Так, в июле 1944 г. глава американской военной миссии в СССР генерал Дин обратился с просьбой к советскому командованию передать американцам ракетное оборудование советских самолетов. Это диктовалось тем, что германские ВВС овладели советским трофейным авиационным ракетным оборудованием, скопировали его и начали широко использовать в воздушных боях. Американцы подчеркивали чрезвычайную важность передачи им этих сведений и оборудования, что позволило бы им разработать тактические и технические усовершенствования для эффективного противодействия немцам. Просьба была удовлетворена советской стороной.

ЛЮФТВАФФЕ НАНОСИТ УДАР

С начала лета 1944 г. Полтавский аэроузел зажил активной боевой жизнью. 6 июня американские бомбардировщики во взаимодействии с советской авиацией нанесли удар по аэродрому и порту Галац и совершили посадку в Италии. Докладывая Сталину об американском воздушном ударе, заместитель командующего ВВС генерал Г.А. Ворожейкин писал, что 112 бомбардировщиков Б-17 под прикрытием 47 истребителей Р-51 "Мустанг" бомбардировали авиабазу Галац (Румыния). Цель была поражена успешно, в районе цели американские бомбардировщики встретили только слабое противодействие зенитной артиллерии противника. Американские истребители сопровождения вели воздушный бой с группой истребителей противника (10 Ме-109 и 3 ФВ-190) и сбили 6 вражеских самолетов. Однако 2 американских истребителя не вернулись на базу. Ворожейкин подчеркивал, что 169-я авиабаза особого назначения с обслуживанием вылета справилась отлично.

В тот же день в Полтаву пришло известие об открытии союзниками второго фронта во Франции. Советские авиаторы тепло поздравили американских коллег с началом боевых действий англо-американских войск в Западной Европе. Пасмурная погода над Западной Европой вынудила руководство "Восточного командования" воздержаться от нанесения воздушных ударов. Но уже 11 июня свыше 1000 самолетов 15-й воздушной армии, действуя с аэродромов Италии, бомбардировали военные объекты Констанцы и Джурджу в Румынии, Смердево в Югославии. В этой операции приняли участие 125 бомбардировщиков Б-17 и 55 истребителей Р-51 Полтавского аэроузла. Группу, вылетевшую из Полтавы, возглавлял командующий 15-й воздушной армией генерал-лейтенант К. Икер, прибывший в СССР вместе с группой Б-17

еще 2 июня. Группа имела задание нанести удар по нефтебазе Фокшаны с посадкой в Италии. Операция, по мнению американского командования, прошла успешно. "После того как мы возвратились на наши итальянские базы, – писал Икер Никитину, – я хочу воспользоваться первой же возможностью, чтобы поблагодарить Вас за Вашу личную заинтересованность, доброжелательность и сотрудничество, которые обеспечили успех нашей операции. Я хочу также сообщить, что мы встречали практическое сотрудничество со стороны всех Ваших офицеров и рядовых, когда бы мы ни сталкивались с ними. Генерал Перминов и его штаб в Полтаве делали все возможное, чтобы облегчить наши операции с русских баз"²².

Однако приятные новости сочетались с неприятными. 15 июня два самолета "Лайтнинг", перелетавшие из Англии в Полтаву, сбились с маршрута и пересекли линию фронта не через установленные для них воздушные ворота. В результате один из самолетов подвергся атаке советских истребителей, другой был обстрелян зенитной артиллерией. Обоим самолетам был указан пункт пролета через линию фронта Радзехув (40 км сев.-зап. Броды). Беспрепятственный пропуск этих самолетов был обеспечен своевременным предупреждением наших истребителей и зенитной артиллерии. Но американцы заблудились и прошли 250–300 км севернее Радзехув, в результате чего один из истребителей (летчик – майор Джон Хувер) был встречен и атакован нашими истребителями севернее Мозыря и с пробитой плоскостью совершил вынужденную посадку на площадке Салтыково, 12 км западнее Речица, а второй "Лайтнинг" (летчик – Рауф Дин Кендель) был обстрелян зенитной артиллерией в районе Калинковичи и вынужденно сел на площадку Бобровичи²³.

В те же дни, стремясь упрочить успешно начавшееся боевое сотрудничество, командование ВВС США предложило руководству советских ВВС нанести удар силами американской авиации на советско-германском фронте по объектам противника, указанным советским командованием. По этому поводу Ворожейкин 10 июня обратился к Сталину с письмом. Он считал, что следует воспользоваться помощью авиации союзника, и представил список возможных объектов удара. В письме, в частности, говорилось: "Американцы настоятельно просят дать им возможность провести бомбардировочные операции по нашему заданию на нашем фронте. Считаю вполне возможным применение американской бомбардировочной группы в наших интересах без ущерба работы нашей авиации"²⁴.

Таким образом, несмотря на отдельные неприятные случаи, как инцидент с "Лайтнингами", сотрудничество с ВВС США развивалось успешно, и союзники имели основания быть довольными друг другом. Однако вскоре произошло событие, омрачившее начинавшие столь хорошо складываться отношения. Во второй половине июня наступила очередь принять участие в операции "Фрэнтик" и 8-й воздушной армии, базировавшейся в Англии. 21 июня с английских аэродромов вылетело до 2500 американских самолетов. Главные силы после бомбардировки промышленных объектов Берлина, потеряв 44 самолета, возвратились в Англию. 137 "Летающих крепостей" в сопровождении 63 истребителей нанесли удар по заводу синтетического горючего южнее Берлина и в 16 часов начали посадку в Полтаве, Миргороде и Пирятине.

Казалось, ничто не предвещало беды. Но произошло то, чего опасался Перминов, но американцы к этому относились скептически: воздушный налет противника на авиабазу. Еще 11 июня, когда группа генерала Икера следовала из Полтавы в Италию, фоторепортер лейтенант Маккой взял с собой в полет аэрофотоснимки Полтавского аэродрома с самолетами Б-17 на стоянках и взлетной полосе. По требованию советской службы безопасности он должен был оставить их на авиабазе, но, вероятно, по ошибке передал офицерам безопасности неиспользованные кассеты. Это обошлось дорого. Случилось так, что самолет, на котором находился Маккой,

²² Там же, л. 204.

²³ Там же, д. 106, л. 224.

²⁴ Там же, д. 107, л. 182.

был сбит немцами, и аэрофотоснимки попали в руки противника. Это был первый сигнал. Однако он не был осознан. 21 июня, когда бомбардировщики и истребители шли на посадку в Полтаву, на большой высоте над Полтавой был обнаружен фашистский разведчик Хе-111. Советским истребителям перехватить вражеский самолет не удалось. В 19 часов заметили еще один самолет-разведчик над Миргородом. Это был явный сигнал об опасности, об угрозе воздушного нападения. Генерал Перминов приказал привести в боевую готовность средства ПВО. Он обратился к американскому командованию с предложением за оставшееся светлое время суток перебазировать из Полтавы самолеты на другие аэродромы (Пирятин, Миргород). Американское командование это предложение отклонило и согласилось лишь на частичное рассредоточение материальной части. К вечеру самолеты были рассредоточены по границам аэродрома, а летный состав в большинстве своем вывезен за пределы полтавского авиагарнизона.

В 23 час. поступило сообщение о пролете в тыл страны севернее Киева на большой высоте вражеских бомбардировщиков. На базе была немедленно объявлена боевая тревога. Вскоре и над Полтавой появились первые самолеты противника, сбросившие осветительные бомбы. Советская зенитная артиллерия 6-го корпуса ПВО и 1699-го зенитного артиллерийского полка 1-го гвардейского мехкорпуса открыла огонь. С Полтавского аэродрома поднялось несколько ночных истребителей 802-го истребительного авиационного полка ПВО. Однако разрывы бомб на взлетно-посадочной полосе и стоянках самолетов исключили возможность подъема в воздух других истребителей ПВО. Одна из тяжелых бомб угодила прямо в командный пункт зенитной артиллерийской части, что в значительной степени дезорганизовало нашу противовоздушную оборону. В течение 1 час. 40 мин. авиация противника сбрасывала на аэродромы Полтава и Миргород фугасные, зажигательные и осколочные бомбы (так называемые "лягушки"). Летное поле в Полтаве осветилось огнем пожаров. Загорелся бензин на складе, вспыхнуло несколько самолетов²⁵.

Советские солдаты и офицеры 169-й авиабазы, а также расположенных рядом 9-й гвардейской танковой бригады и 1699-го зенитного артиллерийского полка 1-го гвардейского механизированного корпуса, находившегося в резерве Верховного Главнокомандования Красной Армии, делали все возможное, чтобы спасти технику и людей, проявили поистине массовый героизм при оказании помощи личному составу "Восточного командования", некоторые из них погибли при взрывах бомб.

В то время автор этих строк служил командиром взвода в 1-м танковом батальоне 9-й гвардейской танковой бригады. С началом воздушного налета мы были подняты по тревоге и вели огонь по вражеским самолетам из имевшихся зенитных пулеметов и других видов оружия. По окончании бомбардировки мы мелкими группами проникали на аэродром. Вокруг все горело. Саперы обезвреживали мины, мы тушили пожары, снимали оборудование с уцелевших самолетов, а в последующие дни помогали ликвидировать последствия налета.

Как было выяснено впоследствии, в воздушном налете на Полтаву участвовали более 100 бомбардировщиков Ю-88 и Хе-111 IV корпуса люфтваффе, действовавших с аэродромов в районе Минск – Барановичи. Они сбросили на Полтавский аэродром свыше 500 бомб. В результате бомбардировки было уничтожено 44 самолета Б-17 и повреждено 25 самолетов, в том числе 19 Б-17. Потери советских ВВС и ПВО составили: 6 сгоревших и 20 поврежденных самолетов. В ходе налета погибло 26 советских и 2 американских военнослужащих, ранено более 100 советских граждан и 15 американцев, на складах сгорело свыше 340 т горючего²⁶.

В последующие несколько дней в Полтаве велись работы по ликвидации последствий воздушного нападения. Приводилось в порядок летное поле, ремонтировались поврежденные самолеты. В общей сложности было собрано и обезврежено до 22 тыс.

²⁵ См. Орлов А.С. На аэродромах Украины. – В кн.: Вторая мировая война. Актуальные проблемы, с. 220–221.

²⁶ ЦАМО, ф. 35, оп. 11250, д. 107, л. 68–69.

мелких бомб. Опасаясь нового налета, генерал Перминов с согласия американского командования базы распорядился временно перебазировать из Полтавы на другие аэродромы все исправные самолеты. В следующую ночь были совершены налеты на аэродромы в Миргороде и Пирятине. Но там потери были незначительными.

Донесения в Ставку ВГК, направленные командующим артиллерией Красной Армии главным маршалом артиллерии Н.Н. Вороновым и командованием ВВС, расходясь в деталях, в целом достаточно полно обрисовали картину случившегося. Выяснилось, что противник действовал с аэродромов из района Барановичи – Минск по маршруту Мозырь, р. Припять, Днепр, Киев и далее вдоль железной дороги Пирятин–Миргород–Полтава. Бомбардирование производилось с горизонтального полета с высоты 3–5 тыс. метров, было сброшено до 250 фугасных, 150 зажигательных и 120 осветительных бомб. Часть фугасных бомб была замедленного действия²⁷.

В ночь налета прикрытие с воздуха аэродрома Полтава осуществляли два дивизиона зенитной артиллерии среднего калибра, полк малокалиберной зенитной артиллерии (МЗА), дивизион МЗА, зенитно-пулеметные подразделения, прожекторная рота и полк авиации ПВО (28 самолетов). Кроме того, к обороне аэродрома был привлечен, как уже говорилось, 1699-й полк МЗА 1-го гвардейского мехкорпуса, находившегося в Полтаве в резерве Ставки ВГК.

Налет немецкой авиации и крупные потери, которые понесла американская авиабаза в Полтаве, пробили первую трещину в боевом сотрудничестве советских и американских авиаторов. Начались поиски виновных. Полковник Кесслер обратился к генералу Перминову с претензиями по поводу больших потерь американской авиации на Полтавском аэродроме, утверждал, что они могли бы быть меньшими, если бы активнее действовали части ПВО. В ответ генерал Перминов напомнил о своем предложении заблаговременно рассредоточить бомбардировщики по соседним аэродромам, рассказал, как героически вели себя советские воины во время налета немецких бомбардировщиков. Действительно, во время вражеской бомбардировки советские военнослужащие стремились оказать всемерную помощь американцам. Но в оценке организации ПВО аэродрома советским командованием американцы, наверное, были правы. Противовоздушная оборона всего Полтавского аэроузла была весьма слабой. Недостаточное количество средств ПВО явилось одной из причин ее низкой эффективности по прикрытию полтавского аэродрома. Другими причинами стали большая удаленность некоторых аэродромов истребительной авиации от Полтавы (150 км), слабая подготовленность летчиков-истребителей к действиям ночью и плохое взаимодействие между авиацией, зенитной артиллерией и подразделениями прожекторов.

Все это привело к тому, что 6-й корпус ПВО, осуществлявший прикрытие аэродрома, не сумел отразить удар противника с воздуха. Поэтому упреки американского командования были во многом справедливы. В ходе беседы Кесслера и Перминова оба генерала, конечно, хорошо понимали, что война часто создает непредсказуемые ситуации, но в данном случае налет не был внезапным, ему предшествовали полеты немецких самолетов-разведчиков, предложения советской стороны рассредоточить "летающие крепости" по другим аэродромам. Да, все это было. Но и советская сторона, имея сведения о возможном налете, не приняла необходимых мер к усилению ПВО авиабазы. Больше того, удачные действия средств ПВО при отражении налетов на Миргород и Пирятин следующей ночью показали, что можно было уменьшить потери и в Полтаве, своевременно приняв меры по усилению ПВО аэродрома. Кстати, во время беседы Перминова и Кесслера произошел любопытный инцидент. По тревоге на перехват фашистского самолета-разведчика были подняты два американских истребителя "Лайтнинг". Летчиков навели на вражеский самолет, и казалось, что вот-вот разведчик будет сбит. Но американские летчики не смогли выполнить задачу и возвратились на свой аэродром²⁸. Случай с неудачным перехватом

²⁷ Там же.

²⁸ Военно-исторический журнал, 1975, № 11, с. 45.

американцами немецкого самолета и объяснения Перминова наглядно показали, что от неудач на войне никто не застрахован. Кесслер снял свои обвинения. Но если подобные споры возникали между американскими и советскими командирами, непосредственно участвовавшими в боевых действиях и отражении вражеского воздушного налета, то в верхних эшелонах американского командования преобладали другие настроения: оставить взаимные упреки и продолжать сотрудничество. 23 июня генерал Спаатс прислал соболезнование семьям погибших во время налета. В телеграмме он, в частности, отмечал, что война, естественно, связана с жертвами, и тем самым признавал нецелесообразность обвинений командования 169-й авиабазы американской стороной. Чтобы избежать каких-либо трений между союзниками, генерал Спаатс запретил публиковать в американской печати сообщения военных корреспондентов о налете фашистской авиации на Полтаву. В тот же день и Кесслер, видимо желая сгладить возникшую после спора с начальником 169-й авиабазы отчужденность, направил Перминову письмо, в котором выразил сожаление о больших потерях советского личного состава авиабазы.

Что касается рядовых американских летчиков и обслуживающего аэродром персонала, то среди них реакция на налет люфтваффе и его результаты не была однозначной. У многих было плохое настроение. Офицеры и сержанты делились своими впечатлениями с нашими военнослужащими. Все американцы заявили, что такой ужасной бомбежки они еще никогда не видели и что большинство из них вообще не были под бомбежкой²⁹. Выказывалось мнение, что необходимо привезти из Англии и Италии свою зенитную артиллерию крупных калибров и прислать ночные истребители³⁰.

Такой же точки зрения придерживалось и командование группы американских ВВС на офицерских приемах. В то же время никто из них ни разу не пожалел об уничтоженных самолетах. Зато всем американцам понравилась быстрота, с которой аэродром был введен в строй, а летное поле очищено от мин и бомб. Восхищение вызывали также самоотверженная работа советского личного состава по спасению складов и других ценностей при налете авиации противника. Как свидетельствуют документы, один из американских пилотов, капитан Берман, заявил: "Я до сих пор удивляюсь, как ваши люди сумели спасти бензин в наших бензозаправщиках"³¹. Высоко отзывались американцы и о работе советских оружейников и механиков. "Эти ребята свое дело знают, – говорил лейтенант Уайтт, – но вот не понимаю, зачем они, невзирая на опасность, когда нас бомбили, полезли спасать самолеты. Ведь самолеты-то наши, раз загорелись, так и пусть догорают, и никому из нас лично они не принадлежат, так что убытка не будет"³².

Вместе с тем следует сказать о самоотверженной работе американских пожарников и части технического состава по спасению бензина и имущества в складах. Они хладнокровно, не обращая внимания на огонь и разрывы, увозили бензозаправщики и другой спецтранспорт от главного технического склада.

МАЛЫЕ ПРОБЛЕМЫ БОЛЬШОЙ ПОЛИТИКИ

Пока в Полтаве обсуждали подробности налета авиации противника, в Москве американская сторона стремилась сделать все для продолжения Полтавским аэроузлом своей деятельности. Это диктовалось необходимостью нанесения ударов по Германии с Востока, отвлекающей силы ПВО немцев от англо-американской авиации, действовавшей во Франции, где успешно развивалось наступление сухопутных войск союзников. Главная цель заключалась в укреплении американско-советского сотрудничества в надежде на то, чтобы, когда война с Японией вступит в заключительную

²⁹ ЦАМО, ф. 35, оп. 11250, д. 107, л. 224.

³⁰ Там же.

³¹ Там же, л. 225.

³² Там же.

фазу, получить для американской авиации аэродромы на советском Дальнем Востоке, с которых можно было бы наносить удары по Японии.

Американская сторона выступила с инициативой усилить противовоздушную оборону аэроузла Полтава, Миргород, Пирятин и направить с этой целью в распоряжение "Восточного командования" эскадрилью ночных истребителей, три дивизиона зенитной артиллерии, оборудованной радиолокаторами, позволявшими вести огонь по воздушным целям в любое время суток и при любой погоде. Американцы всячески стремились к укреплению и расширению боевого сотрудничества двух стран. Так, 20 июня 1944 г., т.е. еще до бомбардировки Полтавского аэродрома, генерал Дин направил письмо генералу Никитину, в котором он писал: "С точки зрения США проект сквозной бомбардировки является весьма успешным. Имея в виду возможность разрушительных действий против врага, генерал Спаатс сейчас разрабатывает планы для увеличения числа самолетов-вылетов до 1600 в месяц для тяжелых бомбардировщиков и до 900 в месяц для истребителей. Несмотря на то, что американская операция только началась, уже пришло время, когда нам необходимо рассмотреть вопрос о тех операциях, которые должны производиться в период зимних месяцев. Зимняя погода, как правило, является неблагоприятной для сквозной бомбардировки, вызывая неоперативность одного или другого конца. Следовательно, мы просим советские органы разрешить нам постоянно базировать в СССР 3 тяжелых бомбардировочных группы и одну истребительную группу... Необходима еще одна дополнительная база для тяжелых бомбардировщиков. Необходимо будет увеличить наземный персонал примерно до 4000 человек и воздушные команды до 3000 человек. Подлежат изучению также вопросы снабжения. Наконец, желательно, чтобы соотношение американского и советского персонала осталось таким же, какое существует сейчас на базах в районе Полтавы. Было бы крайне желательным побеседовать с Вами по этому вопросу в ближайшее удобное для Вас время"³³.

26 июня Гарриман передал эти предложения Сталину. Он пояснил, что они вызваны не претензиями по поводу неудовлетворительного прикрытия аэродромов советскими средствами ПВО, а стремлением американцев "разделить тяготы" обороны занимавшихся ими баз. События не позволили провести эту беседу в "ближайшее время", однако предложение Гарримана потребовало от политического руководства СССР какой-то реакции. Сталин одобрил идею американского посла, однако для осуществления этого проекта требовалось увеличить число американских военнослужащих на советских авиабазах до 8900 человек.

Американцы проявляли настойчивость и в вопросе о ночных истребителях. Главнокомандующий ВВС США генерал Арнольд обратился с просьбой к советскому руководству разрешить разместить в Полтаве американскую эскадрилью ночных истребителей для помощи в укреплении противовоздушной обороны советских баз, использовавшихся частями американских ВВС. Он сообщал, что уже начал подготовку для переброски эскадрильи ночных истребителей Р-61, снабженных бортовым локатором, позволявшим видеть на экране бомбардировщик противника, и наземного радиолокационного оборудования по управлению перехватом и просил по возможности скорее внести ясность в этот вопрос, который ему предстояло согласовать еще с англичанами, контролировавшими распределение таких ночных истребителей.

С каждым днем предложения американцев становились все более настойчивыми и конкретными. В конце июня Дин сообщил, что в трех группах тяжелых бомбардировщиков будет 180 самолетов, из которых 36 самолетов резервных, истребителей 95, из них 25 резервных. Для групп бомбардировщиков американцы просили выделить им еще один аэродром западнее Пирятин. Истребители предполагалось базировать на тех же аэродромах. Американцы готовы были с очередным конвоем судов в северные порты отправить для авиабаз недостающее количество стальных плит для ВВП, а также переносные дома, изготовленные из гофрированного железа, и другое

³³ Там же, л. 193–194.

имущество, необходимое для работы в зимних условиях. Дин подчеркивал, что в Америке придают большое значение сквозным бомбардировкам, которыми преследуют две цели: помочь Красной Армии в зимних операциях и нанесение ударов по целям, которые тогда были недоступны для американских бомбардировщиков, вылетающих из Англии в любое время года³⁴.

Сообщая об этих просьбах Арнольда, Дин соблазнял советское руководство ВВС тем, что советским летчикам будет предоставлена на земле полная возможность изучать приборы, применявшиеся на ночных истребителях, а также тренироваться с ними в воздухе в дневное время. Он высказал предположение, что при первой же возможности они постараются предоставить такое оборудование ВВС СССР³⁵.

Нажим американцев продолжал нарастать, и от советской стороны требовалось принять какие-то меры, дать (и быстро) необходимые ответы. 29 июня Ворожейкин и Никитин доложили Сталину о результатах переписки по предложениям Гарримана и Арнольда и выразили положительное отношение к этому вопросу, подчеркнув, что "самолеты и артиллерия со специальным оборудованием для нас представляют интерес, так же как и их система ПВО", тем более что американцы предлагали "ознакомить наших инженеров с оборудованием самолетов и дать возможность нашим летчикам изучать это оборудование в полетах"³⁶.

Приведенные документы показывают, что американцы со свойственной им настойчивостью добивались практического решения вопроса и намеревались решить его в кратчайшие сроки. Пока советские военачальники ждали ответа от Верховного Главнокомандующего, 2 июля из американской военной миссии в Москве генералу Никитину было направлено новое письмо. В нем говорилось, что в состав эскадрильи ночных истребителей входит 41 офицер и 222 рядовых, всего 263 человека, а для обслуживания наземного оборудования управлением перехвата потребуется дополнительно 150–300 человек в зависимости от количества оборудования, необходимого для защиты баз. Через неделю американское командование направило Никитину развернутые предложения, в которых излагались планы американской стороны в отношении дальнейших действий ВВС США с аэроузла Полтавы и обеспечения его противовоздушной обороны.

Основная идея заключалась в том, чтобы иметь три группы тяжелых бомбардировщиков и одну группу истребителей, действовавших с трех имевшихся баз и одной дополнительной базы. Постоянное базирование этих групп в России и использование ими ночных истребителей и средств противовоздушной обороны потребовало бы 18 500 человек личного состава и увеличения в больших количествах поставок. Однако руководство американских ВВС считало целесообразным проводить одну или две "челночные" операции в месяц. В ходе каждой из них предполагалось совершать пять или шесть групповых вылетов с советских баз. Такой метод, по мнению американцев, позволил бы сократить количество персонала США на базах в СССР до 8900 человек. Кроме того, США обещали поставить ВВС Красной Армии 18 самолетов Р-61 для создания советской эскадрильи ночных истребителей. Самолеты предполагалось поставлять начиная с августа 1944 г. в количестве 4 самолета в месяц. Обучение советской эскадрильи мыслилось проводить на авиабазах ВВС США³⁷.

Американцы внесли свои предложения и относительно тяжелой зенитной артиллерии, управляемой с земли при помощи радиолокационных станций. Они были готовы включить в эту систему и часть советской зенитной артиллерии крупных калибров. Они обещали также оснастить советские прожекторные батареи оборудованием, необходимым для рассеивания лучей прожектора. Как показал опыт, против низко летящих самолетов такой метод работы являлся более эффективным, чем применение узкого луча.

³⁴ Там же, л. 100.

³⁵ Там же, л. 105–106.

³⁶ Там же, л. 113–114.

³⁷ Там же, л. 235–236.

Излагая эти соображения, генерал Дин писал: "Я намечаю отправиться в Англию и США 15 июля и был бы благодарен за решения по этим вопросам до моего отъезда. Вопросом первостепенного значения является увеличение личного состава, в частности для эскадрильи ночных истребителей и для зенитной артиллерии"³⁸.

Командование советских ВВС нашло предложения американцев заслуживающими внимания и поддержки. Об этом незамедлительно было доложено Сталину.

В те дни, когда шла переписка между советскими инстанциями, на аэродроме Полтава были ликвидированы последствия воздушного налета люфтваффе, восстановлены взлетно-посадочные полосы, отремонтированы поврежденные постройки, усилена ПВО авиабазы. Ровно через месяц (22 июля) возобновились операции "Фрэнтик". Правда, теперь в них участвовали только истребители-бомбардировщики и истребители.

В последней декаде июля была проведена единая по замыслу и плану "челночная" операция. В ходе ее было произведено 4 воздушных налета и совершено в общей сложности 175 самолето-вылетов Р-38 и Р-51. Задача операции заключалась в уничтожении самолетов противника на аэродромах Румынии и Венгрии. В ней участвовали 82, 14 и 31 авиагруппы 15-й воздушной армии. Операцией руководил бригадный генерал Стравер. В результате боевых действий общие потери противника составили 159 самолетов. Было уничтожено также 4 паровоза, 14 автомашин с грузами, 2 штабных автобуса и одна легковая машина. Потери американских ВВС составили – 8 самолетов "Лайтнинг" (Р-38).

В августе американские ВВС с баз Италии, Англии и СССР провели 5 воздушных налетов, в которых принимали участие самолеты "Лайтнинг" и "Мустанг" 58, 82-й истребительных групп 15-й воздушной армии, а также "Летающие крепости" и "Мустанги" 13 и 66-го боевых крыльев 8-й воздушной армии. Всего за месяц было произведено 499 самолето-вылетов. Удары наносились по самолетостроительным и нефтеперегонным заводам, а также аэродромам Польши, Румынии, Венгрии.

Вступление войск Красной Армии в Польшу, провозглашение в г. Хелме в качестве временного органа исполнительной власти Польского Комитета Национального Освобождения (ПКНО), вскоре переехавшего в освобожденный Люблин, внесло новые нюансы в советско-американские отношения. Установки ПКНО на прочный союз с СССР как основу внешней политики, признание границы между Польшей и СССР по "линии Керзона" (т.е. какой она была после сентября 1939 г.) осложнили отношения между СССР и западными союзниками по "польскому вопросу", который и без того был источником напряженности в их отношениях. А Варшавское восстание, вспыхнувшее 1 августа и возглавлявшееся ставленниками лондонского эмигрантского правительства Польши, вызвало резкую реакцию Сталина, увидевшего в нем стремление "лондонских поляков" создать в Польше прозападное правительство, которое восставило бы, по его мнению, довоенную Польшу как основу антисоветского "санитарного кордона".

Действительно, расчет организаторов восстания состоял в том, чтобы, пользуясь тем, что войска 1-го Белорусского фронта вели бои на подступах к Варшаве, освободить польскую столицу своими силами "за 12 часов до подхода Красной Армии", провозгласив там власть Крайового Совета министров как противовес люблинскому правительству. План восстания не был согласован с советским командованием. Обстоятельства складывались так, что после полуторамесячных боев Красная Армия не могла с ходу форсировать Вислу в районе Варшавы. На подготовку такой операции требовалось 20–25 дней.

Оставалась возможность помогать восставшим с воздуха, сбрасывая им оружие и продовольствие. Но фашисты с первых дней восстания изолировали повстанцев в ряде районов города, что затрудняло помощь им с воздуха. Тем не менее союзники посылали свои самолеты из Англии, что было малоэффективно. Одновременно они

³⁸ Там же.

обратились с просьбой к советскому правительству использовать "челночные" операции для оказания помощи восставшим. В ответе Гарриману заместитель наркома иностранных дел СССР Вышинский 15 августа сообщил, что "советское правительство не может пойти на это". Мотивы отказа были изложены в письме Сталина Черчиллю от 16 августа. Он писал: "При создавшемся положении советское командование пришло к выводу, что оно должно отмежеваться от варшавской авантюры, т.к. оно не может нести ни прямой, ни косвенной ответственности за варшавскую акцию"³⁹.

Этот ответ был продиктован позицией Кремля по отношению к восстанию, сложившейся к середине августа. В Москве в начале августа находился премьер "лондонского" правительства С. Миколайчик. Он вел переговоры с представителями ПКНО о создании коалиционного правительства Польши. "Люблинские поляки" предлагали ему пост премьера и 4 портфеля в правительстве, но он требовал 14. 9 августа Миколайчика принял Сталин. Но стороны к соглашению не пришли.

Все эти события и их оценки правительствами союзных держав немедленно отразились на деятельности "Восточного командования". Политические игры правительств сыграли роковую роль в судьбе Полтавского аэроузла. В день начала восстания в Варшаве американцы обратились с просьбой установить для их самолетов-разведчиков, летавших с авиабазы Полтава, входные и выходные ворота в районах: Белосток, Брест-Литовск и Ярослав, т.е. в районах близких к Варшаве, где американские авиаразведывательные экипажи могли получить какие-либо сведения о действиях восставших поляков или оказать им помощь. Однако советское командование запретило полеты в районы Белостока и Бреста.

Противодействие высшего советского руководства в вопросе о помощи Варшаве с привлечением самолетов "Восточного командования" становилось яблоком раздора между СССР и западными союзниками. Но не только "польский вопрос" способствовал охлаждению отношений между союзниками в конце лета – начале осени 1944 г.

Успехи Красной Армии на Балканах, которую восторженно встречало население освобожденных стран, на фоне застопорившегося наступления армий генерала Д. Эйзенхауэра на подходах к границам Германии вызывали беспокойство в Вашингтоне и Лондоне. Лидеры Запада опасались "большевизации" Восточной Европы и стремились ограничить советское влияние на Балканах и в Восточной Европе.

Но существовал и еще один, до сих пор малоизученный, но очень важный фактор, подрывавший доверие Москвы к западным союзникам. Это – секрет атомной бомбы, "Манхэттенский проект", работы над которым тайно от СССР велись в США с участием английских специалистов. И то, что Рузвельт и Черчилль ни на конференции в Тегеране, ни после открытия второго фронта не сообщили Сталину о существовании этого проекта и ходе работ по созданию атомного оружия (а он об этом знал через разведывательные каналы), настораживало советских руководителей, заставляло их все больше сомневаться в искренности партнеров по "Большой тройке". Тем более что по соглашению с Англией от 29 сентября 1942 г. СССР мог рассчитывать на получение "всей информации" об оружии, используемом против "общего противника".

Все эти политические проблемы рикошетом били и по сотрудничеству ВВС США и СССР в Полтаве. К тому же по мере сжатия кольца союзных войск вокруг Германии военная целесообразность проведения "челночных" операций вызывала растущие сомнения. Надежды руководства США на то, что операции "Фрэнтик" укрепят боевое сотрудничество США и СССР и проложат путь к созданию американских баз в Сибири, необходимых для войны с Японией, становились все более иллюзорными.

Во время беседы 18 августа Никитина с представителем ВВС США генералом Нерром американец задал вопрос: каково мнение Никитина о "челночных" операциях и возможности их развития? Отвечая на этот вопрос, советский военачальник сказал:

³⁹ СССР и Польша, 1941–1945. К истории военного союза: Документы и материалы. М., 1994, с. 230, 232.

"Был период, когда сквозные операции были выгодны, так как они сокращали общую длину маршрутов и давали возможность поражать цели, недосягаемые с аэродромов южной части Италии и Англии. Печать союзных стран очень хорошо оценила эти смелые полеты. Затем наступил второй период: Красная Армия подошла к границам Германии – Восточной Пруссии и продолжает идти на запад. На Западе большие успехи американской армии, на юге Франции успешный десант, что, вероятно, в ближайший месяц – два повлияет на полное освобождение севера Италии. Это значит, что в ближайшее время появится возможность авиабазы переместить ближе к Германии и будет, конечно, выгоднее производить вылет с этих баз с возвращением на них же, так как это будет короче, чем после сквозного полета через всю Германию производить посадку в Полтаве. Зимой "челночные" операции будут очень редким эпизодом, так как ожидать благоприятной погоды на всем маршруте трудно.

У нас зима обычно неблагоприятна для полетов, мы имеем опыт, когда даже такие самолеты, как "Ильюшин-2" не могли по условиям погоды выполнять полеты, и я очень сомневаюсь, чтобы можно было свободно оперировать такими самолетами, как Б-17. Будет бесполезная потеря людей и времени при ожидании благоприятной погоды. Поэтому мне кажется, что можно продолжать сквозные операции только при наступлении благоприятной погоды"⁴⁰. Такая позиция советского командования явно не отвечала американским планам продолжать и расширять сотрудничество между ВВС США и СССР с тем, чтобы со временем заполучить базы для своей авиации на советском Дальнем Востоке для борьбы с Японией. Поэтому представители США всячески стремились продлить пребывание американцев в Полтаве. Они предлагали оставить на аэроузле свои комендатуры, но получили отказ. Просьба разрешить разместить эскадрилью ночных истребителей ВВС США на Полтавском аэродроме также не получила поддержки, поскольку, как полагали в Москве, значительное продвижение Красной Армии на запад изменило обстановку и угроза с воздуха для Полтавы была почти исключена. Предложения командования американских ВВС о зимних операциях из Полтавы и доставке туда американских средств ПВО остались без ответа, хотя штаб советских ВВС их одобрил. Не получило ответа и письмо генерала Спаатса от 5 августа, в котором он пытался добиться от советских властей какой-либо определенности в отношении американских предложений и просил сообщить об этом до 14 августа, чтобы успеть до зимы доставить в СССР необходимую технику и материалы. 17 августа Молотов заявил Гарриману, что соглашение о "челночных" операциях вообще предусматривало их ведение лишь на лето 1944 г., хотя посол пытался доказывать, что оно действительно до конца войны⁴¹.

Спаатс планировал в августе провести операцию "Фрэнтик-VI", в ходе которой самолеты Б-17, вылетев из Англии, сбросили бы вооружение и продовольствие повстанцам Варшавы и приземлились бы в Полтаве. Однако после того как Сталин отказал Гарриману в разрешении на такую операцию, "Фрэнтик-VI" состоялась лишь 11 сентября, причем советская сторона настояла на том, чтобы она не была связана с оказанием помощи Варшаве. Удар силами 74 самолетов Б-17 и 62 истребителей был нанесен по военному заводу южнее Берлина⁴².

Все это привело к тому, что американское командование официально уведомило руководство СССР о своем решении постепенно прекратить действия американской авиации с советской территории. Главный маршал авиации Новиков 13 сентября сообщил Молотову о том, что согласно письму генерала Дина от 29 августа в связи с большими изменениями в военной обстановке американское командование приняло решение с 1 ноября 1944 г. "челночные" операции американской авиации с посадкой на советских авиабазах прекратить. При этом американцы просили оставить на зим-

⁴⁰ ЦАМО, ф. 35, оп. 11250, д. 108, л. 115–116.

⁴¹ The Journal of Military History, v. 57, N 4, October 1993, p. 647.

⁴² ЦАМО, ф. 35, оп. 11250, д. 109, л. 18.

ный период один аэродром в Полтаве для обеспечения операций фоторазведывательных самолетов для возможных операций малого размера и как базу для хранения имущества, завезенного в СССР. Для этих целей они предлагали на аэродроме Полтава оставить 200–300 человек американского персонала⁴³. Это обосновывалось необходимостью вновь развернуть базы в другом месте, дальше на запад, при согласии советского правительства, в случае если война с Германией не закончится к лету 1945 г.

Новиков считал возможным согласиться с целесообразностью прекращения "челночных" операций в связи с изменившейся военной обстановкой и приступить к свертыванию американских баз, содействуя быстрейшей отправке людей и имущества. Он полагал, что следует удовлетворить просьбу американцев, оставив им один аэродром в Полтаве, но предложил в течение декабря 1944 г. – февраля 1945 г. ликвидировать и эту базу.

Последняя операция "Фрэнтик-VII" состоялась 18 сентября. Сталин разрешил оказать помощь варшавянам. Более того, сбрасывать грузы для повстанцев начала советская авиация. Это было вызвано тем, что к этому времени войска 1-го Белорусского фронта, подготовив в августе операцию по наступлению на Варшаву, к середине сентября ворвались в предместье польской столицы – Прагу и вели бои за захват южной части Варшавы. Появилась надежда, что советские войска смогут соединиться с повстанческими группами. В этой обстановке и было принято решение оказать помощь восставшим с воздуха. В эти дни как раз и получили разрешение американцы. Но было уже поздно. Руководитель восстания польский генерал Бур-Коморовский принял решение прекратить сопротивление. 2 октября восставшие капитулировали. О результатах "Фрэнтик-VII" Новиков 19 сентября докладывал в Ставку: "18 сентября с.г. американцы соединением в составе 107 бомбардировщиков "Летающая крепость" в сопровождении 64 истребителей "Мустанг" провели из Англии операцию по выброске грузов полякам в районе Варшавы с последующей посадкой на наших авиабазах. Грузы (оружие и боеприпасы) сбрасывались с высоты 4000 м с одного захода. По докладу офицеров 16-й воздушной армии, наблюдавших выброску, операция проведена неудачно: большая часть грузов попала к немцам. Над Варшавой американцы были встречены сильным огнем зенитной артиллерии. 2 бомбардировщика "Летающая крепость" и 2 истребителя не прибыли на наши базы, 21 "Летающая крепость" имеет пулевые и осколочные пробоины и повреждения моторов. Сегодня, 19 сентября, американцы вылетели с наших авиабаз для бомбардирования железнодорожного узла Сольнок (Венгрия) с посадкой в Италии"⁴⁴.

В целом в сентябре 1944 г. американскими ВВС было проведено 4 воздушных налета с баз, расположенных в Англии и СССР. Всего было выполнено 594 самолето-вылета. Ударам подвергались промышленные и железнодорожные объекты Германии и Венгрии. Кроме того, выполнялась задача по сбрасыванию специальных грузов в районе Варшавы. Повстанцам в Варшаве досталось только 50% сброшенных над городом грузов.

В связи с окончанием "челночных" операций ВВС США с использованием Полтавского аэроузла начальник штаба армии США генерал Дж. Маршалл прислал письмо, в котором благодарил личный состав 169-й авиабазы особого назначения за проделанную работу. В нем говорилось: "Обращаюсь к советским офицерам и служащим, работающим в Восточном округе! Успех американских "челночных" бомбардировочных операций был достигнут только благодаря благодарному духу взаимной помощи, которую вы проявили, сотрудничая с нашими вооруженными силами "Восточного командования". Я знаю, что в деле организации этих баз были преодолены огромные препятствия только благодаря добросердечному отношению, с которым вы выполняли свою задачу помощи американским военно-воздушным силам. Это доказывает

⁴³ Там же, л. 38.

⁴⁴ Там же, л. 42.

практическое единство усилий, которое отражено в быстрых достижениях великих побед союзников"⁴⁵.

Командование ВВС США посчитало необходимым представить к награждению медалью "За мужество" ряд советских граждан, участвовавших в отражении воздушного налета немецкой авиации 22 июня 1944 г. и ликвидации его последствий. Было представлено к награде 10 человек, в основном младшие офицеры, сержанты и солдаты. В свою очередь командование ВВС Красной Армии представило к государственными наградам Советского Союза 20 американских генералов и офицеров.

После того как стало ясно, что операций "Фрэнтик" зимой 1944–1945 г. не будет, началось постепенное свертывание Полтавского аэроузла. Оно продолжалось до июня 1945 г., однако основные силы и средства "Восточного командования" начали покидать Полтаву уже осенью 1944 г. Несмотря на политические осложнения между СССР и США в верхних эшелонах, американские солдаты и офицеры покидали Полтаву с чувством благодарности к простым советским людям, сотрудничавшим с ними, помогавшим им всем, чем только было можно.

Когда первые эшелоны с американскими солдатами уезжали из Полтавы в Тегеран, командующий "Восточным командованием" генерал Уолш в обращении к личному составу писал: "Помни... Ни одна другая нация не сделала для нас столько много, сколько сделали для нас русские"⁴⁶.

Прошло столетия с тех дней. Уходит в историю XX в. В течение этого века русские и американцы были союзниками и врагами, соперниками и партнерами. За это время были лишь короткие периоды времени, когда простые люди обеих стран имели возможность общаться между собой на деловом и бытовом уровнях без посредников – дипломатов, идеологов, политиков. И тогда, в 1944 г., и сегодня, в 1997 г., они быстро находили и находят общий язык, несмотря на разность менталитетов, языковой барьер, различия в обычаях, традициях, убеждениях. Опыт боевого сотрудничества ВВС США и СССР в годы второй мировой войны показал полную совместимость русских и американцев, когда они, решая общую задачу, действуют как единая слаженная команда.

⁴⁵ Там же, д. 109, л. 55.

⁴⁶ Там же, л. 110.

МЕЖРАСОВЫЕ И МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЕВРОПЕ И АМЕРИКЕ, XIX–XX вв. М.: ИВИ РАН, 1996, 300 с.

Заканчивающийся XX век провел генеральную проверку всем доктринам и практическим решениям национального вопроса фактически во всех странах мира: от откровенно расистских до интернационалистских, основанных на идее признания права наций на самоопределение вплоть до образования самостоятельного национального государства. Вероятно, поэтому он выделяется количеством и ожесточенными формами межэтнических и междоусобных конфликтов (две мировые войны!), хотя историки не могут пожаловаться на особую "бедность" по этой части XIX в. и других веков. Более того, авторы приходят к заключению: "Междоусобные и межнациональные отношения фактически составляют основу, стеновой хребет всей всемирной истории" (с. 292). Интерес представляют выводы о роли национализма в истории, о действии закона неравномерного развития стран и народов (с. 292–293), о необходимости учета позитивного и негативного межэтнических отношений в разных странах, об особой опасности конфликтов в междоусобных и межнациональных отношениях в мире, перенасыщенном оружием массового уничтожения, о роли межэтнических факторов в создании, функционировании и крушении могущественных империй – Римской, Чингисхана, Наполеона, Гитлера (с. 293).

Авторы исследуют опыт решения междоусобных и межнациональных проблем в тех странах и в те исторические периоды, которые оставили заметный след в истории человечества, в теории и практике решения сложнейших проблем межэтнических отношений.

И все же XX век, особенно 2-я половина, отличается от предшествующих попытками хотя бы части человечества придать более цивилизованный характер межэтническим и междоусобным отношениям, локализовать очаги междоусобных и межэтнических конфликтов. Насколько это удалось человечеству, дает представление книга под названием "Междоусобные и межнациональные отношения в Европе и Америке, XIX–XX вв."¹

¹ Ответственный редактор издания д.и.н. Р.Ф. Иванов, ответственный секретарь Е.Н. Макаренко.

О широкой тематике исследуемых проблем свидетельствует перечень глав работы: к.и.н.

О.В. Шамшур "Государственное регулирование национальных отношений: проблема выбора средств"; к.ю.н. Ю.И. Богдановская "Правовой механизм защиты личности от дискриминации на основании национальной принадлежности"; к.ю.н. Н.С. Крылова "Государственно-правовые формы и методы урегулирования межнациональных отношений: опыт стран западной демократии"; Н.С. Крылова "Международно-правовой статус национальных меньшинств"; к.и.н. И.М. Супоницкая "Север и Юг США: истоки межрегионального конфликта"; д.и.н. Р.Ф. Иванов "Негритянская проблема в реконструкции Юга США (1865–1877 гг.)"; к.и.н. В.А. Никитин "Положение черных американцев в США в конце XIX – начале XX вв."; к.и.н. М.А. Головина "Администрация Трумэна и негритянская проблема"; к.и.н. И.А. Мингазутдинов "Этнонациональные группы в США и формирование американской внешней политики (1945–1990 гг.)"; к.и.н. А.В. Городнянский "Хорватско-сербские отношения в структуре межнациональных отношений Австро-Венгрии (последняя треть XIX – начало XX вв.)"; д.и.н. А.И. Пушкаш "Распад Австро-Венгерской монархии"; к.и.н. М.Н. Бобрин "Полония и ее пути во времени и пространстве"; к.и.н. Е.Ю. Полякова "Англо-ирландские отношения в конце XIX – начале XX вв."; д.и.н. А.С. Намазова "К вопросу о межнациональных отношениях в Бельгии"; Е.Н. Макаренко "Из истории межнациональных и междоусобных отношений во Франции"; д.и.н. Т.А. Васильева "Областная автономия и этнический фактор: испанский и итальянский варианты"; к.и.н. Д.Г. Черемин "Политика Великобритании и межобщинный конфликт на Кипре"; к.э.н. Л.В. Тягуненко "Распад федераций – причина и последствия"; д.и.н. Н.Я. Бромлей "Некоторые аспекты кризисных ситуаций в этнокультурных процессах (на материалах бывшего СССР)"; д.и.н. Н.К. Петрова "Еврейский антифашистский комитет в СССР: реальность и вымысел"; М.Н. Бобрин "Национальная идея и лидер нации в переломные моменты истории"; И.М. Супоницкая "Эволюция конфликта между Севером и Югом США. 1870–1871 гг."; Р.Ф. Иванов "Негритянская проблема и гражданская война 1861–1865 гг. в США"; д.и.н. В.А. Коленко «"Суверенитет – ассоциация" или в чем суть национального вопроса в современной Канаде»; к.и.н. Д.Г. Черемин "Межэтнический конфликт и англо-майорийские войны в XIX в. в Новой Зеландии"; к.и.н. С.Р. Сухоруков "Германская национальная проблема после объединения

Авторами сборника являются научные сотрудники институтов РАН: всеобщей истории, славяноведения и балканистики, этнологии и антропологии, российской истории, государства и права, мира, а также историки из Киева.

Все авторы в течение многих лет исследуют межрасовые отношения, имеют многочисленные публикации, основанные на широкой архивной документальной базе. Вот почему каждая из глав – квинтэссенция глубокого профессионального изучения этих проблем.

В работе объединены усилия историков, этнографов, социологов, правоведов, политологов. Это позволяет по-новому исследовать сложный комплекс проблем межрасовых и межнациональных отношений в странах Европы и Америки в XIX–XX вв.

В основу рассматриваемой книги положены доклады участников двух "круглых столов", проведенных группой по истории межрасовых и межнациональных отношений ИВИ. Одна встреча ученых была посвящена истории межрасовых и межнациональных отношений в странах Европы и Америки в XIX–XX вв., другая – кризисным ситуациям в развитии этих отношений. Книга состоит из двух частей: "Из истории межрасовых и межнациональных отношений в странах Европы и Америки" и "Кризисные ситуации в межнациональных и межрасовых отношениях в странах Европы и Америки".

Авторы поступили правильно, выйдя за пределы XIX и XX веков, что позволило провести сравнительно-исторические исследования, рассмотреть истоки, динамику, логику и место межнациональных отношений в историческом процессе. Это относится, в частности, к годам гражданской войны (1861–1865 гг.) и реконструкции Юга в США (1865–1877 гг.) (с. 55–67, 222–231), к распаду Австро-Венгерской монархии (с. 100–117), к германской национальной проблеме после объединения ФРГ и ГДР (с. 251–263), к проблемам интеграции и конфликтов на Ближнем Востоке (с. 283–291).

В работе отмечается, что повышенный интерес к вопросам межэтнических отношений объясняется тем, что в истории трудно найти государство с этнически однородным населением. Среди жителей любой страны в большей или меньшей степени представлены люди различных рас и национальностей. Следствием этого является переплетение во многих странах разнообразных культур, религий, традиций, обычаев. "Это всегда порождало и порождает острейшие проблемы, нередко перерастающие в затяжные

ФРГ и ГДР (1990–1995 гг.)"; к.и.н. А.Б. Чернов "Активизация выступлений против иностранцев в ФРГ в начале 90-х гг. Причины и уроки"; к.и.н. Н.А. Розанцев "О роли генерала де Голля в мирном урегулировании алжирского вопроса (1958–1962 гг.)"; к.и.н. А.В. Фролов "Ближний Восток: проблемы интеграции и конфликтов".

межрасовые и межнациональные конфликты" (с. 3).

В рецензируемом исследовании подчеркивается тем, что история человечества состоит из истории отдельных стран и народов, которые взаимодействуют в различных сферах жизни, учатся на позитивном и негативном опыте друг друга.

Рассматриваемые вопросы имеют важное практическое значение для современной России. Распад организации Варшавского договора (ОВД), а позднее Советского Союза породил сложнейшие проблемы между странами, бывшими в ОВД, которые стремятся скорее вступить в Североатлантический союз (НАТО), и нашей страной, между НАТО и Россией, которая обеспокоена продвижением НАТО на Восток, в сферу своих геополитических интересов.

Процесс распада СССР сопровождался кровавыми военными конфликтами на постсоветском пространстве: Карабах, Приднестровье, Южная Осетия, Ингушетия, Абхазия, Таджикистан. Главный из этих конфликтов – война в Чечне. По данным на лето 1996 г., в "малых войнах" на территории бывшего СССР погибло более 600 тыс. человек, велико число раненых и искалеченных, миллионы людей вынуждены стать беженцами. Колоссален материальный ущерб от этих войн, безвозвратно потеряны важные культурные ценности (с. 9).

Рассматривая на исторических параллелях межэтнические конфликты в разных странах, авторы подсказывают пути и средства выхода из конфликтов в республиках бывшего СССР.

С этой точки зрения интерес в первую очередь представляет глава "Распад федераций – причина и последствия". В ней приводятся поучительные исторические параллели, связанные с распадом Социалистической Федеративной Республики Югославии (СФРЮ) и Советского Союза (с. 177–184). Автор главы Л.В. Тягуенко пишет: "Югославия как бы предвещает то, что происходит в бывшем СССР, опережая нас на год–полтора. Даже этапы борьбы за самостоятельность отдельных республик и превращение их в независимые государства почти идентичны" (с. 172).

В книге подчеркивается, что США, Англия, Канада, Бельгия – страны высокого уровня социально-экономического и культурного развития, многолетних и глубоких демократических традиций. Однако и в них имеются серьезные межрасовые (в США) и межнациональные проблемы (с. 3, 4, 45–54, 55–67, 68–81, 82–90, 125–132, 133–144, 232–242).

В главе Н.С. Крыловой "Государственно-правовые формы и методы урегулирования межнациональных отношений: опыт стран западной демократии" отмечается: "Из богатого опыта истории известно, что государство может играть и позитивную и негативную роль в формировании и развитии межнациональных отношений" (с. 29).

Соответствующую деятельность государства автор рассматривает на примере Бельгии, Канады, Швейцарии, Австралии, Новой Зеландии, Норвегии, Швеции, Италии, Великобритании, Испании, Финляндии, Греции, Франции.

Необычен аспект межнациональных отношений, рассмотренный в главе И.А. Мингазутдинова "Этнонациональные группы в США и формирование американской внешней политики (1945–1990 гг.)". Автор показывает формы и методы воздействия на внешнюю политику США этнического лоббизма – израильского, арабского, греческого, афро-американцев.

Корни современного хорватско-сербского конфликта уходят в глубь Австро-Венгерской монархии. Пониманию исторических причин этого конфликта во многом способствует глава А.В. Гордонянского "Хорватско-сербские отношения в структуре Австро-Венгрии (последняя треть XIX – начало XX в.)".

Проблемам межнациональных отношений в Австро-Венгрии посвящена и глава А.И. Пушкаша "Распад Австро-Венгерской монархии". Автор детально анализирует роль международного фактора в Австро-Венгерской монархии на протяжении ее истории с 1867 по 1918 г.

Авторы книги исследуют межнациональные отношения в тех европейских странах, в которых они характеризуются глубиной и остротой: в Польше, Бельгии, Франции, Испании, Италии, Англии, Югославии, Германии.

Геополитические потрясения 90-х годов XX в. привели к тому, что США остались единственной сверхдержавой в мире. В связи с этим исключительно важное значение приобретают все аспекты, связанные с внутренней и внешней политикой этой сверхдержавы. США – единственная великая держава мира, нация которой была сформирована на основе массовой иммиграции, что придает особое значение межрасовым и межнациональным отношениям в этом государстве. И не случайно в книге семь глав из 29 посвящены истории межрасовых и межнациональных отношений в США.

Для истории США на всех ее этапах характерен процесс быстрой ассимиляции представителей различных наций, прибывающих в эту страну. Однако вне рамок этого процесса во многом остаются афро-американцы. В большинстве глав, посвященных США, исследуются различные аспекты дискриминации афро-американцев и их борьбы за свои права.

Пришло время подводить итоги теории и практики решения национального вопроса в СССР и СФРЮ. В книге подчеркивается, что за время существования СССР было опубликовано немало трудов, в которых доказывалось, что впервые за многовековую историю человечества в социалистическом обществе "удалось полностью и окончательно решить национальный вопрос" (с. 5). Эта

апологетика далека от исторической правды. Поэтому в труде дается критическая оценка советского опыта решения национального вопроса: "Кажется, теоретический тезис Ленина о самоопределении наций и построении федерации по национально-территориальному принципу безупречен и справедлив. Однако, чем это завершилось... мы знаем" (с. 172). На территории бывших СССР и СФРЮ, в других странах, где остро стоит вопрос межрасовых и межнациональных отношений, надо практически решать существующие проблемы. Сделать это можно только при условии тщательного изучения предшествующего опыта. Авторы приводят в этой связи высказывание К. Маркса: "Всякая нация может и должна учиться у других"².

Межрасовые и межнациональные проблемы в странах Европы и Америки, в государствах, входивших в социалистический лагерь – в Польше (с. 118–124), Югославии (с. 172–184), СССР (с. 185–196, 196–204) свидетельствуют о специфике данных проблем.

В бывших социалистических странах конфликты в сфере межрасовых и межнациональных отношений отличаются своей остротой по сравнению с западными демократическими государствами; зачастую они перерастают в кровавые войны. Однако и на постсоциалистическом пространстве имеют место примеры "цивилизованного развода" без военных потрясений. Об этом, в частности, свидетельствует разделение Чехословакии на Чехию и Словакию.

Важное практическое значение имеют сюжеты, в которых рассматриваются проблемы, связанные с поисками путей выхода из тяжелых этнических кризисов, которые переросли в затяжные военные конфликты, как это имеет место в Югославии, Таджикистане, Чечне. В книге отмечается: "НАТО предприняло беспрецедентные по масштабам после мировой войны в Европе авиабомбардировки и артобстрелы не только военных, но и гражданских объектов боснийских сербов" (с. 184).

Авторы обоснованно подчеркивают, что ставки на военную силу, на грубое вмешательство извне в межнациональные конфликты не дают положительного результата. Это ведет к усугублению положения. Попытки разрешения таких конфликтов путем вмешательства в них извне доказывают, что межрасовые и межнациональные отношения – "это очень уязвимая, легкоранимая сфера общественных отношений" (с. 295).

В работе рассматривается вопрос о конституционных гарантиях решения межрасовых и межнациональных проблем. Подчеркивается, что ни одно многонациональное государство Запада, будь оно федерацией или конфедерацией, не зафиксировало

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 10.

в своих конституциях право на выход из этих государств их отдельных частей. Когда в апреле 1861 г. южные рабовладельческие штаты создали свое государство – Конфедеративные Штаты Америки и вышли из состава Соединенных Штатов Северной Америки, это привело к самой тяжелой и кровавой войне в истории этого государства – к гражданской войне 1861–1866 гг. (с. 222).

Конституция СССР предусматривала право союзных республик на выход из состава союза. Отчасти следствием реализации этого права явился распад СССР и тяжелейшие проблемы, которые он породил для всех народов бывшего СССР. Партократы, как показал опыт, слишком быстро превратились в этнократов. Власть последние удерживают путем манипулирования массовым сознанием, прививая ему националистические черты.

Дезинтеграционные тенденции, подчеркиваются в книге, возникают и в тех государствах, конституции которых не предусматривают право выхода субъектов федерации из ее состава. Например, ныне действующая Конституция Российской Федерации не дает субъектам федерации право выхода их из ее состава, но Чечня с оружием в руках поднялась на борьбу за отделение от России. Сепаратистские тенденции нарастают за отделение от России и в других субъектах Российской Федерации (с. 178). Конституция Канады не предусматривает право выхода из ее состава франкоязычного Квебека, однако в стране на протяжении всей ее истории активно движение франкоязычных канадцев за выход из Канады, за создание самостоятельного государства (с. 232–242).

В Канаде и Бельгии эти проблемы решаются в конституционных рамках. В Ольстере и в США кризисные ситуации перерастали в вооруженную борьбу.

АМЕРИКАНСКОЕ ОБЩЕСТВО НА ПОРОГЕ XXI в.: ИТОГИ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ. МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ. М.: Изд-во МГУ, 1996, 185 с.

Создание в 1995 г. Ассоциации изучения Соединенных Штатов Америки оказалось весьма плодотворной инициативой отечественных американистов высших учебных заведений. Об этом можно судить по тематике и репрезентативности научных конференций и семинаров, проводимых под эгидой этой организации, а также по оперативности ознакомления научной общественности с современными тенденциями в различных областях исследования США. Объемистый

Существенны особенности в развитии межэтнических кризисов на территории упоминавшихся выше республик бывшего СССР.

Своя специфика в государствах Балтии, где "цивилизованными методами" русскоязычное население, составляющее значительную часть жителей этих стран, лишают важнейших гражданских и политических прав. "Здесь рождается новая форма белого апартеида" (с. 9).

По широте охвата проблемы межрасовых и межнациональных отношений, по источниковедческой базе (использованы основные документы государственных служб разных стран), по политической заостренности анализируемых вопросов книга представляет собой незаурядное явление в отечественной исторической литературе.

Вместе с тем следует пожелать авторам в ряде глав усилить исторический фон анализируемых проблем (см. главу "Этнонациональные группы в США и формирование американской внешней политики (1945–1990 гг.)"), показать реакцию западных стран на межэтнические конфликты в республиках бывшего СССР.

В работе имеются отдельные опечатки (например, на с. 7 вместо "религиозный характер", очевидно, следует читать "региональный характер"). Упущением является то, что в книге не рассматриваются такие регионы, как Латинская Америка, Северная Африка.

Вызывает сожаление, что книга, столь актуальная в теоретическом и практическом плане, опубликована тиражом всего в 300 экз.

В целом данная работа является серьезным вкладом в изучение межрасовых и межнациональных проблем в странах Европы и Америки.

П.В. Волобуев,
академик

(27,5 печатных листа) сборник материалов международной конференции, которая проходила 31 января – 3 февраля 1995 г. в Московском государственном университете и была посвящена обсуждению места и роли США на рубеже XXI в.¹, является наглядным тому подтверждением.

¹ Ответственные редакторы сборника: А.С. Маныкин, Ю.Н. Роголев, Е.Ф. Язьков. Авторы: Т.А. Алексеева, Н.М. Андреева, О.Ю. Анциферов

Несмотря на то, что входящие в сборник статьи отечественных и зарубежных американистов затрагивают различные вопросы истории, политики, экономики, философии и культуры США, его редакторы-составители удачно справились с задачей композиционного построения книги. В ней выделено пять обобщающих разделов: "Эволюция основных идейно-политических течений США"; "США и внешний мир"; "Роль американского государства в рыночной экономической системе"; "Американские ценности в перспективе и ретроспективе"; "Литературное сознание США как предмет изучения". Тем самым читатель изначально получает представление о направлениях, в русле которых проходили на конференциях дискуссии специалистов, рассматривавших ключевые проблемы прошлого и настоящего Америки с точки зрения различных обществоведческих дисциплин.

Большинство материалов сборника отмечено критическим переосмыслением утвердившихся в отечественной, да и американской историографии концепций и оценок. Особенно наглядно это проявляется в первом разделе книги, затрагивающем ряд важных теоретических и историографических проблем. Е.Ф. Язьков в открывающей сборник статье, обращаясь к традициям и новациям в идеологии американского либерализма и отдавая должное трудам советских и российских исследователей, предлагает по-новому взглянуть на сложившуюся в отечественной историографии концепцию возникновения двух различных направлений в американской общественно-политической мысли – либерализма и консерватизма. По мнению автора, к 60-м годам XIX в. завершился сложный процесс формирования идеологии классического либерализма. Рассмотрев основные этапы развития американской модели либерализма вплоть до умеренного социального либерализма администрации У. Клинтона, автор приходит к заключению, что на рубеже XXI в. есть все основания "оптимистически смотреть на перспективы дальнейшей прогрессивной эволюции американского либерализма" (с. 9).

В статье М.П. Кизимы, посвященной творчеству Д. Дэвидсона – одного из организаторов и идеологов движения "южных аграриев", вопрос о

ва, С.А. Бабуркин, Э.Я. Баталов, Н.Н. Болховитинов, Б.А. Веселов, Т.Д. Венедиктова, Б.А. Гиленсон, Т.А. Епоян, Ю.Г. Ермаков, М.П. Кизима, С.И. Ковалева, Т.Е. Комаровская, Т.И. Кондратьев, Н.А. Косолапов, И.М. Кузина, Е.И. Кравченко, И.К. Лапшина, Е.В. Лютикова, Л.Б. Макеева, М.Н. Марченко, Г.Е. Минасян, А.С. Мулярчик, М.Я. Пелипась, Н.Е. Покровский, А.А. Пороховский, М.А. Портной, И.М. Савельева, А.Ю. Саламатин, Р.А. Сетов, А.А. Сидоров, П.П. Скороспелов, В.Б. Супян, Дж.М. Уайтли, Н.С. Юлина, Е.Ф. Язьков.

взаимосвязи либеральной и консервативной идеологий ставится в иной плоскости. Автор полагает, что настало время серьезных уточнений в понимании консерватизма и "его места в интеллектуальной традиции США" и отстаивает тезис, что особенностью американской культуры является "диалог между либеральной и консервативной тенденциями" (с. 23).

Состояние отечественной американистики и перспективы ее интеграции в мировую историческую науку рассмотрены в статье академика Н.Н. Болховитинова. Придерживаясь позитивной критики советской историографии, он возлагает особые надежды на новое поколение историков-американистов. В этом же разделе помещена полемически заостренная статья И.М. Савельевой, в которой XX век определяется как "европо-американоцентристский" (с. 17, 21). Отмечая, что современные дискуссии, посвященные "американскому веку", концентрируются вокруг вопроса об утрате или же, напротив, усилении влияния США к концу текущего столетия, автор выдвигает собственную гипотезу: XX столетие ни в целом, "ни даже его вторая половина не были американским веком" (с. 21). В качестве доказательства она ссылается на биполярность международных отношений в эпоху "холодной войны" и тенденции к полицентризму после ее окончания.

Окончание "холодной войны" является сквозной темой, объединяющей все статьи внешнеполитического раздела. Однако, прогнозируя поведение США в роли единственной на сегодняшний день сверхдержавы и то, как сложатся их политические и экономические взаимоотношения с посткоммунистической Россией и остальным миром, авторы обращаются и к началу "холодной войны", и толкованию ее сущности.

Непосредственно этому вопросу посвящена статья Р.А. Сетова о современных тенденциях ("новом ревизионизме") в американской историографии "холодной войны". Изложенная в статье, с учетом неоревизионистских взглядов, трактовка воздействия идеологических императивов на внешнюю политику СССР и США оригинальна и весьма убедительна. Хотелось бы только возразить автору, что традиционная, как он пишет, концепция доминирования влияния идеологии на внешнюю политику Сталина и советских лидеров вовсе не является преобладающей в современной отечественной историографии "холодной войны". В настоящее время вопрос о соотношении идеологии и геополитики в процессе принятия внешнеполитических решений высшим руководством страны стал предметом острых дискуссий специалистов.

Н.А. Косолапов предлагает посмотреть на тенденции в эволюции официального курса США после завершения "холодной войны" "глазами политического психолога" (с. 40). Согласно авторс-

кой концепции, демонтаж позиции СССР как лидера в союдружестве и международном коммунистическом движении, а также распад Советского Союза (с. 43) имеют большее воздействие на формирование новой политики США, чем сам факт окончания "холодной войны". В статье А.А. Сидорова, посвященной анализу состояния американского бизнеса до и после окончания "холодной войны", также подчеркивается, что развал СССР и исчезновение "советской угрозы" ослабили важную составляющую "американоцентричного" мирового порядка (с. 61).

Обращаясь к теме формирования новой геостратегии США после окончания "холодной войны", В.А. Веселов и П.П. Скороспелов отходят от традиционного понимания концепции "сдерживания коммунизма", поскольку, как они пишут, «Соединенные Штаты осуществляли стратегию "двойного сдерживания": и "коммунистического лагеря", и союзников США среди государств "свободного мира"» (с. 62). В целом авторы приходят к неутешительному заключению, что окончание "холодной войны", разрушив существовавшее политическое равновесие, привело к появлению обширной полосы нестабильности от Японских островов до Северной Африки.

Материалы экономического раздела сборника дают возможность не только познакомиться с квалифицированными оценками прогрессивной структуры хозяйства США и их воздействия на мировую экономику, но и сопоставить американский опыт с теми процессами экономических преобразований, которые происходят в нашей стране. Обстоятельный анализ М.А. Портным главных факторов, определяющих лидерство США в мировой экономике, а также их особой роли "в формировании мирового хозяйственного комплекса" (с. 85), дает общее представление о теме. Более конкретно проблемы взаимодействия американского государства и рыночной экономики рассматриваются в других статьях.

Значительное место в сборнике занимает раздел об американских ценностях. Его авторы – философы, социологи, культурологи, обращаясь к ряду уже рассмотренных в предыдущих разделах проблем – окончание "холодной войны", эволюция идеологии либерализма и др., – ведут дискуссию с иных позиций и часто полемизируют с коллегами. Э.Я. Баталов не склонен соглашаться с тезисом о победе США в "холодной войне". По его мнению, крушение мирового социализма привело к нарушению "всей системы глобальных балансов" (с. 112). Поэтому он полагает, что с исчезновением выгодного для США идеологического соперничества и перед лицом появления новых сильных идейных соперников им придется произвести "корректировку своих ценностных ориентаций" (с. 113).

В статье американского историка М. Дж. Уайтли рассматриваются причины "дуализма

ценностей" в менталитете американцев. Исследователь считает, что на современном этапе это грозит утратой духовных ориентиров и усилением пессимизма, а выход следует искать в повышении роли образования и религии.

Вклад американских философов в обоснование базовых ценностей США является предметом исследования сразу нескольких авторов. Следует отметить возрождение интереса отечественных специалистов к философскому наследию Дж. Дьюи. Как отмечено в статье А.С. Юлиной, труды этого философа ценны прежде всего по причине его гуманизма, наличия конструктивных идей и здравомыслия, которые могут быть востребованы в современной России (с. 148).

Н.Е. Покровский с помощью социальной теории Дж. Дьюи тезисно излагает свое, довольно пессимистичное, на наш взгляд, видение современного мира. С точки зрения автора, наступление "иррациональности" на современную цивилизацию и "катастрофизм" ее состояния можно остановить с помощью рационалистических моделей (с. 120).

Раздел завершается очерком Е.И. Кравченко, предлагающей поразмыслить над актуальной и непростой проблемой "применения методов социологии к объяснению культурных процессов в обществе" (с. 134), т.е. выйти за рамки привычного понятия "социология культуры".

Дискуссию об американской культуре продолжают авторы заключительного раздела сборника. В яркой и полемичной статье А.С. Мулярчика, рассматривающего сферу идеологии и культуры в российско-американских отношениях, затронуты несколько "болевых точек" постперестроечной России: идейно-политическая протрация руководства страны; укоренение в массовом сознании "второстепенных факторов американского культурно-психологического уклада" (с. 161) и др. Дополнив уже упоминавшиеся размышления о конце "холодной войны", автор обращает внимание на те сожаления, которые высказывают представители американской культуры по поводу исчезновения в лице СССР "интеллектуального противовеса" западному эгоцентризму и меркантилизму (с. 162).

Другие статьи раздела затрагивают отдельные литературоведческие и философские вопросы американской художественной литературы.

Сборники статей, базирующиеся на материалах конференций, имеют свою специфику и собственные им общие недостатки. Прежде всего следует сказать об узости предмета исследования ряда статей, их весьма относительной взаимосвязи с общей темой дискуссии. Имея в виду будущие публикации такого рода сборников, хотелось бы посоветовать их составителям давать краткие сведения об авторах, которых, к сожалению, нет в книге. Приходится отметить технические накладки (с. i, ii, 150–153) и досадные ошибки в датах и именах (с. 74, 97).

Однако со своей главной задачей редколлегия и авторский коллектив успешно справились. Квалифицированный читатель не только получает возможность познакомиться с широким спектром взглядов и прогнозов специалистов относительно состояния и перспектив развития США на рубеже

третьего тысячелетия, но с позиций дня сегодняшнего оценить, насколько они оказались близки к истине.

Н.И. Егорова,
доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник ИВИ РАН

ТОТАЛИТАРИЗМ В ЕВРОПЕ XX в. ИЗ ИСТОРИИ ИДЕОЛОГИЙ, ДВИЖЕНИЙ, РЕЖИМОВ И ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ. М.: Памятники исторической мысли, 1996, 540 с.

Рецензируемая книга¹ принадлежит к наиболее заметным явлениям в современной российской историографии, мимо которого не может пройти ни один профессиональный историк. Это объясняется не столько исключительной актуальностью темы, сколько мастерским подходом авторского коллектива к самой постановке проблемы и путям ее решения.

Термин "авторский коллектив" в данном случае применим условно, поскольку авторы объединены общим знаменателем лишь на уровне "Рабочей гипотезы" (автор Я.С. Драбкин), в соответствии с которой тоталитаризм рассматривается ими как феномен XX в., как политологическая модель, выделяющая методы функционирования и политический инструментарий определенных диктаторских режимов и применимая для анализа лишь с учетом динамики общего исторического процесса, но не в качестве универсальной схемы, накладываемой на реальность отдельных стран. По мнению авторов, общим признаком тоталитаризма является совокупность унитарной идеологии, массового народного движения и жестокого диктаторского, репрессивного режима, стремящегося к тотальному господству над обществом и личностью. Именно это "выделяет тоталитаризм из системы родственных ему авторитарных авторитарных режимов, из которых он может вырасти и в которые может, при наличии определенных условий, преобразоваться" (с. 9).

В остальном авторам предоставлена полная свобода интерпретации, что приводит к ряду "несостыковок" и даже явных противоречий между ними. Однако читатель тем самым как бы вовле-

кается в дискуссию, получает возможность выбора и оценки различных точек зрения и концепций, что в немалой степени способствует уяснению собственных представлений и методологических позиций. Приглашением к дискуссии служит также постановка ряда проблем, остающихся открытыми: авторы, четко и ясно высказавшие свое мнение, далеки от претензий дать ответ на все вопросы.

Предлагаемые ими концепции и взгляды в значительной мере основаны на изучении широкого спектра отечественной и зарубежной исторической, социологической, политологической литературы, а также документов наиболее представительных и интересных конференций и научных семинаров последних лет. Архивный материал представлен значительно меньше, что вполне оправдано с точки зрения концептуально-обобщающего характера книги.

Давно замечено, что наиболее интересные, продуктивные идеи рождаются на стыке наук. Перед нами – историко-политологическое исследование, основанное на принципе историзма и сочетающее в себе прежние и новые подходы к трактовке тоталитаризма. Это сочетание является одновременно и недостатком, и достоинством книги. Недостатком – поскольку лишает монографию некоторой концептуальной цельности, что в общем-то допустимо для книг такого жанра, достоинством – поскольку открывает новые возможности и перспективы в изучении самого феномена. Попытка авторов найти "золотую середину" заслуживает, на наш взгляд, серьезной похвалы, однако делает книгу легкоуязвимой для представителей диаметральных полюсов в современной российской историографии: как ортодоксов, упорно не желающих признавать очевидные факты, так и радикалов, перелистывающих лишь "черные страницы" в российской истории XX в.

Итак, избранный в книге метод решения – проблемно-хронологический: начав с анализа исторических корней тоталитаризма, авторы прослеживают процесс зарождения тоталитарных идеологий, движений и режимов в России, Германии,

¹ Руководители авторского коллектива Я.С. Драбкин, Н.П. Комолова. Авторский коллектив: член-корр. РАН А.О. Чубарьян, Я.С. Драбкин, В.В. Дамье, А.В. Шубин, Н.П. Комолова, М.Б. Корчагина, С.П. Пожарская, Л.Н. Бровко, Е.С. Токарева, В.М. Володарский, Е.П. Красильников, Р.М. Капланов, С.М. Хенкин, А.А. Улунян, А.Л. Семенов.

Италии, авторитарного режима в Испании. Далее следуют главы более общего характера: христианские церкви и тоталитаризм, искусство при тоталитаризме, "война Гитлера" или "война Сталина", "новый порядок в Европе", антифашистское Сопротивление. Третий раздел возвращает читателя к проблематике отдельных стран, но уже с точки зрения преодоления тоталитарных режимов и их последний. Их значительное место отведено анализу особенностей возникновения, развития и кризиса режимов "народных демократий" на Востоке Европы, а также эрозии тоталитарного режима в СССР. В этом же разделе в сжатом виде излагаются концепции краха авторитарного режима в Португалии, демонтажа франкизма в Испании, перехода Греции от режима "черных полковников" к демократии. Специальная глава посвящена праворадикальным движениям в Западной Европе после второй мировой войны. Итоги исследования обобщаются в последней главе "Феномен тоталитаризма". Таким образом, проблематика исследования весьма широка, однако впечатления перенасыщенности материалом или его расплывчатости не создается: каждый из авторов движется в строго заданном русле, определяемом общим замыслом исследования. В этом – явная заслуга руководителей коллектива Я.С. Драбкина и Н.П. Комоловой. Единственное, чего, на наш взгляд, не хватает с точки зрения структуры – это историографического очерка, на который у авторов, по-видимому, не хватило времени или места.

Проблемно-концептуальная насыщенность книги не позволяет даже бегло упомянуть обо всех сюжетах, достойных внимания читателя. Поэтому остановимся лишь на некоторых, кажущихся наиболее проблематичными.

Авторы рассматривают тоталитаризм как состоявшийся феномен именно XX в. Аргументация в пользу этого утверждения достаточно весомая, и мы полностью солидарны с таким подходом: не следует вешать ярлык тоталитаризма на деспотические, тиранические, авторитарные режимы прошлого. Однако вопрос о времени появления тоталитарных режимов в XX в. остается дискуссионным. Так, А.В. Шубин оценивает проводившуюся большевиками в годы гражданской войны политику "военного коммунизма" "как форму тоталитарного режима" (с. 58). При этом делается оговорка, что речь идет о ранней стадии развития, когда тоталитарные институты были еще неустойчивы. Но можно ли отождествлять появление неустойчивых институтов тоталитаризма с формированием режима как такового? Ведь пока еще нет массового народного движения, организационно оформленного в новые тоталитарные структуры, нет и всеохватывающего проникновения режима в ткань гражданского общества, поглощения индивида, тотальной прививки унитарной идеологии, мощного, бюрократического, пирамидального аппарата управления и пр. Так не будет

ли разумнее толковать о сильной тоталитарной тенденции в продолжающемся формировании большевистского государства, нежели усматривать режим там, где его пока еще нет? Тем более что в последующий период, в годы НЭПа эта тенденция заметно ослабла и "первый тоталитарный рывок завершился"? (с. 64)

Попутно зададим автору этого раздела еще один, более частный вопрос: чем объяснить отсутствие в характеристике махновского движения, вводившего "демократические порядки в своей зоне" (с. 61), понятия "анархизм"? И можно ли вообще говорить "о существовании социалистической и демократической альтернативы большевистскому тоталитаризму и белому традиционалистскому авторитаризму" (с. 62) в форме махновского движения, если анархия и демократия – отнюдь не синонимы? В целом же, т.е. в своих основных постулатах, авторская концепция развития большевистской диктатуры в 20–30-е годы существенных нареканий не вызывает.

Продолжая дискуссию об исторических корнях тоталитаризма, авторы обнаруживают их в более (В.В. Дамье) или менее (А.В. Шубин) отдаленном прошлом. Однако рождение тоталитарных режимов напрямую увязывается ими «с назревшими потребностями различных слоев в социально-экономической и социально-политической модернизации общества, т.е. с ускоренным созданием основ индустриальной системы или переходом от одного его этапа к другому. И вместе с тем с условиями, когда "нормальный" процесс осуществления таких преобразований затруднен или невозможен» (с. 506).

В этой формулировке – ключ к осмыслению всей проблемы в целом. Она справедлива по существу применительно к истории тех стран, в которых сложились тоталитарные системы, т.е. России, Германии и Италии, однако ее конкретная расшифровка на материале других стран, также испытывавших потребности модернизации, требует существенных уточнений. Беглое упоминание авторами "нормального" процесса создания основ индустриальной системы наводит на мысль, что эта сторона проблемы умышленно не развернута как не имеющая прямого отношения к теме. Безусловно, это право авторского коллектива. Но в таком случае, на наш взгляд, остается неполной и отчетливая даже однобокой характеристика самого феномена тоталитаризма, поскольку не исследованы тенденции, не переросшие в систему. В 20–30-е годы эти тенденции существовали во многих странах (достаточно вспомнить хотя бы историю Франции, Англии и США), но они не набрали силу и оказались обречены на затухание. Почему? Если бы авторы предложили хотя бы краткий ответ на этот вопрос, который у них безусловно имеется, то стало бы ясно, какие существуют реальные альтернативы тоталитарному типу развития. Изложенного на трех страни-

цах в конце книги мнения В.В. Дамье и Я.С. Драбкина о том, "является ли либерально-парламентская демократия единственной альтернативой тоталитаризму", явно недостаточно. И уж тем более нет никаких оснований заявлять, что такую альтернативу могут создать лишь "те социальные движения и инициативы, которые выступают как носители начал общественной самоорганизации и самоуправления" (с. 531). Этот наивный, слегка романтический и весьма далекий от действительности вывод звучит явным диссонансом серьезности и фундаментальности исследования в целом.

Также дискуссионной представляется постановка авторами вопроса об ускоренном создании основ индустриальной системы в России. По их мнению, "в 20-е годы правящая партия оказалась перед историческим выбором: отказаться от власти, отложить индустриальную модернизацию общества до лучших времен или же попытаться осуществить ее насильственными, форсированными методами" (с. 509), что и было сделано. Однако, как уже отмечалось выше, существовали иные, цивилизованные способы модернизации общества, которые могли быть востребованы в России в условиях политического господства иной, в принципе отличной от большевизма партии, поэтому гипотетический отказ коммунистов от власти вовсе не был бы равнозначен отсрочке модернизации до лучших времен; во-вторых, правящая партия ни при каких обстоятельствах не могла отказаться от власти, ибо это противоречило самому духу большевизма, а иных путей модернизации, кроме насильственных, она не представляла. Поэтому "исторического выбора" перед правящей партией в 20-е годы не стояло: это был алгоритм, заданный с 1917 г.

По существу самих тоталитарных режимов следует отметить, что выделение авторами трех их ключевых элементов представляется вполне обоснованным. И в этой связи возникает ряд соображений. Первое: поскольку идеологический компонент выделен авторами в качестве первой обязательной составляющей тоталитаризма, хотелось бы видеть более емкий ее анализ, особенно менее известной части – фашистской. В "Рабочей гипотезе" ставится вопрос о том, «составимы ли вообще или частично расовая теория и практика нацистов, планы Гитлера о мировом господстве – с одной стороны и извращенная сталинизмом теория и практика классово-борьбы, концепция "мировой революции" – с другой» (с. 10). В такой постановке вопроса невольно напрашивается отрицательный ответ. Однако в этом подходе прослеживается некоторый элемент "германизации" проблемы. А если поставить вопрос иначе, заменив германский нацизм итальянским фашизмом, родившимся раньше, не "страдавшим" расизмом вплоть до "обручения" с Германией во второй половине 30-х годов, ставившим своей целью

осуществление "мировой фашистской революции", выдвигавшим лозунг борьбы "бедных" наций" против "ожиревших плутократий" и т.д.? В таком ключе элементы сходства фашистской идеологии со сталинской интерпретацией марксизма могут быть значительно большими.

Второе. Массовые народные движения на Западе, рассматриваемые авторами в качестве неотъемлемого аспекта тоталитаризма, действительно являлись таковыми, однако они не были и не могли быть "исходно тоталитаристскими" (с. 10). Массовые народные движения на Западе в конце XIX – первой трети XX в. зарождались и развивались преимущественно на основе протеста против усиления произвола капиталистических корпораций. Этот протест облекался в различные идейные и организационные формы, хорошо известные историкам, и далеко не всегда приводил к усилению тоталитарных черт, в большей или меньшей степени присущих массовым движениям тех времен. Напротив, эти движения зачастую отторгали тоталитарную тенденцию, препятствуя укреплению и расширению феномена тоталитаризма как такового. Обычно это происходило в тех случаях, когда усилению корпоративного произвола активно противодействовала либерально-реформистская или социал-реформистская политика государства (США, Англия, Франция и др.). Изучение этой, весьма существенной стороны проблемы осталось вне поля зрения авторов, поскольку, вероятно, не укладывалось в общий замысел книги.

Следующее соображение касается третьего компонента: репрессивного режима и террора, как решающего элемента "в национальной системе манипуляции сознания" (Германия, с. 139), как единственного средства "сохранения стратегии 1929 г." (Россия, с. 79). И эта установка по существу абсолютно верна, но с одной оговоркой: помимо террора и запугивания любой тоталитарный режим опирается в системе господства над обществом и на определенный уровень общественного согласия (консенсуса), формируемого на основе его реальных и мнимых достижений. Было бы неправильно списывать факты массовой поддержки тех или иных действий тоталитарных режимов лишь на счет фанатизма и тотального оболванивания в массовых общественных организациях. Значительный сегмент общественных настроений приходился на долю конформизма, а также осознанной поддержки власти. Этот факт отчетливо просматривается не только в истории фашистской Италии и нацистской Германии, но также и в весьма значительной степени в истории СССР, хотя в соответствующем разделе книги такая проблема даже не обозначена. С другой стороны, итальянский опыт показал, что при тоталитарной системе террора может и не быть, но система тем не менее обретает внутренний потенциал прочности, достаточный для того, чтобы

позволить режиму существовать еще немалый срок даже при неблагоприятных внутренних и внешних факторах. В какой степени тоталитарным режимам удастся подчинить себе гражданское общество (если оно существует), какую эволюцию претерпевает при этом общественное сознание, существуют ли такие критерии и методики исследования, которые позволяют достоверно определить уровень общественного консенсуса и его основные составляющие, – эти и многие другие вопросы пока еще остаются открытыми, и авторы видят эту проблему (с. 532).

Попутно отметим, что изучение тоталитаризма в таком ракурсе, как нам представляется, может быть плодотворным, несмотря на отсутствие столь привычных современному политологу результатов опросов общественного мнения. Ретроспективные исследования умонастроений могут проводиться на основе сравнительного анализа прямых и косвенных данных (документы полиции и оппозиционных, в том числе подпольных, движений, мемуары, официальная и неофициальная статистика, реальные факты, отражающие изменения в умонастроениях масс и т.д.) по отдельным социальным категориям, поскольку социальная политика тоталитарных режимов на деле была диверсифицированной. Общая картина консенсуса, таким образом, может быть восстановлена на основе синтеза результатов, полученных по различным группам.

Точки над "i" не ставятся в книге и в вопросе о степени ответственности тоталитарных режимов за развязывание второй мировой войны. Несколькими яркими мазками авторы обрисовывают облики обоих диктаторов, а также историографическую картину современного состояния проблемы, обращая особое внимание на несостоятельность теорий "превентивной войны" со стороны Гитлера и со стороны Сталина. Оценки этих теорий, как, впрочем, и самих тиранов, тщательно взвешены, глубоко аргументированы, не имеют ничего общего с публицистической задиристостью. Авторские строки, определяющие двойственный характер великой войны (с. 272), насыщены искренней горечью и подлинным патриотическим пафосом. Емко очертив проблему, авторы предлагают и методику ее дальнейшей разработки: вопреки упрощенной "концепции тоталитаризма", толкующей этот феномен как панacea в объяснении причин возникновения войны, искать их объяснение "на путях дифференцированного анализа исторической реальности, которая сложилась в тех двух странах, где у власти стояли похожие, но вовсе не идентичные диктаторские режимы, а также в полной мере учитывать общий исторический фон" (с. 264).

Эта установка служит одной из составляющих в обосновании общего вывода книги о том, что понятие "тоталитаризма" "не пригодно для универсального объяснения событий и явлений истории. В том числе и в XX столетии" (с. 499). Этот вывод

звучит весьма парадоксально, поэтому хотелось бы все-таки уточнить: универсального значения понятие "тоталитаризм" (как и подавляющее большинство однородных научных понятий) конечно не имеет и иметь не может, но политологическая модель тоталитаризма, в продуктивности которой сильно сомневаются авторы, является весьма эффективным инструментом в руках историка: не будучи абсолютизированной, она помогает понять и объяснить очень многое в XX в. Рецензируемая книга – лучшее тому подтверждение. Вольно или невольно, на основе конкретного анализа авторы не только вывели эту модель, но и продемонстрировали пример ее блестящего применения для обобщения материала.

Не менее дискутируемая среди современных историков тема – появление новых режимов тоталитарного типа в странах Восточной Европы после второй мировой войны. Ее ключевой вопрос – о соотношении внутренних и внешних факторов в определении характера социально-экономического и политического развития этих стран. Авторы соответствующего раздела монографии (Н.П. Комолова, А.В. Шубин) дают осторожную оценку этому соотношению, в частности утверждая, что "наличие у коммунистических движений значительной опоры позволяет говорить не только о внешнем вмешательстве и верхушечных переворотах, но и о социальной революции" (с. 390). Авторы в полной мере учитывают фактор силы в лице советских войск, а также идеологические и геополитические интересы сталинского режима. В этой связи уместно было бы, на наш взгляд, лишь более отчетливо подчеркнуть, что именно эти интересы в решающей степени определяли выбор тех стран Восточной Европы, где освободительное движение не было столь мощным, как, например, в Югославии.

Анализ феномена тоталитаризма выглядел бы неполным, если бы в нем не был вскрыт механизм внутренней эрозии режимов. Этот процесс прослежен на всех его этапах: накопление имманентно присущих тоталитарным структурам противоречий еще в ходе их становления; постепенное превращение в институты авторитарной системы; лавинообразное, необратимое нарастание элементов кризиса в завершающей фазе и, наконец, крушение. Большинство авторов связывают крах тоталитарных структур в СССР и странах Восточной Европы "с исчерпанием этими режимами их модернизаторских потенций" (с. 525). Особняком выделяется мнение А.В. Шубина, связывающего крушение режимов "с кризисом индустриализма и ростом элементов гражданского общества" (с. 525). Далее на суд читателя выносятся мнения о характере самого кризиса "соцсистемы", принадлежащие Я.С. Драбкину, В.В. Дамье, А.В. Шубину. Не вдаваясь в существо полемики, поскольку для этого пришлось бы тезисно излагать позицию каждого, отметим, что высказанные ими точки

зрения не носят антагонистического, несовместимого характера. Напротив, нам представляется, что истину следует искать на пути их синтеза, аккумулируя и шлифуя таким образом все или почти все грани того многофакторного процесса, который мы называем кризисом тоталитарных структур.

Вне поля зрения авторов не остались и события 90-х годов в России, в оценке которых проявилась не только научная, но и гражданская позиция. Так, А.В. Шубин считает, что в начале 90-х годов часть правящего слоя демонстративно перешла в оппозицию КПСС, что означало "начало конца гражданской революции. Теперь борьба против КПСС велась ради раздела и передела власти и собственности между двумя кланами номенклатуры... Победа одного из этих кланов в августе 1991 г. привела к распаду СССР, после чего были постепенно парализованы демократические структуры на местах, осуществлено подчинение экономики номенклатурному и теневому капиталу и ее структурная перестройка в их интересах, а в ходе переворота сентябрь–октября 1993 г. ликвидирована полицентричность власти" (с. 494). Можно с большой долей уверенности предположить, что

многие штатные и внештатные политологи из интегрированных в систему нынешней квазиавторитарной власти пытаются оспорить этот вывод, верный по существу, но требующий веской аргументации.

Подводя итоги исследования, авторы приходят к выводу, что "тоталитаризм XX в. представляет собой серьезную общественную тенденцию, которую опасно недооценивать" (с. 520). Система власти, опирающейся на неприкрытое насилие, еще имеет немало адептов в современном обществе, укоренена в сознании, чаяниях и интересах различных общественных слоев. В этой связи авторы выражают мнение, что реальную альтернативу тоталитарным тенденциям могут создать лишь "те социальные движения и инициативы, которые выступают как носители начал общественной самоорганизации и самоуправления" (с. 531).

И в заключение – о самом главном: тираж книги в 750 экземпляров делает ее труднодоступной для всех тех, кому она столь необходима.

Л.С. Белоусов,
к.и.н., доцент исторического факультета МГУ

Д. М. Туган - Барановский. НАПОЛЕОН И ВЛАСТЬ (ЭПОХА КОНСУЛЬСТВА). Балашов: изд-во БГПИ, 1993, 304 с.

После завершения торжеств по поводу 200-летия Французской революции XVIII в. в нашей исторической науке на какое-то время наступило пресыщение этой тематикой, когда интенсивность ее разработки заметно снизилась. Но период спада оказался, к счастью, непродолжительным, и сейчас мы являемся свидетелями нового оживления интереса к сюжетам истории Революции, изучение которых имеет у нас в стране давние и прочные традиции. Первыми инициаторами активизации исследований стали ученые из университетских городов областей России. В первой половине 90-х годов в Волгограде, Новосибирске, Брянске появился ряд серьезных и оригинальных работ о революционной истории Франции XVIII в. К ним принадлежит и монография д.и.н., профессора, заведующего кафедрой новой и новейшей истории Волгоградского университета Д.М. Туган-Барановского¹.

Казалось бы, что можно сказать нового о Наполеоне после того, как многие выдающиеся историки, и среди них наши замечательные соотечественники Е.В. Тарле и А.З. Манфред, посвятили ему свои труды? Оказывается, можно. Ведь в этой книге речь идет не столько о личности французского императора, сколько о том, как создавалась и действовала сложная, но весьма эффективная машина государственного принуждения, которую позднее назвали "бонапартистским режимом".

Используя широкий круг самых разных источников из Российского центра хранения и изучения документов новейшей истории, Архива внешней политики Российской империи МИД РФ, а также некоторые документы из Национального архива Франции, Д.М. Туган-Барановский подробно проанализировал состояние французского общества накануне брюмерянского переворота. Книга состоит из введения и шести глав: "От Директории к брюмеру"; "Переворот 18 брюмера и общественное мнение Франции", "Государственные реформы и преобразования начала консульства", "Эволюция госструктуры", "Социальная политика Наполеона в годы консульства", "Осо-

¹ См. также: *Туган-Барановский Д.М.* "Люшадь, которую я пытался обуздать". Печать при Наполеоне. – Новая и новейшая история, 1995, № 3.

бенности бонапартистской идеологии", а также заключения и примечаний.

Автор показывает полную неспособность термидорианского режима обеспечить социальную стабильность в стране. Во главе государства стояли люди, давно утратившие былую популярность в среде избирателей и сохранявшие власть при помощи грубых нарушений своей же конституции после каждых выборов, приносивших успех то сторонникам монархии, то приверженцам якобинской диктатуры. Такая неустойчивость режима пугала как мелких, так и крупных собственников, сдерживая их хозяйственную инициативу и соответственно препятствуя нормальному ходу экономической жизни. Потому-то в либеральных кругах примерно с 1797 г. начинается движение за "ревизию" конституции в пользу усиления исполнительной власти. Нужно было только найти человека, имевшего организационные возможности и политическую волю, чтобы эту "ревизию" осуществить.

Таким образом, автор монографии раскрывает причины сравнительно легкого успеха, которым увенчался переворот 18 брюмера, не встретивший в обществе практически никакого сопротивления. Термидорианская политическая элита фактически добровольно передала Бонапарту бразды правления, уйдя в тень, но сохранив за собой доходные места в государственном аппарате. Это автор убедительно демонстрирует на основе социального анализа состава высших государственных органов периода Консульства. Так, из 100 членов Трибунала 22 прежде являлись депутатами Конвента, а 66 – законодательных Советов времен Директории. Из 300 членов Законодательной ассамблеи 277 ранее входили в состав предыдущих законодательных собраний Революции (с. 127–128).

Значительное место в книге отведено описанию механизма функционирования государственной власти в 1799–1804 гг. Автор во всех деталях рассматривает созданную в тот период систему административного управления, устройство и задачи центральных государственных органов, а также регулирующие их деятельность конституционные акты. Большое внимание уделено финансовой и судебной реформам, преобразованию системы гражданского права, аграрной и социальной политике. Все это, помимо прочего, делает монографию Д.М. Туган-Барановского ценным справочным пособием для преподавателей и студентов вузов, как и для всех изучающих историю наполеоновской Франции.

Вместе с тем хотелось бы высказать некоторые замечания. Определив для себя в качестве методологической основы "оценки и характеристики, содержащиеся в трудах К. Маркса, Ф. Эн-

гельса и В.И. Ленина" (с. 28), автор порою явно сталкивается с тем, что собранный им обширный материал с трудом поддается объяснению в рамках избранной схемы. Пытаясь в соответствии с ее требованиями непременно привязать действовавшие в то время политические силы к определенной классовой базе, исследователь иногда приходит к довольно противоречивым выводам. Так, в заключении утверждается, что бонапартистский режим "был направлен главным образом против пролетарских масс и демократических слоев, чьи интересы выражали якобинцы и бабувисты" (с. 252), хотя в самой работе не раз убедительно показано, что якобинская "партия" состояла из достаточно узкого круга профессиональных заговорщиков, в основном из числа бывших функционеров Революционного правительства 1793–1794 гг., и не пользовалась поддержкой широких слоев населения (с. 120–122, 211–212, 255).

Едва ли правомерно также ограничивать социальную опору бонапартистского режима только "буржуазией и собственническим крестьянством" (с. 255), тем более что ранее автор продемонстрировал, как лозунгом "объединения нации" и тонкой социальной политикой Наполеон сумел привлечь себе поддержку практически всех слоев французского общества, включая городской плебс и значительную часть старой землевладельческой знати (с. 206–212).

Впрочем, автор использует и понятия, принятые в современной политологии Запада, хотя делает это не всегда с одинаковым успехом. Например, вызывает большие сомнения характеристика наполеоновской Франции как тоталитарного государства (с. 255). Согласно наиболее часто употребляемому в политической науке определению, к числу системообразующих признаков тоталитаризма, в частности, относятся: наличие партии, обладающей монополией власти, и государственная идеология, которой подчинены все виды деятельности общества, в том числе в сфере экономики². И если с некоторой долей условности мы еще можем признать, что нечто подобное имело место при якобинской диктатуре, то уж в эпоху Консульства ни о чем таком, разумеется, не было и речи.

Однако все эти соображения не принимают высокие достоинств работы Д.М. Туган-Барановского, которая, несомненно, стала заметным явлением в российской историографии Французской революции XVIII в.

А.В. Чудинов,
доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Института всеобщей истории РАН

² См., например: Арон Р. Демократия и тоталитаризм. М., 1993, с. 230–231.

М. М. Фрейденберг. ЕВРЕИ НА БАЛКАНАХ НА ИСХОДЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ. М.–Иерусалим: изд-во "Гешарим", 1996, 239 с.

Автор книги – в прошлом зав. кафедрой государственного университета в Твери, ныне сотрудник Тель-Авивского университета – известен исследованиями в области истории западнобалканских земель в средневековье и новое время. Ранее им опубликован ряд статей по узловым вопросам освещаемой в монографии проблематики.

Это первый обобщающий труд в литературе на русском и других славянских языках по истории балканских евреев эпохи перехода от средневековья к новому времени, охватывающей XIII–XVIII вв. Да и на западноевропейских языках лишь недавно появилась единственная работа, подводящая итог изучения истории сефардских евреев на Балканах за последние десятилетия¹. К тому же большая часть книги относится к XIX–XX вв.

Правомерна структура рассматриваемого труда, разделенного на главы, посвященные в основном отдельным субрегионам. В главе первой "В словенских землях" автор обрисовал жизнь евреев в пограничных между Юго-Восточной и Центральной Европой областях Штирии, Каринтии и Крайны с их появления в XIII в. до изгнания Габсбургами в начале XVI в. Как и почти все другие разделы, глава и ее стержневые страницы о Мариборской общине носят в немалой степени исследовательский характер. Она вместе с тем может рассматриваться и как вводная глава, поскольку в ней дается сравнительно широкая картина истории евреев на большом пространстве.

Во второй главе "На Адриатическом побережье" прослеживается судьба евреев Задара, Шибеника и других далматинских городов. Особенно детально показана деятельность еврейской общины Сплита – функционирование школы, благотворительных организаций. Охарактеризована роль сплитских евреев в транзитной торговле с находившимися под властью султана балканскими землями, занятость некоторых представителей общины не только торговлей, но и разными видами ремесла, изготовлением одежды для нужд армии и сельских потребителей.

Глава третья "В Дубровнике" – одна из лучших в книге. Автор – знаток истории Дубровника и других далматинских городов. В 1989 г. в Москве опубликована вторым изданием его монография "Дубровник и Османская империя"². Превосходно владея материалом источников и литературой, он открывает главу небольшим, но содержательным историографическим экскурсом (с. 88–92). Далее перед читателем раскрывается процесс возникновения и развития еврейской

общины, ее роль в балканской экономике. В отдельных параграфах освещено устройство общины (роль большого и малого советов), взаимоотношения евреев с дубровницким обществом и остальным окружающим миром. Даны портреты лучших умов общины – врача Амагуса Лузитануса, поэта, писавшего на латыни под псевдонимами Дидак Пирр и Яков Флавий, раввина-мыслителя Аарона Козна (с. 112–120).

Линия на создание портретов деятелей различных еврейских общин, которой автор неуклонно и удачно придерживается, начиная с первой главы, продолжена и развита в четвертой главе "Между Венецией и Балканами". В центре ее – колоритная фигура дипломата и организатора-предпринимателя Даниэля Родриги (1530?–1609). Приобретя опыт коммерческой деятельности в Анконе и Дубровнике, Родрига установил также тесные контакты с Венецией и османскими "официалами" в Боснии. Совершая частые челночные поездки на Балканы и обогатившись знанием местных языков и действительности, Родрига стал незаменимым посредником в сношениях Венеции с османскими властями.

Глава пятая "В боснийских, сербских и хорватских землях" – наиболее обширная по тематике и по объему. Возможно, решение автора – объединить в ней характеристику еврейской жизни трех субрегионов не бесспорно. В главе прослежены особенности еврейских общин крупнейших центров названных земель: в частности, в Сараеве среди наиболее распространенных социальных типов были ремесленники, занимавшиеся пошивом одежды и обуви, ткачеством и крашением, в Белграде – торговцы и лудильщики, в Воеводине наряду с ремесленниками и купцами наблюдались арендаторы, иногда принимавшие вопреки запрету участие в земледелии. В хорватских же землях часто встречался тип мелкого торговца-коробейника ("хаусирера") и маркитанта (в Военной Границе).

Закономерен в труде завершающий раздел "Кое-что о болгаро-македонском еврействе", включенный в виде приложения. В нем в сжатом виде обрисована жизнь евреев Охрида, Скопье и Монастира (Витоля). В центре раздела правомерно находится еврейское население Салоник: уже в середине XVI в. в городе насчитывалось около 20 тыс. евреев, объединенных в 21 общину (с. 206). Автор показывает, что в то время Салоники превратились в крупнейший центр сефардского еврейства, в метрополию средиземноморского и балканского еврейства, став средоточием коммерческой и ремесленной его активности и мировым очагом еврейской учености. Даются краткие портреты некоторых наиболее видных интеллектуалов (с. 202–204, 207). Среди них писатель и ученый Шмуэль де Медина (1506?–1589),

¹ *Esther B., Aron R. Juifs des Balkans espaces judeo ibérique XIV-e – XX-e siècles. Paris, 1993.*

² *Фрейденберг М.М. Дубровник и Османская империя. М., 1989.*

прославившийся под именем Рашдам, основатель Салоникской академии; математик и астроном, раввин Элияху Мизрахи, опубликовавший ряд книг. Получил широкую известность его учебник по математике, изданный в 1536 г. на латыни в Базеле. Можно лишь сожалеть, что характеристике еврейского населения чисто болгарских земель османского периода автор уделил всего одну страницу (с. 205).

Важное научное достоинство труда – сравнительный анализ особенностей жизни, быта, повседневных занятий, правового положения, социальной и демографической структуры, типов самоорганизации еврейского населения различных субрегионов Балкан.

Работа написана живым языком. Она удачно сочетает в себе черты научного исследования и учебного пособия. Книга имеет гриф "Учебная библиотека Еврейского университета в Иерусалиме".

Научный аппарат в книге в целом соответствует поставленным задачам. Кроме многочисленных примечаний к отдельным разделам, имеется библиография новейшей литературы по проблематике на разных языках (с. 227–236). Вероятно, ее можно было бы расширить³. К примеру, почти полностью отсутствуют в библиографии соответствующие исследовательские труды болгарских историков⁴.

В учебном пособии, рассчитанном на неподготовленного читателя, нет карт, встречаются в

нем немногочисленные редакционные погрешности. Например, на с. 16 реки Сава и Драва, впадающие в Дунай с юга и запада, названы "северными притоками".

В любом сводном труде, в особенности подготовленном на начальной стадии сравнительно-исторического анализа проблемы, неизбежны диспропорции и недостатки в освещении отдельных тем. Не лишена этого и рассматриваемая книга. Можно было бы пожелать в ней более убедительного освещения некоторых сквозных тем, как, например, особенности и динамика отношений между общинами ашкеназов, сефардов и романьотов в разных землях и др. Вероятно, в отдельных местах можно пожелать большей взвешенности и нюансировки – с более основательным учетом исторической эволюции в оценках положения еврейского населения Османской империи (см., например, с. 15, 206 и 155–156, 214, 219–221, 223–224).

Еще раз подчеркнем: труд М.М. Фрейденберга дает обстоятельную картину реальной жизни еврейских общин балканских земель в XIII–XVIII вв. во всем ее многообразии. Книга хорошо оформлена – издана на хорошей бумаге, с иллюстрациями.

М.А. Бирман,
доктор исторических наук,
Тель-Авивский университет

³ Интересующийся читатель может обратиться, в частности, и к названному выше труду Б. Эстера и Р. Арона. В нем имеется большая библиография.

⁴ В болгарской историографии последних десятилетий имеются содержательные исследования по рассматриваемой теме Е. Ешкенази, И. Москона, С. Панова и др. Особо следует назвать книгу "Проучвания за историята на еврейското население в българските земи" XV–XX вв. София, 1980.

S. Karner. IM ARCHIPEL GUPVI. KRIEGSGEFANGENSCHAFT UND INTERNIERUNG IN DER SOWJETUNION 1941–1956. Wien-Muenchen: Oldenburg Verlag, 1995, 269 S.; "GEFANGEN IN RUßLAND". Die Beitrage des Symposions auf der Schallaburg 1995. Hrsg. S. Karner. Graz – Wien: Selbstverlag des Ludwig Boltzmann-Instituts fuer Kriegsfolgen-Forschung, 1995, 368 S.

С. Карнер. В АРХИПЕЛАГЕ ГУПВИ. ВОЕННЫЙ ПЛЕН И ИНТЕРНИРОВАНИЕ В СССР 1941–1956 гг. Вена–Мюнхен, 1995, 269 с; "ПЛЕНЕНЫ В РОССИИ". Издатель С. Карнер. Грац – Вена, 1995, 368 с.

История плена в СССР в 1941–1956 гг. военнослужащих вермахта традиционно привлекает к себе интерес как бывших военнопленных, так и немецких и австрийских исследователей¹. По мнению профессора университета Граца и руководителя австрийского института Людвиг Больцмана по изучению последствий войн доктора С. Карнера, проблема плена сейчас более интенсивно и успешно разрабатывается в Австрии, а не в ФРГ. Ее исследование находится в центре внимания института Людвиг Больцмана.

Две публикации этого института, подготовленные С. Карнером к 50-летию окончания второй мировой войны, "В Архипелаге ГУПВИ" и "Пленены в России" объединяет не только общая тематика и широкая источниковая база, но и сочетание "устной истории", основанной на воспоминаниях бывших военнопленных, и исследований,

базирующихся прежде всего на новых документах из российских архивов.

Источниковую основу обеих работ образуют как находящиеся в Москве документы центральных архивов нашей страны: Архива внешней политики (АВП России), Государственного Архива (ГАРФ), Центра хранения историко-документальных коллекций (ЦХИДК), Российского государственного военного архива (РГВА), так и акты из архивов тех областей, где находились лагеря военнопленных. К комплексу документов ЦХИДК примыкает архив немецких военнопленных, насчитывающий сотни тысяч дел, включающих личные документы, солдатские книжки, письма, семейные фотографии многих солдат и офицеров германской армии, которые были в советском плену. В книге "Пленены в России" использованы также материалы Национального архива США в Вашингтоне, Архива ООН в Нью-Йорке, Госархива Австрии – Архива республики, Архива министерства внутренних дел Австрии, Военного архива в Вене, института Людвиг Больцмана и других европейских хранилищ.

Книга "Пленены в России" представляет собой сборник докладов австрийских, американских, германских и российских исследователей на симпозиуме в Шалабурге (Австрия) в 1995 г. В авторский коллектив входят: сотрудник Госархива Австрии – Архива республики Г. Артл², сотрудник Института Мира в Вашингтоне (США) Э. Шмидл³, руководитель отдела министерства внутренних дел Австрии Х. Вагнер⁴, научные со-

¹ *Ruehle O.* Genesung in Jelabuga. Autobiographischer Bericht. Berlin, 1961; Die deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges. Hrsg. Erich Maschke. (Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen in der UdSSR: Bd. II–VIII) Muenchen – Bielefeld, 1965 ff.; *Emendoerfer M.* Rueckkehr an die Front. Erlebnisse eines deutschen Antifaschisten. Berlin, 1972; *Seydlitz W.* Stalingrad – Konflikt und Konsequenz. Oldenburg, 1977; *Konsalik H.G.* Der Arzt von Stalingrad. Muenchen, 1981; *Frieser K.-H.* Krieg hinter Stacheldraht. Die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion und das "Nationalkomitee Freies Deutschland". Mainz, 1981; *Lang M.* Stalins Strafjustiz gegen deutsche Soldaten. Die Massenprozesse gegen deutsche Kriegsgefangene in den Jahren 1949 und 1950 in historischer Sicht. Herford, 1981; *Eildermann W.* Die Antifaschule. Erinnerungen an eine Frontschule der Roten Armee. Berlin, 1985; *Einsiedel H.* Tagebuch der Versuchung 1942–1950. Frankfurt a.M. – Berlin – Wien, 1985; *Lehmann A.* Gefangenschaft und Heimkehr. Deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion. Muenchen, 1986.

² Статья: "Военные аспекты конца войны в Нижней Австрии".

³ Статья: "Между войной и миром".

⁴ Статья: "Отдел австрийского федерального министерства внутренних дел по поиску пропавших без вести, Вена".

трудники института Людвиг Больцмана Э. Енгельке⁵, С. Карнер⁶, Х. Кнолль⁷, Б. Макс⁸ (все – Австрия), директор ГАРФ С.В. Мироненко⁹, замдиректора ГАРФ В.А. Козлов¹⁰, научный сотрудник ГАРФ М.А. Колеров¹¹, спикер объединения бывших советских военнопленных в Германии В. Переладов¹², зампредседателя совета научно-информационного и образовательного центра "Мемориал" Н.В. Петров¹³, руководитель исследовательского направления "Устная история" Российского государственного гуманитарного университета И. Щербакова¹⁴, руководитель отдела внешних сношений Росархива В.П. Тарасов¹⁵ (все – Россия), директор Института архивного дела, бывший военнопленный в СССР Г. Вагенленер (ФРГ)¹⁶, исполнительный директор американо-российской комиссии по военнопленным и пропавшим без вести Дж. Коннелл (США)¹⁷, профессор американистики вестфальского Вильгельмс-университета в Мюнстере (ФРГ) американец Р. Доил¹⁸.

Концепция книги основана на комплексном изучении проблемы военного плена австрийцев в России – статистических данных и архивов, условий плена, работы военнопленных, их морально-психологического состояния, политических настроений, процессов против военных преступников из пленных, их судеб в СССР и репатриации на родину. С. Карнер отмечает, что с 1941 по 1956 г. в советском плену бывали около 2,3 миллиона немцев и около 150 тыс. австрийцев (с. 11, 14).

Общее число иностранцев, военнопленных и гражданских, подданных более 30 государств, находившихся в лагерях в СССР в эти годы, было около 4 миллионов человек (с. 14, график 1).

Особо следует отметить опубликованные в книге материалы о положении американских и советских военнопленных. Как отмечает С. Карнер, «из примерно 5,7 миллиона советских военнопленных в руках нацистов больше половины не пережили плена. Более 2 миллиона из них не пережили первого года плена, были убиты или умерли от голода. Примерно 2,4 миллиона выживших ждали в СССР под лозунгом "Родина ждет вас, негодяи!"» (с. 10). Эти люди попали в лагерь ГУЛАГа и ГУПВИ.

Если аббревиатура ГУЛАГ благодаря А.И. Солженицыну известна всему миру¹⁹, то об "Архипелаге ГУПВИ" – лагерь Управления (в дальнейшем – Главного управления) по делам военнопленных и интернированных НКВД–НКГБ–МГБ–МВД СССР известно не многим²⁰. Монография С. Карнера "В Архипелаге ГУПВИ" – первое опубликованное на Западе фундаментальное исследование этой темы. Книга включает предисловие, введение, три главы – "Пленники Архипелага ГУПВИ", "В Архипелаге ГУПВИ", "Скоро домой" и справочно-библиографический раздел.

Особое внимание С. Карнер уделяет своим землякам – австрийцам, а также немцам. Повествование автор начинает с постановки проблемы международно-правового положения военнопленных, однако подробного анализа позиции советского руководства по этой проблеме он не дает²¹. В первой главе австрийский историк пишет и о трагических судьбах русских казаков, воевавших на стороне вермахта. Завершает главу сюжет об эвакуации немецких и австрийских пленных в советский тыл. Отдельные документы, приведенные автором, впечатляют: в телеграмме начальнику УПВИ генерал-лейтенанту А.И. Петрову констатируется, что из 8007 пленных, поступивших в лагерь № 127 в Прокопьевске с 4 по 13 марта 1943 г., к 1 мая 1943 г. умерло 6189 человек; на 1526 человек, скончавшихся в пути следования, никаких сведений не имеется. Причиной гибели большинства пленных была дистрофия, жертвой которой стали 4326 человек

⁵ Статья: "Жители Нижней Австрии в советском плену".

⁶ Статья: "Введение: плен на войне".

⁷ Статья: "Австрийские военнопленные и интернированные в СССР".

⁸ Статья: «Американские военнопленные в "шталаге XVII-B" Кремс-Гнейксендорф».

⁹ Статья: "Документы ГАРФ об иностранных военнопленных второй мировой войны".

¹⁰ Статья: "Политические настроения немецких военнопленных и осужденных за военные преступления в 1944–1955 гг."

¹¹ Статья: "Использование труда военнопленных и интернированных в СССР (1946–1950 гг.)".

¹² Статья: "Из немецкого плена в советский ГУЛАГ".

¹³ Статья: "Немецкие военнопленные в руках сталинской юстиции".

¹⁴ Статья: "Об арестах и обстоятельствах интернирования в советской оккупационной зоне Германии (1945–1950 гг.)".

¹⁵ Статья: «Российские архивы и их фонды по теме "Военный плен"».

¹⁶ Статья: "Сопровождение в советских лагерях для военнопленных".

¹⁷ Статья: "Работа американо-российской комиссии по военнопленным и пропавшим без вести".

¹⁸ Статья: "Бегство из плена военнослужащих США и армий союзников в Европе".

¹⁹ *Солженицын А.И.* Архипелаг ГУЛАГ. Москва, 1989.

²⁰ См. об этом: *Chavkin B.* Deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion. – *Europäische Sicherheit.* Hamburg – Bonn, 1995, № 11; *Конасов В.Б.* Судьбы немецких военнопленных в СССР. Вологда, 1996.

²¹ См. об этом: *Конасов В.Б., Терещук А.В.* Международно-правовое положение немецких военнопленных в СССР. – Новая и новейшая история, 1996, № 2.

(с. 41). Однако автор не приводит документов, дающих представление об общей смертности военнопленных солдат и офицеров вермахта, главной причиной которой были болезни и хроническое недоедание. Следует подчеркнуть, что советское мирное население зачастую не получало и того скудного пайка, которым обеспечивались пленные: от голода страдали все.

Вторая глава посвящена различным сторонам жизни узников ГУПВИ. Автор отмечает, что царивший в первые месяцы после нападения Германии на СССР хаос созданной в 1939 г. системы лагерей для военнопленных сменился строгим порядком. По постановлению ГКО СССР от 27 декабря 1941 г. были созданы спецлагеря для проверки освобожденных из плена и выходящих из окружения красноармейцев. После Сталинградской битвы и пленения около 91 тысячи немецких солдат была расширена сеть объектов ГУПВИ, которых ко времени ликвидации архипелага в 1953 г. насчитывалось около 5000: приемные и сборные пункты военнопленных, фронтовые приемно-пропускные лагеря, рабочие и особые рабочие батальоны, сборные и пересыльные лагеря, особые объекты, специальные лагеря, госпитали и т.д.²²

Останавливаясь на антифашистском движении и деятельности Национального Комитета "Свободная Германия" (с. 94–104), автор приводит интересные сведения об участии пленных в антифашистской работе после капитуляции Германии, о настроениях среди пленных австрийцев. Тема "лагерная культура" иллюстрирована архивными фотографиями. В Москву с мест, как правило, представлялись отчеты, выдержанные в "розовых тонах". На фото пленные музицируют, занимаются спортом, ставят самодеятельные спектакли.

Наиболее подробно освещает автор трудовое участие военнопленных в восстановлении народного хозяйства СССР²³. Основываясь на докладе министра внутренних дел С.Н. Круглова, С. Карнер отмечает, что с 1943 по 1949 г. военнопленные отработали в общей сложности 1 077 564 200 человеко-дней и произвели продукции почти на 50 млрд. руб. По подсчетам автора, немцы и

австрийцы внесли в копилку советского государства около 38 млрд. руб. "Практически нет ни одного промышленного объекта, ни одной стройки послевоенного времени, на которых бы не использовался труд немецких и австрийских граждан" (с. 130). При важности приведенных цифр и фактов подчеркнем, что именно военнослужащие вермахта нанесли СССР тот колоссальный ущерб, часть которого они вынуждены были восстанавливать своим трудом.

В третьей главе, отмечая, что русские слова "скоро домой" знали все обитатели лагерных бараков, автор приводит сведения о числе репатрированных военнопленных в разные годы. Всего из советского плена в Германию вернулось 1 959 000 (с. 204), а в Австрию – 120 619 человек (с. 195). Подробно рассматривая вопрос о судебных процессах над военнопленными и интернированными, автор считает, что большинство из них не выдерживает критики с юридической точки зрения. В настоящее время в России идет работа по реабилитации иностранных граждан, осужденных в годы сталинского режима²⁴, однако это не означает, что все осужденные в СССР как военные преступники иностранцы не совершали преступлений и были безвинными жертвами.

"Время военного плена все еще окутано ореолом секретности", – отмечает австрийский историк (с. 8). Действительно, история немецких и австрийских военнопленных в СССР, как и история советских военнопленных в "третьей рейхе" еще недостаточно изучена. Объективное исследование этой проблемы могло бы способствовать преодолению прошлого, примирению и взаимному пониманию между народами Германии, Австрии и России.

Новое в решение этой задачи вносят работы С. Карнера и возглавляемого им института.

В.Б. Конасов,
кандидат исторических наук, доцент Вологодского
института повышения квалификации
педагогических кадров,

Б.Л. Хавкин,
кандидат исторических наук, редактор отдела
журнала "Новая и новейшая история"

²² *Karner S. Verlorene Jahre. Deutsche Kriegsgefangene und Internierte im Archipel GUPWI. – Kriegsgefangene-военнопленные. Duesseldorf, 1995, S. 59–65.*

²³ См. также: *Karner S. Fuer Ruestung und Wiederaufbau. – Kriegsgefangene-военнопленные, S. 72–76*; Российский исследователь В.П. Галицкий приводит иные данные: с 1943 по 1950 г. военнопленными всех национальностей выработано 1,077 млрд. человеко-дней: *Галицкий В.П. Немецкие военнопленные в восстановлении хозяйства СССР. – Вторая мировая война и преодоление тоталитаризма. Москва, 1997, с. 63, 69.*

²⁴ Свидетельством этого явилась реабилитация в России 23 апреля 1996 г. бывшего вице-президента Союза немецких офицеров генерала артиллерии вермахта Вальтера фон Зайдлица, осужденного в СССР в 1950 г. на 25 лет тюремного заключения за якобы совершенные им военные преступления. Письмо главной военной прокуратуры РФ о реабилитации Зайдлица см.: Национальный Комитет "Свободная Германия" и Союз немецких офицеров. Красноярск, 1996, с. 247.

И.А. Аггеева. ОТ "ЛИБЕРАЛЬНОГО" К "ПРОГРЕССИВНОМУ" КОНСЕРВАТИЗМУ (КОНСЕРВАТИВНАЯ ПАРТИЯ КАНАДЫ В 40-е – НАЧАЛЕ 60-х ГОДОВ XX в.). М.: ИВИ РАН, 1996, 212 с.

"Прогрессивно-консервативная" – так официально звучит название партии, долгое время игравшей важную роль на политической сцене Канады. Автор стремится ответить на вопросы – что в действительности стояло за сменой названия, какую эволюцию претерпели идеологические и политические консервативные принципы, как удалось реформировать партийную организацию и приспособиться к динамично меняющейся социально-экономической жизни страны. В результате этих усилий премьер-министром стал Джон Дифенбейкер, консерватор нетрадиционных взглядов, одержавший одну из наиболее ярких побед в истории канадских выборов.

А.С. Балезии. ЦИВИЛИЗАТОРЫ В СТРАНЕ ДИКРЕЙ? ФОРМИРОВАНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ НЕМЕЦКОЙ ПОСЕЛЕНЧЕСКОЙ ОБЩИНЫ В ЮГО-ЗАПАДНОЙ АФРИКЕ / НАМИБИИ. 1814–1990. М.: ИВИ РАН, 1996, 284 с.

Монография представляет собой первое в мировой науке сквозное исследование истории немецкой поселенческой общины в Юго-Западной Африке – Намибии с истоков в 1814 г. до получения страной независимости в 1990 г. Основными источниками послужили архивные материалы из Намибии и Германии, а также материалы полевых исследований автора в Намибии. Немецкие поселенцы в Юго-Западной Африке – Намибии рассматриваются в контексте многорасового колониального общества. Автор стремится показать их объективную роль в истории страны и возможности найти свое место в условиях демократизации и создания гражданского общества в новой Намибии.

ДЕМОКРАТИЯ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ XX ВЕКА. М.: ИВИ РАН, 1996, 208 с.

Представляемый читателю сборник статей, членами редколлегии которого являются М.М. Наринский (отв. ред.), А.Г. Судейкин, А.Б. Чернов, подготовлен сектором политической истории XX в. В нем освещаются самые различные аспекты развития демократии в Западной Европе: изменение понимания демократии, подход к демократии некоторых политических деятелей и политико-идеологических течений, эволюция демократических институтов разного уровня, соотношение политической и социальной демократии.

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ: ИСТОРИКИ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ. М.: ИВИ РАН, 1996.

В книге, членами редколлегии которой являются Л.П. Репина (отв. ред.), В.В. Согрин и Д.А. Модель (отв. секр.), исследуется проблема "историк и современное общество". Перед читателем предстает галерея творческих портретов ряда выдающихся историков XX в., проживших долгую жизнь в науке и работавших в разных странах, при демократических и тоталитарных режимах (в США, Великобритании, Франции, Италии, Швеции, Германии, СССР и др.). Развитие и смена научных концепций, подходов, интерпретаций, проблематики исследований рассматриваются в контексте личных судеб и общественных процессов, сквозь призму индивидуального восприятия и профессионального осмысления социально-политических коллизий бурного новейшего времени и мощных интеллектуальных вызовов эпохи, которые требовали пересмотра опыта предшествовавших поколений историков и поиска новых путей познания прошлого.

ИЗ ИСТОРИИ ЕВРОПЕЙСКОГО ПАРЛАМЕНТАРИЗМА: ИСПАНИЯ И ПОРТУГАЛИЯ. М.: ИВИ РАН, 1995.

Сборником статей по пиренейскому парламентаризму группа "Власть и политическая культура" ИВИ РАН продолжает серию публикаций, посвященных истории европейского парламентаризма. В книге, подготовленной редколлегией в составе С.П. Пожарской (отв. редактор), М.П. Айзенштадт (отв.

секретарь), И.С. Пичугиной и А.Н. Саплина, исследуются соотношение традиций и новаций в становлении современного испанского парламента, эволюция представительной системы управления. Возникновение представительных учреждений и начало формирования сословно-представительной монархии на Пиренейском полуострове относятся к XII в. В статьях, написанных для книги Л.М. Бухармедовой, А.С. Додолевым, В.Л. Калининим, В.А. Кучумовым, А.А. Ландабасо, С.П. Пожарской, В.В. Суховерховым, А.П. Черных, рассматривается весь период существования испанского парламентаризма: от постоянных депутатов арагонских и каталонских кортесов в XII–XV вв. и Коимбрской ассамблеи 1385 г. до испанской конституции 1978 г., а также развитие идей конституционализма и парламентаризма в Испании на различных этапах ее истории.

РАЗМЫШЛЕНИЯ О КАНАДЕ. ИСТОРИКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ. М.: ИВИ РАН, 1996, 249 с.

Первый выпуск специализированного сборника статей и материалов по различным аспектам истории и культуры Канады, подготовленный редколлекцией в составе отв. ред. В.А. Коленко, И.В. Галкиной, И.А. Аггеевой, включает в себя оригинальные исследовательские статьи о федеральной политике в области культуры, специфике политической культуры в современной Канаде, сопоставление квебекской (франкоязычной) и русской идеи, полный текст дискуссии на английском языке по конституционным и культурным проблемам современной Канады (1994) и перевод статьи Дж. Белла о роли премьер-министра в общественно-политической жизни Канады. В разделе "Взгляд из прошлого" публикуются малоизвестные материалы о восприятии Канады в дореволюционной России. В разделе "Художественная литература" представлены рассказы Р. Дейвиса и статьи о современной художественной литературе Английской и Французской Канады, в рубрике "Документальные публикации" – малоизвестные документы о Канаде А. де Токвиля и Ч. Диккенса, а также подборка канадских народных песен периода восстания метисов и индейцев на языке оригинала. В разделе "Культура" представлены материалы по канадской культурной жизни.

РОССИЯ И ИТАЛИЯ. М.: ИВИ РАН, 1996, 320 с.

В сборнике, в состав редакционной коллегии которого входят Л.М. Баткин, Л.М. Брагина, В.П. Гайдук, Л.М. Капалет, Н.П. Комолова (отв. ред.), Е.С. Токарева (отв. секр.), В.И. Уколова, Р.И. Хлодовский, С.О. Шмидт, раскрывается широкая панорама общественных и культурных связей России и Италии на протяжении шести столетий (XV–XX вв.). Здесь и неизвестные ранее сведения об итальянских путешественниках в древнюю Московию (в конце XV–XVI вв.), и новый взгляд на творчество итальянских зодчих в Москве той эпохи. Яркие страницы посвящены российско-итальянским культурным связям в конце XVIII – начале XX в. в сфере литературы, живописи, музыки, архитектуры. Интересные сведения содержатся об отношениях между православием и католицизмом двух стран.

СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ ПРЕПОДАВАНИЯ НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ: МАТЕРИАЛЫ ИЗ ЦИКЛА СЕМИНАРОВ ПРИ ПОДДЕРЖКЕ TACIS. М.: ИВИ РАН, 1996, 347 с.

Сборник составлен из материалов семинаров "Содействие новым методам преподавания новейшей истории в России". В книге, подготовленной редакционной коллегией в составе член-корр. А.О. Чубарьяна, Ф. Гори, А. Романо, Л.П. Репиной, Е.А. Добровой, рассматриваются основные проблемы современной истории, методология и средства современного исторического исследования, методология и средства преподавания новейшей истории, преподавание новейшей истории в Западной Европе и России в высшей школе. В опубликованных материалах нашли отражение дискуссии, которые идут ныне в мировой исторической науке, показаны новации, которые широко распространены в научных исследованиях и в системе преподавания. Авторы материалов – Ф.Р. Анкерсмит, К. Гинцбург, П. Джойс, Дж. Леви, Дж.Л. Моссе, К. Полани, Р. Прайс, Ж. Ревель, Р. Сервис, П. Фленли. Э. Хобсбаум, М. Эмар, крупные ученые, известные своими трудами и многолетним опытом преподавания в европейских университетах, – делятся опытом того, как ввести в систему преподавания вопросы постмодернизма, внедрить в сознание новое понимание социальной истории, раскрывают, что такое макро- и микроистория, показывают, как включить эти новые концепции в учебные университетские программы, как ими овладевают студенты, аспиранты и докторанты высших учебных заведений.

А.В. Чудинов. РАЗМЫШЛЕНИЯ АНГЛИЧАН О ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ. М.: изд-во "Памятники исторической мысли", 1996, 304 с.

Тема книги – дискуссии в Англии конца XVIII в. о Французской революции. Автор показывает, как события во Франции интерпретировались тремя выдающимися английскими мыслителями, активно участвовавшими в дебатах, и как восприятие революции отразилось на их социально-политических доктринах.

ЮБИЛЕЙ АКАДЕМИКА АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВИЧА ФУРСЕНКО

11 ноября 1997 г. исполнилось 70 лет видному российскому ученому с мировой известностью, создателю петербургской школы американистики, крупному организатору научных исторических исследований, академику-секретарю Отделения истории Российской академии наук Александру Александровичу Фурсенко.

Оценка творческого вклада юбиляра в отечественную историографию еще не может быть завершённой – ученый находится в расцвете творческих сил.

Александр Александрович прошел большой научный путь от студента-историка до действительного члена Российской академии наук. Однако это продвижение по ступеням ученой иерархии имеет свою неповторимую индивидуальность, которая определяется не только личностными качествами: талантом исследователя, трудолюбием, но и обстоятельствами времени и места.

А.А. Фурсенко относится к тому поколению советских историков, формирование которых как ученых началось после окончания Великой Отечественной войны. Именно это поколение, состоящее из бывших фронтовиков и вчерашних десятиклассников, обеспечило достижения, обозначившиеся в отечественной исторической науке в 60-е годы. Воспитанные в духе марксистской методологии истории, искренне придерживаясь ее, представители этого поколения историков вместе с тем имели возможность пройти прекрасную профессиональную школу ученых предыдущего поколения. Именно это обстоятельство позволяло лучшим из них в своих конкретных исследованиях выходить за рамки узких догм и создавать фундаментальные научные работы. Вторым обстоятельством, определившим творческое и научное лицо А.А. Фурсенко, является его принадлежность к тому социокультурному слою, который известен как "петербургская интеллигенция", а как ученый – к петербургской (ленинградской) научной школе. Юбиляр – потомственный петербуржец, выросший в профессорской семье. Его отец, дед, дядя были известны как ученые и преподаватели. Ему повезло с учителем. Им стал Борис Александрович Романов – выдаю-

щийся исследователь, имя которого составляет гордость отечественной исторической науки. Именно его школа сформировала А.А. Фурсенко как исследователя: многогранность научных интересов, высочайшая исследовательская культура, вкус к работе с источниками, стремление по возможности обходиться без официальных догм. Специализируясь по истории США, А.А. Фурсенко первоначально шел вслед за своим учителем, изучая экспансионистскую политику США на Дальнем Востоке. Защищенная им в 1954 г. кандидатская диссертация, опубликованная затем в виде монографии "Борьба за раздел Китая и американская доктрина "открытых дверей" 1895–1900" получила известность среди специалистов и была переведена в КНР на китайском языке. Дальнейшая разработка избранной темы шла по пути расширения ее как в хронологическом, так и в территориальном аспектах. Ее результаты отражены в докторской диссертации, содержание которой изложено в книгах "Нефтяные тресты и мировая политика: 1880-е годы – 1918 г.", "Династия Рокфеллеров" (вышла двумя изданиями, переводы опубликованы в ГДР, Венгрии, Польше), "Нефтяные войны. Конец XIX – начало XX в.". В 1960-е годы ученый обратился к изучению внутренней истории США, от ее истоков и до новейшего времени. Результатом его исследований явились книги: "Американская буржуазная революция XVIII в.", "Американская революция и образование США", "Критическое десятилетие Америки – 60-е годы", "Президенты и политика США – 70-е годы".

В 1970-е годы вокруг А.А. Фурсенко сформировалась исследовательская группа из его учеников, которая получила статус "Группы по изучению Америки" в рамках Санкт-Петербургского филиала (тогда ЛОИИ АН СССР) Института российской истории РАН. Труды А.А. Фурсенко и его талантливых учеников получили широкую известность в международном научном сообществе. Стали говорить о новой, ленинградской школе американистики. Велик вклад юбиляра как автора и редактора в создание коллективных обобщающих трудов: "История США", "История внешней политики и дипломатии

США" (1994), "Становление американского государства" (1992), "Словарь американской истории" (1997) и многих других. Последним из опубликованных трудов А.А. Фурсенко является фундаментальная монография "One Hell of a Gamble: Khrushchev, Castro and Kennedy, 1958–1964", написанная в соавторстве с американским исследователем Т. Нафтали и опубликованная в США издательством "W.W. Norton".

Высокий авторитет А.А. Фурсенко как ученого и человека позволил ему активно участвовать в интеграции отечественной исторической науки в мировое сообщество историков. На протяжении последних 30 лет он принимает участие в работе международных конгрессов исторических наук, конгрессов экономической истории, является членом Исполкома Международной ассоциации экономической истории, регулярно выступает с докладами, лекциями в зарубежных университетах и научных центрах.

С конца 1980-х годов все больше времени и сил Александр Александрович уделяет деятельности организатора научного процесса. С 1988 г. он возглавил Отдел всеобщей истории ЛОИИ АН СССР. Без преувеличения огромное значение для развития гуманитарных исследований в Ленинграде–Санкт-Петербурге, может быть, в наиболее трудное и сложное для российской науки время имела его работа в качестве заместителя председателя Санкт-Петербургского научного центра РАН, которая продолжалась с 1987 по 1996 г.

К руководству Отделением истории РАН академик А.А. Фурсенко пришел в конце 1996 г. К этому времени завершился пятилетний период существования российской академической исторической науки. Он характеризовался качественной перестройкой ее научно-организационных структур, принципиальным обновлением исследовательской проблематики и научных программ, интенсивными поисками новых теоретических подходов, обновлением научных кадров. Все эти изменения происходили на фоне возрастающих финансовых трудностей, сокращения бюджетного финансирования. В этих условиях деятельность Бюро Отделения истории была направлена на то, чтобы осуществить наименее болезненно переход исторической науки в качественно иное состояние,

сочетать централизованную координацию научных исследований с возрастающей автономностью научных подразделений и исследовательских групп, освободить историческую науку от господствовавших ранее идеологических догм и схематизма, сохраняя при этом все позитивное из прошлого ее развития, сделать упор на многообразие научных методик, подходов, взглядов. Эту эстафету от своих предшественников академика-секретаря Отделения истории академика И.Д. Ковальченко и исполнявшего обязанности академика-секретаря в 1996 г. академика Г.Н. Севостьянова принял А.А. Фурсенко. Он получил в наследство в основном сложившуюся систему обновленных отношений между научными подразделениями – как вертикальных, так и горизонтальных, более или менее налаженную систему финансирования и самофинансирования. Академическая историческая наука встает постепенно на собственную основу, качественные преобразования сменяются тенденцией к количественному росту, идеография начинает преобладать над номотетикой. В сложившихся условиях академик А.А. Фурсенко как нельзя лучше подходит для решения объективно стоящих перед историками задач: в своем выступлении на последнем общем собрании Отделения он заметил, что новые научные направления и школы складываются не вокруг теоретических доктрин, а прежде всего вокруг коллекций документов. Можно определенно констатировать, что практически на каждом заседании Бюро Отделения истории стали заслушиваться и обсуждаться научные доклады-отчеты руководителей научных коллективов, разрабатывающих важные и перспективные исследования конкретно-исторических тем. Подавляющее большинство недавно избранных членов Отделения истории заслужили известность как ученые-эмпирики.

Начальный этап деятельности юбиляра на новом посту многообещающ. Ученые-историки желают академику Александру Александровичу Фурсенко доброго здоровья, дальнейших творческих успехов на благо отечественной исторической науки.

Отделение истории РАН

Ученые Санкт-Петербурга прислали в журнал личные поздравления Александру Александровичу Фурсенко.

Научная общественность отметила юбилей выдающегося российского историка, одного из крупнейших отечественных американистов академика Александра Александровича Фурсенко. Научная и научно-организационная деятельность академика А.А. Фурсенко – автора многих фундаментальных трудов, академика-секретаря

Отделения истории РАН – хорошо известна в нашей стране и за рубежом, она заслужила высокую оценку в отечественной и мировой исторической науке.

А.А. Фурсенко родился 11 ноября 1927 г. в Ленинграде в семье потомственных интеллигентов. Дед его, Василий Васильевич Фурсенко

(1878–1942), был известным еще в старом Петербурге историком. Отец, Александр Васильевич Фурсенко (1903–1975), ученик выдающегося зоолога, члена-корреспондента АН СССР В.А. Догеля, выбрал направлением своей деятельности палеонтологию и нефтяную геологию и стал известным исследователем в этой области науки.

Детство А.А. Фурсенко было не из легких: он рано потерял мать, в годы войны, когда отец был на фронте, подобно многим своим сверстникам, совмещал учебу с работой в геологической экспедиции в Казахстане.

В 1946 г. А.А. Фурсенко поступил на истфак Ленинградского университета, где начал работать под руководством профессора Н.П. Полетики.

Сам А.А. Фурсенко справедливо считает себя прежде всего учеником профессора Б.А. Романова – выдающегося представителя отечественной исторической науки, под влиянием которого он формировался как исследователь еще с 1947 г. и к которому поступил в аспирантуру в ЛОИИ в 1951 г. Автор классических исследований по истории России и международных отношений на Дальнем Востоке, Б.А. Романов посоветовал А.А. Фурсенко заняться изучением американской политики "открытых дверей" в Китае. Б.А. Романов воспитал целую плеяду талантливых учеников, к его школе принадлежит и А.А. Фурсенко.

С 1954 г. А.А. Фурсенко работает в ЛОИИ, здесь он прошел путь от младшего до главного научного сотрудника, а в 1988 г. стал заведующим отделом всеобщей истории.

Творческий путь А.А. Фурсенко легко проследить по его научным трудам. Вспомним В.А. Ключевского: в жизни ученого "главные биографические факты – книги".

В 1954 г. А.А. Фурсенко защитил кандидатскую диссертацию, которая затем была опубликована в 1956 г. под названием «Борьба за раздел Китая и американская доктрина "открытых дверей" 1895–1900». Вскоре книга была издана на китайском языке в Пекине.

Работа над этими сюжетами переросла в изучение международных экономических отношений конца XIX – начала XX в. и их влияния на политику. В 1961 г. А.А. Фурсенко выступил как один из публикаторов корпуса источников по истории нефтяных монополий России. "Нефтяная" тема стала с тех пор одной из центральных в научной биографии А.А. Фурсенко. В 1965 г. он опубликовал фундаментальную монографию "Нефтяные тресты и мировая политика", которая была защищена в качестве докторской диссертации.

Строгая источниковедческая методика, тщательный анализ документов, талант к историческим обобщениям, сочетание академизма с увлекательной формой изложения – характерные черты научных исследований А.А. Фурсенко – и поэтому имя его хорошо известно не только в

среде специалистов, но и широкому кругу читателей. Большую известность приобрела его книга "Династия Рокфеллеров", изданная в 1967 г. и переведенная на ряд европейских языков. А.А. Фурсенко оказался первым иностранцем, которому был открыт доступ к архиву семьи Рокфеллеров. Это позволило ему в 1970 г. выпустить второе, дополненное издание книги.

Годы дальнейшей работы в отечественных и зарубежных архивах позволили А.А. Фурсенко обобщить многие малоизвестные аспекты международного нефтяного соперничества в работе "Нефтяные войны конец XIX – начало XX в.", вышедшей в свет в 1985 г. и переведенной затем в США.

От первой книги, посвященной изучению американской доктрины "открытых дверей", берет начало и другое важнейшее направление научной деятельности А.А. Фурсенко – изучение истории США. Он был автором глав "Колониальный период" и "Война за независимость и образование США" в двухтомнике "Очерки новой и новейшей истории США", изданном в 1960 г. Тогда же был опубликован подготовленный им научно-популярный очерк "Американская буржуазная революция XVIII в." С этого времени А.А. Фурсенко становится одним из признанных специалистов в изучении этого важного события мировой истории. Работа в архивах США и Франции, тщательное изучение идейного наследия "отцов-основателей", взвешенный анализ американской историографии способствовали написанию и изданию в 1978 г. монографии "Американская революция и образование США". Эта работа готовилась к 200-летию юбилею американской революции. При издании 4-томной "Истории США" А.А. Фурсенко стал автором глав об освободительном движении в колониях, войне за независимость и принятии конституции. В 1990 г. под его редакцией и с его вступительной статьей в серии "Памятники исторической мысли" впервые на русском языке была осуществлена публикация основных трудов выдающегося американского мыслителя и государственного деятеля, автора Декларации независимости и третьего президента США Томаса Джефферсона.

Изучение раннего периода американской истории А.А. Фурсенко сочетает с исследованием важнейших событий и процессов политической жизни недавнего прошлого США. Его монографии "Критическое десятилетие Америки. 60-е годы" (Л., 1974) и "Президенты и политика США. 70-е годы" (Л., 1989) стали примером исследования сложнейших явлений американской политики.

Широта научных интересов – в чем А.А. Фурсенко следовал примеру своего учителя Б.А. Романова – сделала его книги, посвященные событиям новейшего времени, исключительно фундаментальными, ибо автор, следуя источниковедческим приемам, выработанным на мате-

риале более ранних периодов, привлёк архивные источники и провёл глубокий анализ всего комплекса документального материала.

С особой рельефностью это обстоятельство проявилось в последней работе А.А. Фурсенко, написанной им совместно с молодой коллегой из Йельского университета Тимоти Нафтали и изданной в июне 1997 г. в Нью-Йорке издательством "W.W. Norton and Co". Это исследование, название которого можно перевести как "Смертельный риск" ("One Hell of a Gamble") имеет подзаголовок "Хрущев, Кастро и Кеннеди, 1958–1964" и посвящено ранее неизвестным или малоизвестным страницам истории и происхождения карибского ракетного кризиса 1962 г. А.А. Фурсенко смог получить доступ ко многим ранее скрытым за семью печатями документам из Архива Президента Российской Федерации, архивов Службы внешней разведки, Главного Разведывательного Управления Генерального штаба Вооруженных сил России, Архива Министерства иностранных дел России, Архива Национальной безопасности США и ряда других хранилищ. Анализ новых документов, сравнение их с ранее известными источниками, интервью с непосредственными участниками событий позволили во многом по-новому осветить один из самых острых международных конфликтов XX столетия. Эта книга встречена с большим интересом во многих странах. Только в США и Англии на нее опубликовано около двух десятков рецензий. Главы книги публиковались в нашей стране, и в ближайшее время выйдет в свет ее доработанное издание в России.

За годы научной деятельности А.А. Фурсенко воспитал целую школу отечественной американистики. Его ученики – В.Н. Плешков, В.В. Носков, В.А. Ушаков, С.А. Исаев – опубликовали цикл монографии по американской истории XVIII–XIX столетий. В последние годы под руководством и при непосредственном участии А.А. Фурсенко петербургская школа американистов подготовила и издала коллективный труд "Становление американского государства" (Л., 1992) и "Словарь американской истории. С колониальных времен до первой мировой войны" (СПб., 1997).

В 1987 г. А.А. Фурсенко был избран членом-корреспондентом АН СССР, а в 1990 г. – действительным членом АН СССР. Свою творческую деятельность А.А. Фурсенко успешно сочетает с научно-организационной работой. Многие годы он входит в состав различных научных и проблемных академических советов. Особо следует отметить его многолетнюю работу в качестве деятельного

члена редколлегии и одного из активных авторов известного петербургского литературного журнала "Звезда". С 1989 г. по 1996 г. он был заместителем и первым заместителем председателя Президиума Санкт-Петербургского научного центра, активно и умело отстаивая интересы гуманитарной науки. В 1996 г. А.А. Фурсенко избран академиком-секретарем Отделения истории РАН и членом Президиума РАН.

Научная деятельность А.А. Фурсенко пользуется широким международным признанием. Он активно выступает на конгрессах Международной ассоциации экономической истории, являясь с 1986 г. членом ее исполкома. Начиная с 1968 г. был делегатом всех Международных конгрессов экономической истории. В 1970 г. принимал активное участие в подготовке и проведении конгресса в Ленинграде в качестве генерального секретаря конгресса. А.А. Фурсенко участвовал также в ряде конгрессов исторических наук, выступал с докладами на различных международных конгрессах, конференциях и симпозиумах. Его неоднократно приглашали для чтения лекций в зарубежные научные центры и университеты – в Вашингтоне и Кейптауне, Париже и Сеуле, Риме и Токио, Гарварде и Принстоне, Нью-Йорке и Стэнфорде, Оксфорде, Кембридже и других местах.

Природа одарила Александра Александровича не только талантом ученого, но и прекрасными человеческими качествами, душевной широтой и теплотой, щедрым чувством дружбы, острым и добрым юмором, отзывчивостью, принципиальностью, жизненной смелостью и мужеством.

Поздравляя дорогого Александра Александровича со славным юбилеем, его многочисленные коллеги, друзья и ученики желают ему крепкого здоровья, благополучия, дальнейших творческих достижений.

✓ Академик РАН Б.В. Ананьич,
член-корр. РАН М.А. Гандамаев,
член-корр. РАН Р.Ш. Ганелин,
член-корр. РАН И.П. Медведев,
член-корр. РАН М.Б. Пиотровский,
член-корр. РАН К.В. Чистов,
член-корр. РАН В.А. Шишкин,
д.и.н. В.Н. Плешков

Редколлегия и сотрудники журнала "Новая и новейшая история" сердечно поздравляют Александра Александровича Фурсенко со славным юбилеем и желают ему новых творческих успехов, долгого и плодотворного сотрудничества с журналом.

ПРИСУЖДЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРЕМИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 1997 г. В ОБЛАСТИ НАУКИ И ТЕХНИКИ АКАДЕМИКУ Н.Н. БОЛХОВИТИНОВУ

10 июня 1997 г. Президент Российской Федерации Б.Н. Ельцин подписал Указ "О присуждении Государственных премий Российской Федерации 1997 года в области науки и техники". Среди лауреатов – один из крупнейших специалистов в области истории международных отношений действительный член Российской академии наук, доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра североамериканских исследований Института всеобщей истории РАН Николай Николаевич Болховитинов. Государственная премия Российской Федерации присуждена ему "за цикл монографий о становлении и развитии отношений России и США с XVIII века по 1867 год".

В этот цикл вошли пять книг, получивших мировое признание. Открывает серию монография "Становление русско-американских отношений, 1775–1815" (М., "Наука", 1966). В ней исследованы проблемы развития дипломатических, торговых, научных, культурных взаимоотношений России и США от их зарождения в годы Американской революции XVIII в. и кончая англо-американской войной 1812–1815 гг. Продолжением ее является книга "Русско-американские отношения, 1815–1832" (М., "Наука", 1975). Автор воссоздал картину дипломатических, торгово-экономических и культурных связей; рассмотрел вопросы, касающиеся Русской Америки, американской тематики в русских журналах, откликов в США на восстание декабристов и другие аспекты отношений между Россией и США от создания в 1815 г. Священного союза до заключения торгового договора 1832 г. Монография "Россия и война США за независимость, 1775–1783" (М., "Мысль", 1976) посвящена изучению роли России, которую она сыграла в истории борьбы 13 североамериканских колоний против британского владычества и образования независимой республики – Соединенных Штатов Америки, и отношению русской общественности к Американской революции XVIII в.

Русско-американские отношения в середине XIX в. и прежде всего судьба Русской Америки исследованы в книге "Русско-американские отношения и продажа Аляски, 1834–1867" (М., "Наука", 1990). В ней детально проанализированы различные аспекты, связанные с продажей американцам владений России на Северо-Западе Америки. Эта проблема рассмотрена не только сквозь призму дипломатических и межгосударственных отношений, но и с точки зрения реакции на продажу Аляски общественности как России,

так и США. В монографии "Россия открывает Америку, 1732–1799" (М., "Международные отношения", 1991) исследуется открытие Америки со стороны России; деятельность на Тихоокеанском севере русских купцов, мореплавателей и промышленников; основание русских постоянных поселений на Северо-Западе Америки; учреждение Российско-американской компании в 1799 г. Обстоятельно рассмотрены также русско-американские научные и культурные связи.

Названным выше монографиям Н.Н. Болховитинова в различных странах посвящено около 100 рецензий, обзоров и заметок. Кроме книг данного цикла Н.Н. Болховитинов опубликовал 86 статей, в том числе около 20 – за рубежом, в которых рассмотрены самые разнообразные аспекты истории становления и развития русско-американских отношений с XVIII в. по 1867 г. На иностранных языках изданы также монографии: *The Beginnings of Russian-American Relations, 1775–1815*. Cambridge (Mass.). – London (England), Harvard University Press, 1975; *Russia and the American Revolution*. Tallahassee (Florida), Diplomatic Press, 1976. *Russia and the United States: Survey of Archival Documents and Historical Studies*. M.E. Sharpe Inc. Armonk (New York) – London, 1986; *Russia y America (ca. 1523–1867)*. Madrid Editorial MAPFRE, 1992. В 1980 г. в СССР и в США на русском и английском языках вышла в свет фундаментальная публикация документов: "Россия и США. Становление отношений, 1775–1815". (М., "Наука", 1980) – *The United States and Russia. The Beginning of Relations, 1775–1815*. (Washington, 1980). Одним из составителей и членов совместной советско-американской редколлегии этого труда был Н.Н. Болховитинов.

Помимо этого Николай Николаевич уже несколько лет руководит Центром по изучению Русской Америки и русско-американских отношений. В настоящее время под общей редакцией Н.Н. Болховитинова готовится к выходу в свет коллективный труд – трехтомник "История Русской Америки, 1732–1867", в котором он выступает также в качестве одного из ведущих авторов.

Отделение истории РАН, Институт всеобщей истории РАН, редакционная коллегия и коллектив сотрудников редакции журнала "Новая и новейшая история" сердечно поздравляют Николая Николаевича Болховитинова с присуждением ему Государственной премии Российской Федерации.

ОБСУЖДЕНИЕ ЖУРНАЛА "НОВАЯ И НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ" В МАГНИТОГОРСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ИНСТИТУТЕ

26 июня 1997 г. по инициативе кафедры всеобщей истории на историческом факультете Магнитогорского государственного педагогического института (МГПИ) состоялась читательская конференция по обсуждению журнала "Новая и новейшая история". В конференции вместе с профессорами и преподавателями исторического факультета МГПИ приняли участие преподаватели истории, работающие в средних школах г. Магнитогорска и соседних районов Челябинской области и Башкортостана. Открывая конференцию, зав. кафедрой всеобщей истории проф. Г.И. Лузянин отметил растущий авторитет журнала "Новая и новейшая история" среди основных исторических периодических изданий. Реализация на страницах журнала новых подходов к проблемам мировой истории определила ведущую роль "Новой и новейшей истории" в отечественной историографии.

Декан исторического факультета проф. Ю.Д. Коробков, специалист по отечественной истории, отметил усиление популярности журнала после появления публикаций, в которых освещались актуальнейшие вопросы истории России и Советского Союза. Связь на страницах журнала между отечественной и зарубежной историографиями открыла перспективу для новых исторических исследований. Ю.Д. Коробков обратил особое внимание на публикации по вопросам методологии истории, в которых российские историки и философы идут "рядом" и, отвечая на злободневные вопросы современной истории России, развивают общественно-научную мысль, повышают ее интеллектуальный уровень.

К.и.н., доцент С.А. Кривоногова, давая высокую оценку статьям по истории европейских

государств, в частности по истории государств Восточной Европы, предложила публиковать в журнале данные по истории политической культуры и политических партий Великобритании, Франции и других высокоразвитых индустриальных стран. К.и.н., доцент А.Г. Дорожкин, касаясь темы евразийства в отечественной историографии, предложил расширить тематику публикаций в журнале по истории стран Востока; подчеркнув актуальность опубликованных документальных материалов по истории КНР и дипломатических отношений между СССР и КНР, он отметил важность исследования на страницах журнала опыта модернизации Японии, а также истории взаимоотношений России с сопредельными странами Востока.

Старшие преподаватели В.А. Токарев и Н.С. Юношева дали высокую оценку материалам по дипломатической истории второй мировой войны и установления дипломатических отношений между СССР и США. Новые документы из архивов Российской Федерации, введенные в научный оборот, расширили базу источников, что особенно важно для молодых специалистов в данной области исторических знаний. Преподаватели истории И.В. Маркина (г. Магнитогорск, школа № 14), Е.М. Елисеева (г. Сибай, школа № 6), Л.Н. Семенова (г. Усть-Катав, школа № 5), Н.В. Бодров (г. Белорецк, школа № 5) считают материалы журнала чрезвычайно полезными в их работе. Они предложили возобновить рубрику "В помощь преподавателю" и публиковать в ней статьи о современном развитии аграрной истории и истории этнокультур зарубежных стран.

Г.И. Лузянин

**УКАЗАТЕЛЬ
СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ
В ЖУРНАЛЕ "НОВАЯ И НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ" В 1997 г.**

**ПОЗДРАВЛЕНИЯ ЖУРНАЛУ "НОВАЯ И
НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ" В СВЯЗИ С
40-ЛЕТИЕМ.** № 3, 6

В ОТДЕЛЕНИИ ИСТОРИИ РАН

Важнейшие результаты исследований в области исторических наук в 1996 г.	№ 4
Общее собрание Отделения истории РАН	№ 5
Член-корр. РАН Чубарьян А.О. Институту всеобщей истории – 60 лет	№ 3
Карасев А.В. 50-летие Института славяноведения и балканистики РАН	№ 3
Новое пополнение РАН	№ 5

СТАТЬИ

Бацер М.И. (Петрозаводск). От нарратива к теории. Англо-американская историография Английской революции XVII в.	№ 5
Академик Богомолов О.Т., Глинкина С.П. Первые уроки экономической трансформации в странах Центральной и Восточной Европы 90-х годов	№ 3
Бородкин Л.И. Историческая информатика: этапы развития	№ 1
Борозняк А.И. (Липецк). Историки ФРГ о национализме	№ 1
Генерал-майор Золотарев В.А., генерал-майор Тюшкевич С.А. Итоги и перспективы работы российских военных историков	№ 4
Куропятник Г.П. "Час пик" в истории США: выборы 1864 г., решившие судьбу Союза Штатов	№ 6
Ледовский А.М. Переговоры И.В. Сталина с Мао Цзэдуном в декабре 1949 – феврале 1950 г. Новые архивные документы	№ 1
Линь Цзюнь (КНР). Советская дипломатия и Китай в 20-е годы. По документам архива МИД России	№ 3
Ломова С.А. Экономическая история и клиометрика: самоидентификация в России и за рубежом	№ 5
Мак Хонг (Посол Республики Сингапур в России). Сингапур: история успеха	№ 4
Могильницкий Б.Г. (Томск). Об исторической закономерности как предмете исторической науки	№ 2
Нитобург Э.Л. США: цветной барьер в прошлом и настоящем	№ 2
Орлик О.В. "Европейская идея" Александра I	№ 4
Поповски В. (Македония). Историко-политическое и правовое значение Берлинского договора 1878 г. для Македонии	№ 5
Ревякин А.В. Социализм и либерализм в середине XIX в.	№ 4
Репина Л.П. Гендерная история: проблемы и методы исследования	№ 6

Семенов Е.В. О деятельности Российского гуманитарного научного фонда в 1996 г.	№ 3
Сиполс В.Я. Торгово-экономические отношения между СССР и Германией в 1939–1941 гг. в свете новых архивных документов	№ 2
Скворцова Е.Л. Ученые России – народному образованию	№ 6
Смирнова Н.Д. Греция в политике США и СССР. 1945–1947 гг. Новые архивные документы	№ 5
Твардовская В.А., Итенберг Б.С. К. Маркс и М.А. Бакунин: борьба идей и амбиций	№ 3
Тоштендаль Р. (Швеция). Роль социал-демократии в развитии индустриального капитализма. Конец XIX–XX в.	№ 2
Федосова Е.И. Франсуа Гизо: историк и государственный деятель	№ 2
Фрейдзон В.И. Исторические корни и сущность югославизма. XIX в.	№ 3
Хольтсмарк С. (Норвегия). Советская дипломатия и Скандинавия 1944–1947 гг. По материалам Архива МИД РФ	№ 1
Член-корр. РАН Чубарьян А.О. Новая история "холодной войны"	№ 6

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Методологические проблемы исторической информатики и квантитативной истории	№ 3, 5
---	--------

ИНТЕРВЬЮ

Ответы главного консультанта группы консультантов Службы внешней разведки России генерал-лейтенанта В.А. Кирпиченко на вопросы журнала "Новая и новейшая история"	№ 4
--	-----

СЛОВО ИСТОРИКА

Гуревич А.Я. О двоякой ответственности историка	№ 5
--	-----

ПУБЛИКАЦИИ

Новые документы из архивов СВР и ФСБ России о подготовке Германией войны с СССР 1940–1941 гг.	№ 4
Переписка российских дипломатов в эмиграции 1934–1940 гг. По архивам Службы внешней разведки РФ. Предисловие В.П. Мазурова, Ю.И. Стрижова	№ 6

ИЗ АРХИВА ПРЕЗИДЕНТА РФ

Ледовский А.М. Стенограмма переговоров И.В. Сталина с Чжоу Эньлаем в августе – сентябре 1952 г.	№ 2
Неизвестные письма Эрнста Тельмана И.В. Сталину и В.М. Молотову (1939–1941 гг.) (продолжение)	№ 1, 2

ИЗ АРХИВА МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИИ

Пескова Г.Н. Становление дипломатических отношений между Советской Россией и Китаем. 1917–1924 гг. № 4

ИЗ ЦЕНТРАЛЬНОГО АРХИВА МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ РФ

Генерал-полковник Горьков Ю.А., полковник Семиин Ю.Н. О характере военно-оперативных планов СССР накануне Великой Отечественной войны. Новые архивные документы № 5

ИЗ АРХИВОВ США

Печатнов В.О. США: скрытые дебаты по "русскому вопросу" в 1945 г. № 1

ИЗ АРХИВА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ США

Позиция руководства США в связи с вводом советских войск в Афганистан в 1979 г. Предисловие Дж. Хершберга (США) № 3

В РОСАРХИВЕ

О публикациях архивных документов..... № 4

ВОСПОМИНАНИЯ

Давидсон А.Б. В поисках туманного Альбиона... Из воспоминаний о Н.А. Ерофееве (1907–1996) № 5

Драбкин Я.С. Памяти Льва Копелева (1912–1997) № 6

Никольский В.А. Записки советского военного атташе в Швеции (1960–1963 гг.) № 4

Родионов А.А. Записки посла СССР в Пакистане в 1971–1974 гг. № 1, 2

Член-корр. РАН Федоренко Н.Т. "Токийская тетрадь". Размышления о конфуцианстве .. № 3

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ОЧЕРКИ

Бакман К. (Швеция). Новое о шведских предках В.И. Ленина № 3

Академик Болховитинов Н.Н. Н.П. Резанов и первое русское кругосветное плавание 1803–1806 гг. № 3

Вайну Х. (Эстония). Многоликий Маннергейм . № 5

Кретинин С.В. (Воронеж). Отто Бауэр (1882–1938) и австромарксизм № 2, 3

Лабутина Т.Л. "Дело" английского просветителя Ричарда Стиля № 2

Ржешевский О.А. Визит В.М. Молотова в Лондон в мае 1942 г. Переговоры с У. Черчиллем, А. Иденом и переписка с И.В. Сталиным № 6

Академик Севостьянов Г.Н. Вторая Квебекская конференция 1940 г. № 1

Семенов А.С. Парадокс Джона Уилкса № 5

Соколов В.В. Трагическая судьба дипломата Г.А. Астахова № 1

Академик Тихвинский С.Л. Наркоминдел и его зарубежные представительства в годы Великой Отечественной войны (в воспоминаниях современников) № 4

Туполев Б.М. Фридрих II, Россия и первый раздел Польши № 5, 6

ИСТОРИОГРАФИЯ

Лебедев И.В. Посол Москвы при шести президентах США № 3

Член-корр. РАН Мясников В.С. Реформы и революции в Китае № 3

ПОРТРЕТЫ ИСТОРИКОВ

Дунаевский В.А., Никитина И.А. Сергей Борисович Кан (1896–1960) № 2

Смирнов В.П. Анатолий Васильевич Адо: человек, преподаватель, ученый (1928–1995) № 1

ПРЕПОДАВАНИЕ ИСТОРИИ

Забалуев В.Г. История Германии 1871–1918 гг. в немецких школьных учебниках № 5

ПИСЬМА И ЗАМЕТКИ

Аиикеев А.А. (Ставрополь). О некоторых вопросах современной методологии истории ... № 2

Дунаевский В.А. Об "Энциклопедии для детей" по всемирной истории № 1

Мальков В.Л. В жанре исторического страноведения № 1

Орлова Е.В. Об исторической литературе для средней школы № 4

Письмо посла США в Москве в 1987–1991 гг. Дж. Мэтлока № 3

Сергеев В.В., Чумаков Н.Д. (Калининград). Еще один взгляд на проблему периодизации новой и новейшей истории № 2

ФАКТЫ. СОБЫТИЯ. ЛЮДИ

Кудрявцев О.Ф. Неизвестная грамота Карла V Василию III № 5

Орлов А.А. Английские моряки на русском флоте в Отечественную войну 1812 г. № 2

Тудоряну Н.Л. (Кишинев). Помощь австралийцев Советскому Союзу в годы Великой Отечественной войны № 1

Шпакова Р.П. Макс Вебер в 1918 г. № 1

РЕЦЕНЗИИ

Белоусов Л.С. Тоталитаризм в Европе. М., 1996 № 6

Бирман М.А. М.М. Фрейденберг. Евреи на Балканах на исходе средневековья. М. – Иерусалим, 1996 № 6

Блосфельд Е.Г. (Волгоград). С.Б. Семенов. Политические взгляды английских радикалов XVIII века. Самара, 1995 № 2

- Блуменау С.Ф. Жорж Кутон.** Избранные произведения. 1793–1794. М., 1994 № 4
- Виноградов В.Н. Б.Б. Кросс.** Румыния между Тройственным союзом и Антантой. Очерки по истории дипломатической борьбы за Румынию и ее внешней политики 1908–1914 гг. Псков, 1996 № 5
- Академик **Волобуев П.В.** Межрасовые и межнациональные отношения в Европе и Америке, XIX–XX вв. М., 1996 № 6
- Гареев М.А. А.А. Ляховский.** Трагедия и доблесть Афгана. М., 1995 № 2
- Гицберг Л.И. И. Петцольд.** Франц фон Папен. Рок Германии. Берлин, 1995 № 4
- Гицберг Л.И.** "Красная капелла" против национал-социализма в движении Сопротивления. Берлин, 1994 № 1
- Гончаренко С.Н. В.С. Мясников.** Договорными статьями утвердили. Дипломатическая история русско-китайской границы. М., 1996 № 1
- Дунаевский В.А. В.И. Шеремет.** Война и бизнес. Власть, деньги и оружие. Европа и Ближний Восток в новое время. М., 1996 .. № 5
- Егорова Н.И.** Американское общество на пороге XXI в.: итоги, проблемы, перспективы. Материалы конференции. М., 1996 № 6
- Ивонина Л.И., Ивонин Е.Ю.** История Европы. Т. 3. От средневековья к новому времени. М., 1993; т. 4. Европа нового времени. М., 1994 № 5
- Кошкин А.А. С.Л. Тихвинский.** Россия – Япония. Обречены на добрососедство. Воспоминания дипломата и заметки историка. М., 1996 № 2
- Михайленко А.Н. В.Л. Мусатов.** Предвестники бури. Политические кризисы в Восточной Европе (1956–1981). М., 1996 ... № 3
- Молок Ф.А. Е.П. Серапионов.** Российская эмиграция в Чехословацкой Республике (20–30-е годы). М., 1995 № 2
- Орлов А.С.** Генералы Сталина. Лондон, 1993 № 1
- Орлов А.С. В.Л. Мальков.** "Манхэттенский проект". Разведка и дипломатия. М., 1995 № 3
- Павленко Г.В. (Ужгород). Л.В. Трапани.** Историческая мысль Франции и России. 70-е годы XIX – 40-е годы XX в. Киев, 1994 № 2
- Плетушков М.С.** Кто был кто в Великой Отечественной войне 1941–1945 г. Люди. События. Факты. Краткий справочник. М., 1995 № 4
- Пономарев А.Н., Горинов М.М. Ю.А. Поляков.** Наше непредсказуемое прошлое. Полемиические заметки. М., 1995 № 5
- Пушкарев П.Н. И.Я. Биск.** Введение в писательское мастерство историка. Литературная форма исторического труда. Учебное пособие. Иваново, 1996 № 5
- Ровинская Е.Л. Р. Кальдера.** Адрес Бельо. М., 1995 № 1
- Рыкин В.С. Е.А. Бродский.** Это известно немногим. Красногорск, 1996 № 5
- Семенов А.Л.** Франция: приватизация продолжается. М., 1996 № 1
- Серёгин А.Н. Г. Киссинджер.** Дипломатия. Нью-Йорк, 1994 № 2
- Смирнов В.П.** История и специальность историка во Франции. 1945–1995. Под руководством Ф. Бедарида. Париж, 1995 № 5
- Академик **Тихвинский С.Л.** История человечества. Научное и культурное развитие. Т. II. III тысячелетие – VII в. до н.э. Лондон, 1996 № 5
- Торкунов А.В.** Проблемы глобальной безопасности. М., 1995 № 4
- Академик **Трухаиовский В.Г., Остапенко Г.С.** Монархи Европы. Судьбы династий. М., 1996 № 3
- Черкасский Л.Я. Р.Ф. Иванов.** Мафия в США. М., 1996 № 4
- Чудинов А.В. Д.М. Туган-Барановский.** Наполеон и власть (эпоха консульства). Балашов, 1993 № 6
- Яхимович З.П. В.В. Согрин, А.И. Пятрушев, Е.С. Токарева, Г.М. Фадеева.** Либерализм Запада XVII–XX века. М., 1995 № 2

КОРОТКО О КНИГАХ

- Конасов В.Б., Хавкин Б.Л. С. Карнер.** В Архипелаге ГУПВИ. Военный плен и интернирование в СССР 1941–1956 гг. Вена – Мюнхен, 1995; "Пленены в России". Издатель С. Карнер. Грац–Вена, 1995 № 6

АННОТАЦИИ № 6

ЮБИЛЕИ

- Юбилей академика А.А. Фурсенко № 6
- Член-корр. РАН Р.Ш. Ганелину – 70 лет № 4
- И.Я. Биску – 75 лет № 4
- В.И. Бовыкину – 70 лет № 2
- С.С. Григорцевичу – 80 лет № 5
- К 70-летию Т.М. Исламова № 2
- П.И. Острикову – 70 лет № 1
- В.Г. Ревуненкову – 85 лет № 3
- И.В. Созину – 70 лет № 1
- К 75-летию В.И. Фрейдзона № 2
- Юбилей Е.В. Чистяковой № 1

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Присуждение Государственной премии Российской Федерации 1997 г. в области науки и техники академику РАН Н.Н. Болховитинову № 6
- Аппатов С.И. (Украина).** "Круглый стол" российских и украинских ученых № 2

Ревякин А.В. Из истории европейской интеграции	№ 3	Степанова Р.Ф. О деятельности Московского общественного комитета защиты Курил	№ 1
Рудая Е.Н. Чтения памяти действительного члена Академии наук СССР А.Л. Нарочницкого (1907–1989)	№ 4	Троицкая Л.М. Научные чтения в связи со столетием со дня рождения члена-корреспондента АН СССР А.В. Ефимова	№ 1
Сергеев В.В., Тихонова М.В. Обсуждение журнала "Новая и новейшая история" в Калининградском госуниверситете	№ 5	Туполева Л.Ф. В Ассоциации британских исследований	№ 4
Сергеев Е.Ю. Международная научная конференция "Причины мировых войн XX в. Сравнительный анализ"	№ 2	Хаванова О.В. Историко-культурная ситуация в Средней Европе. 1867–1918 гг.	№ 4
Сергеев Е.Ю. Научный семинар "США и внешний мир"	№ 3	Книги по истории, изданные при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в 1995–1996 гг.	№ 4
Смиринов Н.Н. Российско-германская конференция о школьных учебниках по истории ..	№ 4	Памяти М.А. Батунского	№ 5
Соколов А.А. О подготовке кадров в государственных университетах	№ 2	Г.С. Кучеренко	№ 4
Соловьев С.А. Британская ассоциация научных исследований РАН	№ 1	А.Я. Маусевич	№ 3
		Д.П. Прицкер	№ 4

CONTENTS

Articles. Corr. Mem. (RAS) **Chubaryan A.O.** A New History of "Cold War"; **Repina L.P.** Gender History: Problems and Methods of Study; **Skvortsova E.S.** Scientists of Russia to People's Education; **Kuropyatnik G.P.** "The Rush Hour" in the History of the USA: The 1864 Elections Decided US Fortune; In the Department of History. The 70-th Birth Anniversary of Academician A.A. Fursenko; Congratulations to the Journal; Publications. The Correspondence of Russian Diplomats in Emigration 1934–1940: The Archives of the Russian Federation Secret Service. Forworded by V.P. Mazurov, Yu.I. Strizhov. Reminiscences. **Drabkin Ya.S.** In Memory of Lev Kopelev (1912–1997); Documentary Essays. **Rzheshevsky O.A.** Molotov's Visit to London in May 1942. High-Level Talks with W. Churchill, A. Eden and Correspondence with I.V. Stalin; **Tupolev B.M.** Friedrich the Second, Russia and the First Division of Poland. Book Reviews; Scientific Life

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

ДРАБКИН Яков Самойлович, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, председатель Центра германских исторических исследований РАН, автор многих научных трудов по германистике, в частности монографий "Ноябрьская революция в Германии" (М., 1967), "Становление Веймарской республики" (М., 1978), "Четверо стойких. Карл Либкнехт, Роза Люксембург, Франц Меринг, Клара Цеткин" (М., 1985), "Проблемы и легенды историографии германской революции" (М., 1990).

КУРОПЯТНИК Геннадий Петрович, доктор исторических наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации, ведущий научный сотрудник Центра североамериканских исследований Института всеобщей истории РАН, автор многих работ по истории США, международным отношениям и аграрным проблемам, в том числе монографий "Россия и США: экономические, культурные и дипломатические связи, 1867–1881" (М., 1981), "Вторая американская революция" (М., 1981), "Захват Гавайских островов США" (М., 1958), "Фермерское движение в США: от грейнджеров к Народной партии" (М., 1971), "Проблемы научной концепции истории США нового времени" (М., 1984). Будучи главным экспертом Организации Объединенных Наций по земельным реформам, подготовил ряд исследований и официальных докладов ООН по современным аграрным проблемам различных районов мира. Научный коллектив под руководством Г.П. Куропятника выпускает в свет книгу "Внешняя политика и дипломатия США, 1867–1918" (Наука, 30 п.л. в 1997 г.).

ОРЛОВ Александр Семенович, доктор исторических наук, профессор, академик РАН, член Комиссии при Президенте РФ по военнопленным, интернированным и пропавшим без вести, участник Великой Отечественной и Корейской (1950–1953 гг.) войн, полковник в отставке, ведущий научный сотрудник Института военной истории МО РФ, специалист по истории второй мировой войны и "холодной войны", автор монографий "Секретное оружие третьего рейха" (М., 1975), "Факты против мифов" (в соавторстве) (М., 1980), «В поисках "абсолютного" оружия» (М., 1989), "Третий рейх и третий Рим (1939–1941)" (М., 1993) и многих других работ, изданных в России и за рубежом.

РЕПИНА Лорина Петровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра "Историческая мысль и идеология" Института всеобщей истории РАН, автор монографий "Сословие горожан и феодальное государство в Англии XIV века" (М., 1978), "Современная историография Великобритании" (в соавторстве) (М., 1991) и других работ по современной историографии, исторической урбанистике и медиэвистике.

РЖЕШЕВСКИЙ Олег Александрович, доктор исторических наук, профессор, заведующий сектором истории войн XX в. Института всеобщей истории РАН, академик РАН,

вице-президент Международного комитета истории второй мировой войны, автор монографий "Война и история" (М., 1976), "Вторая мировая война: мифы и реальность" (М., 1984), "Европа 1939: была ли неизбежна война?" (М., 1989), "Генералы Сталина" (в соавторстве) (Лондон, 1993), "Союзники в войне 1941–1945 гг." (в соавторстве) (Нью-Брунсвик, 1994) и других работ. Под его редакцией на русском языке изданы труды западных историков и мемуары, в частности: М. Говард "Большая стратегия", Б. Лиддел-Гарт "Вторая мировая война", Д. Эйзенхауэр "Крестовый поход в Европу", У. Ширер "Взлет и падение третьего рейха".

СКВОРЦОВА Елена Сергеевна, кандидат исторических наук, автор ряда публикаций по проблемам преподавания истории.

ЧУБАРЬЯН Александр Оганович, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, заместитель председателя Национального комитета российских историков, директор Института всеобщей истории РАН, специалист по истории Европы, истории международных отношений и внешней политики новейшего времени, автор многих работ по этой тематике, в частности монографий "Брестский мир" (М., 1964), "В.И. Ленин и идея формирования советской внешней политики" (М., 1972), монографии по этой проблеме изданы также в Германии и Англии, "Европейская идея в истории. Проблемы войны и мира" (М., 1987), автор многих статей, ответственный редактор коллективных трудов по истории международных отношений.

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

Редакция журнала "Новая и новейшая история" принимает статьи до 30 стр., исторические очерки до 50 стр., историографические обзоры до 20 стр.; рецензии, письма и заметки – 5–6 стр.; коротко о книгах – 2–3 стр. Материалы принимаются после предварительного согласования тематики с редакцией (во избежание дублирования) и представляются в трех (первом, втором и третьем) экземплярах, отпечатанные с полями на стандартной машинке (текст через два интервала, сноски через два интервала), вставки (после доработки материала), тексты и сноски на иностранных языках также должны быть отпечатаны на машинке. В случае отклонения рукописи автору возвращаются два экземпляра, один оставлен в архиве редакции.

Рукописи, превышающие установленный объем или присланные в редакцию в единственном экземпляре, могут быть возвращены автору без рассмотрения.

Автору посылается копия подготовленного к набору экземпляра рукописи, которую он подписывает в печать. Правка в верстке не допускается.

Технический редактор *Е.Н. Ларкина*

Сдано в набор 29.08.97 Подписано к печати 15.10.97 Формат бумаги 70 × 100¹/₁₆
Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,2 Усл. кр.-отт. 58,6 тыс. Уч.-изд. л. 21,3 Бум. л. 7,0
Тираж 3179 экз. Зак. 2261

Адрес редакции: 117810, Москва, ГСП-1, Мароновский пер., 26. Тел. 238-43-21
Московская типография № 2 РАН, 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

- Диалог со временем. Историки в меняющемся мире. Отв. ред. Л.П. Ре-
пина. М.: ИВИ РАН, 1996.
- Из истории европейского парламентаризма: Испания и Португалия. М.:
ИВИ РАН, 1996, 300 экз.
- История ментальностей, историческая антропология. М.: РГГУ, 1996,
256 с., 1000 экз.
- Межрасовые и межнациональные отношения в Европе и Америке
XIX–XX вв. М., ИВИ РАН, 1996, 299 с., 300 экз.
- Отрешившийся от страха. Памяти А.М. Некрича. М.: ИВИ РАН, 1996,
216 с., 250 экз.
- Право в средневековом мире. М.: ИВИ РАН, 1996, 270 с.
- Проблемы экуменизма и миссионерской практики. Отв. ред. Г.С. Оста-
пенко. М.: ИВИ РАН, 1996, 11, 5 п.л., 200 экз.
- Размышления о Канаде. Историко-культурологический альманах. М.:
ИВИ РАН, 1996, 249 с., 200 экз.
- Россия и Европа. Дипломатия и культура. Отв. ред. А.С. Намазова. М.:
изд-во "Наука", 1995, 14 п.л.
- Россия и Италия. М.: ИВИ РАН, 1996, 320 с., 500 экз.
- Россия и Швейцария. М.: ИВИ РАН, 1995, 156 с., 300 экз.
- Русская эмиграция в Европе (20–30-е годы XX века). М.: ИВИ РАН,
1996, 268 с., 300 экз.
- Современные методы преподавания истории в школе. Материалы
семинаров. М.: ИВИ РАН, 1996, 347 с.
- Феодалы в городе: Запад и Русь. М.: ИВИ РАН, 1996, 114 с.
- Частная жизнь. М.: РГГУ, 1996.
- Четвертая всероссийская нумизматическая конференция. Отв. ред.
А.С. Беляков. М.: ИВИ РАН, 1996, 300 экз.
- Элита и этнос средневековья. Под ред. А.А. Сванидзе. М.: ИВИ РАН,
1995, 276 с., 300 экз.
- XX век. Многообразие, противоречивость, целостность. Отв. ред.
А.О. Чубарьян. М.: изд-во "Наука", 1996, 271 с., 1000 экз.

ПРОДОЛЖАЮЩИЕСЯ ИЗДАНИЯ, СЕРИИ:

- Американский ежегодник. 1995. Отв. ред. Н.Н. Болховитинов. М.: изд-во
"Наука", 1996, 224 с., 500 экз.
- Вестник древней истории.
- Византийский временник.
- Одиссей. 1996. М.: 1996.
- Средние века.

УЧЕНЫЕ ПОСОБИЯ:

- Слайд-альбом "История Европы. XIX век". Авторы-составители
А.И. Саплин, Е.С. Токарева. (Серия "История мировых цивилизаций").
М.: изд-во "Центр Планетариум", 1996, 12, 5 п.л., 250 экз.

ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

Проблемы теоретического плюрализма

Дискуссии и обсуждения.

Историческая Россия и СССР в мировой политике XX в.

Взаимоотношения Сталина и Мао Цзэдуна глазами очевидца

Визит В.М. Молотова в Лондон в мае 1942 г.

Новые архивные документы

Ученые – узники ГУЛАГа

Русская православная зарубежная церковь в 20–30-е годы

Россия и Канада: становление отношений. 1900–1922 гг.

СССР и Англия: от сотрудничества к конфронтации. 1942–1944 гг.

Публикация документов

Дипломатическая история советско-китайских отношений

1925–1929 гг. Из архива МИД России

Армянский просветитель Иосиф Эмин

Портрет историка: М.М. Ковалевский

